НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ имени А.Е. КРЫМСКОГО

О.Б. БУБЕНОК

АДЫГИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ПРОЕКТ «НАУКОВА КНИГА»

КИЕВ • НАУКОВА ДУМКА • 2019

УДК 94(4):94(5)

Работа посвящена вопросам миграций адыгов на украинские земли во времена античности и средневековья. Настоящее издание является первым монографическим исследованием, где рассматриваются эти малоизученные страницы из прошлого народов юга Восточной Европы и Северного Кавказа.

Для историков, этнологов, фольклористов, археологов, лингвистов и широкого круга читателей.

Роботу присвячено питанням міграцій адигів на українські землі в часи античності та середньовіччя. Дане видання є першим монографічним дослідженням, де розглядаються ці маловивчені сторінки з минулого народів півдня Східної Європи та Північного Кавказу.

Для істориків, етнологів, фольклористів, археологів, лінгвістів та широкого кола читачів.

Work is dedicated to the issue of migrations of the Adygho-phone population from the Northern Caucasus to the Ukrainian lands during the Ancient and Medieval times. This book is the first monographic research, where these little-studied pages from the past of the peoples of the South of Eastern Europe and the Northern Caucasus are considered.

It is intended for historians, ethnologists, folklorists, archaeologists, linguists and a wide range of readers.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б.Х. Бгажноков* (г. Нальчик)

Рецензенты:
доктор исторических наук *А.Б. Головко* (г. Киев)
доктор исторических наук *Б.В. Черкас* (г. Киев)
кандидат исторических наук, доцент *В.А. Фоменко* (г. Нальчик)

Рекомендовано к печати учёным советом
Института востоковедения имени А.Е. Крымского НАН Украины
(протокол № 4 от 29 июня 2017 г.)

Видання здійснено за кошти Цільової комплексної програми «Створення та розвиток науково-видавничого комплексу НАН України»

Научно-издательский отдел литературы
по экономике, истории, философии и праву

Редактор *Я.В. Богданёк*

© О.Б. Бубенок, 2019
© НВП «Видавництво "Наукова думка" НАН України», дизайн, 2019

ISBN 978-966-00-1702-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Интерес к богатой истории черкесов, к их яркому и самобытному образу жизни поддерживался длительное время известиями восточных и европейских хронистов, путешественников, учёных. В XVIII—XX вв. он сохранялся благодаря плеяде блестящих российских и советских исследователей. В немалой степени способствовали этому и сочинения адыгских писателей, просветителей, учёных.

В последние десятилетия объём исследований по истории и этнографии черкесов уменьшился, заметно снизилось их качество. Поэтому так важен и актуален сейчас весьма содержательный, многоплановый научный труд О.Б. Бубенка, в котором уже в первой главе ставится вопрос о древнем кавказском, прежде всего адыгском, субстрате в Северном Причерноморье. Под этим углом зрения рассматриваются здесь однотипные формы древних и средневековых поселений и погребений на Северном Кавказе и Украине, черкесские производящие основы в названиях рек левого берега среднего течения Днепра (*Псёл*, *Псинка*, *Псоля* и др.), антропонимические суффиксы *-ко-*, *-енко* и многие другие факты. По мнению автора, они свидетельствуют о вероятности обитания значительных масс адыгского населения в Северном Причерноморье ещё в «доисторические», «доиндоевропейские» времена. Позволяя по-новому взглянуть на масштабы распространения и степень влияния майкопской и шире — майкопско-анатолийской культуры, эти выводы, дополняют и подкрепляют заключения на этот счёт, сделанные ранее языковедами, этнографами, археологами: Н.Я. Марром, Н.В. Анфимовым, Л.И. Лавровым, В.И. Иличём-Свитычем, В.Вс. Ивановым, В.П. Кобычевым, Ю.И. Крупновым, В.И. Марковиным, А.Л. Нечитайло, В.А. Фоменко, А.Д. Резепкиным, С.Х. Хотко и др.

Но О.Б. Бубенок идёт в некотором отношении дальше своих предшественников, допуская, что «в далёком прошлом существовало этническое и языковое единство населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, нарушенное приходом первых индоевропейцев».

На мой взгляд, подходы О.Б. Бубенка к вопросам древней истории адыгов и материалы, используемые для ответа на эти вопросы, убеждают лишний раз в том, что в течение длительного времени Юго-Восточная Европа и Северный Кавказ оставались полем интенсивного культурного взаимодействия и обмена Запада и Востока. Вероятно, именно здесь сложились богатые традиции первичного производства и жизнеобеспечения, культурной и социальной самоорганизации, которые позже, в III—II тыс. до н. э., были перенесены на Восток, легли на благодатную почву Передней Азии, Индии, других областей Евразии. В частности, на Северном и Западном Кавказе, в прилегающих к ним областях Дона и Северного Причерноморья получила наибольшее развитие сложная и разветвлённая всадническая культура, сформировалось сословие профессиональных воинов-наездников — *уорков* (древнеисландское *warg*), закрепивших благодаря такому названию своё особое и высокое место в иерархии адыгского общества.

Можно вспомнить в этой связи и о сотнях индоевропеизмов в черкесском языке, о множестве культурно значимых санскрито-адыгских параллелей[1]. Учитывая, что по своему строю абхазо-адыгские языки весьма далеки от индоевропейских, такие совпадения можно объяснить только длительными и тесными контактами носителей этих языков.

II

Известно, что в I тыс. до н. э. ситуация в Северном Причерноморье и в прилегающих к нему областях Кавказа резко изменилась из-за притязаний на господство в этом регионе киммерийцев, скифов, правителей Персии, Греции, Рима, Византии. Борьба за обладание евро-азиатским пограничьем в районе Северного Причерноморья и Кавказа достигла апогея в эпоху нашествия готов, гуннов и Великого переселения народов, что наложило отпечаток на историю и культуру местных народов. Об этом свидетельствуют разнообразные новые материалы, которые выявлены и подробно рассматриваются

в монографии. Автор обращает внимание на распространившиеся в Северном Причерноморье и на Кавказе новые формы погребального обряда, на отложившиеся в языке и фольклоре черкесов данные о контактах с антами, готами, аланами, аварами, гуннами. Большое внимание уделяется первым письменным упоминаниям этнонима «касог», влиянию христианства на местное адыгское население.

Отмечается, что фольклорные сюжеты об антах и готах попали в среду адыгских и других кавказских племён под влиянием преданий самих готов о гото-гуннской войне на землях антов. Распространившись в Черкесии, они стали здесь частью местного фольклора. Такое разъяснение известных сюжетов в «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова представляется мне вполне возможным. Необходимо принять во внимание и сомнения, которые высказывает О.Б. Бубенок в связи с отождествлением сугдов и Сугдеи с адыгами. По-видимому, область Сугдея (Судак) в Крыму существовала в период античности и в раннем средневековье независимо и отдельно от Касогдианы. Но Касогдиана сама по себе, вне всякого сомнения, имеет прямое отношение к адыгам и к стране адыгов.

Следует отметить, что здесь, также как и в следующей главе (третьей), ставятся важные для истории адыгов вопросы их взаимодействия сначала с готами, гуннами, западными тюрками, затем с хазарами. В III—IV вв. готы и гунны оттеснили адыгские племена зихов и сагинов от Северного Причерноморья и от берегов Азовского моря на юг и на юго-восток. В то же время здесь постепенно сформировались этноконтактные зоны со смешанным населением, с культурой, совмещающей традиционные черты и новые, привнесённые завоевателями. Эти выводы согласуются с данными нарративных источников и археологических раскопок. С учётом результатов исследования Борисовского могильника в районе Геленджика, предпринятого в 1914 г. В.В. Саханёвым, О.Б. Бубенок устанавливает северную границу территории оставшейся за зихами после нашествия готов и гуннов. В 128 могилах двух ранних групп захоронений, датированных VI—VII вв. на основе нумизматического материала, помимо зихских захоронений по обряду ингумации в каменных ящиках и в грунтовых ямах, обнаружено семь кремаций, в том числе 6 в каменных ящиках, принадлежащих, как считал В.В. Саханёв, готам.

Существенно дополняют эту картину использованные О.Б. Бубенком материалы А.В. Дмитриева о раскопках раннесредневеко-

вого могильника Дюрсо в 50—60 км к северо-западу от Геленджика. Наряду с более ранними трупоположениями в грунтовых ямах здесь было обнаружено 173 трупосожжения VIII—IX вв. Вслед за А.В. Дмитриевым, А.В. Пьянковым и другими исследователями О.Б. Бубенок считает, что они принадлежали касогам. И в этой связи указывает на то, что по данным ал-Мас'уди (середина X в.), касоги или кашаки были огнепоклонниками. Действительно, в этом районе обитали в это время саниги или жанеевцы, а также хейгаки — одно из четырёх касских, касожских племён. Касожскими, вслед за Г.Е. Афанасьевым, следует признать аналогичные захоронения в могильнике Сухая Гомольша в бассейне Северского Донца.

Однако ничем, в сущности, не подкреплённые предположения о тюркском происхождении обряда трупосожжения на Западном Кавказе едва ли могут быть приняты всерьёз. Наиболее вероятными остаются версии готского и абазгского влияния на погребальный обряд касогов. Они высказывались в своё время В.Б. Саханёвым, Е.П. Алексеевой и др. Но при этом, на мой взгляд, не учтена здесь наиболее вероятная возможность распространения обряда трупоссожения под влиянием санигов (жанеевцев). Судя по данным Певтингеровой карты[2], в III—V вв. н. э. саниги (Sannigae) переселились с южного склона Кавказского хребта на северный склон, в районы Прикубанья, окрестностей Джубги и Геленджика. По всей вероятности именно этот зихский в своей основе народ в большей степени, чем другие адыгские племена, повлиял на культуру и на быт касов (касогов) и привнёс трупосожжение в их погребальный обряд.

Вместе с тем нельзя исключать влияние готов. Заметим в этой связи, что о тесном культурном взаимодействии готов и касов или кавкасов (Caucasi) Певтингеровой карты[3] свидетельствуют, помимо погребального обряда, многочисленные данные фольклора и языка, в том числе обилие адыгских родовых фамилий с основой «гот»: *Гъут*, *Гъутэкъу*, *Гъот*, *Хъот*, *Хъут*, *Кугъуэть*, *ГъутIэ* и др. Возможно, с готами связано и распространенное в украинской среде выделение культурно-языковой группы под названием *кугуты*.

При этом отдельно следует рассматривать вопрос о том, в какой мере касские племена, населявшие в раннем средневековье

значительную часть Северного Кавказа, испытали на себе влияние традиций зороастризма. Отмечу только, что у абхазов и у адыгов, особенно у кабардинцев (хебуров, кабаров раннего средневековья) и в настоящее время сохраняется необычайно сложная и разветвлённая система обычаев и ритуалов поклонения и жертвоприношения огню.

III

В последующих главах книги (четвёртой — шестой) поднимаются вопросы, связанные с обитанием касожских племен на Нижнем Дону, с миграциями отдельных групп адыгского населения в Поднепровье. Отмечается, что эти переселения документально подтверждаются на протяжении X—XVI вв. Приводятся разнообразные и очень ценные сведения о том, когда и при каких обстоятельствах происходили эти события, какое место занимали адыгские общины на землях Южной Руси и Украины. Подробно анализируется след, который оставили черкесы в топонимике различных областей края, их влияние на быт и культуру украинского народа. Привлечены и рассматриваются под этим углом зрения древнерусские летописи, хроники монголо-татарского нашествия и владычества, периода Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, похода в 1426 г. князя Витовта против Золотой Орды, ярлыки крымских ханов, многочисленные топонимы, гидронимы, антропонимы с основой ***касог***, ***черкес***, ***Пятигорье***. На обширном пространстве Южной Руси и Украины, как выясняется, сформировалось огромное число памятных мест пребывания здесь черкесов, связанных с этим разнообразных названий — от названий рек до названий городов и деревень.

Материалы, используемые О.Б. Бубенком, свидетельствуют о том, что миграции адыгов на земли славян в X—XII вв. тесно связаны с деятельностью древнерусских князей: Святослава, Мстислава, Ярослава, Святослава Ярославича, Владимира Мономаха. Определённое участие в этих процессах приняли золотоордынцы, литовцы, поляки, что также показано в работе. Выясняется, что переселение адыгов в район Курска в 1282 г. и затем Поднепровья происходило по инициативе баскака Курского княжения. Рассматривается также вопрос о возможности разраста-

ния адыгских общин Поднепровья в начале XV в. после успешного похода Витовта на Золотую Орду.

Большое место уделяется в этой связи истории основания и функционирования Тмутараканского княжества на Тамани и г. Черкассы на правом берегу Днепра. Отмечается, что в этническом разнообразии и социально-политическом устройстве Тмутараканского княжества главенствующее место занимали черкесы и славяне; что под влиянием адыгской общины в г. Черкассы длительное время соседние народы называли «черкасами» всех украинцев (по аналогии с терминами «москаль», «московиты» для русских), при этом отличая их от кавказских черкас.

Необычайно интересны и важны для истории русско-адыгских, украино-адыгских отношений материалы о контактах украинского аристократа князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого с жанеевскими князьями — Сибоком и его сыновьями. По новому, с привлечением новых данных, освещается участие адыгов (с обеих сторон) в Ливонской войне, роль черкесского князя и русского воеводы Каспулата Муцаловича в защите украинских земель от крымско-турецких войск, история черкесских полков в составе регулярной польской армии.

IV

Завершает книгу седьмая глава, посвящённая историческим параллелям в традиционной духовной и материальной культуре Украины и Северо-Западного Кавказа. Отмечается, что фольклор Руси, особенно его былинный цикл, обнаруживает много общего с героическим эпосом Северного Кавказа. Поддерживается гипотеза, согласно которой истоки церковного искусства Древней Руси следует искать не только в Константинополе, но и на Северо-Западном Кавказе. Обращено, кроме того, большое внимание на общие или сходные черкесско-украинские формы хозяйствования и жизнеобеспечения, а именно: в жилище, одежде, пище, орудиях труда, в мужской прическе и т. д. Подчёркивается, что они сложились в ходе длительного культурного взаимодействия южных славян и черкесов в Северном Причерноморье и Крыму, в том числе и как результат множества микромиграций адыгского населения на земли Южной Руси и Украины в период средневековья.

V

Все замечания и пожелания, которые хотелось бы сделать по содержанию монографии, сводятся, главным образом, к тому, чтобы расширить, дополнить, уточнить, лучше аргументировать основные положения исследования.

1. В первой главе книги, где речь идёт об адыгском субстрате в Северном Причерноморье, наряду с украино-черкесскими языковыми параллелями уместно было бы привести также примеры индоевропейско-адыгских параллелей. В большом количестве можно найти эти примеры в книгах Г.Б. Джаукяна и С.А. Старостина[4].

2. Что касается элемента *кас* в этнониме «касог». Отношения к тюркским языкам это слово едва ли имеет. Корень *кас* в этнических и других терминах Кавказа, Передней и Центральной Азии восходит к индийскому *kas* — «сверкать, сиять»[5]. На Кавказе он связан прочно с каспами и древнеадыгскими племенами касов, касков. Н.Я. Марр, как известно, считал, что имена, содержащие этнотопоним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским.

В целом это может свидетельствовать о существовании на Кавказе этнонимов и топонимов с основой *кас* задолго до появления здесь тюркских кочевых племён, а также о некогда широком, по мнению Н.Я. Марра, расселении в этом пространстве племени или племён под таким названием[6]. Об этом писал также И.И. Мещанинов. Поддерживая и продолжая начатые Н.Я. Марром исследования в данной области, он назвал касов племенем, «давшим своё имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»[7]. В таком же духе высказывались Б. Грозный, Г.А. Меликишвили, Г.А. Алиев и другие известные и весьма авторитетные специалисты по древней истории Евразии.

3. Вызывает сомнение поддержанная О.Б. Бубенком тюркская этимология термина *касог*. Нет даже необходимости доказывать, что это аланское название северокавказских касов или адыгов с «мужским» антропонимическим суффиксом *аг*. Поэтому осетины и в настоящее время называют кабардинцев *касаг*. Или *кашкон* — с «женским» антропонимическим суффиксом *он*[8]. В древнерусской среде этот этноним закрепился в форме *касог/косог*, у ал-Мас'уди фигурирует как *кашак*, у Константина Багрянородного — *касах*, у грузин — *казгон*, у армян — *гашк* и т. д.

4. По тем же причинам сомнительна этимология термина *черкес*. Тюркским является только внешний фонетический облик этого этнонима, приспособленный к особенностям кипчакского языка.

5. Переиздавая книгу, полезно было бы дополнить её сюжетом о кабарах, восставших против хазарского кагана и присоединившихся к венграм. В этом случае возникало бы меньше сомнений в том, что в период средневековья большие массы адыгского населения обитали не только в горах и предгорьях Кавказа, но и в низовьях Дона, на левом и на правом берегу реки. Поэтому на многих европейских картах позднего средневековья Кабарда (Cabarda) расположена в низовьях Дона на его левом берегу, а на правом берегу на месте или вблизи современного г. Таганрога на протяжении XIV—XVI вв. постоянно фигурирует город (или местность) Кабарди (Cabardi)[9]. Кстати, значительная часть этих свидетельств содержится в сборнике «Материалов по истории русской картографии», изданной В.А. Кордтом в Киеве в 1899 и 1910 гг.[10] и в выдержках из этих публикаций, изданных в 2009 г. в Нальчике издательством Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

О длительном проживании черкесов на Дону не зря писали М.И. Артамонов и многие другие авторы. На это указывает и О.Б. Бубенок, но, кажется, с некоторой долей необоснованного сомнения.

6. Не вполне соответствует действительности утверждение об отсутствии договора, закрепляющего военно-политический союз Московского государства и Кабарды. Договор между Иваном IV и Темрюком Идаровым, заключённый в 1557 г., был утрачен. Но уже в 1588 г. содержание кабардино-русских договоренностей было документально подтверждено и оформлено в Шертной записи на верность кабардинской земли Русскому государству и в Жалованной грамоте царя Фёдора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идаровичу[11]. В основе этих документов лежит обязательство царя Фёдора Ивановича взять Кабарду под свою руку и оборонять «ото … всяких недругов» и соответственно обязательство Камбулата Идаровича, младшего брата покойного Темрюка Идаровича, оказывать русскому царю военную помощь в борьбе с его внешними и внутренними врагами:

«А хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси друг, тот и нам будет друг, а хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси недруг, тот и нам будет недруг, и на того нам со государевыми воеводами, с астраханскими и с терскими воеводами с ратными людьми ходити и приводити во государеву волю…

Также которые недруги, Турского рать и Крымской или иные которые недруги, пойдут ко государеве вотчине к Астрахани или к Терскому городу, и нам, будучи в Терском городе со государевыми воеводами, за город стояти и битись с ними до смерти и государевых воевод не выдати, и хитрости и обману над государевыми воеводами и над ратными людьми, и над городом хитрости никоторые не учинити. Также, коли государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит нам идти на которого своего недруга, на Литовского или в Немцы, и нам, и нашим братьям, и детям идти на государеву службу, кольким коли государь велит идти на свою государеву службу»[12].

Одним словом, это был договор, известный со времён Древней Греции и Рима как симмахия. Но с самого начала в нём были заложены элементы асимметрии, которые, постепенно нарастая, привели к ослаблению Кабарды и окончательной утрате в начале XVIII в. её восточных земель, а в начале XIX в. — к завоеванию и покорению всей Кабарды[13].

7. Сюжет о тесных контактах Вишневецкого с жанинским князем Сибоком и их переориентации с Москвы на Польшу в 1561—1562 гг. желательно дополнить неудачным сватовством Ивана Грозного (через Б.И. Сукина) к дочери князя Сибока в 1561 г.[14]

Этот факт позволяет лучше представить драматизм разрыва княжества Жане с Русью на фоне усилившегося давления Турции и Крыма на западную Черкесию. Жаннетия, ещё в XVI—XVII вв. не уступавшая по силе и могуществу Кабарде, была разорена и окончательно уничтожена к концу XVIII в. Таким стал печальный конец народа, история которого восходит к древним санигам.

8. Возможны, кроме всего сказанного, дополнения, касающиеся целого ряда других малоизвестных топонимических названий Юго-Восточной Европы, исторически связанных с черкесами: город Фатеж в Курской области, город Росаш в Воронежской области, река Абазинка на границе Украины с Молдавией и др.

* * *

Эти и некоторые другие пожелания и замечания не мешают признать, что в новой работе О.Б. Бубенка объективно и ярко представлены малоизвестные, но очень важные события и факты древней и средневековой истории Северного Причерноморья, дли-

тельного культурного взаимодействия народов Кавказа с народами Восточной Европы. В конечном итоге, богатый и разнообразный материал книги складывается в целостную картину многовекового культурного взаимодействия и содружества русского, украинского и черкесского народов. Уникальность выполненной работы и в её высокой эвристической значимости. Каждый сюжет книги задаёт ориентиры дальнейшего поиска, открывает перспективы новых исследований по древней и средневековой истории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

Заведующий отделом древней истории и археологии
Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук
доктор исторических наук *Б.Х. Бгажноков*

ВВЕДЕНИЕ

Представленная вниманию читателей книга посвящена вопросам миграций адыгов на украинские земли до XVIII в., т. е. до так называемого нового времени. Заняться проблемой меня заставил интерес к данной теме со стороны моих коллег-кавказоведов. Вначале по этой теме мне удалось опубликовать отдельные статьи как в Украине, так и за её пределами. В итоге всё это стало основой для монографии «Адыги в Северном Причерноморье», которая, как оказалось, является первым и пока единственным историческим монографическим исследованием по указанной тематике. Следует сразу отметить, что в этом исследовании практически не затрагиваются вопросы, связанные с миграциями адыгов в Крым. Предварительный анализ показал, что и эта тема обширна и также заслуживает отдельного монографического исследования. Поэтому было решено остановиться на вопросах, связанных с переселениями кавказского населения на земли материковой Украины, в первую очередь в зону степи и прилегающей к ней лесостепи.

Занимаясь проблемой адыго-украинских контактов, автор книги столкнулся с неоднозначной оценкой перспективности данного направления исследований со стороны коллег — историков и этнологов. С одной стороны, чувствовалась заинтересованность ряда коллег в успешном завершении исследования. При этом они часто давали ценные рекомендации и предоставляли необходимые материалы. С другой стороны, вызывали удивление полное равнодушие и скептицизм некоторых коллег, которые вообще не верили в возможность переселений адыгов на территорию Украины в прошлом. При этом они выдвигали некоторые положения, которые, по их мнению, могут являться существенными аргументами.

Так, скептики склонны утверждать, что в прошлом адыги не могли оказать какое-либо существенное влияние на развитие населения

Украины, потому что являются малочисленной этнической группой. При этом они ссылаются на современные данные об адыгах.

Так, на сегодня адыги проживают на территории РФ в следующих автономиях: Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика и Кабардино-Балкарская Республика. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Российской Федерации проживало 122,9 тысяч адыгейцев, черкесов — 50,8 тысяч человек, кабардинцев — 386 тысяч человек. Согласно Всероссийской переписи 2002 г., общая численность адыгов в РФ составляла 713 тысяч человек[1]. По результатам Всероссийской переписи 2010 г., адыгейцев на территории РФ проживало 124 835 человек, кабардинцев — 516 826, черкесов — 73 184, шапсугов — 3882 человека. Всего адыгов в РФ было зафиксировано 718 727 человек. К этому следует добавить, что ещё в советское время ведущими этнологами СССР отстаивался тезис о том, что решающим фактором существования этноса является этническое самосознание, проявляющееся в наличии общего самоназвания[2]. И этот важный признак отмечаем у кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов, которые все называют себя общим термином — «адыге». Таким образом, мы видим, что адыги и сегодня представляют собой довольно многочисленный народ Кавказа.

В то же время стоит напомнить, что до середины XIX в. адыги-черкесы представляли собой ещё более крупный по численности кавказский этнос. Причиной исчезновения крупного массива черкесов из кавказского региона стала так называемая Кавказская война.

Как оказывается, на сегодня мало кто знает, когда и как началось это вооружённое противостояние. Напомним, что по договору, заключённому между Россией и Турцией в 1739 г., Кабарда считалась нейтральной. Но в 1763 г. в Моздоке русскими была заложена крепость[3]. По мнению черкесского историка-эмигранта Р. Трахо, это событие следует рассматривать «как начало столетней русско-черкесской войны, кончившейся весной 1864 г.»[4].

Окончание же этой войны советские историки представляли довольно просто. По их словам, в период окончания Кавказской войны в конце 50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе среди мусульман усилили агитацию сторонники сближения с Османской империей, которые призывали население отказаться от подданства России и переселиться в Турцию. Такое переселение мусульман с Кавказа отвечало интересам как Турции, так и России. Турецкие влас-

ти надеялись в дальнейшем использовать переселившихся горцев для борьбы как против России, так и против балканских народов. Царское правительство было заинтересовано в уходе в Турцию части непокорных подданных. Переселение началось в 1859 г. и закончилось в 1865 г., охватив многие народы Северного Кавказа, в первую очередь черкесов[5].

Однако необходимо отдать должное советским историкам, которые, несмотря на давление сверху, стремились при помощи статистики показать всю трагичность Кавказской войны для кабардинцев. Они установили, что к концу XVIII в. количество кабардинцев увеличилась до 165—200 тысяч человек. По подсчётам советских историков, в начале XIX в. в результате военных действий от некогда многочисленного кабардинского народа к 30—40-м гг. XIX в. осталось всего около 40 тысяч человек. По их данным, на Северном Кавказе в 1867 г. кабардинцев насчитывалось всего до 44 тысяч человек (7384 двора)[6].

Не менее трагичной оказалась и судьба западных адыгов. Вместе с тем в освещении событий Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе в трудах советских историков оставалось много белых пятен. Такую же тенденцию мы наблюдаем в работах уже современных российских историков. Это касается также обстоятельств и последствий депортации черкесов на территорию Османской империи. Однако Р. Трахо уделил этому вопросу немало внимания. Так, относительно судьбы западных адыгов он отметил: «В 1859—1860 гг. выселена большая часть абазинцев, живших между Кубанью и Урупом. В 1861 г. все бесленеевцы и некоторые другие должны были за ними последовать. К концу 1863 года главная масса абзахов присоединилась к числу вынужденных эмигрантов»[7]. Число выселившихся в Турцию черкесов, по данным того времени, превышало 1,5 миллиона человек. При этом, как отмечает Р. Трахо, земли черкесов в Северо-Восточном Причерноморье опустели и очень быстро были заселены казаками. В результате те осколки черкесов, которые остались на родине, представляли собой лишь небольшие разрозненные группы некогда большого народа[8].

Поэтому хочется спросить у скептиков: были ли в прошлом адыги малочисленным народом? Это отрицание существования в прошлом значительного адыгского фактора на юге Восточной Европы не поддается логическому объяснению. В лучшем случае это можно списать на незнание истории Северного Кавказа. Скажем

так, российская имперская, а затем советская историография сделали всё возможное, чтобы потомки забыли о Кавказской войне и её последствиях. Как это ни парадоксально, о Кавказской войне мы что-то знали не из трудов историков, а из произведений классиков русской литературы.

Отметим ещё одно удивительное явление: некоторые историки признают факт нахождения в прошлом на территории Украины выходцев из Центральной Азии, но при этом категорически отрицают возможность переселений адыгов с близлежащего Северного Кавказа. Объяснить это можно не только отсутствием логического мышления, но и умышленным замалчиванием фактов. К сожалению, в нашем современном обществе ещё очень сильны традиции панславизма. Не остались в стороне от этого и некоторые учёные-гуманитарии, особенно историки.

Следующий «аргумент», к которому прибегают противники теории об адыгских миграциях на территорию Украины, связан с высказываниями некоторых романтически настроенных авторов уже о якобы «массовых переселениях» черкесов на земли Украины несколько столетий назад. Отметим, что подходы к осмыслению истории всегда были представлены как научным, так и романтическим направлениями. При этом представители романтического направления зачастую не знали границ в своих фантазиях. Свидетельством этого могут служить отдельные высказывания, которые сейчас мы встречаем в сети Интернет.

Так, в Интернете получило распространение следующее утверждение: «Такая распространённая украинская фамилия, как Шевченко, имеет адыгское происхождение, появилась эта фамилия как раз в то время, когда в днепровской Черкасии появились племена Касогов и Черкес (отсюда и г. Черкассы). Она восходит к слову “шэуджэн”, которым адыги обозначали своих христианских священников. Под натиском ислама шеуджены эмигрировали с частью черкес на Украину. Их потомки естественно назывались “шэвджэнко”, “шевченко”, известно, что по адыгски “ко” означает — потомок, сын. Другая весьма распространённая фамилия Шевчук восходит к адыгской фамилии Шевцук». Остаётся только спросить у авторов этого текста: а смотрели ли они украинскую (славянскую) этимологию указанных фамилий? Неужели можно делать далекоидущие выводы на основе лишь созвучия слов?

Можно встретить в Интернете и такое утверждение: «...В украинский язык вошли такие адыгские слова, как нан (мать) — "нэньку"; тат (отец) — "тату"; хатэ (усадьба) — "хата"». Автору этого текста можно было бы предложить поискать слова ***нан***, ***тат*** и т. п. в других языках народов мира, значительно удалённых от Кавказа. Нет сомнений в том, что подобные слова будут обнаружены там. Не стоит забывать, что такие термины являются универсальными и имеют отношение к первым словам, которые способен произнести ребёнок. Что же касается термина ***хата***, то лингвистами уже давно доказано его древнеиранское происхождение, на чём в своё время акцентировал внимание автор этой монографии[9]. И подобных скоропалительных выводов можно встретить в сети Интернет немало.

Как видим, на современном этапе, пользуясь возможностями Всемирной сети, некоторые любители-историки начали распространять идеи о якобы «очень существенном вкладе» черкасов-адыгов в развитие предков украинцев во времена развитого и позднего средневековья. Как уже было отмечено, они находят якобы «адыгские» слова в лексике украинского языка, хотя во многих случаях уже давно доказано некавказское их происхождение. Кроме того, эти авторы считают, что многие политические деятели Украины имели адыгское (кавказское) происхождение, например гетман Иван Мазепа (хотя это требует надёжных доказательств). Короче говоря, по их логике, где встречается название ***Черкассы*** — это есть часть «Великой Адыгеи». Конечно, такой подход вызывает справедливое возмущение у серьёзных учёных и не даёт возможности без предубеждений подойти к решению действительно интересной научной проблемы.

Уже сам факт, что проблемой миграций адыгов на украинские земли интересовались многие учёные, среди которых были и очень известные, позволяет с большим вниманием отнестись к этому направлению научных поисков. Так, вопросами миграций адыгов на украинские земли заинтересовался ещё В.Н. Татищев в начале XVIII в. Автор «Истории Российской» считал, что после Восточного похода киевский князь Святослав в 965 г. многих касогов «привел в Киев на поселение»[10]. Кроме того, В.Н. Татищев попытался связать происхождение «черкасов Малой Руси» с черкесами Северного Кавказа. Он первым предложил гипотезу о том, что город Черкассы в Поднепровье был основан именно кавказскими черкесами[11]. Как известно, В.Н. Татищев строил свои высказывания в основном на

данных древнерусских летописей, некоторые из которых не сохранились до наших дней. Поэтому его информация заслуживает особого внимания.

Необходимо отметить, что последняя гипотеза В.Н. Татищева получила развитие в трудах И.Н. Болтина[12], И. Г. Георги[13], Д.Н. Бантыш-Каменского[14], А.Ф. Шафонского[15], А.И. Ригельмана[16] и других российских историков XVIII — первой половины XIX вв. Такая распространённость сюжета об основании украинского города Черкассы северокавказскими адыгами вызывает особый интерес и требует объяснения.

Однако спустя несколько десятилетий исследователи стали интересоваться и другими аспектами украинско-адыгских связей. Так, в самом начале XX в. лингвист Л.Г. Лопатинский связывал украинский суффикс ***-ко***, присутствующий во многих украинских фамилиях, с аналогичным черкесским суффиксом, который сохранил также своё самостоятельное значение — «сын». Появление этого суффикса в украинских фамилиях Л.Г. Лопатинский связывал с переселением с Северного Кавказа «пятигорских черкас» на территорию Центральной Украины в XIV в.[17] Весьма характерно, что гипотеза Л.Г. Лопатинского во многом перекликается с упомянутыми предположениями российских историков предшествовавшего периода о переселениях адыгов-«черкасов» в Среднее Поднепровье. Однако появление и распространение фамилий такого типа могло быть возможным лишь при наличии значительной миграции адыгов в украинское Поднепровье.

Совершенно иной подход к решению этих вопросов продемонстрировал несколько десятилетий спустя советский академик Н.Я. Марр, создавший «яфетическую теорию»[18]. Он стремился доказать, что в Восточной Европе «яфетические», т. е. кавказские, языки предшествовали появлению индоевропейских и алтайских, а потом «трансформировались» в них в результате «качественного скачка»[19]. Иными словами, появление на территории Украины языковых реликтов кавказского типа следует рассматривать как проявление очень «древнего кавказского субстрата». Как известно, учение Н.Я. Марра было развенчано самим И.В. Сталиным в 1950 г. Однако некоторые идеи Н.Я. Марра заслуживают внимания.

По понятным причинам исследования о связях населения Северного Причерноморья и Кавказа несколько десятилетий не развивались в СССР. Поэтому данное направление исследований было

возобновлено украинским филологом-эмигрантом В.К. Чапленко. Он также считал, что «адыгейские языки» были для славянских и балтских языков «субстратными языками». Доказательство этого он видел, прежде всего, как в лексике украинского языка, так и в гидронимах на территории Украины. Весьма характерно, что исследователь находил эти связи не только для периода античности, но и для более позднего времени[20]. Однако такое обилие обнаруженных заимствований из адыгских языков в современном украинском, какое пытался доказать В.К. Чапленко, несколько настораживает, потому что заставляет думать о постоянных массовых миграциях населения с Северо-Западного Кавказа в Северное Причерноморье в течение длительного промежутка времени. Но это ещё не доказано.

Практически в одно и то же время, в 60-е гг. XX в., появились публикации на данную тему и в СССР. Их автором стал этнограф Л.И. Лавров, который не сомневался в том, что уже с I тыс. до н. э. и буквально до нового времени существовали тесные связи между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Доказательство этого он видел как в гидронимах и топонимах, так и в традиционной культуре украинцев и адыгов. Это нашло подробное отражение в одной его статье, опубликованной в Украине[21].

В 60-е гг. XX в. украинско-адыгскими связями интересовались и исследователи Северного Кавказа. Особое внимание они уделяли обстоятельствам возникновения города Черкассы в украинском Поднепровье. Так, кабардинские исследователи — лингвист Дж.Н. Коков и историк Н.Л. Шафиев считали, что город Черкассы на Днепре был основан переселившимися сюда с Кавказа адыгами-черкесами[22]. Они склонны были поддержать гипотезу российских историков XVIII — первой половины XIX вв. Хотя новых доказательств этого они так и не представили.

В 70-е гг. XX в. известный советский этнограф-кавказовед В.П. Кобычев также отмечал, что народы Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья имели общие элементы в материальной и духовной культуре. Кроме того, он зафиксировал некоторые гидронимы адыгского происхождения на территории Украины. Учёный склонен был объяснить это примесью «кавказского субстрата» среди славян-антов, что, по его мнению, должно было иметь место в эпоху Великого переселения народов. Освещению этих вопросов было уделено немало внимания в его книге «В поисках прародины славян»[23].

В 80-е гг. XX в. украинский этнограф В.Ф. Горленко снова поднял вопросы, связанные с переселением в Среднее Поднепровье адыгов-черкасов. Он считал, что их могли переселить с Северного Кавказа ещё правители Золотой Орды в конце XIII — начале XIV вв. Они-то и могли, по его мнению, основать поселение Черкассы. Напомним, что эти идеи были очень популярны среди историков Российской империи в XVIII—XIX вв. Это послужило основанием для написания В.Ф. Горленко большой статьи историографического характера «Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в.». Исследователь считал, что данная гипотеза вполне правдоподобна и в связи с этим обратил внимание на общие элементы в материальной культуре украинцев и черкесов[24].

Как оказалось, данной проблемой тогда интересовался также украинский историк Я.Р. Дашкевич. Исследователь подготовил тезисы доклада «Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.)», которые отправил в оргкомитет Всесоюзной сессии по этнографии и антропологии в Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в начале 1988 г. К сожалению, тезисы так и не были опубликованы. Уже после смерти Я.Р. Дашкевича они были обнаружены в его личном архиве и опубликованы в 2016 г. В них исследователь подчеркнул актуальность темы и отметил: «Проблемы миграции черкесов с Северного Кавказа (или места промежуточного проживания в Крыму) на Украину отразились в обширной литературе. В ней главное внимание обращено на определение содержания этнонима (кроме иберо-кавказской, выдвигались гипотезы тюркского и иранского этногенеза или отрицалось этническое содержание термина), его отношение к истории украинского казачества или к возникновению города Черкассы»[25]. В то же время другая его статья «Черкесы» была опубликована в Украине в 1996 г. Там Я.Р. Дашкевич, в частности, отметил: «Предположение о массовой миграции черкесов в Среднее Поднепровье в XIII—XIV вв. и возникновении вследствие этого города Черкассы и приднепровского казачества не подтверждается, хотя отэтнонимическое происхождение названия этого города не подлежит сомнению... Микромиграции черкесов документально засвидетельствованы с середины XVI в.»[26]

Не остались в стороне от изучения связей населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа в прошлом и археологи. Так, наибольших успехов в этом направлении исследований добилась

украинский археолог А.Л. Нечитайло. В 1991 г. была опубликована её монография «Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы»[27], а в 1995 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы)»[28]. В результате исследовательнице удалось установить, что во времена энеолита — бронзы происходило поступательное развитие взаимоотношений между племенами степной Украины и Северного Кавказа. Кроме этого, А.Л. Нечитайло также зафиксировала переселения кавказских мигрантов в степи Украины.

На рубеже XX—XXI вв. проблема миграций кавказского населения на территорию Северного Причерноморья продолжала оставаться объектом интереса украинских исследователей. На этот раз активность в этом направлении исследований проявили лингвисты. Так, проблемой связей населения Северного Причерноморья и Кавказа занимался лингвист К.Н. Тищенко. Следы этих контактов он видел в некоторых гидронимах Северного Причерноморья, которые, по его мнению, имели древнее происхождение. К ним он отнёс, например, названия рек ***Псло***, ***Псоля***, ***Ворскла***, ***Суба***, ***Суббот***, ***Собот***, ***Саба*** и т. п. Их присхождение К.Н. Тищенко объяснил из данных о кавказских языках. Собранные сведения позволили исследователю говорить о «наличии адыгокавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения» Северного Причерноморья[29].

Несколько иначе к решению проблемы подошёл Ю.Л. Мосенкис. Он попытался сравнить гидронимы Украины и Грузии. Сравнительный анализ позволил ему отнести к числу картвельских ряд гидронимов Украины, среди которых — ***Скаронинка***, ***Сара***, ***Цикла***, ***Хорол***, ***Тетерев*** и т. п. Появление этих названий рек Ю.Л. Мосенкис относит к эпохе энеолита, когда, по его мнению, существовали контакты между «древними картвельскими металлургами и носителями трипольской культуры»[30].

В последние годы появились публикации, посвящённые контактам украинцев и черкесов в период позднего средневековья. Так, вопросы, связанные с деятельностью Дмитрия Вишневецкого среди черкесов в середине XVI в., нашли отражение в работах французской исследовательницы Ш. Лемерсье-Келькеже, базирующихся на данных османских документов[31], а также в исследовании А.С. Дзагалова, опирающегося в основном на тексты московского происхождения[32]. Ш. Лемерсье-Келькеже смогла проследить сотрудни-

чество князя Дмитрия Вишневецкого и черкесов в 1559—1560 гг. в борьбе против турок-османов и крымских татар на стороне Москвы. Ей удалось установить, что тогда союзники предпринимали несколько наступлений на Азов, но с прибытием османской эскадры, возглавляемой беем Кафы, потерпели поражение. Тогда Дмитрий Вишневецкий и черкесы попытались форсировать Таманский пролив, проникнуть на территорию Крыма и атаковать Кафу. Однако это закончилось неудачей. Что же касается происхождения черкесов, принимавших участие в этих событиях, то, по наблюдениям Ш. Лемерсье-Келькеже, союзниками Дмитрия Вишневецкого были западные адыги из «племени Жане»[33].

Со своей стороны, А.С. Дзагалов в статье «Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким» отметил, что украинский аристократ поступил на службу к Ивану Грозному в 1558 г. и после этого выступил с союзными кабардинцами против турок-османов и крымских татар. Они вместе пытались захватить османскую крепость Азов. Далее А.С. Дзагалов отметил, что Дмитрий Вишневецкий в союзники взял западных черкесов — жанеевцев. По наблюдениям исследователя, после 1560 г. Дмитрий ушёл со службы у Ивана Грозного и поступил на службу польскому королю Сигизмунду II Августу. А.С. Дзагалов считает, что вместе с ним в Польшу переселилась и часть его соратников-черкесов из племени Жане[34].

На этом перечень исследований, посвящённых миграциям адыгов в Северное Причерноморье, далеко не исчерпан. Однако уже предварительный анализ историографии позволяет отметить, что в науке неоднократно поднимался вопрос о переселениях кавказского населения на территорию Украины. При этом одни исследователи относили эти события к древним временам, другие — к событиям эпохи Великого переселения народов, третьи — ко временам Золотой Орды, а четвёртые — к позднему средневековью. Все они приводили, казалось бы, убедительные аргументы в пользу своих гипотез. В результате сложилась довольно парадоксальная ситуация: практически одни и те же факты использовались сторонниками различных точек зрений для обоснования своих дат переселений.

Поэтому главной задачей настоящего исследования является установление не только факта миграций адыгоязычного населения на территорию Украины, но и времени этих переселений. Для этого необходимо решить ряд задач.

Во-первых, предстоит выяснить, какая информация является выдумкой историков, а какая подтверждается данными источников.

Во-вторых, следует сравнить данные различных по происхождению источников.

В-третьих, необходимо установить происхождение этнических названий адыгов, существовавших в прошлом, и связать их с политическими событиями.

В-четвёртых, имеет смысл сопоставить этнополитическую ситуацию, существовавшую во времена поздней античности и средневековья в Северном Причерноморье, с событиями на Северном Кавказе.

В-пятых, следует определить, какой характер носили переселения кавказцев на украинские земли в различные периоды.

В-шестых, имеет смысл выделить общие элементы в традиционной культуре и языке украинцев и черкесов, а также следует определить направления таких заимствований.

Автор монографии не ставит перед собой цель выполнить все задачи. Однако исследование можно будет считать выполненным, если удастся убедительно доказать, что в прошлом миграции адыгоязычного населения с территории Кавказа на земли Украины имели место.

Естественно, выполнение поставленных задач невозможно без применения методологии. Необходимо отметить, что использованные в исследовании подходы отнюдь не марксистские, несмотря на то, что многие работы по данной теме были написаны советскими исследователями. Вместе с тем следует учитывать междисциплинарный характер исследования. Это определило разнообразие методологических подходов в зависимости от тематики отдельных разделов монографии. Так, при освещении событий политической истории автор монографии стремился придерживаться принципа историзма, согласно которому события и явления должны рассматриваться в их закономерном историческом развитии в соответствии с конкретными условиями их существования. Таким образом, в монографии исторические события рассматривались в хронологическом аспекте не оторвано от событий предыдущего времени, а в непосредственной связи с процессами, которые происходили на соседних от Кавказа и Северного Причерноморья территориях.

В то же время немало внимания в разделах монографии уделялось распространению отдельных явлений культурного характера в

пространстве и времени. Как результат, на этих этапах исследование проводилось в соответствии с традициями диффузионистского направления в социокультурной антропологии. Материалы фольклора изучались уже в духе «школы заимствований», основоположником которой был российский учёный В.Ф. Миллер. Вместе с тем, когда речь шла об этнических процессах, приходилось обращаться к работам советских этнографов (этнологов), например Ю.В. Бромлея, С.А. Токарева, С.А. Арутюнова, Л.Н. Гумилёва и др. Советские этнографы внесли значительный вклад в развитие теории этноса, чего не скажешь об их западных коллегах — антропологах, которые сосредотачивали внимание преимущественно на явлениях культуры. Автор этого исследования старался акцентировать внимание на основном признаке существования этноса — этническом самосознании. Следовательно, ни язык, ни культура, ни физический антропологический тип не являются определяющими в этнической истории. Скажем так, этнос — это маргинальное явление. Поэтому в процессе изучения этнических процессов могут занимать важное место те письменные источники, где содержится определённая информация о самоидентификации этнических групп прошлого.

При написании исследования автор работы стремился не оказаться под влиянием различных идеологических течений, получающих в наше время широкое распространение благодаря современным коммуникационным системам. Автор книги старался не быть подверженным идеям панславизма, панираниз ма, пантюркизма и идеям приверженцев «Великой Адыгеи». Конечно, хотелось быть объективным и независимым при анализе событий прошлого. Как это получилось, пусть судит читатель.

Использованные в работе методы весьма разнообразны и они во многом зависели от конкретных целей и характера используемых источников. Так, были использованы общенаучные методы: сравнительный анализ; типологический анализ; корреляционный анализ; дедукция; индукция. Следует отметить, что последний метод был особенно важен, поскольку базировался на иных подходах, чем почему-то популярный метод дедукции. Метод дедукции предполагает создание определённой идеи, под которую подгоняются удобные факты и отбрасываются факты, не вписывающиеся в предложенную схему. В то же время использованный в работе подход, при котором факты позволяли сделать определённый вывод, кажется более объективным. Были также применены методы гуманитарных ис-

следований: историко-филологический анализ; диахрония и синхрония; структурный анализ и т. п. Что же касается использованных методов исторических исследований, то из их числа следует выделить такие: метод этноархеологии; ретроспективный анализ; метод этнографических параллелей; проблемно-хронологический метод; историко-генетический метод и т. п. Естественно, очень часто при исследовании различные методы применялись одновременно, дополняя друг друга.

Немаловажное значение при написании монографии имела источниковедческая база исследования. Как уже отмечалось, в исследовании по этнической истории первоначальное значение имели письменные источники. Имеет смысл классифицировать их по языковому признаку. Так, особое место занимают тексты на древнерусском языке, среди которых выделяются древнерусские летописи, дошедшие до нашего времени в позднесредневековых редакциях. В них содержатся упоминания об адыгах, известных как «касоги», так и как «черкасы». К ним следует отнести Лаврентьевскую[35], Воскресенскую[36], Ипатьевскую[37], Троицкую[38], Радзивиловскую[39], Новгородскую Первую[40], Патриаршую Десятую, или Никоновскую[41], Холмогорскую[42] и другие древнерусские летописи.

Лаврентьевская летопись считается одной из древнейших из сохранившихся до наших дней. Она дошла до нас в единственном пергаментном списке, переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Лаврентьевской летописи доведён до 6813 (1305) г. К числу таких древнейших летописей относится также Радзивиловская. Считается, что это памятник предположительно начала XIII в., потому что он заканчивается описанием событий 1206 г. Эта летопись дошла до нас в списках конца XV в.: собственно Радзивиловском и Московско-Академическом. Патриаршая Десятая, или Никоновская, летопись была составлена в первой половине XV в., Холмогорская — в середине XVI в. В то же время Воскресенская летопись дошла до нас в списке, составленном в конце XVI в. Как видим, в большинстве случаев нельзя полностью доверять сообщениям древнерусских летописей, если речь идёт о событиях времён Древней Руси, потому что очень значителен промежуток времени между описываемыми событиями и периодом завершения редактирования списков большинства хроник. В то же время в славяноязычных литовских летописях промежуток времени между

событием и его фиксацией менее значителен и поэтому они заслуживают большего доверия. Так, при работе над монографией был использован текст Супрасльской летописи[43], написанной в первой половине XVI в., но описывающей события XIV в.

Из славяноязычных источников при написании монографии кроме летописей были использованы и другие документы. Так, приходилось обращаться к тексту агиографического сочинения Иакова Мниха «Память и похвала князю русскому Владимиру», написанного в конце XI в. Там говорится о жизни и деятельности киевского князя Владимира[44]. Заметим сразу, что между описанными событиями и их письменной фиксацией прошло около 100 лет. Поэтому указанный источник заслуживает особого доверия.

Такого же доверия при описании ситуации XIV в. заслуживает и другой источник на древнерусском языке — «Список русских городов дальних и ближних». По мнению исследователя этого источника В.Н. Тихомирова, время возникновения «Списка...» правильнее всего относить к концу XIV в. Исследователь считал, что он возник между 1387 и 1392 гг. Древнейший «Список...» помещён в Новгородской Первой летописи младшего извода, переписанной в середине XV в., и сохранился в новгородской рукописи[45].

Отдельный интерес представляют также славяноязычные литовские документы, к счастью, уже опубликованные. Так, приходилось неоднократно обращаться к тексту литовской люстрации (переписи, ревизии) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г. Ценность этого источника не только в том, что он содержит одну из легенд об основании города Черкассы, но и в том, что там подробно описаны населённые пункты между Черкассами и Каневом и их обитатели[46]. Особое же значение имело использование текста жалованной грамоты литовского аристократа Фёдора Кориатовича, где содержится наиболее раннее упоминание о крепости «Черкасы», а точнее, о «воеводе Черкас»[47].

Немаловажное значение имело использование данных, содержащихся в «Реестре войска Запорожского 1649 г.». Анализ некоторых имён из этого документа позволил говорить о северокавказском (черкесском) происхождении их носителей[48].

Продолжая разговор об использованных славяноязычных источниках, отметим, что наиболее поздними из них стали актовые документы Московского царства. Так, было использовано собрание источников в 2-х томах «Кабардино-русские отношения в XVI—

XVIII вв.», опубликованное в 1957 г.[49] Однако не все документы были включены в это собрание. Например, там не было документов об участии князя Каспулата Муцаловича Черкасского в обороне украинского города Чигирина от турок и татар в июле 1678 г. Однако недостающую информацию удалось получить из других документов. Так, была использована «Грамота гетмана Самойловича» от 6 августа 1678 г., которая была напечатана в тринадцатом томе «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» в 1884 г.[50]

На этом перечень использованных славяноязычных источников отнюдь не исчерпывается. Вместе с тем следует обратить внимание вот на что: восточные славяне, как и многие адыги, в прошлом в культурном отношении составляли единое целое с Византией. Поэтому использование византийских текстов, изначально написанных на греческом языке, имело большое значение для исследования их связей в прошлом. Например, особый интерес заслуживают сведения Прокопия Кесарийского о народах Восточной Европы и Кавказа, содержащиеся в его сочинении «Война с готами», которое было написано в VI в.[51] Были также использованы несколько раннесредневековых версий христианского агиографического сочинения «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян», которые собрал и прокомментировал В.Г. Васильевский. Для нас же наибольшее значение имел тот греческий текст сочинения, который был написан в конце VIII — начале IX вв. монахом Епифанием[52].

Отдельный интерес представляют также сведения о странах ***Касахия***, ***Зихия*** и ***Папагия***, содержащиеся в сочинении византийского автора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанном в середине X в. Немало ценных сведений оставил Константин также о соседях адыгов[53]. При описании событий XIII в. приходилось обращаться к фрагменту из сочинения Георгия Пахимера (1242 — около 1310 гг.) «История о Михаиле и Андронике Палеологах». Ценность информации этого византийского автора в том, что он был современником описанных событий. Поэтому его сообщение о нахождении зихов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия[54].

Кроме этого были использованы сочинения тех западноевропейских христианских авторов, которые писали на латыни. К их числу следует отнести латиноязычное сочинение готского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Getica»), написанное в первой половине VI в. и посвящённое истории готов. В этой книге

содержится немало ценных сведений по истории и географии народов не только Центральной и Западной, но и Восточной Европы[55]. Было также использовано такое латиноязычное географическое сочинение, как «Космография» Равеннского Анонима, написанная в конце VII в. Ценность этого географического трактата в том, что там содержались сведения о народах не только юга Восточной Европы, но и Кавказа[56].

Немаловажное значение имело также обращение к текстам сочинений католических миссионеров середины XIII в. Плано Карпини «История монгалов» и Гильома де Рубрука «Путешествие в восточные страны». Для работы был использован текст издания их сочинений на русском языке, вышедший в 1957 г. под редакцией и с комментариями Н.В. Шастиной. Сведения, содержащиеся в этих трактатах, до сих пор представляют для историков особую ценность, поскольку оба они написаны непосредственными участниками путешествий вглубь Монгольской империи, путь которых пролегал через территорию нынешней Украины и Северного Кавказа[57]. Для написания монографии был использован также текст сочинения «Путешествие в Тану», написанного на итальянском языке венецианским путешественником Иосафатом Барбаро, который в середине XV в. побывал в Восточной Европе и одним из первых оставил сведения об этнической группе «черкасы»[58].

Продолжая разговор об использованных западноевропейских источниках, особо отметим изданную в 1974 г. в Нальчике книгу «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». При работе были использованы сочинения, авторами которых являлись Юлиан, Джорджио Интериано и другие путешественники. Особую ценность представляли их сведения об адыгах и их соседях[59].

И, конечно же, картина была бы неполной без средневековых мусульманских источников на арабском и персидском языках. Так, было использовано арабоязычное сочинение «Мурудж ад-Дзахаб», которое в первой половине X в. написал мусульманский географ ал-Мас'уди. В своём географическом трактате он описал проживавший на Северо-Западном Кавказе народ «кашак», в котором современные исследователи склонны видеть адыгов-касогов, а также представил сведения о соседях касогов. При работе был использован как перевод с арабского на русский, выполненный В.Ф. Минорским, так и один из текстов на языке оригинала[60]. Ал-Мас'уди счи-

тается одним из наиболее ярких и выдающихся представителей мусульманской науки. Известно, что он родился в начале X в. и умер в 956 г. Учёный побывал во многих странах: как мусульманских, так и немусульманских. Существует мнение, что ал-Мас'уди посетил Южный Прикаспий, где и почерпнул свою информацию о хазарах и народах Северного Кавказа. Стоит напомнить, что тогда многие мусульманские купцы активно торговали с Хазарией, т. е. они могли быть одними из информаторов ал-Мас'уди. Кроме того, ал-Мас'уди был прекрасным знатоком работ предшественников как мусульманского периода, так и домусульманской эпохи. А это дает основания считать, что ал-Мас'уди мог черпать информацию о народах Кавказа и Восточной Европы из сочинений предшественников, живших за несколько десятилетий до него. Как известно, ал-Мас'уди написал много работ, которые были утрачены. До нас дошли две его большие книги: «Мурудж ад-дзахаб ва ма'дин ал-джавакир» («Промывальни золота и рудники самоцветов») и «Китаб ат-Танбих» («Книга пересмотра»)[61].

Для сравнительного анализа была использована часть географического сочинения Ибн Русте, посвящённая описанию народов Восточной Европы в конце IX в. Д.А. Хвольсон ошибочно прочитал имя арабского автора как «Ибн Даста» и под этим именем во второй половине XIX в. издал арабский текст его сочинения со своими переводом и комментариями. Ценность сочинения Ибн Русте в том, что это наиболее ранний географический труд на арабском языке, где подробно описаны народы Восточной Европы[62]. Большое значение имело также использование текста «Рисале» Ибн Фадлана, арабский текст которого А.П. Ковалевский перевёл на русский язык и снабдил многочисленными комментариями. Это исследование издавалось дважды. Ценность его в том, что народы Восточной Европы и Средней Азии описаны непосредственно очевидцем событий — Ибн Фадланом[63]. При написании данного исследования были использованы тексты других арабоязычных авторов — «Книга путей и стран» Ибн Хордадбеха (IX в.)[64], сочинение автора конца IX в. ал-Якуби[65], сочинение ал-Марвази (XII в.)[66] и др. Использование текстов многих арабоязычных географов позволило сравнить и удостовериться в правдивости сведений ал-Мас'уди о кашаках (адыгах-касогах). Кроме того, были использованы данные анонимного фарсоязычного трактата «Худуд ал-'Алам» конца X в. В нём неизвестный автор локализовал близ страны аланов на берегу Чёрного моря

город ***Касек***, в котором исследователи склонны видеть одну из крепостей касогов[67].

Из числа использованных мусульманских источников также следует выделить два тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды», которые были переведены и подготовлены к изданию В.Г. Тизенгаузеном. Из первого тома, в котором содержались извлечения из текстов арабоязычных авторов, при подготовке настоящей книги были использованы фрагменты из сочинений ал-Омари, Ибн Батутты, ал-Айни, ал-Калкашанди и других авторов. Из второго тома, содержащего извлечения из хроник персоязычных историков, были использованы фрагменты из сочинений Низам ад-Дина Шами, Шереф ад-Дина Йезди, Рашид ад-Дина и др.[68] Особый интерес представляет текст «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, известный также как «Джами‘ ат-Таварих». При подготовке настоящей монографии были использованы издания переводов на русский язык «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, осуществлённые во второй половине XX в. Академией наук СССР[69]. Немаловажное значение имело использование второго тома критического текста «Джами‘ ат-Таварих», изданного также АН СССР. Именно во втором томе восточноевропейского издания содержится детальная информация о походах хана Батыя на Восточную Европу и описаны боевые действия его войск на Кавказе[70].

Естественно, перечень использованных письменных источников по теме исследования более значительный и поэтому были упомянуты лишь наиболее важные из них.

Кроме того, одним из важных источников по локализации адыгов в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе стали географические карты, составленные в XVIII—XX вв. Из числа их следует особо выделить карту Харьковского наместничества от 1787 г., а также «Военно-топографическую карту Российской империи» (1869—1890 гг.)[71]. Благодаря возможностям сети Интернет удалось получить доступ к отмеченным ресурсам. В качестве дополнения к картам был использован такой необычный источник, как «Книга Большому Чертежу»[72]. Как известно, «Книга Большому Чертежу» представляет собой подробное описание карты всей территории России и соседних государств XVI—XVII вв., так называемого «Большого Чертежа всему Московскому государству», составленного по указанию московского царя после 1552 г. и перерисованного вследствие полного износа около 1600 г. Считается, что это первый известный полный свод географических и этнографических

сведений о Московии и сопредельных государствах. Известная нам редакция составлена в 1627 г. в Разрядном приказе. Использование сведений «Книги Большому Чертежу» позволило выявить ряд географических названий на территории Украины, которые не сохранились до нашего времени.

К сожалению, привлечение археологических материалов по теме исследования не было столь широким, как хотелось. Это связано с тем, что существуют определённые проблемы с культурной атрибуцией адыгов за пределами Кавказа. Несмотря на это, удалось использовать опубликованные материалы, среди которых: отчёт И.В. Тимощенкова о раскопках раннесредневекового Рыгинского грунтового могильника в Нижнем Подонье[73]; результаты раскопок Борисовского могильника близ Геленджика, который был исследован В.В. Саханёвым более ста лет назад и им же был продатирован на основе нумизматического материала как V—VII вв., так и IX в.[74]; результаты разведок М.И. Артамонова в Подонье, нашедшие отражение в монографии «Средневековые поселения на Нижнем Дону»[75]; результаты раскопок раннесредневекового могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска, который был исследован А.В. Дмитриевым[76]; материалы раскопок кремационного могильника салтовской культуры в бассейне Северского Донца вблизи с. Сухая Гомольша, который был открыт и исследован В.К. Михеевым, а материалы были опубликованы в совместной монографии В.К. Михеева и В.С. Аксёнова[77].

Кроме того удалось привлечь неопубликованные археологические материалы, хранящиеся в фондах Научного архива Института археологии НАН Украины. Так, удалось ввести в научный оборот неопубликованные отчёты С.К. Реца и Д.П. Куштана о результатах исследований памятников долитовского периода на месте бывшего с. Василица, на окраине современных Черкасс[78]. Это дало возможность поднять вопрос об основании города Черкассы уже в монгольский период.

Были также привлечены результаты этнографических исследований населения Северного Кавказа и Украины. Из исследований по этнографии населения Украины привлекались работы В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкого[79], Т.А. Николаевой[80] и др. Из использованных работ по этнографии народов Северного Кавказа особо выделим исследования Б.А. Калоева[81], Т.Д. Равдоникас[82], Е.М. Студенецкой[83] и В.П. Кобычева[84]. Всё это дало возможность

сравнить традиционную культуру украинцев и жителей Северного Кавказа, прежде всего адыгов.

Немаловажное значение имело также обращение к опубликованным результатам фольклористических исследований, проведённых Ш.Б. Ногмовым, А.Ж. Кафоевым, В.Ф. Миллером, М.Г. Халанским, А.Н. Веселовским, И.В. Тресковым и другими исследователями[85]. В качестве источника были использованы также собрания нартовского эпоса адыгов, среди которых следует выделить: «Нарты: кабардинский эпос»[86] и «Нарты: адыгский героический эпос»[87]. В результате удалось проследить связи между славянами и адыгами в области не только материальной, но и духовной культуры.

Кроме того, были использованы результаты специальных лингвистических исследований, проведённых Дж.Н. Коковым[88], О.Н. Трубачёвым[89], К.Н. Тищенко[90], А.С. Стрижаком[91], Ю.Л. Мосенкисом[92], Л.Г. Лопатинским[93], В.К. Чапленко[94], Ю.К. Редько[95] и др. В качестве источника были использованы «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков» А.К. Шагирова[96] и «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского[97]. В результате удалось отметить возможность воздействия языка адыгов не только на географические названия Украины, но и на украинский язык.

В завершение автор книги хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить тех коллег, которые оказали существенную помощь в проведении исследования. Это касается учёных из Украины — лингвиста К.Н. Тищенко и историка Б.В. Черкаса. В отличие от некоторых украинских коллег, они верили в перспективность данного направления научных поисков и поэтому часто предоставляли необходимый материал и давали ценные рекомендации. И, конечно же, особо следует отметить коллег из Кабардино-Балкарии — Б.Х. Бгажнокова и В.А. Фоменко. Откровенно говоря, если бы не их поддержка, то эта монография не была бы завершена и опубликована. Они не только постоянно предоставляли необходимые материалы и способствовали публикации в г. Нальчике моих статей по данной теме, но и взяли на себя многие организационные вопросы, связанные с подготовкой книги к публикации. В наше сложное время такую поддержку очень редко можно встретить.

Насколько оправдал надежды своих коллег автор книги, пусть судят читатели. Надеемся, что проблема миграций адыгоязычного населения с Кавказа на территорию Украины заинтересует широкую читательскую аудиторию.

Глава первая

ДРЕВНИЙ КАВКАЗСКИЙ СУБСТРАТ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Исследователей уже давно волнует вопрос: кто проживал на юге Восточной Европы до появления здесь индоевропейцев? К сожалению, источниковедческая база для таких научных поисков весьма ограничена. Однако уже имеющийся материал позволяет сделать определённые предположения. Прежде всего, это касается данных гидронимии. Опыт подсказывает, что наиболее стойкими отголосками прошедших эпох на географических картах являются, прежде всего, названия рек и озёр, тогда как топонимы, такие как названия поселений и целых стран, довольно изменчивы, поскольку сильно зависят от политической конъюнктуры. В этом отношении Северное Причерноморье не составляет исключения — на его территории сохранилось немало очень давних гидронимов. Есть среди них и те, происхождение которых резоннее связывать с кавказскими языками. Однако последнему направлению научных поисков не очень повезло в XX в., ведь негативному отношению научного мира к этой проблеме способствовала деятельность советского академика Николая Яковлевича Марра.

Ещё в начале XX в. Н.Я. Марр создал «яфетическую теорию», краеугольным камнем которой стало учение о родственности кавказских языков[1]. В дальнейшем он старался доказать, что языковое развитие происходило не столько в соответствии с языковым деревом, как того требовала классическая индоевропеистика, сколько, наоборот, путем смешения и «скрещивания» языков. На основании своих предположений Н.Я. Марр пришёл к следующим выводам: 1) все современные языки, а с ними и современные народы, представляют собой следствие смешения в древние времена; 2) этим он утверждал приоритетность автохтонного развития, которое происходило на месте беспрерывно от стадии к стадии, путём интеграции соседних групп, что позволяло игнорировать роль миграций; 3) язык,

культура, раса, религия и т. п. — это лишь исторические категории, которые испытали изменения во времени, следовательно, между ними нет жёстких корреляций; 4) культуры и языки, в том числе древние, были не просто смешанными, а классовыми по содержанию. Иначе говоря, Н.Я. Марр выводил этничность из этнической стратификации, которая образовалась в результате слияния разных племён, занимавших, по его мнению, в новой социальной общности различные социальные позиции, образовывая своеобразные состояния[2]. Развивая дальше свою концепцию, Н.Я. Марр начал утверждать, что древнейшие яфетические (кавказские) языки вследствие социально-экономических сдвигов начали превращаться в индоевропейские, что совпало с началом поры металла[3].

Таким образом, Н.Я. Марр стал творцом «теории универсальных социально-экономических стадий», что, по его мнению, отвечало «определённым языковым системам и состояниям». Считая язык «надстройкой», Н.Я. Марр утверждал, что языки изменяются в соответствии с изменением хозяйственных и общественных форм[4]. Н.Я. Марр ввёл понятие о «яфетической стадии», которая, по его мнению, стала основой для всех языков мира. Он даже верил в то, что «славяно-русская» общность сложилась на основе «скифо-яфетической»[5].

Следует отметить, что в 20—30-е гг. XX в. многие советские историки должны были считаться с основными положениями Н.Я. Марра. По мнению Виктора Александровича Шнирельмана, «яфетическая теория» Н.Я. Марра в 20—30-е гг. XX в. в СССР получила поддержку по нескольким причинам. Во-первых, Н.Я. Марр стоял на позициях интернационализма. Во-вторых, учение Н.Я. Марра отвечало концепции популярного тогда историка Михаила Николаевича Покровского, соответственно которой следует изучать прежде всего этапы, общие для истории всех народов, несмотря на отличия между ними. В-третьих, Н.Я. Марр считал, что человечеству с давних времён была присуща именно классовая структура вследствие группового смешения. В-четвёртых, идеи автохтонизма «яфетической теории» были противопоставлены миграционистским концепциям, очень популярным в Германии[6].

Н.Я. Марр стремился доказать, что в Восточной Европе «яфетические», т. е. кавказские, языки предшествовали появлению индоевропейских и алтайских. В этом можно убедиться, ознакамливаясь с содержанием пятого тома собрания сочинений Н.Я. Марра, из-

данного уже после его смерти в 1933 г.[7] Интересно, что в этом томе есть статья, названная «Яфетические зори на украинском хуторе»[8]. Весьма характерно, что в этой публикации Н.Я. Марр попытался выделить на территории Украины древние кавказские топонимы, к числу которых он отнёс название «Ольвия» и одну из форм для обозначения Киева — «Куйаба»[9]. Что же касается кавказских гидронимов в Северном Причерноморье, то Н.Я. Марр их не выделил в этой работе. Это он сделал в другой статье «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси», где он связал с «яфетидами» названия рек — ***Thanais*** (***Don***), ***Dan-ub*** (***Don-aw***) и т. п., а также Чёрного моря — ***Pont***[10].

Спустя 15 лет после смерти Н.Я. Марра, 20 июня 1950 года, его учение было развенчано с выходом работы Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а сам он был подвергнут официальной критике за «идеализм» в языкознании. С тех пор советские учёные боялись даже упоминать об автохтонном происхождении народов, потому что тотчас могли получить ярлык «марристов». Однако, как говорится, «шила в мешке не утаишь», — спустя несколько десятилетий исследователи из Украины и России вновь подняли вопрос о доиндоевропейском кавказском населении в Северном Причерноморье. Доказательство этого они видели в гидронимах Украины, которые, по их мнению, имели древнее происхождение. Первым, кто возобновил это направление исследований, был украинский филолог-эмигрант Василий Кириллович Чапленко. Он считал, что «адыгейские языки» были для славянских и балтских языков «субстратными языками». Доказательство этого он видел, прежде всего, как в лексике украинского языка, так и в названиях рек на территории Украины. Например, название реки ***Самара***, которая является притоком Днепра, он выводил от адыгейского слова ***сам*** — «собранная вместе». С кавказскими языками он также связывал гидронимы ***Дон***, ***Дунай***, ***Днепр*** и ***Азовское море***[11]. В самой Восточной Европе к числу приверженцев подобных идей можно причислить Л.И. Лаврова, В.П. Кобычева, К.Н. Тищенко, Ю.Л. Мосенкиса и др.

Так, известный этнограф Леонид Иванович Лавров не сомневался в том, что уже в I тыс. до н. э. существовали тесные связи между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Доказательство этого он видел в зафиксированных письменными источниками названиях племён и топонимах: «Например, племя керкетов

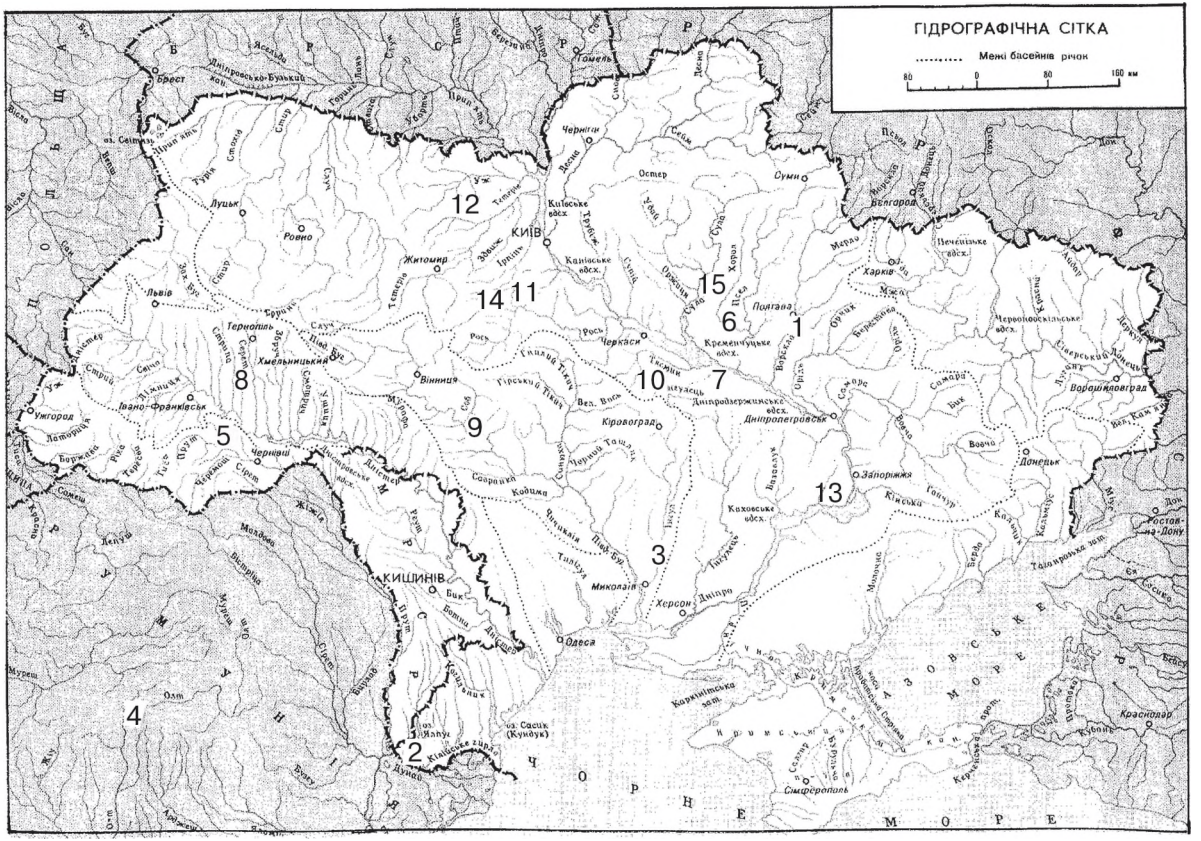

Рис. 1. Гидронимы Украины предположительно кавказского происхождения: 1 — Ворскла; 2 — Дунай; 3 — Ингул; 4 — Олт; 5 — Прут; 6 — Псёл; 7 — Псоля; 8 — Серет; 9 — Соб; 10 — Суба; 11 — Суббот; 12 — Тетерев; 13 — Томаковка; 14 — Унава; 15 — Хорол

на Кавказе и город Керкенитида (сейчас Евпатория); город Коракондами, племя кораксы и горы Кораксейские — на Кавказе, а также населённый пункт Коракс — в Крыму; населённый пункт Скопел — на Кубани и в Северо-Западном Причерноморье, составная часть названия крымского города Пантикапея и речки Пантикопы на юге Украины и т. п. ... Относительно наименования крымских тавров, то его аналогией является название одного из протоадыгских племен того же времени — торетов. Эта аналогия станет более понятной, когда отметим, что в адыгских языках нет гласного звука "о", его заменяют дифтонги "уе" или "еу". Поэтому слово "торет" в произношении адыгейца или кабардинца звучит как "теурет"»[12]. Кроме того, Л.И. Лавров обратил внимание на украинскую гидронимию. Так, он считал, что название реки ***Псёл*** было связано с адыгским термином ***псы-*** — «вода»[13].

Не вдаваясь в подробности, отметим, что сходство некоторых отмеченных исследователем топонимов и этнонимов можно объяснить не только широким расселением адыгских племен, но также и тем, что в I тыс. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе обитали одни и те же близкородственные этнические группы индоевропейского происхождения — скифы, греки и т. п. Что же касается гидронима ***Псёл***, то на сегодня практически никто из современных исследователей не отрицает связь его происхождения с Кавказом.

К их числу принадлежит Вениамин Павлович Кобычев. Несколько десятилетий назад В.П. Кобычев в научно-популярной книге «В поисках прародины славян» также затронул вопрос о пребывании в прошлом на землях Украины выходцев с Северного Кавказа. Так, следы пребывания адыгов в Северном Причерноморье исследователь склонен связывать прежде всего с названием реки ***Псёл***. Кроме этого, подобных свидетельств он обнаружил немало (см. рис. 1): «Лингвистика, топонимика и этнография также свидетельствуют о том, что между двумя названными регионами с давних пор существовали самые тесные и широкие связи. Ряд таких гидронимов, как *Псёл*, *Пселец*, *Псинка*, *Псура* от адыгского *пс* ("вода"), приводит советский лингвист В.П. Петров. К ним можно добавить *Томако* — остров на Днепре, реки *Ределинку* (*Ределя* — легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) — на Волыни, *Унаву* — приток Ирпени (от адыгского *уна* — "дом", ср.[авните:] по соседству река *Домашняя*), *Уну* — в Словении, населённый пункт *Псышуха*

(ср.[авните] *Нечепсухо* — река в Шапсугии) и т. д. К абхазо-адыгским языкам, кажется, восходят, судя по образующему форманту *т*, *и* (в абхазском языке показатель места) и общему облику модели, такие гидронимы Карпато-Дунайского бассейна, как *Олт* (средневековое — *Алюта*), *Прут*, *Серет* (ср.[авните] кавказские античные названия: *Псит*, *Фат*))»[14]. Кроме того, В.П. Кобычев считал, что название восточных славян VI ст. — *анты* имеет кавказское происхождение: «В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает "чудовище, лесной человек"»[15]. На основании этих предположений исследователь пришёл к выводу, который все же требует доказательств: «Безусловно, анты VI в. н. э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь кавказского субстрата могла быть в них». Таким образом В.П. Кобычев даёт понять, что приблизительно в то время, во времена поздней античности и раннего средневековья, на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения, что стало следствием расселения здесь антов, которые, по его мнению, имели северокавказское происхождение[16].

Проблемой связей населения Северного Причерноморья и Кавказа занимался лингвист Константин Николаевич Тищенко. Следы этих контактов он также видел в некоторых гидронимах Северного Причерноморья. К числу древних кавказских гидронимов К.Н. Тищенко отнёс, прежде всего, названия рек (см. рис. 1): «*Псло* (*Псёл*, *Псіолъ*, *Пьслъ*, *Песелъ*), а также и *Пселець*, *Псоля*», которые «этимологически приближены к адыгейскому *псы* "вода"». Как доказательство этого, исследователь привёл такие примеры: «Адыг.[ское] *псы*, убых.[ское] *bze* "вода" и груз.[инское] диал.[ектное] *pša* "источник" часто встречаются в топонимии Кавказа, например, *Псе-шебс*, *Пс-ыш*, *Пш-иш*, *Пс-оу*, *Пс-ху*, *Псы-гансу*, *Туа-псе*, *Мако-псе*, *Пш-еха*, *Пш-авели* и т. п.». Кроме того, с давним кавказским влиянием К.Н. Тищенко связывает также происхождение гидронимов ***Ворскла*** и ***Суба***, ***Суббот***, ***Собот***, ***Саба***. Аналогии первому исследователь видит не только в грузинском *vercxli*, мегрельском *varčxli*, *k'varcxli*, сванском *varčli* — «серебро», или грузинском *varcli* — «корыто», а также в дагестанских языках: «лезг.[инское] *уър*, рут.[ульское] *уър*, лак.[ское] *баьр*, арч.[инское] *баьри*, лезг.[инское] "водоворот", *но-вур*, чам.[алинское] *и-гьир*, анд.[ийское] *ъи-гьур*, таб.[асаранское] *да-гар*, а также аварские слова

гIор — "речка" и *хIор* —"озеро"». Что касается второй группы гидронимов, то К.Н. Тищенко указал на их возможную связь с лезгинским ***совал(а)*** — «гора, сага», цахурским ***сува***, табасаранским ***сив*** — «обрыв», чеченским ***шу*** — «холм, возвышение». По поводу этого исследователь отмечает: «Показательно, что речка *Субботка* протекает в глубоком овраге (с. Малополовецкое Фастовского района)»[17].

Несколько иначе к решению проблемы подошёл Юрий Леонидович Мосенкис. Он попытался сравнить гидронимы Украины и Грузии. Сравнительный анализ позволил ему отнести к числу картвельских следующие гидронимы Украины (см. рис. 1): ***Скаронинка*** — правый приток Южного Буга; ***Сара*** — названия двух правых притоков Псла; ***Цикла*** — приток Киблича, левого притока Соба, являющегося левым притоком Южного Буга; ***Ингул*** — приток Южного Буга (сравните: река в Грузии — Inguri); ***Хорол*** — правый приток Псла; ***Ворскла*** (сравните грузинское *varsklavi* — «звезда»); ***Сула*** (сравните грузинское *kseuli* — «разлившийся»); ***Роставица*** (сравните грузинское *rustavi* — «начало ручья»); ***Суба*** — приток Тясмина в бассейне Днепра (сравните грузинское *tba-* — «озеро», мегрельское *toba-*, *tobo-* — «глубокий (о воде)», *tub(a)-* — «балка, озеро»); ***Пшонка*** в Винницкой области (сравните грузинское *p̌ani* — «много источников»); ***Дунай*** (*Danub*) (сравните грузинское *dineba* — «течение», *dnoba* — «таяние» и т. п.); ***Тетерев*** (сравните грузинское *tetri* — «белый») и т. п. Появление этих гидронимов Ю.Л. Мосенкис относит к эпохе энеолита, когда, по его мнению, существовали «контакты древних картвельских металлургов с носителями трипольской культуры на украинских землях»[18]. Наблюдения Ю.Л. Мосенкиса в ряде моментов можно считать спорными, но они свидетельствуют о том, что проблема древнего кавказского населения в Северном Причерноморье является более сложной, чем это представлялось раннее. Если следовать наблюдениям Ю.Л. Мосенкиса, то гидронимы картвельского происхождения встречаются в основном на Правобережной Украине, тогда как, по данным других исследователей, гидронимы абхазо-адыгского типа распространены на Левобережье Днепра (см. рис. 1). Наиболее примечателен из них ***Псёл***, который Ю.Л. Мосенкис не отнёс к числу картвельских гидронимов.

Среди современных гидронимов украинского Днепровского Левобережья на фоне названий славянского, иранского и тюркского происхождения несколько обособленно смотрится название реки

Псёл (по-украински *Псьол*, *Псел*, *Псло*). Эта водная артерия представляет собой левый приток Днепра и берёт начало в Белгородской области России, а дальше течёт по Обоянскому району Курской области России и продолжает течь по территории Украины, протекая через территорию Сумской и Полтавской областей к своему впадению в Днепр ниже г. Кременчуг (см. рис. 1). На берегах Псла расположенны такие известные населённые пункты, как Гадяч, Великие Сорочинцы, Богачка, Голтва и др. Довольно интересно, что в этом районе Приднепровья распространены аналогичные названия рек. Так, притоками Псла являются речки ***Пселец***, ***Псёльчик*** и ***Псинка***, которые протекают через земли Сумской области. Кроме того, в этом же районе находится речка ***Псоля***, которая является правым притоком Днепра. Тем не менее на этом перечень похожих названий с основой на ***Пс-*** на территории Украины далеко не исчерпан. Вместе с тем бросается в глаза то, что в районе Левобережного Приднепровья существует целое сосредоточение таких гидронимов[19].

Нет сомнений в том, что с этими гидронимами связаны названия населённых пунктов: сёла ***Запсёлье*** (по-украински *Запсілля*) Великобагачанского и Кременчугского районов, а также село ***Запсёльское*** (по-украински *Запсільське*) Гадячского района Полтавской области; село ***Запсёлье*** Краснопольского района Сумской области, и т. п.[20] Однако, несмотря на такую распространённость этих названий в самом центре Украины, исследователи ещё не пришли к единому мнению относительно обстоятельств и времени возникновения названий этих водных артерий. На этот счёт существует несколько гипотез, которые, к сожалению, так и остаются недоказанными предположениями, учитывая то, что исследователи в значительной мере хронологически отдаляют от наших времён возникновения гидронима ***Псёл*** и других родственных ему названий. Поэтому следует разобраться в слабых местах существующих гипотез и сопоставить их с историческими реалиями.

Несколько десятилетий тому назад Александр Иванович Ященко выводил название ***Псёл*** непосредственно из греческого ***пселлос*** — «темный»[21]. Всё же это отнюдь не соотносится с историческими реалиями, поскольку о наличии в прошлом в этом районе значительного массива греческого населения не приходится говорить. Учитывая это, Алексей Сильвестрович Стрижак отметил и лингвистическую необоснованность такого предположения: «Однако, как видно из древнейших фиксаций, *Псел* < **Пьсьлъ* (ср.[авните] *Пселъ*,

но *к Леслу*, *Песельський* и т. п.), где выделяется корень *Пс-* (< **Пьс-* < **pos-*) и суффикс ***-ел*** (<***-ьль***)»[22].

Пытались исследователи объяснить происхождение названия ***Псёл*** и на славяно-балтском материале. В своё время Александр Афанасьевич Потебня названия типа ***Псёл*** сближал с восточнославянским ***писять***, сербско-хорватским ***пищать***, литовским ***pissa*** «cunnus», ***pisti*** «coire»[23]. Довольно интересно, что А.С. Стрижак отдал предпочтение «этимологии Потебни»[24]. Но в этой ситуации такое объяснение, как результат звукоподражания, выглядит крайне неубедительным и больше подходит для горных речек, чем для равнинных. Выглядит спорной также гипотеза Макса Фасмера, который объяснял происхождение этого названия следующим образом: «От **пъсъ*, т. е. “большая собака”, с суф.[фиксом] *-ьлъ*, подобно словам козёл, орёл»[25]. М. Фасмер таким образом намекает, что название ***Псёл*** следует переводить как «Собачья речка». Однако не понятно, причём здесь собаки? Хотя можно вспомнить названия переправ, мостов, где упоминается скот: английское ***Оксфорд*** — «Бычий брод», греческое ***Босфор*** — «Бычья переправа» и т. п. Довольно интересно, что Казимир Мошинский также допускал подобную идею, и потому поставил в один ряд названия ***Псинка***, ***Пселец***, ***Псоля*** (приток Днепра), ***Псура*** (бассейн Десны), ***Песья***, ***Пес*** (бассейн Сулы) и соответственно этому выводил их от корня ***pьs-*** в значении «пёс» по аналогии к *орёл* < *орьлъ*. Несмотря на это, он также предполагал, что часть этих названий происходит от славянского ***pis-***: ***pьs-*** «pstry» или ***pьs-*** < ***pьd-s*** как в греческом πιδαξ — «источник», πισεα — «влажное место, луга». В результате К. Мошинский так и не пришёл к окончательному выводу[26]. Тем не менее, на сегодня гипотеза о славянском происхождении названия ***Псёл*** находит всё меньше сторонников, ведь такой подход выглядит, по крайней мере, поверхностным, упрощённым. Есть лишь одна гипотеза, которая довольно удачно, с лингвистической стороны, объясняет происхождение гидронимов типа ***Псёл***, хотя, на первый взгляд, недостаточно убедительно подтверждается данными исторических текстов.

Так, полтора столетия назад Осип Максимович Бодянский предложил сближение названия речки ***Псёл*** с кавказскими гидронимами типа ***Пса***, ***Псе***, ***Псекупс***, ***Псыхуаба*** и т. п. Как было сказано, в основе этих гидронимов находится корень ***Псы-***, который на языке адыгов означает «вода, река»[27]. Естественно, эта гипотеза нашла широкую поддержку среди исследователей Северного Кавказа

адыгского происхождения. Так, Джамалдин Нахович Коков в монографии «Кабардинские географические названия» отметил, что на территории Украины приобрели распространение гидронимы ***Псёл***, ***Псинка***, ***Пселец***, ***Псёльчик*** и т. п., которые, по его мнению, имеют отношение к кабардино-черкесскому ***псы*** — «вода». Однако следует отдать должное кабардинскому исследователю, который по этому поводу был всё-таки осторожен в выводах. В частности он подчеркнул: «Хотя среди известных этимологий данных названий существует и такая (О.М. Бодянского), которая сближает их с кабардино-черкесскими образованиями ***Псыж***, ***Псыхуаба***, вопрос этот требует дополнительного изучения»[28]. Следует отметить, что гипотеза об адыгском (кавказском) происхождении названия реки ***Псёл*** получила поддержку среди многих современных исследователей славянского происхождения.

Как уже отмечалось, В.П. Кобычев в книге «В поисках прародины славян» немало страниц посвятил вопросам переселения адыгов на земли Северного Причерноморья. С пребыванием адыгов он был склонен связывать, в первую очередь, гидроним ***Псёл***[29]. К числу северокавказских гидронимов К.Н. Тищенко также отнёс, как уже было отмечено, названия рек «*Псло* (*Псёл*, *Псiолъ*, *Пьслъ*, *Песелъ*), а также *Пселець*, *Псоля*», которые «этимологически близки к адыгейскому *псы* “вода”»[30].

Исследователи уже давно заметили, что гидроним ***Псёл*** (*Псло*) имеет много общего с гидронимами в местах обитания адыго-абхазских народов на Северном и Западном Кавказе. Таких названий рек на Кавказе можно привести большое количество: ***Пседах***, ***Псекупс***, ***Псоу***, ***Псужь***, ***Псыбэ***, ***Псыбъунджи***, ***Псыгуэнсу***, ***Псыджор***, ***Псыгъуабжэ***, ***Псыжь***, ***ПсыкIыгъожъ***, ***ПсыIэху***, ***ПсыкъепкIэ***, ***Псымыгъу***, ***Псымыхъу***, ***Псынащхьэ***, ***Псынэф***, ***Псыпбп***, ***ПсыпцIэ***, ***Псыфыжъ***, ***Псыхуабэ***, ***Псыхушхъэ*** и т. п.[31] Исследователи единодушны во мнении, что в основе этих гидронимов находится адыгское слово ***псы-***. Амин Кабцуевич Шагиров в «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» даёт следующую этимологию этого слова: «***Псы*** ‘вода’, ‘река’, ‘речка’ — в значении “река” (“речка”) в адыгейском слово встречается в композитах и в определённых сочетаниях; обычное (самостоятельное) название реки здесь *псыхъэ*». Исследователь также видит соответствия этому адыгскому термину в абхазском ***а-дзы*** (в абазинском ***дзы***) и убыхском ***бзы*** — «вода, речка»[32]. Таким образом, есть осно-

вания считать, что гидроним ***Псёл*** своим происхождением связан именно с адыгским ***псы*** — «вода, река». При этом не ясно, что означает вторая часть гидронима ***Пс-ёл***?

В своё время А.С. Стрижак указал: «В этом свете следует напомнить ещё гипотезу, выдвинутую М. Максимовичем, о том, что компонент ***ол*** в названиях *Псьол*, *Хорол*, *Угол*, *Оскол*, *Ворскла* (*Ворскол*), очевидно, означает на каком-то из языков также "вода, река", что, с нашей точки зрения, подтвердилось лишь для гидронима *Ворскла* в немного другой интерпретации»[33]. Олег Николаевич Трубачёв также отметил в названиях многих рек Левобережной и Правобережной Украины присутствующий компонент ***-л***: ***Перевал***, ***Цимбал***, ***Прикол*** (бассейн Псла), ***Чамишел***, ***Орель***, ***Ингул***, ***Тилигул***, ***Царегол***, ***Гайчул*** и т. п. Появление этих названий исследователь связал с влиянием тюркских языков. Что касается объяснения происхождения таких названий на Днепровском Левобережье, то О.Н. Трубачёв был по этому поводу довольно осторожным: «Хорол (вар.[ианты] Хоролъ, Korol, п.[равый] п.[риток] Псла…) мы, в согласии с предшествующими исследователями, относим к числу иранизмов (ир.[анское] **Harava*-), в то время как близкий территориально *Псел* / др.[евне]-русск.[ое] *Пъсълъ*, *Песелъ* (л.[евый] п.[риток] Днепра) представляется нам неясным»[34]. Николай Николаевич Коринный придерживается аналогичной идеи: «Псел (Песл). Очевидно, как и все остальные названия рек с компонентом ***-ол***, ***-оло***, ***гёль***, тюркского происхождения (ср.[авните] турец.[кое] -öl — трясина, болото)»[35]. Однако возможно и другое объяснение.

В «Кабардинско-русском словаре» под редакцией Бубы Мациковича Карданова подобный термин ***псылъэ*** имел множество значений, одно из которых — «болотистая местность»[36]. Таким образом, не исключено, что гидроним ***Псёл*** и кабардинский термин ***псылъэ*** могут быть между собою связаны. Однако названием реки не может быть название местности. Поэтому вероятно, что в далёком прошлом (а нам не известно, когда) река ***Псёл***, которая имела множество притоков, была окружена вдоль своего течения большим количеством болот, то есть была заболоченной. Довольно интересно, что «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869—1890 гг.) свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. пойма реки Псёл имела заболоченный характер, прежде всего, в среднем течении. Об этом может свидетельствовать, например, фрагмент карты, где изображено место впадения реч-

ки Лютенькой в Псёл[37]. По этому поводу Н.Н. Коринный в статье «Природные условия Переяславской земли в X—XIII вв.» заметил: «Весьма медленные и неширокие реки Левобережья вследствие равнинной местности образуют значительные по размерам долины с многочисленными старицами, непроходимыми болотами, их русла крайне закрученные, извилистые… В средние века значительную часть территории Левобережья занимали низменные болота с гипновой и гипново-травянистой растительностью, которая характерна для долин рек, полосы широколистых лесов и Лесостепи… Болота были серьёзным естественным препятствием для орд степняков, служили местом спасения населения волости во времена тяжёлых испытаний…»[38] Если в средние века долина реки Псёл была заболоченной, то возможно, что такой она могла быть и в более ранний период. Следовательно, вполне возможен вариант, что название упомянутой реки происходит от адыгского ***Псыл-*** и означает «Заболоченная (река)». В пользу этого предположения могут свидетельствовать наиболее ранние формы этого гидронима, которые мало чем отличаются от современного названия.

Впервые река с таким названием упомянута в том фрагменте Ипатьевской летописи, где речь идёт о походе Владимира Мономаха, который тогда был переяславским князем, против половцев в 1111 г. На пути к реке «Дон», в котором современные исследователи видят Северский Донец, войско Владимира вынуждено было пересечь несколько рек. Об этом в Ипатьевской летописи сказано: «…И въста Володимеръ и С[вя]тополкъ и целовастался . и поидоста на Половце. С[вя]тополкъ съ с[ы]номъ . Ярославъ и Володимеръ съ сынми . и Д[а]в[и]дъ со сыном . и поидоша возложивше надежю на Б[ог]а . и на пречистую матерь его . и на с[вя]тыгя анг[е]лы его и поидоша . въ . в̃*. неделю поста . а в пятокъ быша на Суле . в субботу поидоша и быша на Хороле . и ту и сани пометаша . а в неделю поидоша в нюже хрестъ целують и приидоша на **Пслъ** . и отуди сташа на реце Голте . ту пождаша и вои . и ѡтудо идоша Въръскла...»[39] И уже второе упоминание древнерусских летописей о реке ***Псёл*** датируется событиями 1153 (6661) г. Так, в Ипатьевской летописи сказано: «В лето 6661 (1153) Посла Изяславъ с[ы]на своего Мъстислава на Половце . к **Песлу**…»[40] Такой именно вариант гидронима видим

* Начертание «в̃» («вѣди под титлом») — принятое в древнерусской письменности буквенное отображение числа 3.

также в Воскресенской, Радзивиловской, Лаврентьевской и других летописях[41]. Соответственно, древнейшие известные нам формы гидронима — ***Пслъ***, ***Песл***.

Упомянут этот гидроним и в таком источнике XVII в., как «Книга Большому Чертежу». Так, в начале текста этого источника река Псёл фигурирует как ориентир: «А от верх Донца Северского к верх реке Ворсклу верст с 30; а Ворскол река вытекла ис под Муравския дороги и пала в Днепр, ниже Псла реки 20 верст»[42]. Содержит упомянутый источник и детальное описание бассейна Псла: «А ниже реки Сулы пала в Днепр река Псел, а вытекла река Псел из под Муравскои дороги из под Думчего Кургана. А от Днепра вверх по Пслу 50 верст пала река Хорол, от Сулы, а на Хороле от устья 20 верст город Хорол; на тои же реке на Хороле Миргородок… А ниже реки Хорола на Пслу город Голтва, от устья Хорола 5 верст. А ниже Голтвы 10 верст на Псле город Мажделенка. А выше Миргородка на Псле городище Старое, от Миргородка 10 верст. А выше Старого на Псле городище Новое, от Старого верст с 7. А выше Нового городища 10 верст городище Гадское, а Галичья тож. А с верху от Муравские дороги 20 верст в реку Псел пала речка Пселец, ниже Белогородские дороги, что лежит в Белгород из Курска; а до верху Псла реки от Курска 70 верст; а от Белагорода 50 верст. А ниже Псла реки от Курска 70 верст; а от Белагорода 50 верст. А ниже Псла реки пала речка в Днепр Кобыльняк, от Псла 10 верст»[43]. Возможно, что «Книга Большому Чертежу» содержит также одно из первых упоминаний о речке ***Псоля***, которая является правым притоком Днепра: «А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка Омельник Псельскои»[44]. Отсюда можно увидеть, что уже в начале XVII в. установилась современная форма написания реки — ***Псёл*** (*Псел*).

Относительно времени и обстоятельств появления названия реки ***Псёл*** на Днепровском Левобережье уместно привести слова известного этнографа-кавказоведа Л.И. Лаврова: «Сложным является вопрос о названии реки Псёл. Сторонники гипотезы адыгского происхождения казачества видели в первой части этого названия адыгское слово “псы”, которое означает “вода”. Это довольно правдоподобно. Но как могла небольшая группа путешественников с Кавказа заставить местное население забыть старое название своей реки и пользоваться новым адыгским названием? Необходимо допустить одно

из двух: или название Псёл не имеет отношения к адыгскому языку, или оно существует здесь не с XIV в., а с доисторической эпохи, когда на Украине могло проживать население, которое говорило на языке, родственном с адыгским»[45].

Как уже отмечалось, В.П. Кобычев полагал, что во времена поздней античности и раннего средневековья на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения[46]. Однако письменные источники не содержат конкретной информации относительно пребывания в средневековье и во времена поздней античности значительных групп выходцев с Кавказа на Левобережье Среднего Днепра.

Поэтому имеет смысл поддержать идею К.Н. Тищенко о давнем происхождении кавказских гидронимов на территории континентальной Украины. По его мнению, в далёком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая «по крайней мере с III тыс. до н. э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур». Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины некоторых гидронимов кавказского происхождения[47].

Отметим ещё один момент — в реку Псёл в её верховьях впадают две речки: одна — Пселец, а другая — Псинка. Если в происхождении гидронима ***Пселец*** можно увидеть изменённое при помощи уменьшительного славянского суффикса ***-ец*** название реки ***Псел*** (***Псёл***), то происхождение гидронима ***Псинка*** явно не вписывается в предложенную схему. Конечно, к этому названию не причастно обозначение для собак. Здесь мы видим две составляющие: основу ***Псин*** и славянский суффикс ***-ка***. Весьма примечательно, что на языке адыгов слово ***псын*** означает «родник»[48]. Как известно, реки начинаются с родника. И поэтому нахождение гидронима ***Псинка*** в верховьях реки ***Псёл*** отнюдь не случайно.

Учитывая кавказское происхождение гидронима ***Псёл***, отметим также параллели не только на Кавказе, но и в некоторых районах Восточной Европы, что может дать неожиданные результаты. Так, следует обратить внимание на пассаж в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «**Псков**, род.[ительный] п.[адеж] **-а**, *Пскова* — название реки близ *Пскова*…»[49] Как известно, письменные источники античности и средневековья никогда не давали оснований вести разговор о каких-либо переселениях населения с Кавка-

за на север Восточной Европы. Если название реки ***Пскова*** действительно имеет отношение к адыгскому ***псы-***, то тогда можно говорить об очень древних процессах.

К отмеченным лингвистами гидронимам следует добавить ещё один. Так, В.П. Кобычев отметил название острова на Днепре — ***Томако***[50]. Однако ситуация с этим названием еще сложнее, ведь напротив острова была отмечена также река, правый приток Днепра, с подобным названием. На сегодня название ***Томаковка*** носят остров, река и возникший на берегах одноименной реки посёлок. Река и посёлок расположены на правом берегу Нижнего Днепра на территории Днепропетровской области (см. рис. 1). Известно, что это название давнее.

Ещё в начале XVII в. автор «Книги Большому Чертежу» несколько раз упоминает реку и остров «Томоковка». Так, остров упоминается при описании гидронимов Левобережья: «А в Конских Водах вода пресная; а Конские Воды пали в реку в Московку, а Московка пала в Днепр против острова Томоковки»; «А ниже Самари реки 6 миль пала в Днепр речка Московка, против острова Томаковки»; «А ниже Белекова, с Литовской стороны Червонные горы на 15 верстах... А ниже Червонных гор 15 верст остров Томоковка... А ниже Томоковки миля Лысая горка»[51].

Автор «Книги Большому Чертежу» даёт также понять, что Томоковка — это название не только острова, но и близлежащей реки: «А ниже Суры 40 верст пала речка Хортица... А ниже Хортицы остров Хортица... А ниже Хортицы 20 верст речка Томаковка, протоку 40 верст, против остров Томаковка... А ниже Томаковки 30 верст речка Чертомлык»[52]. Таким образом, можно отметить, что, кроме Томаковки, также совпадают названия реки и острова, носящих название ***Хортица***. Маловероятно, чтобы названия рек произошли от топонимов. Обычно всё в точности до наоборот: гидроним дает название топониму.

Поэтому имеет смысл определить происхождение названия ***Томаковка*** (*Томоковка*). Если отбросить явно славянское окончание, то получим ***Томако*** или ***Томак***. Интересно, что в кабардинском языке существует подобное слово — ***тэмакъ***. «Кабардинско-русский словарь» под редакцией Б.М. Карданова даёт несколько значений этого слова: «1. горло; гортань; зев; 2. в знач.[ении] опр.[еделения] горловой; гортанный»[53]. Для названия реки такая семантика явно не подходит, хотя для названия острова это вполне приемлемо — ост-

ров получил название ***Томак***, потому что находился напротив устья (т. е. горла) реки. Однако пример с названием реки и острова ***Хортица*** позволяет придерживаться версии о первичности гидронима.

Следовательно, очень важна этимология кабардинского термина ***тэмакъ***. А.К. Шагиров в «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» объясняет его происхождение так: «Тюркское заимствование, ср.[авните] карач.[аево]-балк.[арское], кумык.[ское] ***тамакъ***, ног.[айское] ***тамак*** ‘горло’, ‘гортань’. Абаз.[инское] ***тамагъI*** то же, надо думать, из кабардинского»[54]. Однако в других тюркских языках, удалённых от Кавказа, для обозначения понятий «горло», «гортань» и т. п. используют иные лексические единицы, явно непохожие на ***тамак***. Поэтому пока рано говорить о тюркском источнике данного слова в кабардинском языке. Даже если бы это слово имело тюркское происхождение, то оно вряд ли бы подошло для названия реки. Река не может называться «горлом», «гортанью», «устьем». Поэтому не следует отбрасывать версию об адыгских корнях как кабардинского слова ***тэмакъ***, так и названия реки в Нижнем Поднепровье — ***Томаковка***.

В связи с этим особый интерес могут представлять близкие по звучанию слова в языке адыгов. Обратим внимание на кабардинские прилагательные: ***тэмакъ*** — «несдержанный», «вспыльчивый», «раздражительный», «жёлчный»; ***тэмакъкIыхь*** — «терпеливый», «сдержанный»[55]. Как видим, эти слова несут семантическую нагрузку в значениях либо «бурная», либо «спокойная». Что мешает связать происхождение названия реки с этими терминами?

Однако нельзя говорить, что гидроним ***Томаковка*** (*Томак*) появился относительно недавно — в эпоху средневековья. Средневековые письменные источники не несут никакой информации о нахождении какой-либо колонии черкесов или касогов в низовьях Днепра. Так что метод исключения позволяет отнести появление этого гидронима к более раннему времени.

* * *

Отметим, что данные лингвистики также допускают существование в давние времена на территории Украины кавказского субстрата. В связи с этим заслуживают внимания работы уже упомянутого украинского учёного-эмигранта В. Чапленко. Уже сами названия его работ — «Адыгейские языки — ключ к тайне нашего субстрата», «Адыгейские языки — ключ к этногенезу славян и других наро-

дов», «Ещё раз о происхождении названия “гуцул”», «Происхождение этнонима “гуцулы”» — могут свидетельствовать о том, что исследователь видел в древних кавказских языках субстрат для многих языков Восточной Европы, прежде всего украинского. Поэтому он считал, что многие слова в украинском языке можно объяснить при помощи языка адыгов. Так, термин ***гуцул*** В. Чапленко объяснял на основе адыгейского языка как «чубатый», «малый», «сильный». Из адыгских языков учёный также пытался объяснить происхождение некоторых этнонимов и топонимов: ***славяне*** — «земляне»; ***венеды*** — «воловики»; ***Balta*** — «белый, русый» и т. п. Кроме того, убедительным свидетельством кавказского субстрата В. Чапленко считал происхождение украинских фамилий на ***-ко*** и ***-енко***. По мнению исследователя, в глубокой древности на территории Восточной Европы, до расселения там носителей индоевропейских языков, проживали кавказоязычные народы. К их числу В. Чапленко отнёс легендарных киммерийцев, исчезнувших из Северного Причерноморья уже в первой половине I тыс. до н. э.[56] Конечно, нельзя полностью согласиться со всеми выводами и предположениями В. Чапленко. Однако сама идея исследователя о распространении на юге Восточной Европы в глубокой древности кавказских языков заслуживает внимания. Особый интерес вызывает предположение В. Чапленко о кавказских корнях украинских фамилий на ***-ко*** и ***-енко***.

В современной украинской антропонимии считаются наиболее распространёнными фамилии с суффиксами ***-енко*** или ***-ко***. Чертой традиционного и современного украинского общества стало широкое распространение фамилий на манер: Коваленко, Москаленко, Приходько, Божко и т. п. Но о происхождении словообразовательных суффиксов ***-енко*** или ***-ко*** нам известно немного, хотя мало кто предполагает, что они могут иметь и не совсем славянское происхождение. Тем не менее любые попытки объяснить происхождение этих суффиксов, в особенности ***-ко***, с позиций славянского языкознания выглядят недостаточно обоснованными. Но много ли известно современным исследователям о происхождении этих суффиксов?

Кажется, что наиболее детально это было освещено в работах Юлиана Константиновича Редько. По крайней мере исследователь считал, что суффикс ***-енк-о*** является одним из наиболее продуктивных и наиболее характерных формантов украинских фамилий. По его подсчётам, «фамилии, образованные с его помощью, составляют 10,57 % фамилий, образованных путем суффик-

сации». Он справедливо полагал, что этот суффикс принадлежит к числу патронимических. Иными словами, фамилии на ***-енко*** «почти всегда означают сына того, кого называет предсуффиксальная часть». Исследователь выделил четыре группы фамилий этого типа: а) образованные от собственных имен; б) образованные от первоначальных прозвищ (фамилий); в) образованные от названия занятия (профессии, должности) отца; г) образованные от названия местности по происхождению. К первой группе он отнёс фамилии, образованные от лица отца (патронимические) и образованные от лица матери (матронимические), а также фамилии, образованные от мужских имён: ***Авраменко***, ***Борисенко***, ***Вакуленко***, ***Ващенко***, ***Власенко***, ***Гавриленко***, ***Гордиенко***, ***Григоренко*** и т. п. Ко второй группе Ю.К. Редько отнёс фамилии, образованные от прозвищ родителей. Их также можно разделить на две подгруппы: фамилии, которые происходят от прозвищ-существительных: ***Бабенко***, ***Барильченко***, ***Биченко***, ***Билашенко***, ***Биличенко*** и т. п., и фамилии, образованные от прозвищ-прилагательных: ***Безвиненко*** (от *Безвинный*), ***Биленко***, ***Босенко***, ***Гаркавенко***, ***Глушенко***, ***Гниденко*** и т. п. Четвёртую группу составляют фамилии, которые указывают на национальную принадлежность или вероисповедание отца, или на местность, откуда происходил первый носитель фамилии: ***Волощенко*** (то есть сын волоха), ***Вихристенко*** (сын выкреста), ***Литвиненко***, ***Нимченко***, ***Татарченко***, ***Турченко***, ***Шведенко*** и т. п. Отдельные группы составляют фамилии на ***-енко***, образованные: а) от сложных слов (преимущественно прозвищ): ***Панматченко***, ***Кривовъязенко***, ***Рябокобыленко***; б) от служебных слов: ***Дещенко*** (от ***дещо*** — «кое-что») и т. п. Основа некоторых фамилий ещё не понятна, хотя они также патронимичные, образованные от разного типа прозвищ родителей[57].

Для нас большое значение имеет время и обстоятельства оформления прозвищ в фамилии в современном понимании. Как оказывается, это произошло довольно поздно. По наблюдениям Ю.К. Редько, «на протяжении XVI—XVII вв. родительские фамилии закрепились среди большинства жителей украинских городов... Однако основная масса населения Украины — крестьяне — ещё долго оставались без зафиксированных документами фамилий... Изменение наступило уже во второй половине, точнее в конце XVIII в., когда на восточноукраинских землях было упразднено гетманство (1764 г.), полностью ликвидированы остатки давнего общественно-политического

порядка (1781 г.) и заменили его общегосударственными порядками, а западноукраинскими территориями завладела после раздела Польши (1772 г.) Австро-Венгрия. Новобранцев записывали обязательно по фамилии, которой становилось большей частью давнее прозвище (уличная кличка)». Всё это дало основания исследователю сделать вывод: « ...только в конце XVIII — в начале XIX вв. в условиях Российской и Австро-Венгерской империй за украинскими крестьянами закрепились постоянные родительские фамилии»[58]. В результате, как видим, прозвища или производные от них названия XVI—XVII вв. стали основой для современных украинских фамилий. Большое значение имеют в документах того периода упоминания о прозвищах с суффиксами на ***-енко*** или ***-ко***. Это в значительной мере даёт возможность пролить свет на происхождение наиболее распространённого типа современных украинских фамилий, поскольку на сегодня так и нет единого мнения на этот счёт.

Взгляды на происхождение этого суффикса расходятся. Так, Василий Симович считал, что суффикс ***-енко*** развился путём ***-енькт*** > ***-енько*** > ***-енко*** из уменьшенных и ласкательных прилагательных на ***-енький***[59]. Другое предположение высказал Орест Борисович Ткаченко, который вопросу происхождения фамилий на ***-енко*** уделил много внимания. По его мнению, суффикс этот сложный и образовался путем объединения суффикса ***-єн (-т)*** в словах типа «детен», «телен» и суффикса ***-(ь)ко***[60].

Необходимо указать, что современные исследователи более склоняются к последнему предположению, то есть к той мысли, что суффикс ***-енко*** образовался на основе суффикса ***-ко***. Так, Владимир Андреевич Никонов не сомневается в том, что эти суффиксы имеют славянское происхождение и объединил их в одну группу с суффиксами фамилий ***-к***, ***-ак***, ***-ек***, ***-ук***, ***-ик***, а также ***-ник***, ***-чук***, ***-ка*** и т. п. Как видим, исследователь принял за основу такой классификации наличие согласного ***к***. На основании этого В.А. Никонов провёл наблюдения, результаты которых «формально тождественно окончанию образовывают на карте определённую статистическую общность». Это он объясняет тремя факторами: 1) многие из этих форм могут иметь общее происхождение; 2) действуют фонетические особенности языка или диалекта; 3) происходит «втяжение в ряд» соответственно закону уравнения на превосходную форму. Но в распространении суффиксов ***-енко*** и ***-ко*** учёный заметил довольно неожиданную картину[61], что может стать предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

У некоторых современных исследователей украинской антропонимии, которые поддерживают ту идею, что суффикс ***-енко*** образовался на основе суффикса ***-ко***, получила распространение мысль, что суффикс ***-ко*** в фамилиях происходит от славянских суффиксов ***-ко*** или ***-ка***, которые несут в себе уменьшительный оттенок. Если следовать этой логике, то получается, что фамилии типа ***Божко***, ***Головко*** имеют первоначальные значения не «Божий сын», «сын главы», а «малый бог», «маленькая голова» и т. п. Можно, например, привести аргументы современной исследовательницы Галины Васильевны Бачинской. Так, в статье, посвящённой фамилиям украинских переселенцев на Тернопольщине, она отмечает: «Суффикс ***-ко***, который происходит от ***-ъко***, является давним славянским деминутивно-экспрессивным формантом. Древнейшие антропонимы с этим формантом фиксируются в памятниках XIII в. Однако надёжные примеры с патронимической функцией этого суффикса дают лишь памятники XI — начала XV вв. Деминутивный по происхождению суффикс ***-к-о***, со временем стал нейтральным антропонимным формантом, а иногда выполнял патронимическую функцию. Как и в фамилиях на ***-ик***, отличить деминутивную от патронимической функции суффикса ***-к-о*** очень сложно. В апелятивной лексике украинского языка суффикс ***-к-о***, в отличие от суффикса ***-ик***, не принадлежит к продуктивным. Он может употребляться при прилагательных и глагольных основах “на определение носителя определённого качества, способности: глушко, билко, крутко...”. Учитывая сказанное выше, все фамилии, которые являются тождественными с христианскими и древнеславянскими именами на ***-к-о***, а также фамилии наподобие *Глушко*, считаем семантическими дериватами от соответствующих суффиксальных антропонимов. Неоднозначными относительно словообразовательной структуры являются фамилии *Горошко*, *Кийко*, *Лиско*, *Хлибко*, *Щурко*, поскольку все они могли образоваться морфологическим способом от прозвищ *Горох*, *Кий*, *Лиса*, *Хлеб*, *Щур*, или семантическим от давних славянских отапелятивных имён с суффиксом ***-к-о***. Характерными для антропонимии переселенцев являются фамилии на ***-к-о***, в которых этот формант, вероятнее, происходит из ***-ка*** с целью отмежевать антропоним от апелятива, например *Варишко* (ср.[авните] варишка), *Головко* (ср.[авните] головка), *Дудко* (ср.[авните] дудка), *Дорожко* (ср.[авните] дорожка), *Кобылко* (ср.[авните] кобылка), *Кулешко* (ср.[авните] кулешка), *Липкая* (ср. [авните] липка), *Лопатко* (ср.[авните] лопатка), *Свинко* (ср.[авни-

те] свинка), *Сливко* (ср.[авните] сливка). Аналогично в фамилиях *Жовтко* (ср.[авните] жовток), *Платко* (ср.[авните] платок), *Турко* (ср.[авните] турок), *Чобитко* (ср.[авните] чобот) суффикс ***-к-о*** употребляется вместо ожидаемого ***-ок***. Собственно вторичными фамилиями можно считать разве что фамилии *Ковалько*, *Каролько*, *Минялко*, *Попко*, поскольку ни как деминутивные апелятивы, ни как давние имена такие лексемы не фиксируются»[62].

Однако в контексте дискуссии желательно задать вопросы сторонникам последней гипотезы: а не столкнулись ли мы здесь с ситуацией, когда уменьшительный суффикс и суффикс с семантическим значением «сын» просто совпадают по форме? Не исключено, что суффикс ***-ко*** в украинских фамилиях может иметь и неславянское происхождение. И для этого есть более весомые аргументы.

Как уже отмечалось, исследователи склонны считать, что фамилии на ***-ен(ко)*** и ***-ко*** почти всегда означают сына того, кого называет предсуффиксальная часть. Но при этом большинство исследователей считают это явление сугубо внутренним славянским[63]. Тем не менее эти учёные не учли того, что в языках народов Кавказа, прежде всего в языке черкесов, существуют лексические единицы, близкие к украинскому суффиксу ***-ко***, которые имеют семантическое значение «сын». Так, в языке современных кабардинцев имеется слово ***къуэ***, значение которого — «сын»[64].

На это ещё в начале XX в. обратил внимание Лев Григорьевич Лопатинский. По этому поводу он отметил: «Наличие суффикса ***-ко*** в малорусском наречии не единичное явление: в том же самом значении, как и в малорусском, и в той почти форме, но с тем только различием, что вместо язычно-нёбного ***к*** является язычно-велярный ***k***, этот суффикс существует в обоих наречиях адыгского (черкесского) языка — гахском (кахском) и кабардинском: Бато-ко, Балато-ко, Токмо-ко, Хирс-ко, Псыбалкно-ко, Jeçано-ко. Совпадение суффикса в обоих этих языках не имело бы ещё столь большого значения, если бы не то обстоятельство, что суффикс ***-ко*** в черкесском языке играет не только роль образующего окончания, как в языке русском, но сохранил своё самостоятельное значение: слово ***-ко*** означает *сын*; оно одинаково понятно каждому черкесу и как слово самостоятельное, и как составная часть сложного слова. В этом случае может стать полной аналогией скандинавские ***-son***, ***-sen*** (Svenson, Benedictsen), которые выступают и тем, и другим: самостоятельным словом и суффиксом»[65].

Эти параллели между черкесским и украинским языками Л.Г. Лопатинский объясняет следующим фактором: «Появление в Левобережной Малороссии суффикса ***-ко*** во втором, но коренном его значении можно отнести ко времени водворения на этой территории пятигорских черкас, выведенных великим князем литовским Витовтом в конце XIV в., и смешавшихся впоследствии с южно-русскими и тюркскими элементами. Это отобразилось, между прочим, и на фонетике приднепровских говоров...»[66].

В.П. Кобычев полностью поддержал идеи Л.Г. Лопатинского относительно сходства семантики суффикса ***-ко*** в украинском и черкесском языках. Что же касается причины этого явления, то исследователь высказал свою гипотезу: «Приведённые лексемы Л.Г. Лопатинский считал заимствованиями из кавказских языков, но, скорее, это проявление влияния древнего общеевропейского языка на кавказские, в данном случае адыгские, языки»[67].

К сожалению, за неимением письменных источников о событиях древних времён мы не можем проверить правильность гипотезы В.П. Кобычева. Однако мы можем подвергнуть анализу аргументы Л.Г. Лопатинского, поскольку у нас имеются некоторые письменные источники периода позднего средневековья, которые позволяют в определённой мере выделить мигрантов-черкесов с Северного Кавказа среди местного славянского и другого населения. Наблюдения показывают, что процесс активного формирования внешней формы для будущих украинских фамилий начался не в XVI, а в XVII в. А тогда миграции адыгов на украинские земли были уже незначительны. В связи с вопросом пребывания выходцев с Северного Кавказа в Среднем Поднепровье в позднее средневековье для нас особый интерес может представлять количество этих мигрантов. Как увидит читатель в пятой и шестой главах настоящей книги, адыгских переселенцев не было настолько много, чтобы их присутствие могло побудить украинцев массово употреблять термин ***-ко*** для обозначения понятия «сын». Вполне возможно, что мы имеем дело с более давним явлением.

Несколько десятилетий назад О.Н. Трубачёв посвятил даже отдельную монографию вопросам терминологии близкого родства у славян. Важно то, что он не отметил в славянских языках для обозначения понятия «сын» термина, близкого по форме к суффиксу ***-ко***, а вместо него им были выявлены лишь отдельные лексические единицы, близкие по форме к украинскому «сын»[68]. Кроме

того, исследователь выяснил, что в большинстве случаев термины кровного родства в большинстве славянских языков не исчезают и происходят от общеиндоевропейских. Хотя могут быть и исключения. Так, О.Н. Трубачёв отметил в выводах: «...Исключительно сложные соотношения внутри славянской терминологии кровного родства, которые представляются ещё более сложными при попытке этимологически исследовать её, объясняются главным образом наличием в ней ряда хронологических слоёв, на протяжении истории смешавших, вытеснявших или же только оттеснявших друг друга в той или иной функции. В последнем случае интересно, что этимологическое исследование подчас приводит к тождественным значениям разных корневых морфем, наводит как будто на мысль о дублировании, о наличии древних синонимов...»[69] В таком случае уместно спросить: что нам мешает отнести к числу этих синонимов украинское ***-ко*** в значении «сын», которое не встречается в других индоевропейских языках? Последний фактор позволяет считать его внешним заимствованием из неиндоевропейских языков.

Однако трудно представить, чтобы славяне, поселившись в Северном Причерноморье, начали бы использовать параллельно с индоевропейским «сын» кавказское «ко». Это было бы возможно лишь при ассимиляции значительной прослойки населения кавказского происхождения со стороны индоевропейского большинства. В связи с этим возникает естественный вопрос: где и когда происходили эти процессы? Как мы уже показали, это не могло произойти в Приднепровье во времена позднего средневековья.

Как уже отмечалось, с распространением фамилий на ***-енко*** и ***-ко*** В.А. Никонов заметил довольно неожиданную картину. По его словам, ситуация выглядит следующим образом: «Зона их преобладания непосредственно продолжена по всей восточной полосе Белоруссии. Её очертили: Ю.К. Редько по Украине и Н.В. Бирилло по Белоруссии, но ни тот ни другой не заметили главного — граница ареала ***-енко*** идёт не по границе белорусского и украинского языков, а с севера на юг, объединяя восточных украинцев с восточными белорусами и отличая тех и других от остальных украинцев и белорусов»[70]. Этот вывод может свидетельствовать в пользу гипотезы о субстрате. Хотя более возможной выглядит ситуация, соответственно которой термин ***-ко*** мог появиться в одном регионе и с течением времени распространиться по остальной территории Украины и Беларуси, приобретя функции суффикса в фамилиях.

Поэтому большой интерес могут представлять статистические данные Ю.К. Редько о распространении суффиксов ***-енко*** и ***-ко*** на территории Украины, однако произведённые несколько десятилетий тому назад. Так, относительно фамилий на ***-енк-о*** исследователь указал: «Распространены они во всех без исключения областях Украины, но больше всего их в восточной части УССР, в тринадцати областях: Киевской (25,8 %), Черниговской (31,1 %), Черкасской (29,3 %), Полтавской (26,5 %), Сумской (25 %), Харьковской (25,4 %), Донецкой (27,7 %), Луганской (23,3 %), Днепропетровской (22,7 %), Кировоградской (25,3 %), Запорожской (21,6 %), Херсонской (26,8 %) и Крымской (27 %). В среднем четвёртая часть всего украинского населения этих областей имеет фамилии на ***-енк-о***»[71].

Аналогичную картину дают и данные Ю.К. Редько о распространении фамилии на ***-ко***: «Третье место (после фамилий на ***-енко*** и образованных лексико-семантическим способом) они занимают в трёх областях: Черниговской (8 %), Сумской (8 %) и Полтавской (5,7 %). Четвёртое место им принадлежит в Крымской (8,3 %), Запорожской (5,8 %) и Херсонской (5,6 %). На пятом месте фамилии на ***-ко*** стоят в Донецкой (4,5 %), Черкасской (4,1 %), Днепропетровской (4 %) и Николаевской (3,8 %). Шестое место занимают в Киевской (5,2 %), Винницкой (5,1 %), Житомирской (3,7 %) и Хмельницкой (3,2 %), а седьмое место в Харьковской (4,2 %), Кировоградской (3,8 %), Одесской (5,2 %), Львовской (4,5 %) и Закарпатской (5,2 %) областях. Немного меньше этих фамилий в Черновицкой (3,1 %), Луганской (2,6 %) и Волынской (2,3 %) областях, где они занимают восьмое место, и в Ивано-Франковской (3 %), где им принадлежит девятое место. Наблюдается некоторое преобладание фамилий на ***-ко*** в центральных областях. Меньше всего фамилий этого типа в Тернопольской и Ровенской областях, где они занимают одиннадцатое и двенадцатое места»[72].

Таким образом, можно увидеть определенную закономерность: там где наблюдаем наибольшее распространение фамилий на ***-енко***, то там же видим значительное количество фамилий на ***-ко***. Это может быть весомым доказательством того, что суффикс ***-енко*** своим происхождением связан с суффиксом ***-ко***. С другой стороны, видим, что суффиксы этого типа преобладают на территориях Черниговщины и сопредельных к ней областей — Полтавской и Сумской. Это даёт основания вести разговор о том, что в прошлом суффиксы ***-енко*** и ***-ко*** начали распространяться с территории Черниговщины и

сопредельных с нею областей. Следует обратить внимание на то, на Черкащине эти суффиксы не так распространены, как на Черниговщине. А это может быть дополнительным доказательством того, что суффикс ***-ко*** появился в левобережном Приднепровье задолго до переселения в район Черкасс адыгов в позднее средневековье.

Важно то, что полученные результаты в определённой степени совпадают с результатами исследований К.Н. Тищенко, проведенных ещё несколько десятилетий тому назад. Тогда исследователь отметил: «Собранные данные дают основания говорить о "наличии адыгокавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения Восточного Прикарпатья, Днепро-Днестровского и Нижнедунайского бассейнов" (В.П. Кобычев), а также и Днепровского Левобережья. При этом в области топонимии наибольший интерес и в дальнейшем будут представлять топонимы Псёл, Ворскла, Суббот»[73]. Позволим себе добавить к числу этих древних реликтов кавказского субстрата также суффикс ***-ко***, который стал неотъемлемой частью многих украинских фамилий.

* * *

В специальной литературе уже неоднократно указывалось на давние культурные связи населения украинского Причерноморья и Кавказа. Так, ещё Л.И. Лавров по этому поводу писал: «Как свидетельствуют археологические материалы Мариупольского и Нальчикского могильников, культурные взаимоотношения между населением, которое проживало на территории современной Украины и Кавказа, существовали даже со времён неолита, не говоря уже об эпохе энеолита и бронзы... Медные и бронзовые кавказские изделия этих времён археологи находят на Украине. Керамика катакомбной культуры встречается как на Украине, так и на Северном Кавказе. Бронзовые изделия и оружие прикубанской и кобанской позднебронзовых культур встречаются в Крыму, на Харьковщине, Полтавщине и Киевщине, а оружие и украшения, которые носило степное население территории нынешней Украины в начале I тысячелетия до н. э., находят на Кавказе... К этому же позднебронзовому времени принадлежат древнейшие литературные сведения о территории Украины и Северо-Западного Кавказа. Должно быть не случайно население обоих этих территорий в первых литературных источниках обозначено общим названием "киммерийцы". ... К сожалению, пока нет единой научной основы для неопровержимо-

го утверждения, был ли это единый народ, с единым языком, или же "киммерийцы" — обобщающее название разноплеменного и разноязычного населения территорий нынешних Южной Украины и Северо-Западного Кавказа. Видимо более правдоподобно то, что "киммерийцы" — обобщающее название родственных племён, которые составляли единый племенной союз»[74].

Аналогичных идей придерживался также В.П. Кобычев. Относительно очень давних связей населения Украины и Кавказа он отметил: «Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространённых в III—II тыс. до н. э. на территории Правобережья Днепра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая их часть сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т. п. — археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый киммерийским»[75].

Однако наибольших успехов в этом направлении исследований добилась археолог Аннета Леонидовна Нечитайло. В 1991 г. была напечатана её монография «Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы»[76], а в 1995 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы)»[77]. Основой для написания диссертации стали материалы как из раскопок самого автора на Украине и Кавказе, так и многотысячных коллекций в музеях Кавказа и Украины: Киева, Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Николаева, Херсона, Каховки, Мелитополя, Донецка, Луганска, Симферополя, Севастополя, Евпатории, Ялты, Феодосии, Бахчисарая, Ставрополя, Пятигорска, Керчи, Таганрога, Ростова-на-Дону, Краснодара, Майкопа, Геленджика, Черкесска, Нальчика, Владикавказа, Грозного, Армавира, Махачкалы, Тбилиси, Баку. Основное внимание в работе уделено анализу связей в эпоху энеолита — начала средней бронзы. Именно тогда победило и активно развивалось производящее хозяйство, что предполагает особое содержание связей. В эпоху средней бронзы, по мнению А.Л. Нечитайло, произошла смена направлений контак-

тов. В эпоху поздней бронзы резко изменилась историческая ситуация в степях Северного Причерноморья[78].

Особый интерес могут представлять выводы проведённого А.Л. Нечитайло исследования, в результате которого были выявлены закономерности в развитии связей между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа в хронологической последовательности. Так, для первого этапа показательными являются связи, основанные главным образом на отношениях обмена. Они не определены производственной необходимостью развития каждого общества, хотя различия хозяйственной деятельности отчасти стимулировали их. Важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что в IV тыс. до н. э. происходит формирование скотоводческих групп племён, когда полное овладение разными типами производящего хозяйства позволило осваивать степные пространства. Для этого периода прослеживаются конкретные контакты новоданиловской группы племён с закубанскими энеолитическими племенами. Они выражались в форме простого обмена керамикой, каменными орудиями, украшениями и предметами, которые считают символами власти и культа. Для второго периода, связанного с ранней бронзой, объём обменных связей увеличивается. Они становятся более сложными по содержанию и структуре. Важным моментом их структурной организации в этот период является углубление двустороннего характера, который определяется по наличию вещей не только кавказского происхождения на Украине, но и степных элементов в областях Кавказа, где они были связаны с восприятием северокавказским населением культурно-идеологических традиций степняков, в частности погребального обряда, верёвочной орнаментации. Замена материала в орудиях труда имела принципиальное значение, и влияние Кавказа в этой перестройке сыграло важную роль. Появление местной металлообработки в результате развития и специализации деятельности степных племён складывалось под большим влиянием уже устойчивых и развитых схем кавказского производства и, в частности, находящегося на высоком уровне майкопского. Третий этап, по мнению А.Л. Нечитайло, приходится на время средней бронзы. Именно тогда, по её мнению, происходит дальнейшее расширение и усложнение связей. Это выражается в насыщении памятников импортом и предметами со следами кавказских влияний[79].

В результате исследовательнице удалось прийти к заключительному выводу: «На протяжении энеолита-бронзы происходит поступа-

тельное развитие взаимоотношений между племенами степной Украины и Северного Кавказа. Изменения, наблюдаемые в динамике этих взаимоотношений, свидетельствуют о том, что они приобретают всё большее значение в организации жизнедеятельности степных обществ Украины. Продолжается последовательное увеличение объёма этих связей, усложняется их структура, расширяется сфера охвата сторон жизнедеятельности, как экономических, так и социокультурных. Связи носят постоянный, двусторонний, полномасштабный характер и значительная их роль в жизни древнего населения Украины и Северного Кавказа очевидна. Можно утверждать, что исторический динамизм взаимного тяготения здесь проявился с большой силой и размахом»[80].

В своём исследовании А.Л. Нечитайло отметила не только связи населения Северного Кавказа и Северного Причерноморья, но также зафиксировала переселения кавказских мигрантов в степи Украины. Так, на Старобельском поселении на Айдаре (Луганщина), относящемся к периоду энеолита, были обнаружены фрагменты от четырёх сосудов, которые соответствуют керамике первого и второго типов поселения Свободное в Адыгее. По мнению А.Л. Нечитайло, наличие подобной керамики можно связывать с появлением на Айдаре самих носителей закубанской энеолитической культуры, потому что керамика, как сугубо бытовая вещь, могла попадать только тогда, когда границы соседних племён открыты для контактов[81]. К эпохе ранней бронзы относит А.Л. Нечитайло обнаруженные возле г. Павлограда Днепропетровской области погребения, обряд и керамика которых типичны для племён майкопской культуры на Северо-Западном Кавказе. По мнению исследовательницы, это реальные мигранты с Кавказа, влившиеся в этнические массивы Украины[82]. Кроме этого, исследовательница выявила связываемые с кавказскими мигрантами типично майкопские комплексы на территории Украины, например, названные у г. Павлограда, известные на Донбассе возле г. Сватово и с. Петровка, у с. Константиновка в Приазовье, гробница Вилино в Крыму и др., в которых роль кавказского компонента значительна[83].

С выводами А.Л. Нечитайло полностью согласен археолог из Кабардино-Балкарии Владимир Александрович Фоменко. Вот как исследователь представляет генезис и распространение памятников майкопской культуры: «Согласно одной из гипотез, часть хаттов и касков не позже III тыс. до н. э. заселили восточное Причерноморье и Прикубанье. В результате смешения с культурой местного (вероятно родственного) населения Закубанья здесь в III тыс. до н. э. сложи-

лась яркая майкопская культура. Во второй половине III тыс. до н. э. племена майкопской культуры заселили предгорья Северного Кавказа от Таманского полуострова до приморского Дагестана. Следы влияния высокоразвитой майкопской культуры прослеживаются в Приазовье и на востоке современной Украины»[84].

Однако отметим, что у нас нет пока данных о переселениях отдельных групп северокавказских мигрантов в эпоху бронзы на Левобережье Среднего Поднепровья, где отмечены гидронимы явно адыгского происхождения (Псёл, Пселец и т. п.). Тем не менее, наблюдения над процессами более позднего времени позволяют отметить, что в степях Северного Причерноморья постоянно существовала тенденция — при смене населения степей остатки предыдущего населения всегда передвигались в лесостепь. Вполне возможно, что такая закономерность проявляла себя и в эпоху бронзы — раннего железа, т. е. в III—I тыс. до н. э.

Соответственно, следует отметить, что существование на карте современной Украины гидронимов, находящих объяснение в некоторых кавказских (прежде всего абхазо-адыгских) языках, можно связывать в большинстве случаев с пребыванием здесь в древности носителей кавказских языков. Обычно для их обозначения используют термины «кавказский субстрат», «доиндоевропейский субстрат» и т. п. Однако в нашем случае эти выражения могут быть и не совсем корректными. Ведь мы так и не знаем, что было первичным в северопричерноморском регионе — кавказоязычное население, которое было ассимилированно пришельцами-индоевропейцами; или же в среду индоевропейского населения Северного Причерноморья периодически переселялись отдельные группы носителей кавказских языков. Возможен и третий вариант, объединяющий все эти процессы. К сожалению, источниковедческая база для этого направления исследований не позволяет в достаточной степени показать динамику отмеченных этнических процессов. Вместе с тем мы можем предположить, что во времена, предшествовавшие средневековью, на территории от Приазовья до Карпат проживало население, говорившее на языках кавказского типа. Не исключено, что в далёком прошлом даже существовало этническое и языковое единство населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа, нарушенное приходом первых индоевропейцев. К сожалению, пока даже нельзя определить время этих событий, потому что сами место и время образования первой индоевропейской общности до сих пор представляют собой загадку.

Глава вторая

ЗИХИ И ИХ СОСЕДИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (III—VII вв.)

В первой половине I тысячелетия н. э. на просторах Евразии начались массовые миграционные процессы, которые полностью изменили этнический и культурный облик всего материка. Эти события получили название — Великое переселение народов. Обычно под этим термином имеют в виду массовое вторжение варварских племён на территорию Римской империи, позже разделившейся на Западную и Восточную. Массовая миграция племён началась во II в. и закончилась в VII в., растянувшись практически на четыре столетия. Как известно, в Великом переселении народов принимали участие германские, тюркские, славянские и финно-угорские этнические группы.

Обычно эпоху Великого переселения начинают с миграции германского племени готов. До этого они населяли территорию современной Центральной Швеции. В 239 г. готы перешли границу Римской империи. В III в. на эти же земли стали вторгаться остальные германские племена: франки, вандалы, саксы. Закончился германский этап переселения народов Адрианопольским сражением, в котором римские войска были разбиты готами. Тогда же, в 378 г. вышедшие из глубин Центральной Азии гунны вторглись на территорию Европы. Римлянам удалось остановить их нашествие в середине V в., но оттеснённые ими племена и народы продолжили вторжение вглубь Западной Римской империи. В 476 г. варварами был свергнут последний император Западной Римской империи, после чего они расселились по бывшей территории империи.

В V в. начался процесс переселения славянских племён на территорию Византии (Восточной Римской империи) и Балканского полуострова. Завершилось Великое переселение народов в конце VII в., когда хазары создали свой каганат, который на несколько столетий

преградил путь движения народов по Евразии, стабилизировав политическую обстановку. Таким образом, Великое переселение народов привело к изменению этнической карты Евразии. Не осталось в стороне от этих процессов и население степей Северного Причерноморья и Предкавказья.

Как отмечает готский историк Иордан, после смерти гуннского вождя Аттилы во второй половине V в. часть гуннов двинулись на Восток, где они поселились в степях Причерноморья[1]. Иордан писал, что уже в середине VI в. в причерноморских степях проживали болгары[2]. С того времени многие авторы начинают путать гуннов с булгарами, а это заставляло некоторых исследователей считать, что под названием ***гунны*** могли быть известны во многих случаях болгары. После Иордана этноним ***булгары*** временно исчезает со страниц византийских хроник, а вместо него во второй половине VI в. историки начинают употреблять термины ***кутригуры*** и ***утигуры***. Так, Прокопий Кесарийский и Агафий сообщают, что к востоку от Танаиса (Дона. — *Авт.*) в стране Эвлисии проживают утигуры, а на запад — кутригуры[3]. Исходя из того, что названия ***кутригуры*** и ***утигуры*** употреблялись вместо этнического термина ***болгары***, логично связать эти племенные объединения с потомками болгар. Как видим, в западной части Предкавказья проживали племена утигуров.

Не меньший интерес представляет культурная ситуация в степях Предкавказья в предгуннский и послегуннский периоды. По данным Маи Павловны Абрамовой, до III в. на этой территории преобладали подкурганные захоронения в катакомбах, потом был зафиксированный отток этого кочевого населения в степи Заволжья, что можно объяснить экспансией готов в Северном Причерноморье. Во время гуннского нашествия большинство курганных могильников с катакомбным обрядом захоронения в степях Северного Кавказа прекратили существование, что можно связывать с деятельностью гуннов, которые могли включить местное население в состав своей конфедерации[4]. Поэтому большой интерес может представлять происхождение населения, которое в VI—VII вв. оставило на Северном Кавказе могильники, для которых было характерно следующее: грунтовые ямы с заплечиками; в ряде случаев наличие деревянных гробов; северная или северо-западная ориентация покойников, положенных в вытянутом положении на спине. Эти новые захоронения в Северном и Восточном Приазовье получили

название «памятники сивашовского типа»[5]. Новые черты в обряде захоронения дают основания считать местное население пришлым, появившимся здесь в результате событий Великого переселения народов. Ничто не мешает связать захоронения кочевников «сивашовского типа» в Восточном Приазовье с утигурами.

Как видим, на сегодня мы имеем определённое представление об этнических и культурных процессах, проходивших в степях Восточного Приазовья в эпоху Великого переселения народов. Однако нам до сих пор не ясна ситуация на соседних землях Северо-Западного Кавказа, где обитали адыгские племена. Недостаточность источников, касающихся истории населения на этих территориях, способствует распространению самых невероятных предположений. Отметим некоторые из них.

В современной историографии получило распространение мнение, согласно которому известная из византийских сочинений под именем «анты» группа населения обитала со второй половины IV в. по начало VII в. в Северном Причерноморье в степях между Дунаем и Доном. Казалось бы, такая локализация вполне соответствует данным Иордана, Прокопия Кесарийского, Менандра, Феофилакта Симокатты, Псевдо-Маврикия и других раннесредневековых византийских авторов. Однако исследователи давно обратили внимание на ряд пассажей, содержащихся в фольклоре некоторых народов Северного Кавказа, которые позволяют локализовать владения антов не только в Северном Причерноморье, но и на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Данные сюжеты полностью противоречат устоявшимся представлениям о локализации территории антов в эпоху Великого переселения народов. Естественно, это требует логического объяснения.

Так, в 20-е годы XX в. Аксель Ольрик обратил внимание на то, что в осетинской устной традиции существуют воспоминания о борьбе предков осетин с племенем «Gut». Это дало ему основание считать, что Иордан, повествуя о борьбе антов Божа с готами Винитария, имел ввиду не антов-славян, а северокавказских аланов, которые, по его мнению, называли себя «антами»[6]. В этом мнении А. Ольрика поддержал Людвиг Шмидт, который считал вообще весь эпизод войны Винитария с Божем мифом[7]. Георгий Владимирович Вернадский также считал антов аланами и полагал, что сообщение Иордана о борьбе антов с острого-

тами и данные Аммиана Марцеллина о войне остроготов с аланами отражают одни и те же события. Основанием для таких предположений стала выдвинутая самим Г.В. Вернадским гипотеза, согласно которой одно из обозначений северокавказских аланов — ***ас*** происходит от ***ант***[8].

Однако особого объяснения требует то, что народ «анты» широко представлен в фольклоре адыгов. Так, еще в первой половине XIX в. Шора Бекмурзович Ногмов отметил, что в его время в Кабарде старцы вместо самоназвания всех адыгов «адыге» «выговаривают это слово сходно с прежним его произношением — ***антихе***». Кроме того, историк зафиксировал в поэзии адыгских народов термины, содержащие этноним ***ант***: «***антыпоконьеса*** — антский княжеский сын, ***антигишао*** — антский юноша, ***антигиуорк*** — антский дворянин, ***антигишу*** — антский всадник»[9]. Но наибольший интерес вызывают совпадения в сюжетах фольклора адыгов и сочинения Иордана (VI в.) «О происхождении и деяниях гетов».

По данным Ш.Б. Ногмова, адыгское предание повествует: «...На реке Баксане жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он был убит Готфским царем со всеми своими братьми и восьмидесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: ... “Убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей”»[10]. При этом Ш.Б. Ногмов добавляет: «...Сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на берегу Этоко, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне»[11].

В память об этих событиях в среде адыгов, по словам Ш.Б. Ногмова, существовал обычай, согласно которому каждый год в середине апреля молодые девушки с распущенными волосами кружились в хороводе и пели песню, якобы сочинённую сестрой убитых. Содержание песни представляет особый интерес:

«Геройство Баксана освещает
антский народ своими доблестями,
Хоира сжимает ночами антский воин,
и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.
О родина Дауова Баксана, хотя

он уже не существует, но когда будет
добывать тебя Гут, не покоряйся.
Сонм нартов, отводя щитами удары
вражеских копий, единодушно призывал
Бога на помощь; но Баксану
не удалось участвовать в этой молитве.
Весь народ почитал его за благого духа;
когда начиналось сражение
и удары блистали как молния, —
его присутствие поселяло в антском
народе уверенность.
Гутские истязания не прекращаются,
весь антский народ пришёл в отчаяние,
потому что восемь пар волов
привезли его тело на родину.
Собрав греков, предложила им
сделать памятник. Хотя каменный
образ ниже его, но сходство с ним
уязвило мое сердце. Народ не
покидает траура, и чтоб его увековечить,
реку Альтуу назвал Баксано»[12].

Ш.Б. Ногмов совершенно справедливо отметил, что данный сюжет очень напоминает сюжет Иордана о борьбе антов Божа с готами Винитария[13]. Однако при этом он подчеркнул: «Разность между изустным преданием и историей весьма незначительна. Боксо то же, что Баксан, но с греческим окончанием. Одна лишь разница в месте жительства антов довольно значительна; вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря»[14].

Для сравнения следует напомнить данные Иордана о событиях второй половины IV в., которые происходили в Северном Причерноморье. По его сведениям, после смерти короля готов Германариха готы разделились на везеготов (западных готов) и остроготов (восточных готов). При этом последние, возглавляемые Амалом Винитарием, остались в Северном Причерноморье и вынуждены были подчиниться гуннам. Однако Винитарий не мог смириться с поражением и поэтому выступил против союзников гуннов — антов: «Понемногу освобождаясь из-под их (гуннов. — *Авт.*) власти и пробуя проявить свою силу, он (Винитарий. — *Авт.*) двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побеждён, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа

с сыновьями его и с семидесятью старейшинами для устрашения». Однако со временем вождь гуннов Баламбер отомстил за это остроготам и победил Винитария возле реки Эрак[15]. Елена Чеславовна Скржинская доказала, что река Эрак — это Нижний Днепр[16]. Следовательно, события, описанные Иорданом, происходили не на Северо-Западном Кавказе, в местах исконного обитания предков адыгов, а в степях Северного Причерноморья. Однако чем же можно объяснить, что фольклор современных адыгоязычных народов повторяет во многих деталях сюжет Иордана, но при этом владения антов локализуются в районе Северо-Восточного Причерноморья?

Современный кабардинский исследователь Арсен Жебраилович Кафоев верит в историчность преданий о пребывании антов на Северном Кавказе и при этом поддерживает мнение Г.В. Вернадского о тождественности антов и аланов. При этом он полагает, что термин ***аланы*** на Северном Кавказе покрывал не только ираноязычных аланов, но и использовался для обозначения народов, в том числе адыгов, которые входили в состав этнополитического объединения, созданного аланами. В результате этого А.Ж. Кафоев пришёл к весьма неожиданному выводу: «Предки северокавказских народов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы, балкарцы, и если верить Дербент-Наме, то и дигорцы) наряду с предками юго-восточных славян (причерноморских) входили в обширный антский племенной союз, и поэтому старинные кабардинские песни упоминают адыге-антов, и песня сестры братьев Тауовых (Дауо) обращена в силу этого к антам, а не адыгам, чем ещё раз подтверждается тождественность этих понятий»[17].

Версии о кавказском происхождении антов также придерживался В.П. Кобычев, который по этому поводу отметил: «Сторонники одной из старейших гипотез видели в антах кавказскую народность (по другой версии — династию) адыгов, или, по-русски, черкесов. В пользу этой гипотезы свидетельствуют многочисленные, хотя и не всегда чёткие и прямые данные. Начать хотя бы с того, что ещё в XIX в. у черкесов-шапсугов была зафиксирована родовая группа ***антхэр***, где ***хэр*** является показателем множественного числа, и фамилии ***Антоко*** (абадзехи) и ***Антелава*** (абхазы). Далее, Страбон упоминает на Таманском полуострове какую-то реку под названием ***Anticites***, в которой обычно видят один из северных рукавов (в нижнем течении) Кубани. Она же, вероятно, река ***Anthii***, ***Anticae*** Плиния и Птолемея. По сообщению кавказоведа XIX в. Л.Я. Люлье, в его время наименование ***Антхирь*** (***Антхэр***?) носил один из мел-

ких притоков реки Убина на Северо-Западном побережье Кавказа. В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племён) ***анта*** обозначает "чудовище, лесной человек". Можно отметить также наличие адыго-кавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения Восточного Прикарпатья, Днепровско-Днестровского и Нижне-Дунайского бассейнов»[18]. Если следовать его логике, анты представляли собой этническую группу северокавказского происхождения, которая мигрировала в эпоху Великого переселения народов в Северное Причерноморье и возглавила приднепровских славян, что нашло отражение в сочинении Иордана. Однако же эта гипотеза, хотя и перекликается с адыгским фольклором об антах и готах, вместе с тем даёт северопричерноморскую, а не кавказскую локализацию легендарных антов.

Поэтому возникает вполне закономерный вопрос: почему сюжеты Иордана были зафиксированы в фольклоре адыгов только Ш.Б. Ногмовым? В связи с этим отметим, что текст оригинала его рукописи «Истории адыгейского народа», где содержатся сведения об антах на Кавказе, не сохранился. При этом варианты копий рукописи Ш.Б. Ногмова, дошедшие до наших дней, подвергались редакторской правке без наблюдения самого автора. Следует также учитывать осведомлённость Ш.Б. Ногмова о содержании многих исторических сочинений. Следовательно, сюжет Иордана о войне антов с готами мог попасть с лёгкой руки самого Ш.Б. Ногмова или его редакторов в его сочинение и быть приписан к сюжетным линиям адыгского фольклора. Однако нет оснований для сомнений в добросовестности Ш.Б. Ногмова. Поэтому следует признать фактом существование в фольклоре некоторых групп адыгов сюжетов об антах и готах, перекликающихся с текстом сочинения Иордана. В связи с этим возникает другой закономерный вопрос: кто, когда и где создал сюжет об антах Божа и готах Винитария? Второй вопрос: как этот сюжет попал к Иордану и в фольклор северокавказских народов?

В этой связи следует обратиться к наиболее ранней фиксации этой легенды — сочинению Иордана «Getica».

При анализе интересующего нас фрагмента текста Иордана необходимо обратить внимание на следующие особенности:

1) не известен автор, из сочинения которого Иордан мог позаимствовать этот сюжет;

2) нарушена хронология событий, но ясно, что описанные события происходили где-то в конце IV в., т. е. после появления гуннов в Северном Причерноморье;

3) рассказ напоминает содержание легенды;

4) нейтральность повествования: с одной стороны описаны подвиги готов, а с другой стороны — рассказывается о жестокости готов по отношению к антам и их окончательном поражении от гуннов;

5) анты в конце IV в. проживали вблизи от реки Эрак;

6) название ***анты*** упомянуто в этом повествовании лишь один раз, а в остальных случаях для их обозначения были использованы местоимения.

Попытаемся разобраться, у какого автора Иордан мог позаимствовать сюжет об антах Божа и готах Винитария.

По словам Е.Ч. Скржинской, Иордан был знаком с сочинениями «Ливия и Тацита, Страбона и Мелы, Иосифа Флавия и Диона Кассия; он пользовался географическими картами и читал Птолемея, не был чужд и более "новой" литературе, обращаясь к Дексиппу, Аммиану Марцеллину, Орозию, Иерониму, Сократу, готскому историку Аблавию…»[19]. Ясно, что все упомянутые авторы, кроме Аммиана Марцеллина и Аблавия, не могли передать Иордану легенду о ранних антах конца IV в. Тем не менее, Е.Ч. Скржинская отметила, что «Иордан сохранил, например, великолепные отрывки из фрагментарно дошедших до нас записей Приска»[20]. Однако очень часто Иордан не указывал свой источник информации, как в случае с упомянутой гото-гуннской войной на землях антов вблизи реки Эрак. Поэтому не исключено, что тут мы имеем дело с фиксацией готского фольклора.

По данным Е.Ч. Скржинской, «Иордан не был самостоятельным в своём труде, представляющем собой лишь сокращение обширной хроники готского историка Кассиодора (умер после 583 г.), посвящённой истории готов и не сохранившейся до нашего времени. Трудно или даже невозможно выделить ту долю самостоятельно добавленного материала, которую вероятно Иордан всё же внёс в свою в основном сознательно-компилятивную работу»[21]. Е.Ч. Скржинская отметила также, что «до нас не дошло сочинение Кассиодора, тот большой труд в двенадцати "томах" или "книгах", о котором как об основе своей работы говорит Иордан и о котором неоднократно упоминает сам автор, называя его то "Historia gothica", то просто "historia nostra" или "origo gothica"»[22]. Как видим, Кассиодор был готским историком, хотя, скорее всего, писал своё сочинение на греческом языке[23]. Однако не известно, можно ли его считать одним из первых фиксаторов легенды об антах Божа и готах Винитария.

Среди некоторых исследователей получило распространение также мнение, что одним из источников Иордана стало сочинение готского историка Аблабия, посвящённое истории готов, о чём могут свидетельствовать три ссылки на этого автора (§§ 28, 82, 113) в сочинении Иордана[24]. Александр Николаевич Анфертьев считает: «Источниками Аблабия были, вероятно, кроме готских преданий и песен (предполагается что он был готом по рождению) также греческие авторы — Дион Хризостом, Дексипп и Приск...»[25] Так что трудно установить, у кого из предшественников — Кассиодора или Аблабия — Иордан мог заимствовать легенду, где содержится первое упоминание об антах. Можно только утверждать, что этот фольклорный сюжет готов попал к готскому историку Иордану от одного из двух указанных готских историков первой половины VI в.

Отметим, что «анты» были зафиксированы как персонажи в фольклоре некоторых германских народов. Например, даже в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона было отмечено: «**Анты** или антские люди являются в нынешних и средневековых легендах Тироля и Хорутании: в легендах этих говорится об Антах, что они жили в пещерах, вдали от всех цивилизованных людей и не имели с ними никаких сношений»[26]. На основании подобных данных Якоб Гримм даже выдвинул гипотезу, согласно которой древненемецкое ***antics*** *'antiquus, priscus'*, англосаксонское ***entisc*** *'giganteus'* от ***ent*** *'gigas'* — «гигант» и родственные им слова происходят от этнонима ***анты***, который обозначал в народных верованиях загадочный древний народ вроде спалов, чуди, обров[27].

Следовательно, готский фольклор мог стать одним из источников для фольклорных сказаний тех народов Кавказа, чьи предки в прошлом контактировали с готами. Поэтому особый интерес заслуживают сведения Прокопия Кесарийского о так называемых готах-тетракситах. Прокопий сообщает о местонахождении готов-тетракситов следующее: «Рядом с теми местами, откуда начинается устье "Болота" (Керченский пролив. — *Авт.*), живут так называемые готы-тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон». Далее Прокопий уточняет, что готы-тетракситы жили в азиатской части Боспора и подчинялись непосредственно утигурам. При этом Прокопий

повествует о причинах переселения готов-тетракситов на территорию Северо-Западного Кавказа. По словам Прокопия, гунны-утигуры решили покинуть степи Северного Причерноморья с тем, чтобы поселиться в Северо-Восточном Приазовье. Далее византийский историк уточняет: «Недалеко от Меотийского Болота (Азовского моря. — *Авт.*) они (утигуры. — *Авт.*) встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы устроили преграду из своих щитов против наступавших на них, решили отразить нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций (Перекопский перешеек)». Однако в дальнейшем готы отказались от сопротивления гуннам-утигурам и «вступили друг с другом в переговоры с тем, чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они (гунны-утигуры. — *Авт.*) решили, что готы поселятся на противоположном (восточном. — *Авт.*) материке у самого берега пролива (Керченского. — *Авт.*), там, где они живут и теперь». Что же касается утигуров, то они также, как и готы-тетракситы, форсировали Керченский пролив и расселились в степях восточнее Азовского моря. При этом Прокопий локализовал антов не на Северном Кавказе или на Боспоре, а на север от владений утигуров[28].

Исследователи уже давно высказали мнение, что это переселение готов и гуннов-утигуров следует датировать серединой V в.[29] Однако данные письменных источников свидетельствуют о том, что употребление термина ***утигуры*** при анализе событий V в. весьма не корректно, ведь это реалии более позднего времени. Это же можно сказать и об употреблении этнонима ***гунны*** в VI в.

Кроме того, Прокопий упоминает также о готах-тетракситах и при описании событий первой половины VI в. в четвёртой книге «De bello Gothico». Тогда византийский император Юстиниан I утвердил христианство в стране «Авазгов», построил им храм во имя Богородицы и дал им священников и епископа. Готы-тетракситы, узнав об этом, обратились к нему с просьбой помочь и им в их духовных нуждах. Незадолго до того у готов умер их епископ. Отправив в Константинополь посольство из четырёх человек, они просили Юстиниана прислать им нового пастыря. Император радушно принял посольство и отправил епископа готам. Прокопий добавляет, что при встрече готы изложили только свою просьбу о епископе, но при тайной встрече дали весьма важные сообщения относительно тех выгод, какие императорское правительство может достичь,

если посеет раздор в среде варварских племен, занимающих дальние области[30]. Юлиан Андреевич Кулаковский склонен датировать это событие «от 1 августа 547 до 31 июля 548 года нашей эры»[31].

Судя по всему, спустя некоторое время Юстиниан послушался советов готов-тетракситов, потому что последние приняли активное участие в дальнейших событиях. Речь идёт о походе утигуров против их сородичей-кутригуров. В походе утигуров за Дон участвовали и готы-тетракситы в количестве 2 тысяч человек[32]. Что же касается локализации готов-теракситов, то Прокопий помещает их южнее обитавших в Восточном Приазовье утигуров, на север от которых в его время проживали анты: «За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную её часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого "Меотийского Болота" и до реки Танаиса (Дона), который впадает в "Болото". Само это "Болото" вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье "Болота", живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон. [Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского Болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой]»[33]. Как видим, в середине VI в. готы-тетракситы не были соседями антов, потому что их разделяли владения утигуров. А этот момент следует учитывать, если в адыгском фольклоре речь идёт о столкновениях готов и антов. Получается, что реалии середины VI в. не могли лечь в основу фольклорного сюжета адыгов.

После этого готы-тетракситы, казалось бы, навсегда исчезают со страниц истории. Однако древнерусская поэма «Слово о полку Игореве», созданная после событий конца XII в., их упомянула в пассаже о «Готских прекрасных девах» и «времени Бусовом»:

«...Се бо Готъскія красные девы
въспеша на брезе синему морю:
звоня Рускым златомъ,
поют время Бусово,
лелеютъ месть Шароканю...»

В этой связи обратим внимание, что ещё в XIX в. некоторые исследователи высказали предположение, что упомянутый «Бус» — это князь антов Божь, о котором писал ещё Иордан[34]. Что же касается «готских прекрасных дев», то ни у кого нет сомнений, что речь идёт о готах-тетракситах, которые должны были проживать или на восточном берегу Азовского моря, или на северо-восточном побережье Чёрного моря. Доказательством этого может являться то, что в «Слове...» неоднократно упоминается Тмутаракань. Как видим, и на Руси мог быть известен сюжет Иордана о готах Винитария и антах Божа. И это могло находиться в прямой связи с готами-тетракситами, проживавшими недалеко от Тмутаракани.

Относительно готов-тетракситов еще в XIX в. было написано немало исследований. Большинство ученых справедливо видели в них отдельную от крымских готов группу населения. Со второй половины XIX в. возобладало мнение о расположении готов-тетракситов на Тамани и в районе современной Анапы (до Геленджика)[35]. Как правило, эту территорию отождествляли с Эвдусией анонимного Перипла Чёрного моря и Эвлисией Прокопия.

Что же касается этимологии слова «тетракситы», то на этот счёт высказывались различные мнения. Так, архимандрит Арсений (Иващенко) полагал, что готы так назывались по числу общин[36]. Арист Аристович Куник видел в этнониме переиначенное слово τετράκις (четырёхкратно) в соответствии четырём послам тетракситов к Юстиниану I[37]. Николай Петрович Ламбин предположил, что ***тетракситы*** — это составное имя, первая часть которого произошла от четырёх климáтов Готии, а вторая часть — от названия ***скифы***. Соответственно название ***тетракситы*** Н.П. Ламбин переводил как «скифы тетрархии»[38]. Василий Григорьевич Васильевский, исходя из того, что готы-тетракситы обитали там, где позже находилась Тмутаракань, выдвинул версию, что слово ***тметракситы*** исказилось у Прокопия в ***тетракситы***[39].

Не менее спорна дальнейшая судьба готов-тетракситов. Фёдор Александрович Браун считал, что погибли они раньше своих крымских соплеменников[40]. По мнению Филиппа Карловича Бруна, именно тетракситы были теми готами, которые в 823 г. принимали участие в восстании Фомы Славянина против византийского императора Михаила II. По его же мнению, готы-тетракситы также могли находиться в войске абхазского князя Бера, который жил в земле «сарматов» и напал в 943 г. на город Карс. Ф.К. Брун предполагал,

что русский князь Изяслав Мстиславич, женившийся в 1154 г. на царевне «из обез», взял эту царевну из среды готов-тетракситов[41]. По мнению Ю.А. Кулаковского, готы-тетракситы сохраняли «национальную самостоятельность» и после Юстиниана I, так как «“Слово о полку Игореве” упоминает о готах в Приазовье»[42].

Как видим, судьба готов-тетракситов после VI в. остается загадкой. И что характерно, на тех землях, где проживали готы-тетракситы, в более позднее время письменными источниками стали упоминаться племена адыгов. К сожалению, мы не знаем, какие были отношения между пришельцами-готами и местными племенами аборигенов. Сообщение Прокопия позволяет прийти к выводу, что на юг от страны Эвлисии находились племена «сагинов», которые в прошлом утратили выход к Чёрному морю. На черноморском же побережье поселились «зехи» или зихи. Так, Прокопий сообщает: «За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя, теперь же эти варвары ни в чём уже не повинуются римлянам. За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления. Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал (гл. II, § 16), легионы римских войск занимали её местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов: теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых ещё в моё время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хозров был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противолежащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру. Вот какие дела были здесь. За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную её часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так

называемого Меотийского Болота и до реки Танаиса (Дона), который впадает в "Болото". Само это "Болото" вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами»[43].

Существует мнение, что в сагинах следует видеть часть адыгских племён[44]. Что же касается зихов («зехов» Прокопия), то у исследователей нет сомнений в их адыгском происхождении. Таким образом, этнические группы адыгов Северо-Западного Кавказа были известны византийским авторам под этнонимами — «зехов» и «сагинов» у Прокопия Кесарийского, «зихов», «папагов» и «касахов» у Константина Багрянородного. Этноним ***зихи*** появляется ещё в «Географии» Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.). Его знают Клавдий Птолемей, Дионисий, Арриан и Стефан Византийский. Позднее Зихию упоминают византийские авторы Епифаний и Феофан Исповедник (VIII—X вв.)[45]. В связи с этим имеются основания предполагать, что из местных аборигенных групп Северо-Западного Кавказа в VI в. контактировать с готами-тетракситами могли сагины. Однако после VI в. этот этноним не упоминается, что позволяет считать, что этноним ***зихи*** мог поглотить все иные этнические наименования субрегиона. Сохранялись ли в это время готы-тетракситы, трудно сказать. Поэтому весьма проблематичным может быть определение характера взаимоотношений готов-тетракситов с местными этническими группами. Однако пролить на это свет могут данные археологии.

По наблюдениям Игоря Олеговича Гавритухина и Алексея Васильевича Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, «в VI—VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног»; на могильнике Агойский аул «нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка погребённых»; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике[46].

Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован Всеволодом Васильевичем Саханёвым более ста лет назад и им же был продатирован на основе нумизматического материала как V—VII вв., так и IX в.[47] Для некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханёв выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Отдельный интерес могут представлять первая и вторая группы, которые исследователь датиро-

вал VI—VII вв. Большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или, в некоторых случаях, в простых грунтовых ямах. Ориентация погребённых была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершённые на стороне, но помещённые в шести случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму[48].

В.В. Саханёв относительно большинства ингумационных захоронений VI—VII вв. Борисовского могильника в каменных ящиках высказал, и не без оснований, предположение об их принадлежности зихам[49]. Что же касается трупосожжений, в шести случаях помещённых в каменные ящики, то В.В. Саханёв справедливо отметил, что эта часть Борисовского могильника «очень близка к могильникам крымских готов»[50]. Это последнее предположение в какой-то степени подтверждается недавними результатами археологических раскопок в Крыму. Так, Александр Ильич Айбабин отметил появление на полуострове уже в III в. нового типа захоронений: трупосожжения, при которых урны с прахом помещались в каменных ящиках, в ямах с каменным перекрытием, в простых грунтовых ямах и т. п., а также жжённые кости помещались в небольшие ямы[51]. По мнению исследователя, «признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами»[52]. Как видим, погребальный обряд ранних готов Крыма был аналогичен, но не идентичен кремациям Борисовского могильника VI в. Этому найдутся объяснения, но указанный вопрос не входит в предмет рассмотрения нашего исследования. Добавим также, что если бы носители обряда кремации находились во враждебных отношениях с аборигенами, практиковавшим обряд ингумации в каменных ящиках, то они вряд ли бы могли хоронить своих умерших на одном могильнике с ними.

Казалось бы, ничто не мешает нам принять следующее: сюжет о борьбе готов с антами могли занести на Кавказ, в среду адыгов, готы-тетракситы, где он со временем адаптировался к местным реалиям и стал частью адыгского фольклора. Однако имеется один весомый контраргумент для этого предположения.

Так, Ш.Б. Ногмов в книге «История адыгейского народа» вслед за повествованием об антах и готах приводит другой фольклорный сюжет адыгов об аварском хане Байкане, который покорил многие народы: «Очередь доходила и до нашего народа. Хан Байкан потре-

бовал от него через своих послов подданства. Но князь Лавристан и другие вожди адыгейские не хотели исполнить желание хана и отвечали его послам гордыми и неприятными речами. Послы хана стали поддерживать достоинство своего повелителя; от переговоров возгорелась между ними и князьями ссора и послы заплатили жизнью за свою дерзость. Хан не мог простить жестокого оскорбления, нанесённого ему в лице послов. Он собрал огромное войско, вступил от берега Чёрного моря в землю адыгов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его устремилась на князя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество, ограбил селения, сжёг поля и истребил много жителей. Бедный народ, облитый кровью, без корма и без пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих лесах...»[53]

Как это ни странно, но этот сюжет очень перекликается с сюжетом, приведённым византийским историком второй половины VI в. Менандром в «Продолжении истории Агафиевой». Только там аварского хана звали Баян, а вместо адыгейцев с их вождем Лавристаном были упомянуты анты с их вождем Мезамиром. А всё остальное почти идентично[54]. Это заметил уже сам Ш.Б. Ногмов и дал следующее объяснение: «Предание во всём сходно с историей. Но повесть о Лавристане, кажется, перенесена несправедливо к славянам европейским, которые смешаны в повествовании с кавказскими антами. Те и другие были покорены аварским ханом. Но подробность и верность предания насчёт местности относительно пути, по которому следовал хан аварский, вступивший в землю антов, от берега Чёрного моря, наименование дорог от этого моря до р. Кубани *смертоносными Байкановыми путями*, наконец, верность в именах, приведённых в этом сказании, сохранившаяся через многие столетия, не позволяют сомневаться в достоверности предания»[55].

Аналогичного мнения также придерживается А.Ф. Кафоев: «В отличие от сообщения Менандра “Предание о войне адыгов с Байканом, ханом аварским” имеет ряд преимуществ. С адыгским преданием сосуществует текст исторической песни, что делает его более убедительным. Кроме того, предание ссылается на топонимику края и на сохранившиеся поговорки»[56].

Однако же обратим внимание на то, что сюжеты адыгского фольклора о борьбе антов с готами и о борьбе адыгов (антов) с аварами в точности повторяют сообщения историков из Византии — Иордана и Менандра. Следовательно, для обоих сюжетов может быть один

источник — византийская историческая традиция. Не менее логично предположение, что сюжет о борьбе готов и антов попал к адыгам от готов-тетракситов, а сюжет о нашествии аварского хана — из Византии. Не стоит забывать, что Иордан и Менандр жили в одну эпоху. Получается, что сюжеты об антах и готах, а также об аварах могли попасть в адыгскую среду не раньше второй половины VI в. Остаётся лишь выяснить: возможно ли было это?

Как уже было отмечено, в первой половине VI в. при императоре Юстиниане I византийцы проявляли интерес к народам Северо-Восточного Причерноморья, стремясь установить своё влияние через распространение халкидонского христианства. В этот процесс оказались втянутыми не только готы-тетракситы, но и зихи.

В соответствии с последними данными Виктора Николаевича Чхаидзе и Инги Александровны Дружининой известно, что Зихская епархия уже существовала со второй трети VI в. По их наблюдениям, первоначальным центром епархии являлась Никопсия, располагавшаяся на р. Нечепсухо. В середине VII в. название «Зихия» служило общим наименованием для области церковной юрисдикции кафедр Северного и Северо-Восточного Причерноморья. С VII в. в Нотициях Константинопольского патриархата Зихия упомянута как кафедра в подчинении Константинопольского патриархата. Однако около 800 г. кафедра Зихии относится к епархии Абазгии. Во второй четверти — второй половине IX в. Никопсийская кафедра была напрямую перенесена в Матарху на Тамани (территория будущего Тмутараканского княжества). В соответствии с Нотициями Константинопольского патриархата, уже с X в. Матарха была центром Зихской епархии[57].

Не стоит сомневаться в том, что вместе с халкидонским христианством на землях зихов стала распространяться и византийская культура. А это предполагает то, что некоторые сюжеты из сочинений историков Византии могли попадать в Восточное Причерноморье. И поэтому не стоит упускать из виду, что одним из мест контактов Руси с византийской культурой мог быть Таманский полуостров, где в конце X — XI вв. существовало Тмутараканское княжество. Может быть, поэтому не лишено оснований мнение Николая Гавриловича Головина и Омельяна Михайловича Огоновского, согласно которому упомянутый в «Слове о полку Игореве» «Бус» являлся князем антов Божем, о котором писал ещё Иордан[58]. Добавим к этому упомянутых там «Готских красных дев» на «брезе сине-

го моря», а также неоднократное упоминание Тмутаракани в поэме. Получается, что с сюжетом о Бусе (Боже) выходцы из Руси могли познакомиться на Таманском полуострове в XI в. От них он попал на Русь и отголоски этой легенды нашли отражение в «Слове...».

Ещё в XIX в. Всеволод Фёдорович Миллер обратил внимание на многие совпадения в фольклоре Руси и Северного Кавказа. Это он объяснил тем, что более столетия существовало Тмутараканское княжество, что предполагало связи с проживавшими рядом ясами-аланами и касогами-адыгами. Они-то, по его мнению, и явились одними из носителей сюжетов[59]. Если В.Ф. Миллер прав, то получается, что с сюжетом о Бусе (Боже) русь могла познакомиться от касогов на Тамани в XI в. Следовательно, сюжет о готах Винитария и антах Божа мог попасть к адыгским племенам в значительный промежуток времени: с конца V по конец X вв.

Тогда возникает вопрос: почему адыги в своих сказаниях отождествляли себя с антами? Обратим внимание на наблюдения тех исследователей, согласно которым в прошлом среди части адыгов получили распространение самоназвания, напоминавшие этноним ***ант***: ***антихе***, ***антхэр*** и т. п.[60] Не стоит также упускать из виду, что взаимоотношения адыгов Северно-Западного Кавказа и готов-тетракситов не всегда носили мирный характер. Поэтому фольклорные сюжеты о борьбе антов с готами в адыгской среде могли подвергнуться обработке. А это в конечном итоге привело к тому, что враждебные готам-тетракситам зихи и касоги стали называть себя «антами» в своих сказаниях, почерпнутых из сюжетов сочинения Иордана.

Аналогичным образом можно объяснить, почему в осетинской устной традиции существуют сказания о борьбе предков осетин с племенем «Gut»[61]. Стоит напомнить, что в средние века влияние византийской культуры на предков осетин — аланов было не менее значительным, чем на предков адыгов.

Отметим, что северокавказские аланы уже в раннее средневековье стали принимать христианство. Первым обстоятельно коснулся этой проблемы еще в XIX ст. Ю.А. Кулаковский в специальной статье «Христианство у алан», где он высказал поддержанный тогда многими исследователями тезис, в соответствии с которым лишь в начале X в. северокавказские аланы перешли в христианство, а до того были язычниками[62]. По мнению Ю.А. Кулаковского северокавказские аланы стали христианами в то время, когда Николай Мистик во второй раз занимал в Константинополе патриарший престол, т. е.

между 912 и 925 гг.[63] Однако спустя десятилетия некоторые историки стали предлагать более раннюю датировку событий. Так, Френсис Дворник, Анатолий Петрович Новосельцев и некоторые другие современные исследователи высказывали мнение, что северокавказские аланы приняли христианство еще в IX в.[64] Другие историки предположили, что северокавказские аланы стали христианами уже в самом начале X в., т. е. в первое патриаршество Николая Мистика, что имело место между 901 и 907 гг. К числу сторонников этого мнения можно отнести Владимира Александровича Кузнецова, Омельяна Иосифовича Прицака, Захария Николаевича Ванеева, Александра Вильямовича Гадло и др.[65] Следовательно, принятие аланами христианства из Византии способствовало также культурному воздействию на аланов со стороны византийцев. Это не исключает того, что к аланам могли попасть отдельные сюжеты исторических сочинений из Византии, например сказание Иордана о борьбе антов Божа с готами Винитария. И как это часто бывает, сюжет мог адаптироваться в местной среде и поэтому мы встречаем в осетинском фольклоре упоминание о борьбе предков осетин с племенем «Gut».

Но возможно и альтернативное объяснение этого явления: предки осетин могли заимствовать сюжет о готах от соседей-кабардинцев, у которых, как мы видели, он пустил глубокие корни. По данным персидских историков, зимой 1395/1396 гг. войско Тимура, во время похода против золотоордынского хана Тохтамыша, двинулось из Азова в земли черкесов, которые уже проживали на равнине в степях Предкавказья[66]. По наблюдениям археолога Нажмудина Абдурахимовича Шафиева, в XIV—XVI вв. в степях Северного Кавказа, от берегов Чёрного моря до с. Ачхой на территории бывшей Чечено-Ингушетии, получили распространение многочисленные курганные и бескурганные могильники, которые исследователь склонен был связать с расселением адыгов-черкесов[67]. Отметим, что их южными соседями являлись аланы — предки осетин. Одним словом, уже в XIV в. сюжет о борьбе с готами мог попасть от предков кабардинцев к предкам осетин.

Таким образом, распространённость сюжета о борьбе антов с готами на Кавказе можно объяснить тем, что предки современных адыгов, известные из средневековых сочинений как «зихи», «касоги» и т. п., а также современных осетин — аланы, длительное время находились под воздействием византийской христианской культуры. И поэтому сюжеты об антах, содержащиеся в сочинениях

Иордана и Менандра, могли через посредство византийцев попасть к народам Северо-Восточного Причерноморья и со временем адаптироваться в местной фольклорной среде. Отметим необычность ситуации. Обычно фольклорные сюжеты попадают в историческую литературу и становятся составляющей хроник. Здесь же мы видим ситуацию с точностью до наоборот: из византийских исторических сочинений сюжеты об антах и готах попали в среду кавказских народов, трансформировались там и стали частью местного фольклора.

* * *

Кроме того, творцами исторических мифов могут быть не только народы, но и современные исследователи. Так, в последние десятилетия иногда некоторые авторы публикаций любят писать о том, что в раннее средневековье на Северо-Западном Кавказе якобы проживала этническая группа адыгов, которая называлась то ли «согдианы», то ли «сугды». Они якобы в Восточном Крыму основали поселение Сугдея (Судак). На что же опираются такие смелые предположения?

В связи с этим отметим, что исследователи уже давно обратили внимание на один пассаж, содержащийся в том переводе с латинского языка на греческий сочинения христианского писателя IV в. Иеронима «De viriis illustribus», который выполнил греческий писатель и переводчик IV—V вв. Софроний. Речь идёт об одной из вставок, приписываемых Софронию, где повествуется о деяниях апостола Андрея в Северном и Восточном Причерноморье: «Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, — проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христоса Скифам и Согдианам и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис…»[68] В данном случае весьма необычно для этого региона употребление этнонима ***Согдианы***.

Считается, что один из вариантов этого отрывка, но с изменениями, фигурирует в том христианском агиографическом сочинении «Хождение Апостола Андрея в стране Мирмидонян», который был написан в конце VIII — начале IX вв. монахом Епифанием. Однако последний ссылается на святого Епифания Кипрского, жившего в IV—V вв. Так, монах Епифаний сообщает следующее: «По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, Косогдиан и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис и

где живут Ивиры (Грузины), и Сусы, и Фусты, и Аланы»[69]. Обращает на себя внимание то, что монах Епифаний заменил название народа из Восточного Причерноморья — «Согдианы» на «Косогдианы». В.Г. Васильевский посчитал это ошибкой, исходя из того, что в другом фрагменте этого же сочинения упомянуты «Сугдеи»: «А Симон и Андрей отправились в Саланию (читай: Аланию) и в город Фусту. Сотворив многие знамения и многих обратив, они перешли в Авасгию (Абхазию) и, вступив в Великий Севастополь, учили слову Божию. Андрей, оставив там Симона, с учениками своими ушёл в Зикхию. Зикхи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий. Они хотели убить Андрея, но увидели его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намерение. Апостол, покинув их, пришёл к верхним Сугдеям. Это люди кроткие и доступные вере; они с радостию приняли слово проповеди. От них апостол пришёл в Воспор, находящийся по ту сторону Понта...»[70] В этом случае также обращает на себя внимание необычное для Восточного Причерноморья этническое название — «Сугдеи».

По мнению В.Г. Васильевского, «Саки и Согдианы ... могли быть переводом на учёный язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то»[71]. Однако среди современных исследователей на этот счёт существует и иное мнение.

Так, А.В. Гадло, комментируя упомянутые фрагменты, высказал предположение, что под названием «Согдианы» могли фигурировать «сагины», которые «были особым этнотерриториальным образованием, занимавшим южную часть Кубанской дельты — область древней Синдики, которая до IX в. не входила в состав зихского объединения»[72]. По его мнению, ситуация выглядела следующим образом: «В “Житии апостола Андрея”, составленном в конце VIII — начале IX вв. Епифанием, общность сагинов выступает под этнонимом согдиане-сугды, который был заимствован автором из позднеантичной литературной традиции. Под этим же этнонимом (Сугдабон) эту общность упоминает источник Равеннской Космографии IX в., который указывает её рядом с областью фанагуров и Меотидой. С этого времени этноним согдиане-сугды в византийской литературе становится обычным обозначением адыгской общности, занимавшей южную часть Кубанской дельты, под этим этнонимом её называет византийский поэт Иоанн Цецес. ... В VIII в. этноним согдиане-сугды появляется на территории Таврики, где он

даёт имя Сугдея древнему греческому эмпорию, существовавшему с 212 г. (современный Судак). Обращение сугдов в христианство греческая церковь рассматривала как основной подвиг епископа этого города Стефана, участвовавшего в церковном Соборе 787 г. (Стефан Сурожский русской агиографии)»[73].

А.В. Гадло в дальнейшем попытался развить свою гипотезу и в результате этого сделал ещё одно предположение: «Анализ этнонимики византийской литературы приводит к выводу, что в период раннего средневековья адыги были известны не только под живыми этнонимами, но также и под этнонимом-маской, заимствованным византийскими авторами из античной историко-географической традиции (ср.[авните]: русские — скифы). Таковым был этноним согдиане (согды, сугды, сугдеи). С Кавказом этот этноним был впервые связан авторами апокрифических сочинений IV в., повествующих о миссионерской деятельности апостола Андрея, и вначале имел метафорическое значение. Однако в дальнейшем, в VIII—X вв., как свидетельствует Равеннская Космография, "Хождение" Епифания, сочинения Иоанна Цецеса и другие источники, он получил реальное осмысление и вполне определённую локализацию… Его связали с этнической группой сагинов — общностью, упомянутой в VI в. Прокопием Кесарийским в левобережье Кубанской дельты на территории античной Синдики (район современной Анапы). Группа сагинов может быть вполне обоснованно сопоставлена с адыгским племенем сагаки (схегакэ, шагахи, хегаки), занимавшим тот же район в XVII—XVIII вв. и впоследствии влившимся в адыгскую общность натухайцев. Таким образом, свидетельства византийских источников VIII—X вв. и восходящих к ним сочинений более позднего времени, в том числе древнерусских переводных сочинений о согдианах-сугдах, следует воспринимать как отражение истории одного из адыгских этнотерриториальных объединений, которое существовало наряду с объединением зихов, занимавших Черноморское побережье, и касогов, в основном владевших бассейном левых притоков Кубани»[74].

Кроме того, в качестве доказательства того, что якобы адыги-сугды переселились в Крым, А.В. Гадло приводит сведения об особенностях распространения христианства в регионе. В частности, исследователь отметил: «В начале VIII в. сугды основали в восточной части побережья поселение, которому дали своё имя — Сугдея (современный Судак). Вокруг этого поселения вскоре выросла

целая колония, для обслуживания духовных потребностей которой уже в период правления патриарха Германа (715—730 гг.) оказалось необходимым создать новую епископию. Эта епископия вошла в состав Зихской епархии, а, вероятнее всего, она просто отделилась от Никопсийской кафедры, сохранив при этом с нею, вполне естественно, тесную родственную связь»[75].

Необходимо отметить, что, несмотря на многие спорные моменты, гипотеза А.В. Гадло о согдианах-адыгах, которые якобы в Крыму основали поселение Сугдея, нашла поддержку среди многих исследователей. Если посмотреть те сайты в сети Интернет, где речь идёт об основании современного Судака, объектом внимания их авторов обязательно оказывается изложенная гипотеза А.В. Гадло, а не иные предположения. В последнее время довольно часто многие авторитетные учёные в решении этого вопроса полностью доверяют А.В. Гадло, а не другим исследователям.

Так, Шамиль Рафхатович Мингазов в автореферате кандидатской диссертации отметил: «С приходом болгар-оногур в Крым связывается и основание Сугдеи (Сурожа, Судака) в середине VII в. сугдами, входившими в состав Великой Болгарии и отступившими в Крым после поражения от хазар вместе с болгарами оногурами или венендерами. Болгарские памятники обнаружены как в самой судакской крепости, так и вокруг нее»[76].

Кроме того, в гипотезу об основании Сугдеи адыгами-сугдами верили даже некоторые исследователи из Крыма. Так, Игорь Авенирович Баранов считал, что крепость в Судаке сугды возвели во второй половине VII в. или в третьей четверти этого столетия. В качестве доказательства этого он использовал отдельные фрагменты керамики[77]. А.И. Айбабин, с одной стороны, склонен верить в причастность к основанию поселения сугдов-адыгов, а с другой стороны, основание Судака он также относит не к VIII в., а к более раннему времени. Это он подтверждает следующими данными: «Опубликованные в статьях И.А. Баранова находки из раскопок в Судаке датируют возникновение города не ранее последней четверти VII в. В письменных источниках Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского Анонима конца VII в., где он назван Сугдеей “Sugdabon”. Наиболее ранней печатью из найденных в Судаке является моливдовул 696/697 гг.»[78]

Больше всего в гипотезе А.В. Гадло смущает утверждение, что поселение Сугдея или Судак было основано в раннем средневеко-

вье переселившимися сюда с Северо-Западного Кавказа адыгами-сугдами. Это в значительной степени противоречит давно устоявшимся представлениям. С другой стороны, А.В. Гадло так и не доказал, что упомянутые Епифанием «согдианы» действительно относились к адыгам.

Казалось бы, в пользу того, что адыги пребывали вблизи Судака, может свидетельствовать топоним ***Тепсень***, недалеко от Коктебеля. Обычно это название связывают с крымскотатарским словом ***tepsi***, означающим «блюдо», «круглый в плане холм»[79]. Однако есть и альтернативное объяснение. Так, название ***Тепсень*** можно считать производным от составного адыгского термина ***Туа-псын***, где ***Туа*** (***ТIу***) означает «два», а ***псын*** — «родник». Получается, что первоначальное значение топонима могло быть «Два родника». Подобное название ***Ту япсын (ТIу япсын)*** известно в Восточном Причерноморье для обозначения притока р. Туапсе[80]. Но подобное название могло появиться в этом районе и не в раннее средневековье, а в более поздний период, например во времена Крымского ханства, когда имели место переселения черкесов в Крым[81].

Тем не менее, есть и другое косвенное доказательство в пользу гипотезы А.В. Гадло о пребывании адыгов вблизи Судака в раннее средневековье. Так, на холме Тепсень у с. Планерское было открыто поселение салтовской культуры, датированное VIII—X вв. и основанное, по мнению исследователей, переселенцами из Приазовья. При раскопках были открыты фундаменты нескольких христианских храмов, жилища, обломки сосудов салтовского типа, жернова, литейные формы, куфические и византийские монеты, характеризующие занятия и торговые связи местных жителей[82].

А.В. Гадло для обоснования своей гипотезы привёл следующие аргументы: «Появление сагинов-сугдов на территории Таврики может быть связано с процессом образования Хазарского каганата, одним из важнейших политических центров которого с конца VII в. стал район Тамани. Свидетельством проникновения на коренную адыгскую территорию кочевнических групп, продвинувшихся в Причерноморье из глубинных областей каганата, являются погребения (трупосожжения) верхнего горизонта могильника Дюрсо. О сложных политических событиях, происходивших в VIII—X вв. в землях адыгов и, в частности, в районе, прилежащем с юга к Кубанской дельте, свидетельствует также адыгский исторический фольклор (цикл преданий о прародителе адыго-кабардинских княжеских

династий Инале). Культура VIII—X вв., распространённая в Восточной Таврике и на Тамани, не имеет принципиальных отличий. Это южный приазовский вариант салтово-маяцкой культуры»[83].

Однако приведённые наблюдения и предположения не могут быть прямым доказательством того, что в Восточную Таврику из Приазовья переселились именно адыги, а не болгары или другие племена.

Таким образом получается, что гипотеза А.В. Гадло об основании Судака в Восточном Крыму сугдами, принятыми им за адыгов, строится лишь на созвучии названий ***Сугдея*** и ***сугды***. Но эти этноним и топоним имеют и другие варианты написания.

Так, в Космографии Равеннского Анонима конца VII в. известно название «Sugdabon». Оно упомянуто при географическом описании населения и территорий, прилегающих к Меотиде — Азовскому морю: «Item ad frontqum Roxolanorum regionis sunt patriae, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, nec non Getho Githorum, **Sugdabon**, Fanaguron, paludis Maeotidon. quae Maeotida regio, vel si in hoc loco nominata est, quae tamen dum satis patiosa existit, usque ad praefatam Bosphoranam patriam pertingit. nec non iuxta regionem Maeotidam est patria maxima quae dicitur Dardania. in qua diversae patriae usque ad mare magnum Ponticum pertingunt; quarum multi fuerunt adscriptores, idest superius nominatus nefandissimus Porphyrius et Livanius atque Eutropius...»[84] Неопределенность локализации заставила многих исследователей считать, что это и есть первое упоминание о городе Сугдее в Крыму[85]. Однако А.В. Гадло допускал, что в цитированном выше фрагменте было упомянуто не поселение с названием «Sugdabon», а жители Северо-Западного Кавказа, известные также в других источниках как «согдианы» или «сугды»[86].

Получается, что первым наиболее достоверным упоминанием Сугдеи следует считать относящийся к концу VIII в. список епархий, открытый Карлом де Боором. Там отмечено, что в состав Зихской епархии входят Херсон, Боспор и Сугдея (соответственно на 28, 29 и 30 местах в перечне автокефальных архиепископств)[87].

Известны также другие названия города. Так, в некоторых списках древнерусских летописей, в «Слове о полку Игореве»[88] и в «Житии Стефана Сурожского»[89] город был известен под названием ***Сурож***. Западноевропейские авторы использовали относительно этого города термин ***Солдая***[90]. Арабоязычным авторам монгольской эпохи

Ибн ал-Асиру, Ибн Абд аз-Захыру, ал-Муфаддалю, Ибн Баттуте, ал-Айни и персидскому историку Рашид ад-Дину было свойственно называть этот город ***Судак***[91]. А персоязычный автор XIII в. Ибн ал-Биби использовал название ***Сугдак***[92].

Многие исследователи считали, что название этого города связано с пребыванием здесь аланов и является производным от аланского (осетинского) термина ***sygdaeg*** / ***sugdaeg*** — «святой, чистый»[93]. Василий Иванович Абаев считал, что термин ***sugdaeg*** происходит от древнеиранского ***suxta-ka***, что связано происхождением с глаголом ***sauk*** — «гореть, жечь». В пользу этого предположения может свидетельствовать также термин ***sug***, который до сих пор используется в осетинском языке для обозначения дров. Огонь был священным для древних иранцев и поэтому имеются основания считать, что термин ***sugdaeg*** происхождением был связан именно с этой священной стихией[94].

К большому сожалению, многие современные исследователи забыли высказанные еще Ф.К. Бруном следующие аргументы: «По припискам в древнем греческом синаксаре город этот был основан в 212 году нашей эры. Основываясь на этом факте, достоверность которого мы не имеем права отрицать, можно полагать, что город этот обязан своим существованием Аланам, господствовавшим уже в то время над большею частью Таврического полуострова. В подтверждение приведённого здесь мнения может служить то, что имя Сугдея, не имея никакого значения на греческом языке, напоминает нам Согдиану, искони прославленную своим плодородием и причисленную мусульманами к четырем земным раям. Под Согдианою древние авторы разумели не всю страну между Оксом и Яксартом, или туркестанскую Месопотамию, но — долину, где находятся города Самарканд и Бухара, и которая ныне еще у восточных писателей называется Согд, а в книгах Зороастра — Сугда. Так как древние обитатели этой страны были Иранцы, подобно Аланам или Ясам наших летописей, предкам нынешних Осов (Осетов, Осетинцев), которые сами себя называют Ирон, отличаясь от других горцев языком, нравами преданиями и даже нынешним видом своим, то можно допустить предположение, что Иранцы, переселившись из зааральского края в Черноморье, новое своё жилище в долине Судакской называли Сугдеею в память той именно области Мавераннагра, которая одна только равнялась ей по своему плодородию»[95]. Добавим, что ещё несколько десятилетий назад О.И. Прицак вы-

сказал мнение, что город Судак в Крыму был основан согдийцами, назвавшими его своим именем, потому что в раннее и развитое средневековье, по его мнению, присутствие согдийских купцов в Северном Причерноморье было весьма ощутимым. Как доказательство этого он отметил, что в «Слове о полку Игореве» в перечне этнических названий Восточной Европы рядом с названием «Половъци» упомянут этноним «Деремела», в котором, по его мнению, следует видеть обозначение для бродников древнерусских летописей, происходящее от согдийского термина ***tăr-band*** — «переправа, брод»[96].

Однако созвучие названий ***Согд*** и ***Судак*** ещё не может быть основанием того, что город Судак основали именно согдийцы. Имеется больше оснований поддержать мнение Ф.К. Бруна, что поселение Судак основали близкородственные согдийцам аланы Восточного Крыма. Ведь в языке аланов, как и в согдийском языке, слово с основой ***сугд-*** также имело близкое значение — «чистый, святой». О том, что аланы во времена поздней античности и средневековья проживали в Восточном Крыму, имеются свидетельства письменных источников.

Так, Гильом де Рубрук в 1253 г. недалеко от г. Солдаи (Судака) повстречал Скатая, местного правителя татар, с которым находились «христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят хранить свой закон»[97]. Арабоязычный автор второй половины XIII в. Ибн Абд аз-Захыр сообщает, что в начале 60-х гг. XIII в. египетский султан Бейбарс направил к золотоордынскому хану Берке в Крым посольство с письмом, в котором «было много подстрекательств и изложение того, как султан действует по части священной войны». Весьма примечательно, что «письмо это он отправил с одним доверенным лицом из Аланских купцов»[98]. В 1263 г. посольство достигло Крыма и посетило города Судак и Крым. О встретившем посольство населении города Крым, который тогда был административным центром золотоордынских владений на полуострове, Ибн Абд аз-Захыр сообщает: «Потом они взобрались на гору, называемую Судак; встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как-то: Кипчаки, Русские и Аланы»[99]. Однако наиболее часты упоминания об аланах в соседней к Судаку Феодосии, которая также имела и другие названия.

Уже в V в. Псевдо-Арриан писал: «На нынешнее же время Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть Семибожный»[100]. По мнению В.Ф. Миллера, в первоначальном

варианте это название могло иметь вид ***Абдарда***. Он был склонен связывать ***ard*** с авестийским ***areda*** (сторона), санскритским ***tardha*** и осетинским ***аердаг*** (половина) и предполагал, что название ***Абдарда*** могло означать «семисторонний»[101]. Отметим, что аланы, как жители Феодосии, переименованной в Кафу, в письменных источниках фигурировали и в средневековье.

Так, Рукн ад-Дин Бейбарс (1245—1325 гг.) сообщает, что в 698 году хиджры (1298 г.) Ногай послал сына дочери своей в Крым и тот, прийдя в Кафу, погиб от рук местных жителей. В ответ на это Ногай послал на город огромное войско и оно его разорило. Среди попавших в плен были купцы «мусульманские, аланские и франкские»[102].

Само название города — ***Кафа*** М. Фасмер сравнивал с древнеиранским ***kaufa*** — «гора», В.И. Абаев с аланским ***kafa*** (осетинское ***каеф***) — «рыба»[103]. Подобных взглядов придерживается также Игорь Георгиевич Добродомов. По его мнению, «более новая форма скифо-аланского слова для рыбы (с изменением ***p*** в ***f***) была положена в основу названия города Феодосия в источниках X—XVIII вв.»[104]

Таким образом, данные топонимии в определенной степени перекликаются с информацией письменных источников и гипотетически позволяют выделить поселения аланов в юго-восточной части Крымского полуострова в треугольнике между городами Феодосия (Кафа), Судак (Сугдак) и Старый Крым (Сурхат). Поэтому можно поддержать мнение В.А. Кузнецова, что названия ***Сугдак***, ***Ардабда***, и может быть даже ***Сурхат*** имеют аланское происхождение и носят культовый характер[105].

Относительно культового характера этих топонимов отметим, что история знает множество примеров того, когда названия населённых пунктов возникают под воздействием религиозных представлений. Не стоит ходить далеко за примерами и вспомним названия городов в христианских странах: Санта-Крус, Сантьяго, Сент-Жорж и т. п. Ну а классическим примером этого можно считать возникновение названия древнего города — ***Вавилон***, где ***Bab-Ili*** на аккадском может означать «Ворота Бога». Обычно в таким случаях на месте будущих поселений возникают святилища или храмы. Вследствие притока паломников вокруг них вырастают поселения, с течением времени превращающиеся в крупные хозяйственные и торговые центры. Так что же нам мешает считать, что так не могло произойти с возникновением города Судак?

Как уже отмечалось, некоторые исследователи на основании церковного предания склонны считать, что этот город был основан в 212 г.[106] Эти утверждения базируются на записи на полях Синаксаря — греческой рукописной книги религиозного содержания, в средние века хранившейся в одном из христианских монастырей. В одной из заметок на полях Синаксаря, датированной 1296 г., говорится: «Построена крепость Сугдея в 5720 году. [Всех же лет] от построения Сугдеи до сегодняшнего дня, т. е. до 6804 года, 1084»[107]. Напомним, что летосчисление в Византии и на Руси в средние века велось от «сотворения мира», где 5720 год этой эры соответствует 212 г. н. э.

В данной ситуации нас должно смущать то, что в III в. аланы ещё не упоминались письменными источниками в Восточном Крыму. Как уже отмечалось, наиболее раннее упоминание об аланах в Феодосии принадлежит Псевдо-Арриану и оно датируется V в.[108]

Тем не менее, на сегодня уже имеются основания говорить о возможности очень ранней фиксации аланов в Крыму. Речь идёт о надписи на греческом языке, обнаруженной в Керчи в 1985 г. Этот текст содержался на мраморной плите и состоял из 47 строк. В 2005 г. в статье Юрия Германовича Виноградова и Сергея Александровича Шестакова были полностью опубликованы сохранившиеся части надписи на языке оригинала[109]. Тогда же Сергей Юрьевич Сапрыкин полностью опубликовал перевод содержания этой надписи на русский язык. В этой надписи, посвящённой умершему и его деяниям, есть довольно большой фрагмент, где повествуется о пребывании аланов в Крыму. Имеет смысл процитировать его: «...И тогдашний цезарь, находясь..., услышал о великом (и... и при) решении дел порицал вину... и письмом пригласил к цезарю, (который), одобрив (происходящее), побудив к этому на будущее... и царям аланов за (вину их?) счёл нужным определить (справедливое наказание?). Ведь когда (выявляются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи, а когда они не выявляются, то они их беспокоят... он, (после того как) цезарь увидел его таким, каким он о нём услышал, был почтен (цезарем за эти дела) и, (оказав содействие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя, (совершил военный поход на скифов) через Таврику. Когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил. И когда он ещё собирал (войско и) собирался отправиться в поход (на ски-

фов), случилось ему (получить) от царей, что они клянутся (богами) в верности (и союзе)...»[110]

Относительно времени описанных событий среди исследователей возникла дискуссия. Первые издатели и комментаторы этой надписи Ю.Г. Виноградов и С.Ю. Сапрыкин относили памятник к эпохе Савромата I (93—123 гг. н. э.)[111]. Глен Бауэрсок и Кристофер Джонс не соглашаются с такой ранней датировкой надписи и приводят ряд аргументов в пользу более позднего времени, среди которых то мнение, что присутствие аланов в Крыму, подразумеваемое в тексте надписи, и их роль в ней не соответствуют ситуации конца I в. н. э., но вполне подходят для конца II — начала III вв.[112] С мнением Г. Бауэрсока и К. Джонса полностью согласен Аскольд Игоревич Иванчик[113].

В ответ на это С.Ю. Сапрыкин в одной из публикаций отметил: «...Изменение этнополитической карты Северного Причерноморья в середине — первой половине I в. н. э. связано с появлением в северопричерноморском регионе новой волны сарматских племён — аланов. Миграции отдельных аланских племён под руководством вождей или "царей аланов", как их именует автор пантикапейского энкомия, не могли не затронуть Боспорское царство, по соседству с которым находилась область расселения аланов на Северном Кавказе... Так что нет никаких оснований отвергать возможность вторжения аланов и, очевидно, зависимых от них племен Прикубанья на территорию Боспорского государства в конце I н. э.»[114]

Анализируя эти аргументы С.Ю. Сапрыкина, хотелось бы отметить, с одной стороны, что современная наука уже не относит ранних аланов к числу сарматских племён, а видит в них новых пришельцев из Центральной Азии. С другой стороны, столь раннее упоминание аланов в Северном Причерноморье — в I в. н. э. подтверждается некоторыми письменными свидетельствами на латинском и греческом языках[115]. Следовательно, если аргументы С.Ю. Сапрыкина будут окончательно обоснованы, мы будем иметь самое раннее упоминание об аланах в Крыму.

Отметим также, что столь давняя дата не согласуется с данными археологии, относящими основание города Судака к концу VII в.[116] Однако гипотеза о причастности местных ираноязычных аланов к появлению названия города ***Судак*** имеет больше оснований, чем гипотезы либо о причастности согдийских купцов из Центральной Азии, либо загадочных сугдов-согдиан с Западного Кавказа,

в которых некоторые современные исследователи по непонятным причинам склонны видеть адыгов.

Вполне возможно, что в конце VII в. хазары основали крепость на месте небольшого поселения аланов, носившего название ***Судак***, и таким образом это старое название поселения стало названием нового города.

Возникает естественный вопрос: кем же в действительности были согдианы или сугды Восточного Причерноморья? Отметим, что А.В. Гадло склонен был считать «Согдиан» из текста, приписываемого Софронию, а также «Согдиан» и «Сугдов» из агиографического сочинения монаха Епифания одним народом. Однако так ли это?

В тексте, приписываемом Софронию, имеется вариант этнонима: ***Σογδιανοῖς***[117]. Однако Ф.К. Брун не верит, что вставку с этим этническим названием в переводе на греческий язык сочинения Иеронима «De viris illustribus» мог сделать сам Софроний в конце IV в. По мнению В.Г. Васильевского, вставки «могут принадлежать какому-либо позднейшему переписчику»[118], т. е. лицу, жившему после IV в. Что же касается текста монаха Епифания, то ситуация здесь ещё более запутанная.

В.Г. Васильевский представил в своём переводе вариант этнонима как «Косогдиан (и Согдиан)»[119]. В оригинале мы имеем ***Κοσογδιανούς***. Однако В.Г. Васильевский посчитал это ошибкой, возникшей в результате слияния союза ***καί*** — «и» и названия согдиан: «***καί Σογδιανοῖς***»[120]. Однако не ясно, насколько верно это обосновано? В своё время Наталия Георгиевна Волкова высказала предположение, что в указанном случае мы встречаем наиболее раннюю фиксацию этнического термина ***касог***, который впоследствии стал новым обобщающим этнонимом для всех адыгов[121].

Что же касается другого фрагмента сочинения монаха Епифания, где В.Г. Васильевский в своём переводе отметил «верхних Сугдеев», то в греческом оригинале имеем: «***Σουγδαίους τούς ἄνω***»[122]. В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: можно ли считать «Согдиан» из приписываемого Софронию текста, «Косогдиан» и «Сугдов горных» их сочинения монаха Епифания одним народом? В этом случае следует выяснить, насколько достоверна информация из использованных нами источников.

Как уже отмечалось, В.Г. Васильевский очень сомневался в том, что автором вставки с информацией о согдианах в переводе сочи-

нения Иеронима мог быть Софроний[123]. Обычно считают, что при написании христианского агиографического сочинения «Хождение Апостола Андрея в стране Мирмидонян», переписанного в конце VIII — начале IX вв. монахом Епифанием, было использовано аналогичное агиографическое сочинение святого Епифания Кипрского, жившего в IV—V вв.[124] Однако во фрагменте, приписываемом Епифанию Кипрскому, где речь идёт о путешествии апостола Андрея в Восточное Причерноморье, вообще нет упоминания о согдианах: «Андрей, брат его (то есть, Петра) прошёл всё побережье Вифинии и Понта, Фракии и Скифов, благовествуя Господа. Потом пришёл в Великий Севастополь, где укрепление Апсар и река Фазис, где живут внутренние Эфиопы»[125]. Вполне возможно, что при написании этой части своего агиографического сочинения об апостоле Андрее монах Епифаний мог использовать и иные источники.

Относительно этого В.Г. Васильевский вынужден был признать: «Мы видим, что когда позднейшие писатели житий приступают к изложению хождений апостола Андрея, то они обязаны пользоваться не только письменными источниками, то есть каталогами и апокрифами, но и устными рассказами жителей»[126]. С другой стороны, В.Г. Васильевский отметил, что «Житие, написанное Епифанием» представляло собой «свод существовавших до него преданий об апостоле Андрее»[127]. В то же время исследователь пришёл к одному важному выводу об источниках информации монаха Епифания: «Исторические, этнографические и топографические заметки, сообщаемые автором, лично посетившим северные берега Чёрного моря в конце VIII или первой половине IX века, имели бы высокую важность сами по себе, если бы они были сколько-нибудь подробнее и не ограничивались бы простым перечислением посещённых стран и городов, с очень немногословною характеристикою жителей оных»[128]. Получается, что монах Епифаний посетил Причерноморье и мог в своём агиографическом сочинении отразить этногеографию не только своих предшественников, но и новые сведения о современных ему народах. Следовательно, используя термины «Косогдианы» и «Сугды горные», он не допустил ошибку, а отразил информацию о современных ему народах, т. е. в его время «Косогдианы» проживали на равнине, а «сугды» в горах.

Кроме того, не понятно, как А.В. Гадло смог бы объяснить трансформацию этнонима «сагины» в «согдианы»[129]. С филологической точки зрения это невозможно. Нам кажется, что на роль са-

гинов вполне бы могли подойти упомянутые в тексте, приписанном Софронию, «Сакки»[130]. С другой стороны, весьма объяснимо стремление исследователя найти следы упомянутой в VI в. этнической группы в источниках более позднего времени. Однако не стоит забывать, что если народ не упоминается определённое время в письменных источниках, то это может означать, что он просто не был участником политических событий. В то же время не понятно, почему А.В. Гадло отнёс согдиан или сугдов к числу адыгских племён? Ведь в тексте монаха Епифания были упомянуты зихи: «Зихи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий. Они хотели убить Андрея, но увидели его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намерение»[131]. Напомним, что весьма распространённым является мнение, что до X в. практически всех адыгов византийские авторы называли «зихами». Кроме того, не понятно, как можно из позиций адыгских языков объяснить происхождение этнонимов «согдианы», «сугды»? Однако нет сомнений, что на Западном Кавказе действительно проживали носители этих этнических названий. Остаётся только выяснить, существует ли альтернативное объяснение их происхождения.

Вполне возможно, что под «согдианами» псевдо-Софрония и «сугдами» монаха Епифания были упомянуты согдийцы из Центральной Азии. И для этого предположения есть веские основания, базирующиеся на данных археологии. Отметим работы Анны Александровны Иерусалимской, где доказывается, что в раннее средневековье через Северный и Западный Кавказ проходило северное ответвление так называемого Великого Шёлкового пути[132]. По этому пути Византия обеспечивалась шёлком, спрос на который был велик не только на рынках Константинополя, но и всей Европы.

Ещё несколько десятилетий назад А.А. Иерусалимская подвергла анализу раннесредневековые шёлковые ткани, которые были найдены на Северном Каказе в двух могильниках в западной и центральной части предгорий — в урочище Мощевая Балка (на р. Большая Лаба) и у с. Хасаут (в ущелье Сулахор, близ г. Кисловодска). Могильники были датированы VII—IX вв. Тогда же были исследованы шёлковые ткани, найденные там, что позволило исследовательнице сделать сенсационное открытие. Так, проведённый анализ привёл к выводу об «абсолютном преобладании согдийских шелков (по всем показателям)». «В особенности заметно оно, — отмечает далее А.А. Иерусалимская, — если обратиться к импорту…, где на

их долю приходится примерно 54—60 %, т. е. больше, чем на все остальные привозные ткани, вместе взятые»[133].

Эту ситуацию исследовательница объясняет следующим образом: «…В VI в. Согд, находившийся на "великом шёлковом пути" из Китая на Запад, освоил собственное шёлководство и искал с конца VI в. рынков сбыта. Не найдя их в Иране, Согд обратил свои взоры к Византии. Византия, находясь в тяжкой зависимости от произвола иранских купцов (которые были монополистами получаемого из Китая шёлка-сырца — метаксы), в свою очередь стремилась обойти Иран и также установить контакты со Средней Азией, прежде всего с целью получать оттуда сырьё. Тогда-то обе державы и попытались найти выход в торговом пути через Северный Кавказ»[134]. По представлениям А.А. Иерусалимской, сухопутный торговый маршрут должен был выглядеть следующим образом: «Караваны от Самарканда должны были идти к северу — вдоль Аральского моря, переправляться через Волгу, следовать по территории различных северокавказских племён, переваливая затем через Кавказский хребет — к причерноморским торговым факториям. Отсюда уже легко было попасть в пределы собственно Византии, в Средиземноморье, на Запад… Так, в общих чертах, описывает этот маршрут греческий автор VI в. Менандр — правда, не как торговый путь, а как некую "дипломатическую дорогу", по которой происходил обмен посольствами между Византийской империей и Согдом в связи с "шёлковой" торговлей»[135]. Естественно, что такая интенсивная торговля предполагала постоянное нахождение на маршруте согдийских купцов, создание ими торговых факторий, особенно вблизи от границ Византии в Восточном Причерноморье. По этому поводу А.А. Иерусалимская уточняет, что купцы с шёлком от Алании «по Даринской дороге переправлялись к Закавказью, к Апсилии и следовали затем к Чёрному морю до Риона (Фазис) и Трапезунда, а отсюда на почтовых лошадях добирались до Константинополя»[136].

Что же касается времени функционирования этого торгового маршрута между Согдом и Византией, то А.А. Иерусалимская отметила: «Необходимость в этом долгом пути не исчезла, по-видимому, и в VII в., а также и позднее — когда движению согдийских караванов противостояли на юго-западе уже арабы. Количество находок согдийских шелков на Северном Кавказе говорит о том, что путь этот был хорошо освоен и функционировал регулярно, а не являлся чем-то эпизодическим…»[137]

Исходя из этого можно считать, что сообщение монаха Епифания о «верхних Сугдеях»[138] действительно отражает ту ситуацию конца VIII в., когда торговые фактории согдийцев продолжали сохраняться лишь в горной местности в Восточном Причерноморье. То, что здесь речь идёт действительно о согдийцах, могут свидетельствовать следующие слова монаха Епифания: «Это люди кроткие и доступные вере; они с радостию приняли слово проповеди»[139]. Напомним, что в раннее средневековье определённая часть согдийцев придерживалась христианства, правда не халкидонского, а несторианского[140]. Для сравнения напомним, что их соседей-зихов монах Епифаний охарактеризовал довольно негативно: «Зикхи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий»[141].

Что же касается времени написания вставки, приписываемой Софронию, где упомянуты «Согдианы»[142], то снова обратим внимание на мнение В.Г. Васильевского, согласно которому такие приписки «могут принадлежать какому-либо позднейшему переписчику»[143]. Исходя из этого можем считать, что неизвестный автор вставки мог жить после IV в., но не позже конца VIII в., а точнее в VI—VII вв., когда согдийский купеческий элемент был активно представлен в Восточном Причерноморье.

Таким образом, вполне возможно, что во фрагментах жития апостола Андрея, выполненных в раннее средневековье псевдо-Софронием и монахом Епифанием, где упомянуты как жители Западного Кавказа «согдианы» или «сугды», речь может идти об ираноязычных выходцах из Центральной Азии — согдийцах. Версии о выдуманном характере этих названий или о связи их с адыгами, якобы основавшими в Крыму город Судак, не выдерживают критики. Вероятно, перед нами одни из немногих примеров фиксации пребывания согдийцев в Восточном Причерноморье в письменных источниках, хотя и агиографического характера.

В итоге приходится признать, что у современных исследователей пока нет доказательств переселения части адыгов с территории Северо-Западного Кавказа в Северное Причерноморье в эпоху Великого переселения народов. Однако такая возможность не исключается.

Глава третья

КАСОГИ И ЗИХИ НА ГРАНИЦАХ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (VIII–X вв.)

В современной хазароведческой литературе можно отметить немало работ, посвящённых хазарам, аланам, болгарам и другим народам Хазарского каганата. При этом собственно о хазарах написано очень много работ, но так и не дана их культурная атрибуция. Что касается аланов и болгар, то в этом отношении им повезло гораздо больше, потому что с ними связывают несколько локальных вариантов салтовской культуры. Однако такими же проблематичными, как и хазары, остаются касоги, которых традиционно локализуют на Северо-Западном Кавказе, т. е. там, где проходила юго-западная граница Хазарского каганата. Однако до сих пор в решении этой проблемы есть немало белых пятен.

Так, исследователи уже давно пришли к выводу, что в X в. одним из обозначений адыгских племен, проживавших на территории Хазарского каганата, стал этноним ***касоги***. Уже сам этот факт требует объяснения. Но указанный вопрос до сих пор остаётся нерешённым. Кроме того, требуют отдельного рассмотрения также вопрос расселения адыгских племён на территории Хазарского государства, а также их культурная атрибуция. Не ясна и степень интеграции касогов в военно-политическую структуру Каганата. Следует отметить, что этим вопросам за последние десятилетия не уделялось должного внимания. Однако не исключено, что все они взаимосвязаны. Логично начать рассмотрение проблемы с происхождения самого этнонима ***касоги***.

Известно, что во времена раннего средневековья византийские авторы обычно использовали для обозначения адыгов этническое название ***зихи***, происхождение которого представляет отдельную проблему. Иногда исследователи обращали внимание на то, что в ольвийских надписях II в. н. э. встречался антропоним ***Касаг***. Однако нет никаких оснований связывать его с этнонимом, который начал распространяться в письменных источниках лишь в первой половине X в.[1]

В своё время Н.Г. Волкова высказала предположение, что термин ***касог*** мог фигурировать в письменных источниках уже в конце VIII в., как новый обобщающий этноним для всех адыгов[2]. Основанием для этого стал фрагмент из уже отмеченного в предыдущей главе христианского агиографического сочинения «Хождение Апостола Андрея в стране Мирмидонян», переписанного в конце VIII — начале IX вв. монахом Епифанием. Тот, в свою очередь, ссылается на святого Епифания Кипрского, жившего в V в. Напомним слова монаха Епифания: «По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, Косогдиан и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис…»[3] Уже было отмечено, что термин ***Косогдианы*** не встречается в других редакциях этого агиографического произведения. Так, в варианте этого сочинения, связываемом с Софронием, этот отрывок имеет вид: «Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, — проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христоса Скифам и Согдианам и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис…»[4] Таким образом, видим, что здесь вместо «Косогдианов» упомянуты «Согдианы». Такую же ситуацию наблюдаем и в некоторых других ранних вариантах этого агиографического сочинения[5]. А.В. Пьянков прокомментировал её следующим образом: «На ошибку переписчиков, принявших союз ***и*** (греч. ***кай***) за часть имени народа согдиан, обратил внимание В.Г. Васильевский, поместивший в скобках исправление в греческом тексте и в русском переводе. Из чего следует, что у монаха Епифания нет сообщения о касогах. Заметим, что в русской редакции Четьи Минеи включён отрывок из труда монаха Епифания, в котором упоминаются “касози”. Но и этот отрывок не является доказательством раннего упоминания касогов. Русский перевод не мог быть выполнен ранее XI века, когда на Руси отсутствовали необходимые для этого условия. Скорее всего, он был сделан много позднее XI века. “Касози” в русской редакции текста монаха Епифания появились под влиянием русской летописной традиции, которой этот этноним был хорошо знаком»[6]. Однако могут быть и другие объяснения этого.

Обратим внимание прежде всего на древнерусский текст, совпадающий буквально в деталях с греческим текстом монаха Епифания, где сказано: «И многа чюдеса творивша, и многы научивша идоста в Авазгию. И влезша в Севаст град и участа слову Божию, и мно-

зи приаша Касози. Андреа же, оставив Симона с ученикы, сам иде в Зикхию»[7]. Если действительно мы имеем в древнерусском варианте жития Андрея термин «Касози», то это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, термин ***Косогдианы*** уже присутствовал в искомом тексте Епифания, жившего на рубеже VIII—IX вв. Во-вторых, древнерусский переводчик использовал вполне знакомое ему название народа Северо-Западого Кавказа — ***касоги***. Что же тогда мешает считать, что последнее не могло произойти в начале IX в. и с монахом Епифанием, который пользовался более ранними редакциями этого агиографического сочинения, где присутствовал лишь термин «Согдианы»? Поэтому не исключено, что термин ***Косогдианы*** впервые мог быть упомянут уже на рубеже VIII—IX вв.

Лишь в X в. это новое этническое название получило распространение в исторических и географических произведениях. Так, в первой половине X в. арабский географ ал-Мас'уди в географическом трактате «Мурудж ад-Дзахаб» упоминал на Северо-Западном Кавказе народ ***кашак***: «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем. ... Среди этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин... В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется *тала* (?) 'золото' и который более тонок и носок, чем сорт *дабики*; один отрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими [кашаками]. Аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье...»[8]

Интересны также сведения ал-Мас'уди о локализации земель кашаков. Как уже удалось убедиться, кашаки проживали на запад от аланов, чья страна находилась в Центральном Предкавказье. С запада земли кашаков были ограничены морем, о котором ал-Мас'уди сообщает: «По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие — что это Нитас (Понт). Во всяком случае по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к ним на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]»[9]. Вполне понятно, что в этом случае речь идёт о Чёрном море.

Не менее интересны сведения ал-Мас'уди о северо-западных соседях кашаков: «За этой прибрежной нацией следует нация, чья стра-

на называется Семь земель... Это большое и хорошо защищённое племя. Его земли простираются далеко, но я не знаю, к какой из наций оно принадлежит и какова его религия... К ним примыкает другое большое племя, отделённое от кашаков рекой, которая по величине подобна Евфрату и впадает в Нитас (Понт), на котором стоит Трапезонд...»[10] Владимир Фёдорович Минорский в комментариях к этому фрагменту отметил сложность этнической идентификации упомянутых народов, но высказал предположение, что это могли быть проживавшие в конце IX в. в степях Приазовья булгары или мадьяры[11].

Близкое по форме к термину ***касог*** название страны ***Касахия*** фигурирует в середине X в. в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей»: «Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — страна Алания»[12]. Как видим, Константин Багрянородный для обозначения этнических групп на землях адыгов использовал в середине X в. три этнотопонима, одним из которых было название ***Касахия***. А.В. Пьянков прокомментировал это сообщение следующим образом: «Указание Константина Багрянородного, что места с нефтяными источниками отстоят от моря на расстоянии дня пути без смены коня, и данные топонимики позволяют локализовать Папагию на территории современного Крымского и, возможно, предгорной и горной части Абинского района. В таком случае Касахия в первой половине X века должна была занимать Закубанские земли на восток от Папагии, вплоть до реки Псекупс»[13]. Что касается территории Зихии, то исследователь локализовал её следующим образом: «Западные земли касогов были заняты племенами зихов, которые, судя по сообщениям более ранних письменных источников и археологическим данным, населяли территорию черноморского побережья к юго-востоку от Цемесской бухты... Зихи расширили ареал своего расселения на северо-запад вплоть до старого русла Кубани и заняли отстоящую далеко от берегов Папагию. Эта новая этно-политическая ситуация нашла отражение в сообщении Константина Багрянородного»[14].

Впервые касоги были упомянуты в древнерусских летописях там, где речь идёт о походе Святослава против хазар в 965 г.[15] Кроме того, древнерусские летописи сообщают о походе на касогов тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. и о взятии дани с касогов

тмутараканским князем Ростиславом. Учитывая это, следует считать, что в XII в. касоги проживали близ древнерусского владения в Тмутаракани. Возможно, что в последний раз древнерусские летописи сообщали о касогах под 1223 г., где речь идёт о первом походе монгольских полководцев на Северный Кавказ[16]. Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия — ***касоги*** или ***косоги***, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

В конце X в. неизвестный фарсоязычный автор трактата «Худуд ал-ʿАлам» локализовал близ страны аланов на берегу Чёрного моря город ***Касек***: «Слово об области аланов и городах её. Это область в ущельях и горах; богатое место; царь их — христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек — город в стране алан, расположенный на берегу Чёрного моря; место богатое; в нём есть купцы...»[17] Как видим, в X в. этнотопоним ***Касек*** уже находился в стране аланов, что вполне согласуется с более ранней информацией ал-Масʿуди о набегах аланов на земли кашаков[18]. Это в конечном итоге должно было привести к покорению касогов аланами.

Известно, что осетины, потомки кавказских аланов, еще до сих пор называют кабардинцев ***каесаег***, ***каесгон***[19]. Именно осетинское окончание данного этнонима ***-аег*** дало основания Георгию Фёдоровичу Турчанинову говорить об аланах, как о посредниках в распространении этого этнического термина среди восточных славян[20]. Следовательно, восточные славяне, византийцы, арабы, персы и другие народы могли заимствовать этноним ***касог*** через посредничество аланов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид ***кас-*** могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, составленной после середины X в., в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута «страна Каса»: «Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р, Ал-бус-р, Ухус-р, Кварус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кала, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань…»[21] Комментируя пассаж с упо-

минанием «страны Каса», Павел Константинович Коковцов указал: «По весьма вероятному предположению Вестберга…, с которым полностью согласен Маркварт…, под этим именем следует разуметь соседний с аланами народ "Кашак" арабских географов, или Касогов русских летописей…, имя которых у более поздних араб.[ских] писателей имеет вид также "Каса"… Это совпадение поздней араб.[ской] формы имени с написанием его в нашем хазарском документе не говорит, по мнению Маркварта, в пользу древности последнего»[22]. В последний раз этническую группу ***Касы*** среди народов Кавказа упомянул Плано Карпини в «Истории монгалов», составленной в середине XIII в.[23]

Следует отметить, что происхождение этнонима ***касоги*** до сих пор остаётся предметом острых научных споров. По этому поводу существует несколько гипотез, хотя ни одна из них не получила широкой поддержки среди исследователей.

Отметим, что уже ал-Мас'уди заинтересовался происхождением этнонима ***кашак*** и дал этому своё объяснение: «Их название обозначает по-персидски "гордость", "хвастовство", поскольку персы называют высокомерного гордого человека *кашак*»[24]. В своих комментариях В.Ф. Минорский подтвердил это: «По-персидски каш 'гордый'»[25]. Однако в исторических документах не зафиксировано пребывание персов на Северо-Западном Кавказе и поэтому указанное созвучие слов не принимается в расчёт современными исследователями. На сегодня иных объяснений на этот счёт существует немало.

Наиболее смелой из них является гипотеза Игоря Михайловича Дьяконова, который склонен связывать название древнего народа Северо-Восточной Анатолии ***каска*** с касогами. Относительно этого аргументы исследователя следующие: «Сходство этнического названия *каска* с одим из древних названий адыгско-черкеских племён (др.[евне]-груз.[инское] *кашаки*, *кашаг*, др.[евне]-арм.[янское] *гашк*, визант.[ийско]-греч.[еское] *Касахия*, араб.[ское] *кашак*, др.[ревне]-рус.[ское] *косог*) может быть и случайным, но оно в известной мере подкрепляется названием одного, по-видимому, самого восточного из каских племен — апешлайцев, совпадающим, как мы уже говорили, с древним названием абхазов (греч.[еское] *апсили*, др.[евне]-груз.[инское] *ап'шил*, др.[евне]-арм.[янское] *апшилк*, срав.[ните] нынешнее название абхазцев *а-п'с-уа*, или *а-ап'ш-уа*). Известно, что как черкесы, так и абхазцы принадлежат по языку к одной абхазско-адыгской языковой семье, и не было бы ничего удивительного, если

бы к ней принадлежали и каска»[26]. Однако этническое название ***каска*** исчезает со страниц письменных источников уже в первой половине I тыс. до н. э., а первое упоминание о касогах относится к концу I тыс. н. э. Таким образом, значительный хронологический разрыв не позволяет поддержать предложенную гипотезу.

Однако Барасби Хачимович Бгажноков так не считает. По его наблюдениям, ситуация могла выглядеть следующим образом: «Суммируя данные об античных названиях адыгов с элементом "кас", можно предположить, что уже в этот период на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединённый похожими или однотипными названиями: кисы, аккисы, кизики, касаки и др. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур, которые затем, уже в раннем Средневековье объединились в этнополитическое целое под названием Каса, Касахия, Касогдиана»[27]. Кроме того, исследователь считает, что со времён античности и до хазарского периода сведения об этом народе не исчезали из письменных источников. Так, он отмечает: «В VI в. касы заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа объединении адыгских этнических групп. В своде грузинских летописей есть сообщение о народе хаскун (каскун; осет.[инско]-аланск.[ое]: каскон, кашкон), живущем между аланами и авазгами (абазинами)»[28]. Однако пока нет доказательств того, что этническая группа ***хаскун*** — это и есть ***касоги*** более позднего времени.

Довольно интересно, что до недавнего времени гипотезы об автохтонном кавказском корне этнонима ***касог*** придерживался Валерий Анатольевич Бушаков, который считал, что упомянутая в X в. Константином Багрянородным ***Касахия*** «могла быть самой восточной группой адыгских племен». По его мнению, «первоначальными кашагами был тот древний народ, следы языка которого сохранились во многих топонимах Дигории (названия, которые заканчиваются на *-ск-*) и Балкарии (названия на *-шк-*)». Исследователь предполагал, что «после ассимиляции кашагов осетинами, кабардинцами и кипчаками, их имя перешло на адыгов». Таким образом, этническую принадлежность первоначальных кашаков (касогов) В.А. Бушаков так и не смог определить[29]. В этом случае исследователь так и не объяснил, почему это древнее, по его мнению, этническое название Северного Кавказа начало фиксироваться письменными источниками лишь в конце I тыс. н. э.

Карл Генрих Менгес происхождение этнонима ***касог*** объяснял следующим образом: «Это имя попало в древнерусский язык или прямым путем, либо через посредство аланов-аорсов. В языке их потомков осетин слово сохранилось в форме kasag, обозначая адыгейца (черкеса) или кабардинца... Невозможно установить, является ли это слово в осетинском активным причастием настоящего времени kas-aeg 'глядящий' от kas-yn 'глядеть' или народноэтимологическим образованием от имени адыгейцев на осетинской почве». При этом К. Г. Менгес ссылался на работы В.И. Абаева[30]. Сам же В.И. Абаев относительно осетинского названия для кабардинцев ***kaesaeg*** отметил, что «происхождение термина не установлено»[31].

К аналогичным выводам пришла также Н.Г. Волкова, которая относительно распространения давних этнических названий адыгов ***зихи*** и ***касоги*** среди современных народов Кавказа указала: «Тем не менее, такая генетическая связь терминов на протяжении нескольких десятков столетий ещё не может и не означает, что давние этнонимы ***зихи*** и ***касаги***, как и в наши дни, соотносились с адыгским этносом. Известны случаи, когда этническое содержание термина изменялось и в более короткие исторические периоды…»[32]

М. Фасмер происхождение этнического названия ***касог*** представляет следующим образом: «Этот этноним объясняют из осетинского kaesaeg, "черкес" — сокращенная форма из осетинского caerkasaeg (от caeraes "орел" из carkas)». В данном случае складывается впечатление, что эти этнонимы-названия имеют отношение к тотемному животному, что можем наблюдать с этнонимами в среде многих народов. Тем не менее, письменные источники отмечают совсем противоположную ситуацию: сначала употребляли термин ***касог*** и лишь в середине XIII в. адыгов начали обозначать термином ***черкас***.

Следует отметить, что относительно происхождения этнонима ***касог*** существуют и другие гипотезы, на чём следует остановиться в дальнейшем. Как видим, вопрос на сегодня остаётся нерешённым, хотя среди исследователей получила распространение идея, что этот этнический термин представляет собой не самоназвание адыгов, а экзоэтноним.

* * *

Как уже было отмечено, в первой половине X в. арабский географ ал-Мас'уди в географическом трактате «Мурудж ад-Дзахаб» упоминал на Северо-Западном Кавказе народ ***кашак***, в котором

современные исследователи склонны видеть касогов — адыгоязычное население региона. Исследователей уже давно ставит в тупик сообщение ал-Мас'уди о религии кашаков (касогов) в данном фрагменте сочинения. Этот пассаж В.Ф. Минорский перевёл следующим образом: «Этот народ исповедует религию магов»[33]. В указанном фрагменте необычно то, что кашаки отнесены к числу магов, т. е. зороастрийцев.

Поэтому предстоит выяснить, действительно ли ал-Мас'уди имел в виду зороастрийцев в среде кашаков-касогов? В первую очередь можно попытаться найти следы зороастрийцев на Северо-Западном Кавказе. В связи с этим особый интерес представляет статья Романа Романовича Рудницкого, посвящённая возможному распространению зороастризма среди населения Западной Алании в VII—IX вв. По мнению исследователя, распространению зороастризма в Центральном Предкавказье могли способствовать согдийские купцы, появившиеся здесь во второй половине VI в. в связи с началом функционирования северного отрезка Великого Шёлкового пути, а также бежавшие с территории Персии зороастрийцы после мусульманского завоевания. Следы присутствия зороастрийцев Р.Р. Рудницкий видит в местном погребальном обряде, а также в храмовой архитектуре. Кроме того, он даже считает, что до принятия в начале X в. правящими слоями Западной Алании христианства официальной религией здесь мог быть зороастризм[34]. Не будем вдаваться в подробный анализ предложенной гипотезы, но отметим, что автору исследования ничего не известно о распространении зороастризма среди населения Нижнего Прикубанья, где жили касоги.

Отметим также мнение Самира Хамидовича Хотко, который считает, что в сообщении ал-Мас'уди о «магах» упомянуты именно адыги-касоги. Он отмечает, что «магами изначально назывались священники в зороастризме». По его мнению, на это сообщение ал-Мас'уди натолкнуло «то обстоятельство, что зихи (кашаки) массово использовали предварительное "воздушное погребение"». По наблюдениям С.Х. Хотко, в местах расселения адыгов буквально до современности сохранялся обычай, при котором «трупы умерших людей привешивались на деревья, откуда уже через несколько лет кости насыпались в родственные могилы»[35]. При этом С.Х. Хотко поддерживает тех исследователей, которые полагают, что «типологически кавказский обряд "воздушного" погребения может быть сопоставлен с предварительными "воздушными" погребениями в зо-

роастризме. Башни-дахмы выполняли ту же функцию, что и деревья в абхазо-адыгском ареале»[36].

Однако эту гипотезу мы не можем принять до конца по следующим причинам. Во-первых, башни-дахмы в среде зороастрийцев представляли собой довольно позднее явление. Мэри Бойс писала об этом так: «Начиная со времён средневековья, трупы оставляли на особых похоронных башнях, но в древности (по-видимому, ещё в авестийское время) их бросали на оголённом горном склоне или же в пустынном каменистом месте. Для верующих было важно, чтобы мёртвое тело, выброшенное на пожирание птицам и зверям, не соприкасалось с благой землёй, с водой или растениями. После того, как кости очищались на ветру и под лучами солнца, их собирали и захоранивали в земле, где они должны были дожидаться Дня Суда. Такой похоронный обряд, возможно, имел своей первоначальной целью... быстрое уничтожение оскверняющей плоти для освобождения души, чтобы она могла подняться к небу»[37].

М. Бойс также отметила, что первое упоминание о башнях-дахмах в Иране относится к 830 г., но они начали повсеместно распространяться там лишь в X в. «Очевидно, обычай возведения погребальных башен, — отмечает далее исследовательница, — имел широкое распространение в то время, но он, видимо, не древнее исламского периода, потому что, как кажется, не было никаких установленных традиций, определяющих использование этих башен. Возведение башни не позволяло видеть трупы и предотвращало возможное раздражение мусульман (которые всегда готовы были напасть на зимми); в то же время высокое сооружение защищало мёртвых от осквернения. Ранние башни в Иране и Индии были простыми, массивными зданиями круглой формы с высоким парапетом, заслонявшим каменную площадку»[38]. В XVI—XVIII вв. в местах компактного расселения зороастрийцев в Иране и Индии обычным явлением стали «величественные круглые башни в уединённом месте за городом» для погребения умерших[39]. Как видим, сравнение «воздушных» погребений адыгов с зороастрийскими башнями-дахмами не совсем удачно, хотя они могли действительно выполнять одну и ту же функцию — не позволять мёртвой плоти соприкасаться с землёй.

Во-вторых, в действительности, в сочинении ал-Мас‘уди религия кашаков в отмеченном фрагменте названа термином ***маджусийа*** («и они народ, который приверженец маджусийа»[40]), значение которого словари объясняют как «религия магов, огнепоклонни-

ков». Этот пассаж В.Ф. Минорский прокомментировал следующим образом: «Мусульманские авторы применяют название *маджус* к древним русам и норманнам, по-видимому, из-за их обычая сжигать мёртвых, описанного у Ибн Фадлана.... Это "сжигания на корабле" ... могло быть неправильно понято как "огнепоклонство", что явствует из Марвази..: "саклабы сожигают мёртвых, ибо они огнепоклонники".... Я не смог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Мас'уди были и христиане»[41].

В связи с этим напомним, что зороастрийцы не могли практиковать обряд трупосожжения, потому что нельзя было осквернять мёртвым телом одну из священных стихий — огонь. По этому поводу М. Бойс отметила: «Особые правила, составляющие своеобразие зороастрийской веры, касаются воды и огня. ...Сжигать на нём (огне. — *Авт.*) мусор для зороастрийцев немыслимо»[42]. Ещё более немыслимо для зороастрийцев — это сожжение тел умерших на костре, потому что, по их представлениям, тело мёртвого человека ритуально не чисто. «С момента смерти, — отмечает М. Бойс, — с мертвецом обращались как с чем-то в высшей степени заразным. К нему приближались лишь профессиональные могильщики и носильщики трупов, которые знали необходимые меры предосторожности. Если это было возможно, то похоронный обряд совершался в день смерти и тело несли сразу же на место трупоположения»[43].

В случае с народами Севера ситуация выглядит в точности до наоборот — там, где мусульманские авторы упоминали огнепоклонников, очень часто практиковался обряд трупосожжения.

Следует отметить, что в большинстве случаев для обозначения язычников-огнепоклонников мусульманские географы использовали конструкцию ***'абада ан-нар*** — «поклоняться огню». Это словосочетание, например, встречаем в сочинении Ибн Русте, где речь идёт о том, что мадьяры и сакалибы поклоняются огню[44]. Выражение ***'ибадат ан-нар*** — «поклонение огню» также присутствует в той части сочинения ал-Марвази (XII в.), где речь идет о сакалибах[45]. Последний пассаж представляет интерес ещё и потому, что ал-Марвази сообщает: «...И сжигают своего мёртвого, потому что поклоняются огню»[46].

Само выражение ***харака ал-мавта*** — «сжигать мёртвых» встречается не только в сочинении ал-Марвази, но у Ибн Русте, где речь идёт о буртасах и сакалибах[47], а также у Ибн Фадлана при описании погребальных традиций русов[48]. Находим это выражение и в той

части сочинения ал-Мас'уди «Мурудж ад-Дзахаб», где повествуется о том, что русы «сжигают своих мертвецов вместе с их животными, утварью и украшениями»[49]. Очень хорошо содержание обряда трупосожжения русов охарактеризовано в «Рисале» Ибн Фадлана, где сам рус об этом говорит следующее: «...Вы берёте самого любимого и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай...»[50] Поэтому ничто не мешает нам считать, что аналогичные верования существовали и у других народов, практиковавших обряд трупосожжения.

Проведённый анализ показывает, что не все народы, практиковавшие обряд кремации, названы мусульманскими авторами огнепоклонниками, например буртасы. В то же время мадьяры, не сжигавшие своих умерших, отнесены Ибн Русте к числу огнепоклонников. Что же касается ал-Мас'уди, то в своем «Мурудж ад-Дзахаб» по отношению к русам он использовал термин ***ал-джахилиа*** — «язычество, язычники»[51]. Как видим, ал-Мас'уди не было присуще использовать выражение ***'абада ан-нар*** — «поклоняться огню».

Добавим, что немусульманские авторы отметили также почитание огня и даже обряд кремации у раннесредневековых кочевников Евразии. Так, Менандр сообщает о том, что западные тюрки поклонялись огню и придавали ему очистительные функции. Это находит отражение в описании сцены прибытия византийского посла Зимарха ко двору правителя западных тюрков в 568 г.[52] К сожалению, у Менандра весьма неопределённо дано описание завершения погребения правителя западных тюрков Дилзивула в 576 г.[53] Из чего мы даже не можем сказать, какой обряд захоронения существовал среди верхушки западных тюрков — кремация или ингумация? Зато нам чётко известно, благодаря китайской хронике «Таншу», что до начала VII в. обряд кремации широко практиковался в главном племени восточных тюрков[54], которые имели одно происхождение с правителями западных тюрков.

Таким образом, в раннее средневековье среди народов Евразии бытовали обряды, связанные с верой в очистительную силу огня. Однако не все эти огнепоклонники практиковали обряд кремации. В сочинении ал-Мас'уди «Мурудж ад-Дзахаб» мы видим, что для названия религии русов, которые сжигали умерших, в отличие от других мусульманских авторов, он использовал не выражение ***'абада ан-нар*** — «поклоняться огню», а термин ***ал-джахилиа*** — «язычество,

язычники». Относительно же религии кашаков он использовал термин ***маджусийа***, значение которого — «религия магов, огнепоклонников». В.Ф. Минорский этот пассаж объяснил следующим образом: «Это показывает, что Мас'уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своём позднейшем *ат-Танбих* Мас'уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна»[55]. К этому следует добавить, что в арабском языке для обозначения зороастрийцев, которых арабы также склонны относить к числу огнепоклонников, существует множество других терминов. Получается, что термин ***маджусийа*** — это обобщающее название для всех религий, где огню придают особые очистительные функции.

Это предположение подтверждает информация арабоязычного автора IX в. Ибн Хордадбеха. В «Книге путей и стран» о тюрках Центральной Азии он сообщает следующее: «От Верхнего Нушаджана до столицы хакана тугузгузов трёхмесячный путь через большие сёла с плодоносными землями. Их жители — тюрки. Среди них есть ал-маджус, которые поклоняются огню, есть и безбожники (занадик)...»[56] Как видим, Ибн Хордадбех использовал термин ***ал-маджус*** — «огнепоклонники» вместе со словосочетанием ***'абада ан-нар*** — «поклоняться огню», которое другие мусульманские авторы применяли для описания религии язычников. К тому же у нас нет информации о распространении зороастрийской религии среди тюрков в IX в.

Не так давно Татьяна Михайловна Калинина писала о том, что О.И. Прицак уделил много внимания термину ***ал-маджус***. По её наблюдениям, одна из его работ «освещала информацию марокканского историка ал-Марракуши (ум.[ер] после 1312) о набеге полководца эмира Кордовы Хишама I (788—796) ал-Мутиса на "ард ар-Рум", "Ифранджа" и "билад ал-маджус"». Т.М. Калинина не согласна с гипотезой О.И. Прицака, согласно которой слово ***ал-маджус*** должно соответствовать кельтскому ***magos***, сопоставимому с латинским ***forum*** — «место торговли». Это дало основания О.И. Прицаку считать «маджус» норманами или русами, потому что, по его мнению, они были пиратами и торговцами[57].

Своё несогласие Т.М. Калинина подтвердила следующими аргументами: «О. Прицак был осведомлён об упоминании "ал-маджус" в Коране, что не помешало ему придерживаться указанной теории. ...Маджусы упоминаются в аяте Корана 22:17... Толкователи пола-

гали, что речь идёт не только о религии зороастрийцев в Иране до ислама, но и, позднее, о любых огнепоклонниках и тех, кто предавал умерших сожжению... Арабские источники не сомневались в равенстве значений норманнов и маджусов. О нападении маджусов, т. е. норманнов, на Севилью в 844 г. вспоминали арабские авторы IX—XVII вв. Ибн ал-Кутиба, Ибн Хаййан, ал-'Узри, ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Ибн Са'ид ал-Магриби, Абу-л-Фида', ан-Нувайри, Ибн ал-Изари, Ибн ал-Хатиб, ал-Маккари и др. Во всех описаниях маджусы выступают как отъявленные разбойники, приходившие не с целью торговли, а для грабежа и разорения»[58].

Действительно, при описании некоторых народов Европы арабоязычные авторы использовали термин ***маджус*** в значении «язычники», а не «торговцы» или «зороастрийцы». Так, автор конца IX в. ал-Якуби использует слово ***маджус*** для обозначения русов. В переводе Авраама Яковлевича Гаркави фрагмент его «Книги стран» имеет вид: «На запад от города, называемого Аль-Джазира (Algesiras недалеко от Гибралтара. — *А.Г.*), находится город, именуемый Ишбилия (Севилья. — *А.Г.*), при большой реке, которая есть река Куртубы (Кордоба-Гвадалквивир. — *А.Г.*). В этот город вошли язычники (Маджус. — *А.Г.*), которых называют Рус, 229 (=843—4) году и пленяли, и грабили, и жгли, и умервщляли»[59]. Комментируя этот пассаж, А.Г. Гаркави высказал предположение, что отождествление Маджус и Рус — это выдумка или ал-Якуби, или копииста его сочинения[60].

Характерно, что ал-Мас'уди в «Мурудж ад-Дзахаб» использует термин ***ал-маджус*** для обозначения не только кашаков, но также русов и сакалибов (славян). Так, под названием ***маджус***, по данным А.Я. Гаркави, они упомянуты вместе как жители хазарской столицы: «Что же касается язычников (буквально народ из Маджус. — *А.Г.*), находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города и сожигают своих мертвецов с их вьючных скотом, оружием и украшениями»[61]. Однако в использованном нами варианте «Мурудж ад-Дзахаб» по отношению к русам и сакалибам был использован термин ***ал-джахилиа***, а не ***маджус***[62].

По данным А.Я. Гаркави, в другой части своего сочинения ал-Мас'уди, вне связи с русами, отождествлет славян (сакалибов) с ***маджус***: «Славяне разделяются на многие народы; некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники (Ма-

джус. — *А.Г.*) точно также солнцепоклонники… Большая часть их племён суть язычники (Маджус. — *А.Г.*), которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им»[63].

Как видим, мусульманские авторы при описании народов Европы, прежде всего русов и сакалибов, использовали термин ***маджус*** чаще всего в значении — «язычники-огнепоклонники, которые сжигают своих умерших». К этому же кругу народов были отнесены и кашаки-касоги, что не исключает того, что ал-Мас'уди религию кашаков назвал термином ***маджусийа***[64] потому, что те сжигали своих умерших. Вполне возможно, что ответ на этот вопрос могут дать данные археологии.

* * *

Исследователи уже давно обратили внимание, что на некоторых раннесредневековых могильниках Северо-Западного Кавказа имел распространение обряд кремации, столь нетипичный для северокавказских памятников предыдущего времени. Прежде всего, следует отметить некоторые погребения Борисовского могильника близ Геленджика, который был исследован В.В. Саханёвым около ста лет назад и им же был продатирован на основе нумизматического материала как V—VII вв., так и IX в.[65]

Как уже отмечалось, для этого некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханёв выделил на могильнике три группы погребений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI—VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребённых была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершённые на стороне, но помещённые в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму[66].

Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В.В. Саханёв соотнёс

в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений третьей группы, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию[67].

К сожалению, до сих пор для исследователей остаётся загадкой происхождение «10 грунтовых ям с сожжёнными костями (№ 80, 94, 97, 105, 109—111, 131—133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)». Инвентарь, обнаруженный в этой группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погребения № 134, 144), наконечники стрел (погребение № 134), стремена (погребения № 134, 144), удила (погребения № 134, 144), железные пряжки (погребения № 134, 143), железные щипчики (погребения № 105, 134), железные серпы (погребение № 134), железная цепь особой конструкции (погребение № 134) и т. п. На основании этих находок В.В. Саханёв пришёл к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и датировал третью часть Борисовского могильника IX в.[68]

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние трупоположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173 и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережжённых костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины (см. рис. 2, *1—4*). Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топорики, сабли, кинжал, кистень, ножи), снаряжением коня (см. рис. 3, *1—7*), орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника Александр Васильевич

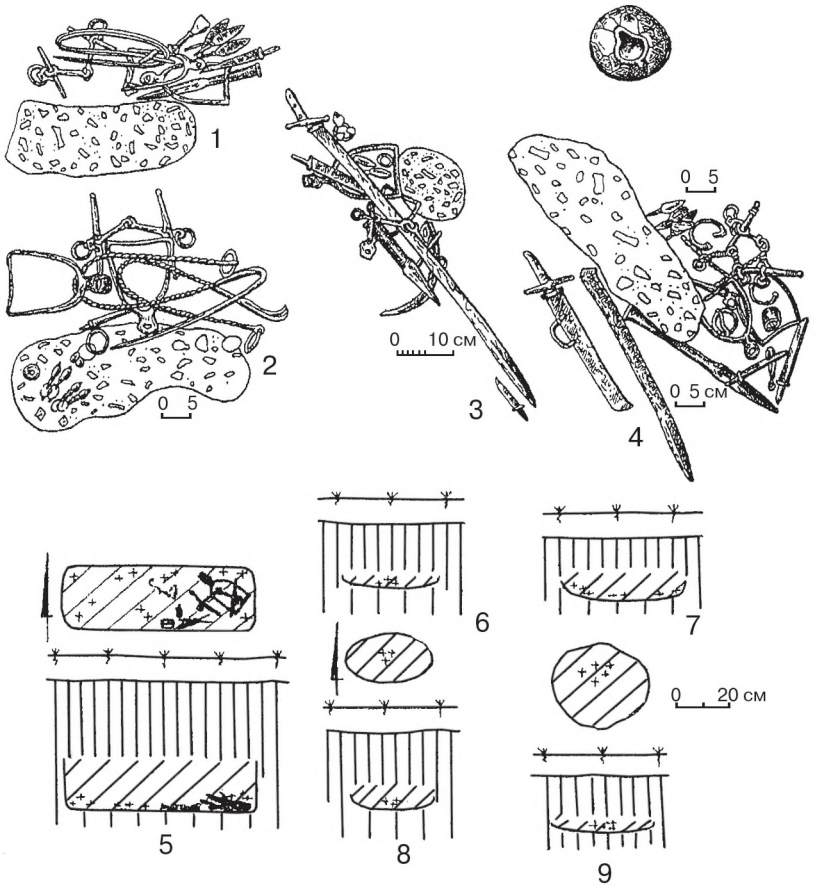

Рис. 2. Обряд трупосожжения на могильниках Дюрсо (1—4) и Сухая Гомольша (5—9) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII—IX вв.[69]

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо — не единственный на Северо-Западном Кавказе[70]. Анализируя ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье, А.В. Пьянков пришёл к следующим выводам: «В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки

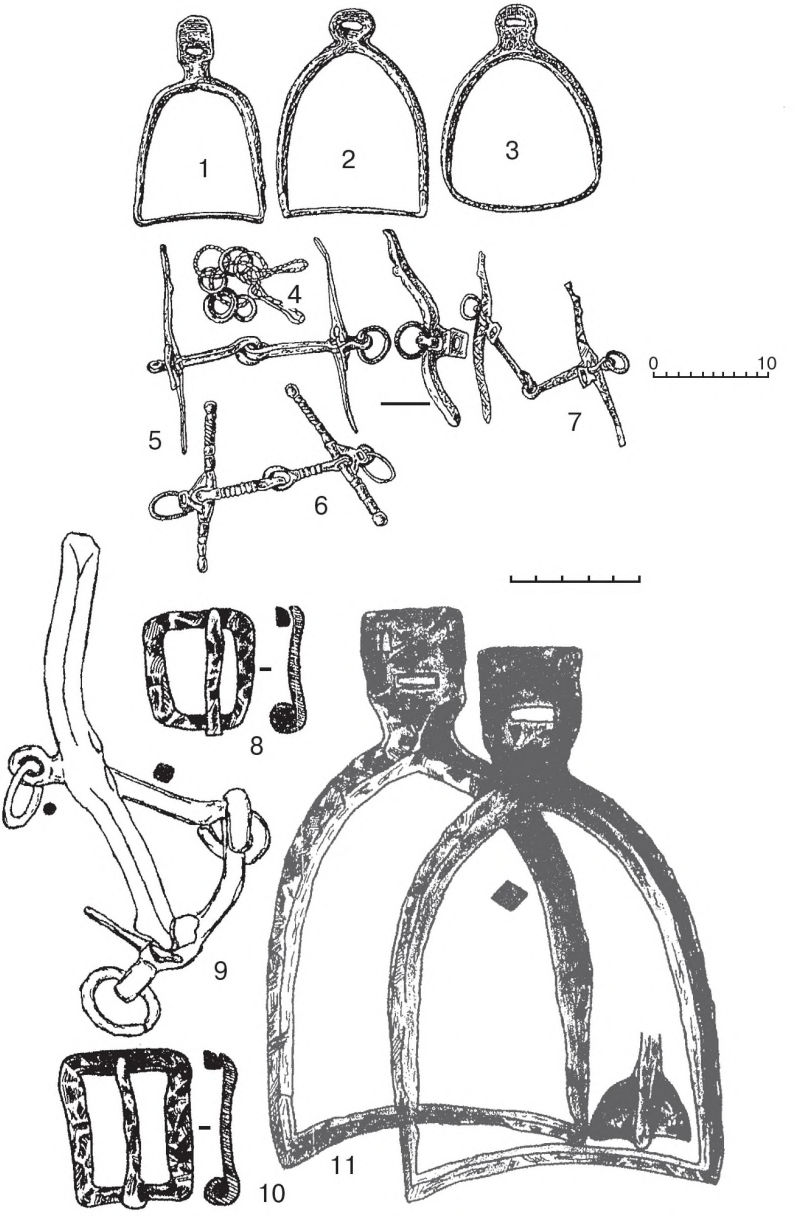

Рис. 3. Детали конского снаряжения из захоронений Дюрсо (1—7) и Сухой Гомольши (8—11) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII — IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Её северной границей служила река Кубань, южной — северные склоны Кавказского хребта, западной — берег Чёрного моря, а восточной — река Псекупс. Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих, и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей»[71].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Потому что своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения, предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А.В. Дмитриев отметил: «Могильники четвёртого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце… и в Предкавказье — у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. … Причём часто их сходство можно считать абсолютным»[72].

А.В. Пьянков также отметил, что «сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей, и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)»[73]. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и Владимир Александрович Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли «общностью происхождения» населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это «проживанием племён — носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении»[74].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения.

Так, Евгения Павловна Алексеева считала, что все погребения III—XIII вв. Северо-Западного Кавказа, совершённые по кремационному обряду, были оставлены протоабазинскими племенами. Исследовательница объясняла появление кубано-черноморских кремаций переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II—VII вв. н. э. По мнению исследовательницы, её оставили предки абазин[75]. Получается, что обряд трупосожжения возник на Северо-Западном Кавказе самостоятельно и имел местные корни, т. е. являлся новацией. Может быть, это и дало основания Геннадию Евгеньевичу Афанасьеву связать появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения[76].

Кроме того, в последние десятилетия очень популярным стало предположение А.В. Пьянкова о «касожском» происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе. Основанием для этого стали сведения средневековых авторов о проживании в указанном районе в первой половине X в. касогов. Несмотря на это, А.В. Пьянков считал кремационные захоронения хазарского времени инновацией. Вывод исследователя по этому поводу был следующий: «Кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом». При этом исследователь так и не мог определить, кто же были по этнической принадлежности эти пришельцы[77].

По этому поводу существуют и другие мнения. Так, А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше. Исследователь отметил, что цепь похожих погребений тянется на восток, до Алтая и Минусинской котловины, где подобные памятники увязываются с некоторыми группами населения Южной Сибири (тюрками, хакасами, енисейскими кыргызами). Ситуацию он представляет следующим образом: «В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряжённая военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочева-

ла на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска (в Дюрсо эту культуру мы видим ещё в сравнительно чистом виде). В Борисовском могильнике наряду с трупосожжениями в ямках уже хорошо прослеживается смешение местной традиции (захоронения в каменных ящиках) и пришлого обряда (трупосожжения). Позже в эти края приходит новая волна кочевников, оставившая трупосожжения в урнах под небольшими курганами, часто с захоронением коней»[78]. Таким образом, А.В. Дмитриев появление трупосожжений на Северо-Западном Кавказе связывал с пришлым населением, т. е. в данном случае предлагалось в обряде кремации видеть инновацию. Однако в этой ситуации возникают определённые сомнения относительно миграции населения из Центральной Азии именно в середине VIII в.

Чтобы разобраться в проблеме, необходимо обратиться к сравнительному анализу материалов как из синхронных, так и из более ранних могильников Северного Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии.

Как уже отмечалось, очень близкими кремационным захоронениям Северо-Западного Кавказа являются кремационные могильники хазарского времени в бассейне Северского Донца. Наиболее известный из них могильник, входящий в состав комплекса вблизи с. Сухая Гомольша, открытый и исследованный Владимиром Кузьмичом Михеевым. Исследователь памятника В.К. Михеев отметил, что могильник находился возле городища и поселения салтовской культуры у с. Сухая Гомольша и, следовательно, был оставлен их обитателями. Могильник был расположен на слегка покатом склоне глубокой балки и был окружён рвом. За ограничительным рвом было обнаружено место, где кремировались умершие — оно представляло собой «зольник» серповидной формы. Характерной особенностью могильника Сухая Гомольша, которая отличает его от других погребальных комплексов салтовской культуры, является малоизвестный для памятников хазарского времени обряд трупосожжения на стороне. Кроме захоронений на могильнике было обнаружено 17 поминальных комплексов вещей в так называемых тайничках. По способу захоронения остатков кремации все захоронения были разделены на урновые (138) и безурновые (179). Захоронения этих двух типов располагались на территории могильника без определённой закономерности. Безурновые захоронения, которые численно преобладали на могильнике, были совершены в ямах круг-

лой, эллипсовидной, прямоугольной с закруглёнными углами формы (см. рис. 2, *5—9*). В зависимости от площади могильной ямы и количества остатков кремации безурновые захоронения были разделены исследователями на четыре вида. Что же касается урновых захоронений, то в зависимости от положения урны (поставлена вверх дном над остатками кремации или остатки помещены в саму урну), наличия подстилки или крышки и т. п., они были разделены на восемь видов. На площади могильника удалось проследить участки с высокой плотностью захоронений и пустые участки без погребений. Всего В.К. Михеев выделил на могильнике шесть территориальных групп: I — северную, II — западную, III — юго-западную, IV — центральную, V — восточную, VI — южную. На основании этого исследователи могильника отметили, что существование разных погребальных традиций у оставившего его населения «может являться свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины»[79].

Найденный на могильнике инвентарь также представляет немалый интерес. Исследователи памятника обратили особое внимание на большое количество сельскохозяйственных и ремесленных орудий. Так, здесь были обнаружены железные ножи, серпы, косы, тёсла-мотыжки, хозяйственные топоры, долото, ручные резцы, пружинные ножницы, котлы. Были найдены также пряслица из глины и свинца, игольники из кости или бронзы, костяная горловина бурдюка и т. п. Все эти находки позволяют говорить, что во второй половине VIII — IX вв. население Сухой Гомольши вело осёдлый образ жизни и занималось как земледелием, так и ремёслами. Однако скотоводческие и военные традиции в сухогомольшанской общине были также довольно сильны. Об этом может свидетельствовать другая группа находок. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (см. рис. 3, *8—11*): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для сёдел, сбруйные соединители, стремена, украшения ремней конской сбруи и т. п. Найденное при конском снаряжении оружие также может свидетельствовать, что обитатели Сухой Гомольши принадлежали к наиболее привилегированному в Хазарском каганате роду войск — кавалерии. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические дета-

ли колчанов, костяные накладки от луков. Создаётся впечатление, что несение воинской службы было одной из основных функций мужского населения Сухой Гомольши. К тому же найденные здесь предметы одежды и украшения (бронзовые пуговицы, бубенчики, железные фибулы, фрагменты цепочек, поясные пряжки и бляшки, поясные разделители, подвески-обереги, «туалетные» коробочки, серьги, пронизи, разнообразные бусы, перстни, браслеты), а также предметы туалета (зеркала, копоушки, пинцеты, туалетная ложечка) могут свидетельствовать о том, что население Сухой Гомольши в хазарское время было отнюдь не бедным. Обнаруженная на месте захоронений керамика была представлена несколькими видами: кухонная керамика пяти типов, подправленная на гончарном круге; тарная керамика в виде амфор причерноморского типа; кухонные горшки кочевнического облика. При этом исследователи могильника обратили внимание на то, что изготовленные на гончарном круге горшки принадлежат к керамике салтовского типа. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника исследователи продатировали локальные группы могильника следующим образом: I — середина VIII — середина IX вв.; II — вторая половина VIII в.; III — VIII — начало IX вв.; IV — вторая половина VIII в.; V — конец VIII — середина IX вв.; VI — середина — третья четверть IX в.[80] Если охарактеризовать жителей Сухой Гомольши как население или с давними земледельческими традициями, или как недавно осевших кочевников, то предпочтение, скорее всего, прийдётся отдать последнему предположению.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому. Так, ещё в 1936 г. Иваном Фёдоровичем Левицким возле с. Новая Покровка на левом берегу р. Уды, правого притока Северского Донца, был открыт и частично исследован кремационный могильник (14 захоронений). Исследование могильника продолжил в 1949 г. Юрий Владимирович Кухаренко, которому удалось исследовать шесть погребений по обряду трупосожжения и два «тайника» с предметами вооружения и конского снаряжения[81]. Ю.В. Кухаренко сразу же связал новопокровские захоронения с комплексом у с. Тополи под Харьковом, обнаруженным ещё в XIX в.[82] Аналогичный Сухогомольшанскому кремационному могильнику погребальный комплекс в 1977 г. был также обнаружен в

пойме р. Большая Бабка (правого притока Северского Донца) возле с. Пятницкое[83]. В.К. Михеев пришёл к выводу, что «могильник у с. Пятницкое является двуобрядовым»[84]. Такой же биритуальный могильник салтовской культуры В.К. Михеев обнаружил и исследовал в 80—90-е гг. XX в. возле с. Красная Горка Балаклейского района Харьковской области. В течение нескольких сезонов было обнаружено и исследовано 310 погребений, из которых 121 было совершено по обряду трупосожжения и 189 — по обряду трупоположения[85]. К этому следует добавить, что в бассейне Северского Донца на территории Дмитриевского катакомбного могильника, на его южной и юго-восточной окраине, было обнаружено девять урновых погребений, совершённых по обряду трупосожжения. По наблюдениям исследователя памятника Светланы Александровны Плетнёвой, эти захоронения не относились к дохазарскому времени и были не только синхронны катакомбам IX в., но одно захоронение даже перерезало дромос одной из катакомб, т. е. являлось более поздним. Тем не менее, С.А. Плетнёва отнесла эти кремации к более ранней, чем салтовская, пеньковской культуре, несмотря на то, что только два горшка биконической формы из этих кремационных захоронений (№ 1, 5) действительно напоминали пеньковскую посуду[86]. Таким образом, нет сомнений в том, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкие по культурным традициям группы населения.

Если это так, то почему бы не предположить, что в хазарское время на Северо-Западный Кавказ могли переселиться с берегов Северского Донца носители кремационного обряда. Именно находки трупосожжений салтовской культуры, эталонными для которых являются захоронения из Сухой Гомольши, на территории, где в предхазарский период были распространены памятники пеньковской культуры, заставили несколько десятилетий назад некоторых исследователей считать Сухогомольшанский комплекс славянским. Этому способствовали также распространение трупосожжений среди носителей пеньковской культуры и близость земель, населённых в хазарское время славянскими племенами. Версии о славянской принадлежности салтовских кремаций в бассейне Северского Донца в своё время придерживались Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев, С.А. Плетнёва и некоторые другие исследователи[87]. Необходимо отметить, что в 1977 г. В.К. Михеев исследовал вблизи с. Сухая

Гомольша также поселение пеньковской культуры. Особый интерес представляют выводы В.К. Михеева и Олега Михайловича Приходнюка в совместной статье, посвящённой этому памятнику. В частности, исследователи отметили: «Следует констатировать отсутствие следов контактов между пеньковским и салтовским населением. Несмотря на то, что на поселении Сухая Гомольша существует салтовский культурный слой и раскопаны объекты этой культуры, салтовская керамика практически отсутствует в пеньковских сооружениях. Одиночные салтовские черепки попадаются лишь в верхних слоях заполнений (жилье № 4, яма № 41). Этот факт свидетельствует о разновременности пеньковского и салтовского поселений из Сухой Гомольши»[88]. Соответственно, нет оснований говорить о связи обитателей Сухой Гомольши, а значит и Дюрсо, с пеньковским населением предхазарского времени.

Однако возможен и предложенный Е.П. Алексеевой вариант, согласно которому обряд кремации имеет местные кавказские корни[89]. Если следовать логике исследовательницы, то получается, что обряд кремации появился независимо от внешних факторов на Западном Кавказе в хазарское время и благодаря миграции абхазо-адыгского населения получил распространение в бассейне Северского Донца. Подтверждают ли данные археологии эту гипотезу?

По мнению Е.П. Алексеевой, на территории Абхазии с X в. до н. э. по VI в. н. э. бытовал погребальный обряд кремирования умерших на стороне, с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V—XIV вв. Таким образом, предки абазин, с которыми Е.П. Алексеева связывает цебельдинскую археологическую культуру, с V в. н. э. могли проникать небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII—VIII вв. и в Закубанье. В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V—VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны от щитов), в погребениях VIII—IX вв. (наконечники копий), в погребениях X—XIV вв. (умбоны от щитов, керамические урны, ножницы, вилки для извлечения мяса из котлов)[90]. В окончательном варианте Е.П. Алексеева

«абазинскую» гипотезу представила следующим образом: «…Искать истоки кремационного обряда погребения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа нужно не на Днепре у славян и не у тюрок в Средней Азии и в Сибири, а гораздо ближе — в соседней Абхазии. В качестве рабочей гипотезы мы предложили средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа считать оставленными предками абазин и самими абазинами, коль скоро обряд трупосожжения в древности для местного населения Северо-Западного Кавказа был чужд, а в Абхазии у предков абхазов и абазин он существовал с I тыс. до н. э.»[91]

Однако слабость «абазинской» гипотезы убедительно показал А.В. Пьянков, который отметил, что «кремационные погребения III—XIII вв. из рассматриваемого региона различаются по основным чертам погребального обряда». К этим различиям он отнёс следующие: «погребения совершаются в узких или широких грунтовых ямах и в каменных ящиках», а не как небольшие кучи пережжённых костей в небольших и неглубоких могильных ямах на кремационных могильниках более позднего времени; «обычно вещи не сжигались вместе с умершими, а укладывались в могилы целыми», в то время как на могильниках хазарского времени предметы несут следы пребывания в огне; ранним трупосожжениям «практически не знакомы ритуальная порча предметов, устройство тайничков», что можем наблюдать на могильниках Борисовском и Дюрсо; «количество оружия в погребениях к VII веку заметно сокращается» и известны захоронения коня вместе с умершими при почти полном отсутствии снаряжения коня, в то время как на могильниках более позднего времени отмечено «присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня» и т. п.[92] По наблюдениям А.В. Пьянкова, в могильниках III—VII вв. Кубано-Черноморского региона известно чуть больше 20 кремационных погребений, в которых решительно преобладают безурновые кремации (95 %). А в цебельдинских могильниках кремации с последующим помещением праха в урнах составляют около 18 % от всех погребений. Безурновая кремация там встречена лишь однажды. Кремирование умерших у цебельдинцев прекращается в конце VI или в начале VII в. Соответственно А.В. Пьянков пришёл к выводу, что массовое распространение кремаций на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII — XIII вв. не связано с цебельдинской археологической культурой[93]. Таким образом, А.В. Пьянков, как и А.В. Дмитри-

ев, склонен был видеть в кремационных захоронениях VIII—X вв. на Северо-Западном Кавказе инновацию, появившуюся здесь вместе с пришлым населением.

Последнее мнение более убедительно. Однако так и не ясно происхождение носителей кремационного обряда в хазарское время. Инвентарь, обнаруженный в третьей группе погребений Борисовского могильника, был отличен от находок предшествующего времени. Это касается в первую очередь украшений и оружия[94]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и на могильнике Дюрсо. Там тоже кроме ремесленных орудий и украшений были обнаружены предметы вооружения: наконечники стрел, наконечники копий, боевые топорики, сабли, кинжал, кистень, ножи, а также стремена, украшения ремней конской сбруи (см. рис. 3, *1—7*) и т. п.[95] Аналогичные вещи были обнаружены и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше. Там на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (см. рис. 3, *8—11*): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для сёдел, сбруйные соединители, стремена, украшения ремней конской сбруи и т. п. На Сухогомольшанском могильнике было найдено в значительном количестве оружие: сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов, костяные накладки от луков[96]. В результате создаётся впечатление, что население как на Северо-Западном Кавказе (Борисово, Дюрсо), так и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше было связано с военной службой в кавалерии, т. е. имело непосредственное отношение к степной жизни.

Поэтому понятно стремление исследователей связать происхождение кремационных могильников хазарского времени с кочевыми народами степи. Из этих этнических групп наиболее загадочными считаются угры — и при том происхождение носителей кремационного обряда салтовской культуры также составляет одну из самых загадочных проблем хазарской археологии. Именно поэтому в своё время А.В. Дмитриев и А.В. Тарабанов высказались в пользу того, что носители кремаций салтовского типа, как на Кубани, так и на Северском Донце, могли иметь и угорское происхождение[97]. По-видимому, они следовали гипотезе В.К. Михеева об угорском происхождении сухогомольшанского населения. Эта гипотеза была более детально представлена в монографии В.К. Михеева и

Виктора Степановича Аксёнова, посвящённой Сухогомольшанскому комплексу. По этому поводу В.К. Михеев в частности отметил: «В связи с тем, что, как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, они свидетельствуют о возможном присутствии в составе сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса… Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии Север — Юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья. Для этого же населения свойственно использование и таких специфических изделий, как сюлгамы, одна из которых обнаружена в погребении № 272 могильника Сухая Гомольша»[98]. Однако гипотеза В.К. Михеева не получила широкой поддержки у исследователей, потому что ближайшие аналогии Сухогомольшанскому могильнику были найдены на территориях, значительно удалённых от мест проживания основного массива финно-угров. Вопрос в том, насколько был распространён у финно-угров обряд кремации? Кроме того, совпадение лишь некоторых украшений Сухой Гомольши с материалом из Поволжья может свидетельствовать не об этнических связях, а, скорее всего, о торговом обмене.

Говоря о кочевом происхождении обитателей Сухой Гомольши и Дюрсо, необходимо учитывать три возможных маршрута появления носителей обряда кремации на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца. Во-первых, носители кремационной традиции могли появиться изначально в бассейне Северского Донца, а оттуда переселиться на Северо-Западный Кавказ. Во-вторых, носители этой традиции могли сначала появиться на Кавказе, а оттуда продвинуться на северо-запад в район Сухой Гомольши. В-третьих, носители кремационного обряда могли одновременно заселить и земли Прикубанья, и бассейн Северского Донца, т. е. прийти из какого-то третьего места.

Как уже отмечалось, А.В. Дмитриев и А.В. Пьянков продатировали самые ранние кремационные захоронения салтовского типа на Северо-Западном Кавказе второй половиной VIII в., а В.К. Михеев самые ранние захоронения Сухой Гомольши также отнёс ко второй половине VIII в. Выходит, что наиболее вероятен третий вариант, согласно которому в бассейнах Северского Донца и Кубани но-

сители кремационного обряда появились одновременно, т. е. пришли из третьего, неизвестного нам региона. А если датировка наиболее ранних комплексов может оказаться неточной? Тем не менее, имеет смысл попытаться найти более близкие в территориальном и хронологическом аспектах памятники, имеющие отношение к кремационным погребениям типа Дюрсо и Сухая Гомольша.

Так, особый интерес представляет богатый комплекс, исследованный Владимиром Автономовичем Гринченко в 1930 г. в степном Поднепровье возле с. Вознесенка, где, по его мнению, были обнаружены кремационные захоронения. По наблюдениям исследователя, в центре комплекса находился замкнутый каменный вал в виде прямоугольника (82×51 м) с закруглённой одной из меньших сторон. При раскопках площади внутри вала было обнаружено большое количество железных, бронзовых, серебряных и золотых вещей (наконечники стрел, стремена, удила, пряжки, бляшки, накладки на оружие, литые изображения орла и льва и др.), сложенные в кучу и проткнутые тремя саблями. Как отметил В.А. Гринченко, большинство из обнаруженных вещей несут на себе следы пребывания в огне. Всё перечисленное позволяет рассматривать эту яму со сложенными вещами как погребение через трупосожжение, произведённое на стороне, а всю территорию каменного сооружения — как место стоянки военного лагеря. На мысль о трупосожжении В.А. Гринченко натолкнули не только следы огня на предметах, но и остатки кремаций. Так, в ямах квадратов № 61 и 62 были обнаружены фрагменты обгоревших мелких костей, а на восточном вале в квадратах № 42 и 43 были обнаружены следы большого костра. Всё это дало основание исследователю считать, что после сожжения умершего с сопровождающими вещами «материал погребения, следует полагать, был разделён на две части: ценности и вещи были размещены в яму квадрата № 59; кости, а возможно, также и вещи, в яму квадратов № 61, 62». Кроме того, на территории этого комплекса были обнаружены и несколько погребений по обряду ингумации: одно под камнями западного вала, а другое — на расстоянии 25—30 м на запад от каменного сооружения в подбое[99]. Однако А.И. Айбабин считает, что на Вознесенском комплексе были обнаружены не захоронения людей по обряду кремации. По его мнению, западнее от ямы с четырьмя слоями «побывавших в огне вещей» была «расчищена другая яма (1,25×1 м, глубиной до 1,63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней,

перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожжённой глины»[100]. Следовательно, остаётся под вопросом наличие обряда кремации на Вознесенском комплексе.

Относительно происхождения и назначения Вознесенского комплекса среди исследователей существуют различные мнения. Среди них наибольший интерес представляет предположение Анатолия Константиновича Амброза и А.И. Айбабина. По их наблюдениям, подобный ограждённый рвом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица во Втором Тюркском каганате[101].

Немалый интерес также представляет исследованный полвека назад комплекс возле с. Глодосы на Кировоградщине, где были обнаружены остатки трупосожжения и сопровождающий инвентарь, представленный как снаряжением воина-мужчины, так и вещами женщины. Исследовательница памятника Алла Трофимовна Смиленко определила, что кальцинированные кости в погребальной яме были сложены в две кучи, что дало ей основания говорить о погребении военачальника и его жены[102]. Найденный инвентарь позволил исследователям датировать Глодосский комплекс как концом VII — началом VIII вв.[103], так и серединой VII в.[104] Относительно же этнической принадлежности комплекса из Глодос у исследователей не выработалось единого мнения, хотя многие согласны с тем, что памятники из Глодос и Вознесенки были оставлены одной и той же группой населения[105].

Несмотря на это, современные исследователи объединяют Вознесенский, Глодосский, а также богатые комплексы и ингумационные погребения конца VII — начала VIII вв., обнаруженные возле Перещепино, Келегей, Новых Санжар, Ясиново, Новогригорьевки, Раздольного, Васильевки, Суханова и т. п., в одну культуру, но при этом дают несколько различающуюся этническую атрибуцию этих памятников. Так, О.М. Приходнюк связывал все эти комплексы, за исключением Вознесенки и Глодос, с протоболгарами. Что же касается Вознесенского и Глодосского комплексов, то исследователь не решился дать им этническое определение[106]. Однако А.И. Айбабин не согласен с такой трактовкой и считает, что все эти памятники были оставлены хазарами, носителями так называемой перещепинской культуры[107]. Исследователь считает: «Вероятно, в последней трети VII — первые десятилетия VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они

создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата»[108].

Как уже отмечалось, из числа наиболее богатых комплексов «перещепинской» культуры лишь Глодосский комплекс содержал явные кремационные захоронения. По словам А.И. Айбабина, погребальное сооружение у Глодос «по конструкции и обряду аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культовым комплексам тюрков-тугю… Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями»[109].

Действительно, в «Тань-шу» о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнёт желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развёртываться (речь идёт о погребении остатков кремации. — *Авт.*). В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах»[110]. По данным китайских хроник, обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Смена погребального обряда послужила даже предметом весьма резкой дипломатической переписки, когда китайский император обвинил тюркского кагана Хейли в отходе от обычаев предков[111]. Последний засвидетельствованный в хрониках факт погребения по обряду трупосожжения относится к 634 г. Об этом «Тань-шу» сообщает следующее: «…В восьмое лето, 634, Хейли умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хейлиев,

по кочевому обычаю, сожжён. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба»[112]. Соответственно, эта информация даёт основания считать, что обряд трупосожжения имел распространение у восточных тюрков-тугю именно в племени кагана, который принадлежал к правящей династии Ашина[113].

Однако имеется ли археологическое подтверждение существования у древних тюрков обряда кремации? Упоминания об этом нет, например, в работах Леонида Романовича Кызласова[114]. Относительно этого Дмитрий Глебович Савинов пришёл к весьма пессимистическому выводу: «Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено». Исследователь объяснял это несколькими причинами: «1) погребения тюрков-тугю в Центральной Азии и Южной Сибири ещё не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени». По наблюдениям исследователя, кочевники древнетюркского времени предпочитали обряд ингумации, а не кремации. Однако Д.Г. Савинов вынужден был отметить, что «описание погребального обряда древних тюрков письменных источников в наибольшей степени соответствует памятникам таштыкской культуры Минусинской котловины», которая на заключительном этапе была синхронна «периоду Первого Тюркского каганата»[115].

Относительно обряда кремации у древних тюрков ещё полвека назад Александр Данилович Грач в специальной статье отметил, что археологические исследования, проведённые тогда на территории Тувы — высокогорной области, бывшей в древности одним из основных регионов древнетюркских государств, выявили не известные ранее группы тюркских памятников — погребения с трупосожжением, сочетавшиеся с поминальными комплексами. По его наблюдениям, группы эти территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озёр Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая — вблизи отрогов Шапшальского хребта, в верховьях р. Хемчик. Группа состоит из двух примыкающих друг к другу оград, внутри которых

установлены стелы (на стелах — древнетюркские изображения и знаки енисейского письма), и четырёх кольцевых выкладок. Исследования позволили обнаружить возле оград четыре идентичные кольцевые выкладки из камней, где в центре каждой из выкладок были выявлены ямки глубиной 0,10—0,50 м от горизонта, заполненные золой, в которой обнаружены обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях ямки были перекрыты каменными плитками. На стелах были обнаружены тюркские рунические надписи. По наблюдениям А.Д. Грача, ближайшей аналогией памятникам группы Хачы-Хову являются разновысокие стелы в смежных оградах, обнаруженные на юго-востоке Тувы — в высокогорном сумоне Моген-Бурен и в Монголии — в районе озера Баян-Нур, а также комплекс, раскопанный А.Д. Грачом в долине р. Хемчик. Основываясь на данных китайских хроник и собственных археологических исследований, А.Д. Грач пришёл к выводу: «…Погребения с сожжением, обнаруженные к настоящему времени в Центральной Азии и относящиеся к древнетюркскому времени, распадаются на две хронологические группы. Первая из этих групп датируется, как уже указывалось, VI — первой половиной VII вв. и включает памятники, оставленные центральноазиатскими тюрками. Вторая группа (кыргызская) датируется временем не ранее 840 г. н. э. и генетически не связана с первой»[116]. Получается, что в период Первого Тюркского каганата в Центральной Азии могли быть трупосожжения. Однако эта информация требует уточнения, поскольку на указанную статью А.Д. Грача никто из исследователей этого вопроса не ссылался.

К сожалению, А.И. Айбабин, сравнивая погребальное сооружение у Глодос с описанным в китайских хрониках обрядом трупосожжения у тюрков-тугю, так и не объяснил, с территории какого Тюркского каганата — Западного или Восточного — пришли в степи Северного Причерноморья каганы хазар[117].

В настоящее время большинство современных исследователей поддерживают гипотезу Михаила Илларионовича Артамонова, согласно которой основателем Хазарского каганата был представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, а именно «преемник Иби-Шегуй хана, свергнутый с тюркютского престола, но нашедший себе убежище у хазар». М.И. Артамонов был склонен связывать воцарение каганов в Хазарии с гражданской войной в Западном Тюркском каганате в середине VII в. между племенными союзами дулу и нушиби, где последние поддерживали основателя

Хазарского каганата[118]. В связи с этим интерес может представлять описание хазаро-болгарской войны второй половины VII в., которое содержится в Пространной редакции Письма Иосифа. Согласно данным Иосифа, хазары первоначально не смогли из-за своей малочисленности одолеть болгар-«В-н-т-р'ов», но потом им это удалось, и в результате этого часть болгар ушла на Дунай[119]. Это можно объяснить лишь ростом количества племён, вошедших в состав хазарской племенной конфедерации, что могло быть вызвано значительной миграцией населения, где доминировали представители племени западных Ашина[120]. Следовательно, имеются основания полагать, что хазарские каганы переселились в степи Северного Причерноморья с территории Западного Тюркского каганата.

Вместе с тем в местах обитания западных тюрков, в степях Средней Азии, трупосожжения так и не были выявлены[121]. Именно это и создает серьёзные проблемы относительно этнической атрибуции трупосожжений хазарского времени в степях Восточной Европы. К сожалению, византийские историки не оставили нам подробную информацию об обряде погребения кагана западных тюрков. Однако есть одно сообщение, имеющее непосредственное отношение к этому. Так, Менандр сообщает, что византийский посол Валентин, прибыв к ставке кагана западных тюрков в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. На встречу им вышел его сын Турксанф и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, поцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных «унов» (гуннов) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в потусторонний мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых[122]. Если сравнить это описание с данными китайских хроник о погребальных традициях тюрков-тугю, то получается, что у Менандра речь идёт не о днях смерти и сожжения, а о периоде захоронения останков кагана, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации. Следовательно, обряд погребения у главного племени западных тюрков мог быть таким же, как и у восточных Ашина, т. е. можно говорить о распространении среди них в определённое время обряда трупосожжения. Таким образом, богатые трупосожжения в конце VII — начале VIII вв. могли появиться в степях Северного Причерноморья в результате миграции хазарских каганов с территории Западного Тюркского каганата.

Для нас особый интерес может представлять дальнейшая судьба носителей кремационного обряда. Необходимо отметить, что авторы X в. зафиксировали у хазар обряд ингумации. Однако Мирхонд сохранил легенду, согласно которой в давние времена хазары бросали покойника в огонь под звуки песнопений и барабанов. При этом Мирхонд добавил: «Говорят, что этот обычай остался в тех странах по настоящее время»[123]. Таким образом, есть основания считать, что среди части хазар изначально практиковался обряд кремации, который впоследствии был заменён на обряд ингумации. Из этого следует, что хазары, поселившись в новой резиденции — Итиле, со временем отказались от традиции кремирования своих каганов. Однако не ясно, все ли носители традиции кремирования переселились вместе с каганами из степей Северного Причерноморья в район Северо-Западного Прикаспия во время и после арабо-хазарских войн?

Примечательно, что Алексей Викторович Комар ещё двадцать лет назад высказался в пользу того, что такие комплексы, как Вознесенка и Глодосы, имеют отношение к тюркам, а именно «этническим хазарам», и находят продолжение в кремационных погребениях салтовской культуры[124]. Однако эта гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, отсутствуют промежуточные формы между кремациями «перещепинской» и «салтовской» культур.

Во-вторых, захоронения типа «глодосских» отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда, а кремации на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша были значительно скромнее.

В-третьих, сам погребальный обряд был явно отличен — помимо захоронений кремированных останков в ямах, например, в Сухой Гомольше встречались захоронения в урнах, под перевёрнутыми урнами и т. п.

В-четвёртых, в Глодосах мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше пред нами предстают кочевники, перешедшие к оседлости, что явно не соответствует высокому социальному статусу.

Именно поэтому особый интерес может представлять гипотеза А.В. Дмитриева об обстоятельствах появления кремационных могильников салтовской культуры: «В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряжённая военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и

на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска...»[125] Однако и эта гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, политическая ситуация в Центральной Азии в середине VIII в. была несколько иной. Следует обратить внимание на последние выводы С.Г. Кляшторного, согласно которым в 744 г. в Центральной Азии пал Второй Тюркский каганат, что «создало в степи политический вакуум», который был заполнен лишь в 763 г. созданием Уйгурского каганата[126]. Соответственно, не было предпосылок для миграции на Запад из Центральной Азии населения, ведь политическая обстановка была спокойной.

Во-вторых, исследователи кремационных могильников хазарского времени на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца отнесли их (включая материалы из наиболее ранних захоронений середины VIII в.) к памятникам салтовской культуры. Однако мигранты не могут сразу стать носителями местной культуры. Следовательно, носители кремационного обряда до того, как надолго поселиться в бассейнах Кубани и Северского Донца, должны были, по крайней мере, несколько десятилетий находиться в постоянных контактах с создателями салтовской культуры — аланами и болгарами. Наиболее вероятно объяснение, согласно которому во время арабо-хазарских войн, в конце VII — начале VIII вв., носители кремационного обряда принимали участие в боевых действиях против арабов, т. е. они могли длительное время быть на Северном Кавказе вблизи Дербентского и Дарьяльского проходов. Таким образом, имеются основания говорить об обитателях Дюрсо и Сухой Гомольши, как об одних из создателей салтовской культуры. А это может означать, что они должны были появиться на землях Хазарского каганата значительно раньше середины VIII в.

Кроме того, можно также объяснить, почему в Сухой Гомольше помимо захоронений кремированных останков в ямах встречались захоронения в урнах, под перевернутыми урнами и т. п. В соответствии с последними данными, происхождение населения Сухой Гомольши имело отношение не только к Северо-Западному Кавказу, но и к другим регионам. Так, большинство лепных сосудов и многие из металлических изделий Сухой Гомольши в бассейне Северского Донца находят почти полные аналогии в коллекции лепных сосудов и изделий из металла на Пастырском городище в

Среднем Поднепровье, датируемых, серединой / последней четвертью VII — серединой VIII вв. По определению О.М. Приходнюка, жители Пастырского городища представляли собой славян, переселившихся во второй половине VII в. из Нижнего Подунавья под давлением болгарского хана Аспаруха. И поэтому они были носителями провинциально-византийской культуры и для них был характерен довольно высокий уровень развития ремёсел[127]. Таким образом, не исключено, что часть жителей хазарской Сухой Гомольши и некоторых близких к ним территориально групп населения бассейна Северского Донца в IX—X вв. могли быть представлены славянами балканского происхождения из Среднего Поднепровья. Вполне возможно, что в хазарское время в бассейн Северского Донца переселились или были насильно переселены выходцы из Среднего Поднепровья[128]. Характерно, что урны, подобные керамическим изделиям Сухой Гомольши, не встречаются на Северо-Западном Кавказе.

Относительно того, что захоронения типа «глодосских» отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда от кремаций на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша, то это можно объяснить различным социальным статусом, что предполагает принадлежность к определённым родо-племенным группам кочевого общества.

Касаясь связующего звена между богатыми погребениями «перещепинской» культуры и захоронениями в Дюрсо, необходимо обратить внимание на наблюдения А.В. Дмитриева, согласно которым в Дюрсо четвёртому, наиболее позднему периоду предшествовал третий. А.В. Дмитриев охарактеризовал находки этого типа следующим образом: «Беднее всего в могильнике Дюрсо представлен третий период. К нему относится захоронение 248 хазарского воина с мечом и золотыми подвесками… Погребения этого круга хорошо известны. Близкой аналогией является захоронение хазарского воина из Ясиново… В обоих погребениях подобны удила, стремена, кувшины…, захоронение коня поблизости. Кувшин из Ясинова, подобный найденному в погребении 248, А.И. Айбабин относит к керамике канцирского типа. С глодосским погребение 248 связывает целый круг предметов — наконечники стрел и копья, стремена… Пуговицы, обтянутые серебряным листом, золотые серьги-подвески и парадный палаш с серебряными деталями ножен и рукояти аналогичны. Они являются знаками отличия военных вождей. Палаш из Дюрсо, хотя он гораздо беднее, позволяет произ-

вести достоверную реконструкцию глодосского меча, о которой ведутся споры. Помимо погребения 248 из Дюрсо следует отметить случайную находку пары золотых серёг-подвесок в Цемдолине»[129]. Очень важны выводы А.В. Дмитриева относительно происхождения этих захоронений: «Погребения этого круга связывают с хазарами… и датируют концом VII — началом VIII вв. Думаю, что последняя дата больше подходит к погребению 248. К этому времени захоронения второго периода в Дюрсо уже не производятся, хотя несколько погребений (343, 428) с оружием… могли быть совершены в то же время или даже несколько позже. На протяжении всего VIII в. было совершено только несколько захоронений и связать их можно с перемещением разных этносов в хазарское время»[130]. Таким образом, это заключение не позволяет напрямую связать Глодосское захоронение с кремациями Дюрсо. В такой ситуации не понятно, где появились памятники «перещепинского» типа раньше — в Дюрсо или в Глодосах? Кроме того, среди погребений третьей группы Дюрсо нет кремаций и к тому же в период между существованием третьей и четвёртой групп, на протяжении нескольких десятилетий VIII в., на могильнике в Дюрсо практически не хоронили умерших. Следовательно, носители обряда кремации должны были появиться в Дюрсо лишь в конце VIII в., т. е. нет оснований говорить о прямой преемственности захоронений третьей и четвёртой групп.

Что же касается того, что в богатых захоронениях «глодосского» типа мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше перед нами предстают перешедшие к оседлости кочевники, то нам известно немало случаев, когда господствующие группы кочевников в силу обстоятельств вынуждены были менять образ жизни. Достаточно вспомнить монголов в Китае, или в Афганистане, где по приказу Чингис-хана поселилась тысяча монгольских воинов, что в результате привело к формированию хазарейцев.

Возможно, аналогичная ситуация возникла и во второй половине VIII в. на западных границах Хазарского каганата. Если посмотреть на карту (см. рис. 4), то можно заметить, что в хазарское время кремации появились на Северо-Западном Кавказе, как раз возле юго-западных границ Хазарского каганата, т. е. на землях адыгов. Аналогичную ситуацию с кремациями салтовского типа можно отметить и на Северо-Западе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца (см. рис. 4). В своё время А.В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе

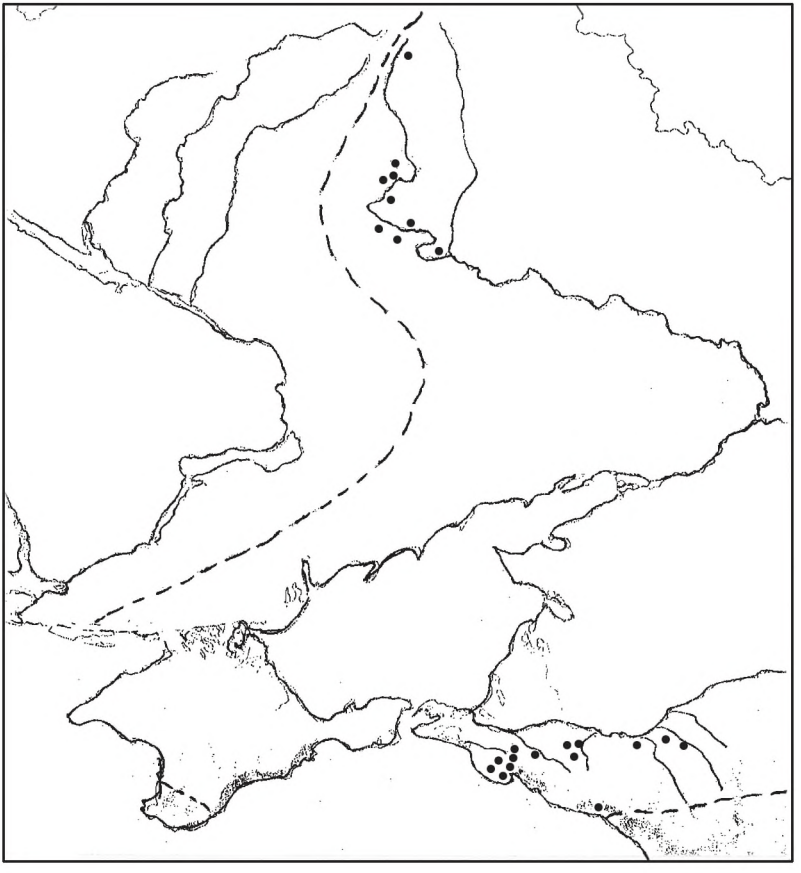

Рис. 4. Местонахождение могильников салтовской культуры с кремационными захоронениями вдоль западной границы Хазарского каганата

Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове, писал: «…Можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало гарнизоны иноплеменных наёмников»[131]. Вполне возможно, что к числу этих «наёмников» и относились обитатели Дюрсо и Борисово. В данной ситуации следует отметить, что И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К нача-

лу собственно "салтово-маяцкого времени" полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Всё это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на "зихской" границе каганат проводил "стабилизационные" мероприятия»[132]. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из племен хазарской орды на юго-западные границы Каганата, для контроля ситуации над весьма ненадёжными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крылья одного племени.

Таким образом, сравнительный анализ с традициями восточных тюрков-тугю, которые ещё до начала VII в. сжигали своих каганов, позволяет считать, что в среде каганского племени западных тюрков также должен был иметь распространение обряд кремации. Однако из-за отсутствия данных пока рано говорить о том, что кремационные захоронения Дюрсо и Сухой Гомольши могут иметь прямое отношение к захоронениям тюркской знати, что мы наблюдаем в раннесредневековых погребениях Северного Причерноморья и Центральной Азии. Распространение обряда кремации среди кочевников, хотя и бывших, может указывать на их прародину в районе лесостепи. К этому описанию очень хорошо подходит Южная Сибирь.

В сложившейся ситуации необходимо признать факт: в конце VIII в. на Северо-Западном Кавказе уже проживали носители кремационного обряда погребения и тогда же в агиографическом сочинении, посвящённом апостолу Андрею, появилось первое упоминание о касогах в форме «Косогдианы». Поэтому имеет смысл обратить внимание на идею А.В. Пьянкова о «касожском» происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, поскольку данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой половине X в. именно касогов[133]. Отметим, что А.В. Пьянков также обратил внимание на отмеченный нами фрагмент из сочинения ал-Мас'уди, согласно которому кашаки — это народ, который «исповедует религию магов»[134]. По этому

поводу А.В. Пьянков отметил: «...Часть сведений, сообщённых Масуди, относилась не к касогам, а зихам. Но поскольку последним не было свойственно сжигать умерших, то приведённая цитата из Масуди могла относиться только к самим касогам»[135].

В связи с этим можно в ином ракурсе посмотреть на проблему происхождении этнического названия ***кас-ог***. Прежде всего, следует отметить, что в состав этнонима входит термин ***кас-***, что заставляет вспомнить этнические и социальные названия — ***хазар***, ***казак***, ***казах***, тюркское происхождение которых уже было давно доказано, потому что они, по мнению многих исследователей, происходят от общетюркского ***кас*** (***коса***) — «кочевать». Необходимо также напомнить, что раннесредневековые источники дают нам один из вариантов первоначального названия хазар — ***коса***[136]. В своё время Дуглас Данлоп в монографии, посвящённой хазарам, пытался связать центральноазиатский народ ***коса*** как с ранними хазарами, так и с уйгурами[137]. Однако эта гипотеза не получила дальнейшего развития ввиду того, что название ***коса***, которое обозначало кочевой образ жизни, могло возникнуть у многих народов тюркского происхождения вполне самостоятельно[138]. Василий Васильевич Радлов по этому поводу приводит такие данные: «Кос = коч: переселяться, кочевать»[139]. Несомненно, что изначально термин ***кас-*** (***кос-***) был составной частью самоназвания у многих народов тюркского происхождения.

Поэтому можно считать, что термин ***касог*** являлся обобщающим названием для смешанного тюрко-адыгского населения Прикубанья в конце VIII — первой половине X вв. Из истории известно немало случаев, когда название народа-завоевателя поглощало прежнее название покорённого этноса. Достаточно вспомнить ситуацию с термином ***русь*** в Восточной Европе или этнонимом ***болгары*** в Подунавье. Похоже на то, что пришельцы распространили своё название среди адыгов Северо-Западного Кавказа в хазарское время. О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям[140].

Так что отметим не подлежащий сомнению факт: в хазарское время на землях Северо-Восточного Причерноморья, где с первой половины X в. письменные источники фиксируют касогов или кашаков, наряду с ингумационными погребениями получили распро-

странение кремационные захоронения. А это вполне согласуется с нашими данными о том, что мусульманские авторы при описании народов Европы, включая Северный Кавказ, использовали термин ***маджус*** или ***маджусийа*** для обозначения тех язычников-огнепоклонников, которые сжигали своих умерших.

Нам не известно, практиковали ли постройку храмов огня носители обряда кремации на Северо-Западном Кавказе, но аналогии из другого времени и иной территории позволяют допустить это. Так, Маргаритой Борисовной Мейтарчиян был исследован на территории древней Бактрии в Джаркутане храм огня, функционирование которого приходится на вторую половину II тыс. до н. э., т. е. на дозороастрийское время. Особо важно, что на местном могильнике умерших погребали по обряду кремации, что было новым явлением в идеологии населения эпохи бронзы[141]. Следует обратить внимание на выводы М.Б. Мейтарчиян, согласно которым «зороастрийцев стали называть "огнепоклонниками" после того, как они основали храмовые культы огня... часто культ огня связывают с зороастризмом, но на самом деле он гораздо древнее»[142].

Таким образом, сообщение ал-Мас'уди о кашаках — «и они народ, который приверженец маджусийа» — позволяет считать, что здесь речь идёт не о зороастрийцах, а о язычниках-огнепоклонниках, проживавших в хазарское время на Северо-Западном Кавказе и практиковавших обряд кремации.

* * *

Как уже отмечалось, в первой половине X в. ал-Мас'уди[143] и Константин Багрянородный[144] локализовали касогов в районе Северо-Западного Кавказа. Аналогичную картину в X в. дают и другие восточные и европейские источники.

Однако первое же упоминание касогов в «Повести временных лет» позволяет дать иную локализацию этой этнической группы. Речь идёт об известии древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков «Повести временных лет» нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: «В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша противу с князем своим Коганом, и соступишося обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги»[145]. Анализ упомянутых фрагментов позволяет предполагать, что

в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела — Белой Вежи, захватил эту крепость, и лишь после этого мог пойти на союзников хазар — аланов-ясов и касогов. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: «Иде С[вя]тослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ княземъ своимъ Каганомъ и сътупиша бить. и бивши брани. Одоле С[вя]тослав Козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя [и] Ясы победи и Косоги»[146]. Именно эта информация Лаврентьевской летописи и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарский город Семендер и после чего отправились «в Рум и Андалус»[147], позволили Владимиру Александровичу Кузнецову[148], Василию Владимировичу Бартольду[149], М.И. Артамонову[150], Андрею Николаевичу Сахарову[151] и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошёл на Среднюю Волгу в страну булгар и буртасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришёл в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М.И. Артамонов[152], В.А. Кузнецов[153] и некоторые исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье.

Со своей стороны Александр Юрьевич Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел — Белую Вежу и после этого пошёл на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане[154].

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: «…и градъ ихъ и Белу Вежю взя»[155], тогда как в остальных списках она имеет вид «и градъ их Белую Вежю взя»[156]. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в единственном пергаментном списке, переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Лаврентьевской летописи доведён до 6813 (1305) г. Лаврентьевская летопись считается одной из древнейших, которые сохранились до наших дней.

К числу таких древнейших летописей относится также Радзивиловская. Считается, что это памятник предположительно нача-

ла XIII в., потому что он заканчивается описанием событий 1206 г. Эта летопись дошла до нас в списках конца XV в.: собственно Радзивиловском и Московско-Академическом. В Радзивиловской летописи также сообщение о походе 965 г. отличается от текста Лаврентьевской летописи: «В лет(о) 6473. Иде С(вя)тослав на козары: слышавши же козары изидоша противу со кн(я)зьмъ своимъ Каганомъ, и ступишас(я) бити, и бывши брани, и одоле С(вя)тославъ козаровъ, и градъ ихъ Белу Вежю взя; и ясы победи и касоги»[157].

Создаётся впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл напомнить мнение Анатолия Петровича Новосельцева, который полагал, что русы совершили против хазар два похода: первый — в 965 г., а второй — в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором — в сообщении Ибн Хаукаля. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что «Повесть временных лет» не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье[158]. Подобных взглядов на этот счёт придерживается также Т.М. Калинина. Только она считает, что второй поход русов против хазар состоялся не в 968 г., а в 969 г.[159] По мнению Михаила Сергеевича Грушевского[160], Татьяны Максимовны Минаевой[161], А.П. Новосельцева[162] и других исследователей, войско Святослава двигалось по суше с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов — в Прикубанье.

Поход Святослава на земли касогов в Прикубанье, казалось бы, можно объяснить стремлением русов обосноваться на стратегически важном Таманском полуострове, где находилась Тмутаракань. Однако ни в одной из древнерусских летописей нет упоминания о Тмутаракани под 965 и последующими годами. Логично считать, что если бы в 965 г. Святослав захватил Тмутаракань на землях касогов, то летописи бы это отметили. Но летописи молчат о Тмутаракани до 988 г.

Поэтому имеет смысл поддержать следующее мнение Г.Ф. Турчанинова относительно маршрута похода Святослава: «...Нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и косогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название ***косог*** (ср.[авните] осет. [инское] ***каесаег*** "кабардинец-черкес") вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги...»[163]

Вопрос в том: подтверждают ли другие письменные источники локализацию касогов и аланов-ясов в хазарское время на Нижнем Дону? В первую очередь отметим возможность локализации аланов на Нижнем Дону и обратим внимание на известный пассаж из 11-й главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»: «Эксусиократор Алании не живёт в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир»[164].

В настоящее время имеются основания трактовать сообщение 11-й главы сочинения Константина Багрянородного, где упоминаются «Климаты и Херсон», не иначе как указание на наличие в середине X в. в Крыму владений Византии, а не Хазарии. В связи с этим достаточно напомнить, что климáты Херсона неоднократно упоминаются в трактате «Об управлении империей». Имеет резон процитировать 1-ю главу этого сочинения: «Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов. — *Авт.*) соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты»[165]. Как показал Михаил Андреевич Никифоров в диссертации «Византийские владения в Горном Крыму в первой половине IX — в начале XIII ст.», «климáтами» византийские авторы называли Горный Крым. Это было название пер-

вой на полуострове византийской фемы, которая была основана, по его мнению, между 834 и 837 гг.[166] Однако Константин Цукерман склонен отодвигать эту дату к 841 г.[167]

Весьма примечательно, что предположение о нахождении не хазарских, а «византийских владений в Крыму», упоминаемых в 11-й главе трактата Константина Багрянородного, выдвинул ещё в XIX в. Ю.А. Кулаковский. По мнению известного византолога, если аланы могли преграждать путь хазарам к Саркелу и Крыму, то они «должны были составлять часть населения Припонтийских степей»[168]. К подобному выводу также пришёл польский историк Тадеуш Левицкий. Он считал, что в 11-й главе сочинения «Об управлении империей» речь идёт об аланах, которые обитали на Нижнем Дону[169]. Если принять во внимание последнюю точку зрения, то сообщение, что «эксусиократор Алании» может препятствовать хазарам достигать Саркела, Климатов и Херсона, должно содержать указание на нахождение аланов в степях Северного Приазовья вблизи Саркела, откуда открывались подходы к Боспору и Перекопу.

Что же касается локализации касогов, то ни один раннесредневековый письменный источник, кроме «Повести временых лет», не позволяет локализовать касогов на берегах Дона. Наоборот, все раннесредневековые авторы пишут о касогах как о народе, живущем между аланами Центрального Предкавказья и восточным побережьем Чёрного моря. Поэтому имеет смысл обратиться к другим источникам информации.

Так, свои предположения о локализации в раннее средневековье касогов в Нижнем Подонье Г.Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках из-под Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке[170]. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска: «Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и косожского письмен. …Некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно… В основу раннего восточнославянского…, и в основу

косожского (средневекового кабардино-черкесского)... письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо..., уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта»[171].

В результате Г.Ф. Турчанинов прочёл две надписи на флягах на касожском, как он полагает, языке. Обратим внимание на их содержание.

Первая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Х'умигкъан : зай' : Лайук : зауэ · Кууай (·) лъа · 'бк · лъа п'а». По мнению исследователя, перевод должен звучать так: «Кувшин : кому принадлежащий : Лейюк : воин · Кууева (·) рода — племени — знаменитого был».

Вторая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Лух'а К'айсих · кан · К'айсихи», что в переводе должно означать: «Мужественный был Кайсых · кан (воспитанник) · Кайсыха»[172].

В данном случае обращает на себя внимание то, что эти надписи фрагментарны. А это не исключает возможности того, что их с таким же успехом можно прочесть и на тюркском, и на аланском языках. Поэтому использование таких лаконичных надписей не может быть весомым аргументом для доказательства предложенной версии.

Несмотря на то, что попытки Г.Ф. Турчанинова прочесть надписи новочеркасских фляжек на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определённое археологическое подтверждение этой гипотезы.

В первую очередь это касается локализации ясов-аланов, которые упомянуты в «Повести временных лет» как соседи касогов вблизи Белой Вежи. Так, в конце 50-х гг. прошлого столетия недалеко от Правобережного Цимлянского городища, т. е. на противоположном от Саркела берегу, близ Аксая (в балке Большой Луг) был обнаружен катакомбный могильник салтовского типа[173]. Кроме того, уже на селище Правобережного Цимлянского городища в яме одного из жилищ был раскопан небольшой подбой, напоминавший салтовскую катакомбу[174].

Что же касается самого Саркела — Левобережного Цимлянского городища, то присутствие здесь аланов ещё более ощутимо. Так, во дворе Саркельского городища было обнаружено захоронение № 3, совершённое в катакомбе салтовского типа[175]. В своё время автор настоящей монографии, ссылаясь на опубликованные Ольгой

Антоновной Артамоновой результаты археологического изучения салтовского могильника Саркела и выводы антропологов, пришёл к выводу, что в самом Саркеле аланский элемент был представлен довольно широко. Это касается в первую очередь необычного обряда погребения: захоронения были групповые и совершались в ямах круглой формы; женщины при этом погребались в скорченном положении на боку; в антропологическом отношении многие погребённые были долихо-мезокранами и т. п. Всё это мы наблюдаем на катакомбных могильниках Северного Кавказа и лесостепного Подонья. Разница лишь в конструкции погребальных сооружений. Кроме того, в Саркеле встречались захоронения и в заброшенном жилище, как в лесостепном Подонье, где традиционно локализуют аланов[176].

Если в археологическом аспекте следы присутствия аланов в Нижнем Подонье можно проследить, то относительно следов пребывания здесь касогов возникают определённые трудности. В связи с этим, во-первых, очень важно знать, какой был погребальный обряд населения Северо-Западного Кавказа в предхазарский и хазарский периоды. Во-вторых, необходимо выделить аналогичные памятники в Нижнем Подонье. Следует отметить, что работа в последнем направлении ещё не проводилась.

Как уже отмечалось, в предхазарский период на Северо-Западном Кавказе получили распространение ингумационные захоронения в каменных ящиках. В хазарское время кроме таких ингумационных захоронений в каменных ящиках на этой территории имели также распространение кремации салтовской культуры[177]. Получается, что с касогами можно связывать кремации салтовского типа и грунтовые захоронения в каменных ящиках. Попробуем найти в Нижнем Подонье такие памятники. Сразу же отметим, что кремационные захоронения салтовского типа так и не были там обнаружены. Однако погребения другого типа там всё-таки были зафиксированы.

Речь идёт о некоторых грунтовых могильниках салтовского типа в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так, С.А. Плетнёва выделила могильник в окрестностях г. Каменска-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца (см. рис. 5, *1*), в нижнем его течении, где могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на уголь-

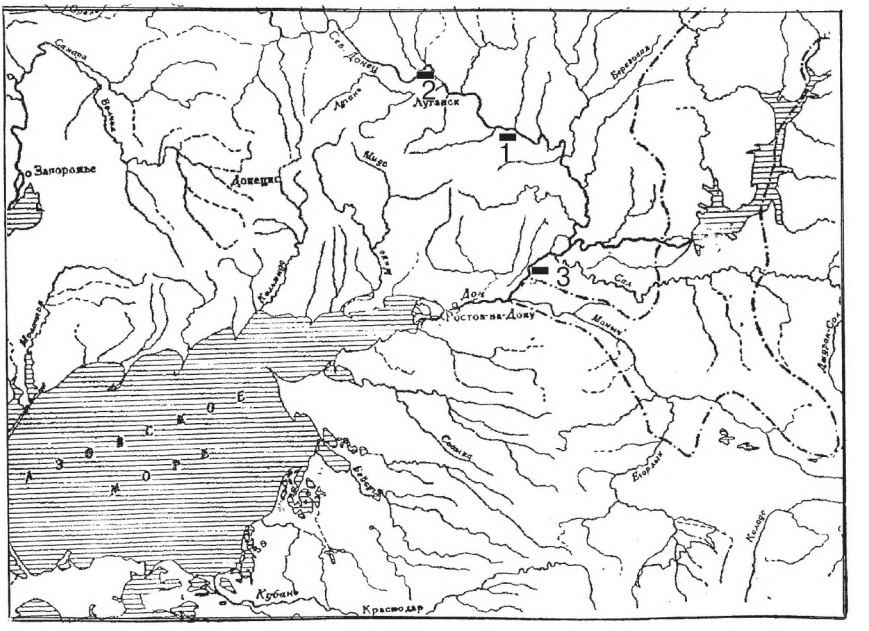

Рис. 5. Распространение в Нижнем Подонье ингумационных захоронений хазарского времени в каменных ящиках: 1 — Рыгинский могильник; 2 — могильник у с. Жёлтое; 3 — Артугановский могильник

ной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. По словам С.А. Плетнёвой, на могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребённые перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т. е стоят с правой стороны погребённого; две из таких могил были коллективными. С.А. Плетнёва считала, что инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен жёлтыми кувшинами с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследовательнице датировать могильник VI—VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов[178].

Однако данные выводы были сделаны на основе произвольного отчёта Ивана Васильевича Тимощенкова, опубликованного

в 1905 г. К сожалению, в отчёте нет ни фотографий, ни рисунков. Поэтому приходится полагаться лишь на описание. Обратимся к самому первоисточнику, который в ряде деталей отличается от информации С.А. Плетнёвой. Вот как был описан И.В. Тимощенковым погребальный обряд: «Могилы попадаются сплошь, на каждом шагу. При копании погребов и возведении домашних построек то и дело выбрасываются человеческие кости. Многие из жителей находили между костями медные перстни и др. разные вещи. Покойники хоронились не в деревянных гробах, а между камнями и под камнями. Встречаются могилы, в которых каменные плиты поставлены со всех 4-х сторон, а сверху прикрыты также плитами и представляют собою таким образом для покойника прочный и не гниющий склеп. Но в большинстве могил каменные плиты стоят только с одной стороны покойника. Погребение было к одной стороне могилы и прикрывалось камнями, поставленными в могиле наискось так, что одна, нижняя сторона каждой каменной плиты стоит на подошве могилы, а другая, верхняя упирается в ту сторону могилы, под которою в пустоте лежит покойник. Покойники лежат все (как говорили мне старожилы) головами на юг, а ногами на север»[179].

И.В. Тимощенков даже занимался раскопками некоторых таких могил. Так, он сначала произвёл раскопки на том месте, где был найден инвентарь. Вот как И.В. Тимощенков описал это событие: «...Я узнал, что местный житель, казак Кондрат Дмитриевич Колесников с год тому назад копал у себя во дворе яму, напал на могилу, из которой, вместе с человеческими костями, вынул серебряные и медные вещи, составлявшие женский убор. Я отправился к Колесникову, чтобы осмотреть найденные им в могиле предметы. Колесников охотно удовлетворил моё любопытство. Оказалось, что он нашёл в раскопанной могиле семь серебряных пластинок ажурной формы, составлявших набор, вероятно, женского пояса, бронзовый браслет и золотую серьгу...»[180] К сожалению, изображения этих находок не приводятся в отчёте. Впрочем, как и изображения других артефактов.

На месте находок И.В. Тимощенков произвёл раскопки и в результате этого отметил: «Когда я произвёл раскопку ямы в том виде, в каком она выкопана под картофель, то увидел, что в ней в южную сторону на поларшинной высоте ото дна её торчат большие каменные плиты, поставленные в ряд с севера на юг и в наклонном положении к западу. Около камней с той стороны, куда они наклонены, земля

была рыхлая и рассыпающаяся, и в ней на одном горизонте с нижнею стороною стоящих каменных плит видны были человеческие кости...» Как оказалось, это было групповое захоронение двух человек, потому что были обнаружены два черепа. Тут же был найден и могильный инвентарь. И.В. Тимощенков так описал эти находки: «Кувшин сделан из серой глины и формою похож на теперешние умывальники и молочники. Он с ручкой и особым носком в верхней части. Дальше при вынутии земли, лежащей вокруг черепов, найдены были: 1) золотая серьга с жемчужиной и особою привеской из полого золота... 2) Золотой бубенчик с погремушкой. 3) Пара крупных сердоликовых бус. 4) Пара перламутровых крупных пластин с отверстиями посредине. 5) Три серебряные пластинки ажурной работы. 6) бронзовый перстень с каким-то зеленовато-белым камнем»[181]. К сожалению, и в этом случае никаких изображений этих находок не оказалось в наличии.

Кроме того, Иван Иванович Ляпушкин рядом с этим могильником отметил «укреплённое поселение у ст. Каменской (Рыгинское городище) на Северском Донце, именно ту часть, которая обнесена земляным валом»[182]. При этом исследователь руководствовался прежде всего словесным описанием уже упомянутого И.В. Тимощенкова[183].

Обратим внимание ещё на один подобный случай, зафиксированный Константином Ивановичем Красильниковым (см. рис. 5, *2*) на территории Луганской области в нижнем течении Северского Донца: «Аланские черты погребальной обрядности замечены, в частности, на могильнике у с. Жёлтое, где обнаружено 30 захоронений, из них — 27 праболгарских с обрядом “зливкинского” типа. Одно — в каменном ящике из мергелевых плит — крымского типа, ещё два захоронения выполнены в ямах с катакомбами, входы в которые были закрыты мергелевыми плитами. Одно из них (№ 28) особенно напоминает аланские катакомбные захоронения Маяцкого могильника на р. Тихая Сосна...»[184] Для нас интерес могут представлять не только катакомбные захоронения, но и погребение в могильной яме, облицованное по периметру каменными плитами, которое К.И. Красильников отнёс к захоронениям «крымского типа». К сожалению, в цитируемой статье не указана ориентация погребённого. К этому следует добавить, что захоронения в каменных ящиках с различной ориентацией были распространены также на Кавказе. Возможно не случайно рядом с катакомбами, связываемыми с северокавказскими

аланами, и было обнаружено такое захоронение. Однако этот вопрос следует считать открытым.

Очевидно, что к хазарскому времени следует также отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановского могильника, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км (см. рис. 5, *3*). Погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток[185]. Необходимо отметить, что описавшая памятник С.А. Плетнёва руководствовалась результатами разведок М.И. Артамонова, произведенных в 20-е — 30-е гг. XX в. Поэтому имеет смысл обратиться к первоисточнику.

Результаты этих разведок нашли отражение в монографии М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», опубликованной в 1935 г. Та часть монографии, где начинается описание Артугановского могильника, уже несколько обескураживает. Так, М.И. Артамонов сообщает: «Километрах в двух выше Багаевской станицы, в местности “Вертуганово” или Артугановское, издавна находили человеческие кости и черепки сосудов вдоль берега Дона, подмываемого водой. При посадке деревьев и при рытье ям в расположенных здесь садах местные жители натыкались на погребения. Сообщают, что костяки были обложены камнями и что в могилах были находимы горшки. Предание приписывает эти могилы черкесам»[186]. Последняя деталь очень интересна, потому что «черкесами» называли адыгов в позднее средневековье, тогда как ранее они были известны как «касоги». К сожалению, в данном случае проследить истоки этого предания не представляется возможным, хотя и не исключена взаимосвязь.

Не меньший интерес представляет описанный М.И. Артамоновым местный погребальный обряд: «При нашем осмотре оказалось, что невысокий левый берег реки Дона, отошедший ещё на памяти современных местных жителей немного в сторону от него, изрезан рядом ложбин с протоками или ручейками вдоль них. На двух образовавшихся таким образом островах вдоль берега Дона по отмели встречаются в большом количестве фрагменты керамики и кости, в том числе и человеческие. В одном месте в обрыве берега было замечено полуразрушенное погребение, находящееся от поверхности

почвы не более чем на 0,7 м. Раскопка показала, что оставшаяся на месте нижняя часть скелета, положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ (северо-восток. — *Авт.*), в соответствии с рассказами жителей обставлена по бокам небольшими камнями в один ряд. Поверх скелета также встречены мелкие камни. По словам местных жителей, особенно часто человеческие кости встречаются на следующей выше по реке возвышенности, занятой в настоящее время сплошь садами, отделённой ложбиной от той возвышенности, на которой нами было найдено погребение»[187].

Найденный рядом подъёмный материал, по наблюдениям М.И. Артамонова, имеет в ряде случаев аналогии с салтовским из соседних поселений. Исследователь так описал находки: «Преобладают части низкогорлых амфор с высокими поднимающимися над горлом ручками, найдены фрагменты сделанных на круге серых и красных горшков с прямым или отогнутым венчиком. У последних также как и у цымлянских горшков этого типа по закраю изнутри имеется желобок. Кроме того найдены фрагмент горшка лепной техники, несколько обломков крупных стеклянных браслетов и металлический (бронзовый) нательный крестик»[188]. Но, как справедливо отметил М.И. Артамонов, «трудно сказать, какие из этих предметов являются остатками разрушенных погребений и какие происходят из культурного слоя поселения, несомненно занимавшего в своё время первую возвышенность, а равно невозможно без исследований могильника решить, современен он поселению или относится к другой эпохе»[189]. Необходимо отметить, что ситуация осложняется ещё тем, что в нашем распоряжении нет изображений упомянутых находок, кроме крестика неизвестной эпохи, равно как и изображений местных погребений в каменных ящиках.

Относительно происхождения таких могильников С.А. Плетнёва выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывать могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму[190]. Однако, по данным И.А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII—IX вв., что было связано с укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная ориентация покойников[191]. Поэтому имеет смысл искать аналогии на других соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков — каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребе-

ния на боку, угольная подсыпка, и т. п. — Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи с. Харх в Северной Осетии. Тем не менее, последний памятник датируется более поздним временем — XI—XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи сёл Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Даргавс, датированных III—VIII ст., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки, была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная[192].

Владимир Фёдорович Генинг и Альфред Хасанович Халиков высказали интересное наблюдение, имеющее отношение к Рыгинскому могильнику: «Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с больше-тарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, это отсутствие деревянного гроба и устройство могильной камеры — склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими брёвнами, и точно также производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторонними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы — заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит»[193]. В этом случае следует обратить внимание на то, что в степной местности, где был обнаружен Рыгинский могильник, всегда существовали проблемы с деревом как строительным материалом. В то же время не было проблем с камнем. Исходя из этого, имеются основания считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Больше-Тарханскому могильнику на Средней Волге.

Однако существует также проблема с датировкой Рыгинского могильника. У нас есть лишь словесное описание находок И.В. Тимощенкова[194], но нет изображений или фотографий этих предметов. Поэтому можно считать утверждение С.А. Плетнёвой, согласно которому следует датировать Рыгинский могильник VI—VII вв., пока преждевременным[195].

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат те погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, которые были продатированы В.В. Саханёвым на основе нумизматического мате-

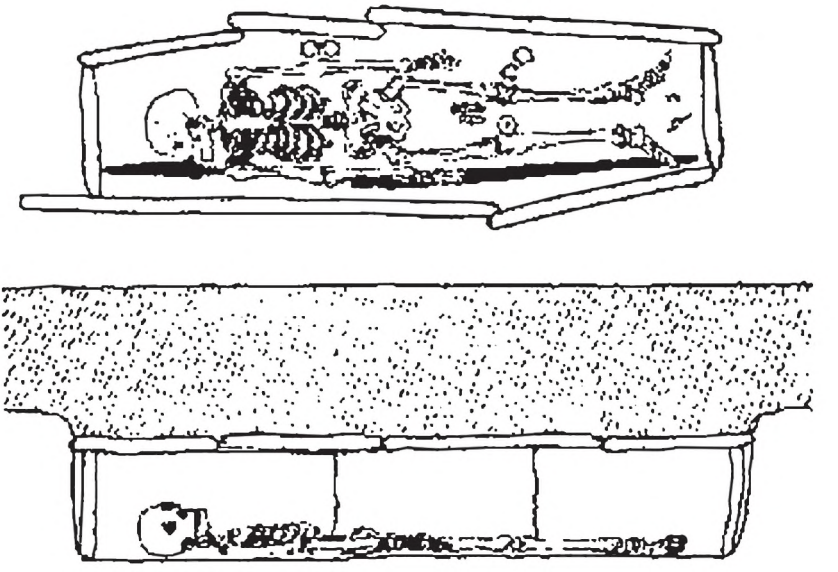

Рис. 6. Реконструкция погребения № 30 Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе (по данным В.В. Саханёва)

риала V—VII вв., хотя не исключено и более позднее время их сооружения. Для этого некрополя, как уже отмечалось, была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии разновременных трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-восточная или восточная ориентация покойников в каменных ящиках. Известно, что в более позднее время, в IX—XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребениям в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями[196].

На Борисовском могильнике довольно хорошо сохранилось погребение № 30 (см. рис. 6). По словам В.В. Саханёва, захоронение было обнаружено на глубине 0,34 м и было облицовано семью каменными плитами. Размеры могильного сооружения: глубина 0,28 м, длина 1,85 и ширина 0,36 м. «В гробнице, — отмечает

далее исследователь, — мужской костяк лежал на спине, головой на ВЮВ (восток-юго-восток. — *Авт.*), руки вдоль туловища, ноги вытянуты, череп на правой щеке». При погребённом были найдены вещи: железный кинжал; несколько стеклянных бус; обоюдоострый меч; железные ножи; зеркало из серой бронзы; металлический тонкий браслет; две серебряные серьги; серебряная пряжка с прорезью; небольшая серебряная пряжка со щитом в виде трапеции; серебряная фибула и т. п. В.В. Саханёв сделал интересное наблюдение: «Судя по атрибутам, покойник был воином, а множество чисто женских украшений, как бусы, серьги, браслеты и др., являются, очевидно, приношением покойному. В пользу этого говорит как то, что все эти вещи найдены преимущественно в ногах костяка, как бы брошенными сверху, так и то, что некоторые из них разрознены»[197].

Необходимо отметить, что на Борисовском могильнике зафиксирована ориентация погребённых в каменных ящиках не только как восток-юго-восток или восток, но и как восток-северо-восток или северо-восток. Последнюю мы наблюдаем в следующих захоронениях: № 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 39, 44, 47, 54, 56, 57, 58, 59, 65, 66, 68а, 72, 73, 76, 79, 83, 84, 92б, 95б, 97, 108, 112, 113, 122[198]. Складывается впечатление, что на Борисовском могильнике умерших стремились хоронить в каменных ящиках головой на восток. Но так как захоронения совершались в различные времена года, то во многих случаях они имели сезонные отклонения на юг или север. Вполне возможно, что такая ситуация существовала и на Артугановском могильнике в Нижнем Подонье. Ведь М.И. Артамонов дал нам описание лишь одного исследованного им захоронения, «положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ (северо-восток. — *Авт.*)»[199].

Таким образом, имеются основания говорить о генетической связи населения, которое оставило Артугановский могильник на Нижнем Дону и Борисовский на Северо-Западном Кавказе.

Вопрос в том: кто оставил раннесредневековые погребения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону? Как уже отмечалось, автор раскопок Борисовского могильника В.В. Саханёв считал, что на Северо-Западном Кавказе во времена раннего средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как ***зихи***, и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов[200]. На Руси же адыгов называли «касогами». Следовательно, можно согласиться с

мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают отмеченные параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г.Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском).

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения «Повести временных лет» о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племён зихов или касогов, которые являлись подданными хазарского кагана. Пребывание адыгов в низовьях Дона как нельзя лучше отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа. В одной из своих статей Александр Александрович Тортика на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский показал, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки по недоразумению перепутали Керченский пролив с устьем Дона, поскольку «устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины»[201]. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плавания с течением времени становились всё более нежелательными для хазар. Так, ал-Мас'уди в сочинении «Мурудж ад-Дзахаб» считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга «вытекает из верхних частей тюркских земель… от неё рукав течёт в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)»[202]. Это же находит подтверждение и в другом сообщении ал-Мас'уди: «В верхней части хазарской реки (Волги. — *Авт.*) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) — море русов»[203]. Именно этим путём, по данным мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 года хиджры (912 г.): «500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединённый (муттассил) с Хазарским морем…»[204] Естественно,

кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в «Повести временных лет». Поэтому вполне возможно, что целью похода Святослава в 965 г. было создать плацдарм от устья Дона до переволоки к Волге для последующего похода русов на кораблях, целью которого был расположенный на берегах Волги хазарский центр Итиль.

* * *

Ситуация, при которой одна часть беспокойных подданных переселялась на новые территории, а на их место принудительно селили других вассалов, вообще была типична для Хазарского каганата. Вот как видит В.А. Кузнецов причины и последствия миграций части аланов из западной части Центрального Предкавказья в лесостепное Подонье. По его мнению, «...исходным районом аланского переселения на север был район г. Кисловодска, где аланы были вытеснены болгарами...»[205]. В другом случае по этому поводу он высказался более осторожно: «Почти с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани»[206].

Почему же тогда нельзя предположить, что аналогичные процессы происходили на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII в.? Вполне возможно, что после арабо-хазарских войн хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на юго-западных границах Каганата, где проживали адыгские племена, которые было весьма сложно контролировать. В результате часть беспокойных адыгов была переселена в низовья Дона, а на их место была переселена часть верного кагану кочевого племени. Необходимо отметить, что через земли адыгов, южнее Таманского полуострова, проходила граница Хазарского каганата, и этот участок, находившийся вблизи Керченского пролива, имел особое значение для хазар.

Осуществляя политику переселений народов, хазары решали важные для себя задачи: 1) ослабляли сепаратизм подданных; 2) укрепляли новые границы Хазарского каганата за счёт переселенцев. При этом переселенцы оказывались в среде иноэтничного населения, что ещё больше ставило их в зависимость от центральной власти.

Однако следует задаться вопросом: почему в среде адыгов при хазарах сложилась именно такая система управления? Обратим внимание на отрывок из сочинения ал-Мас'уди «Мурудж ад-Дзахаб», где описана ситуация, существовавшая на рубеже IX—X вв.: «Причина их (кашаков. — *Авт.*) слабости по сравнению с аланами в том, что они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова (объединял их вместе)»[207]. Не приходится сомневаться в том, что раздробленность адыгов на отдельные племена существовала и в VIII в., когда хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на границах Каганата. Такая ситуация в корне противоречила социально-политической системе хазар, унаследованной ими от творцов каганатов древних тюрков.

Известно, что Хазарский каганат делился на земли собственно Хазарии, охватывавшей коренные земли хазар в Дагестане и на Нижней Волге, а также на земли вассальных хазарскому кагану правителей покорённых народов, носящих титул ***эльтебер***. В функции эльтеберов входили как выплата дани, так и предоставление войска на случай войны. Для контроля над эльтеберами хазарская власть присылала чиновников, носящих титулы ***тудун*** или ***булшцы***[208]. Понятно, что было бы затруднительно заставить не имевших единого правителя адыгов выполнять повинности в пользу хазар. Поэтому внедрение чужеродного, верного кагану этноса на земли адыгов было единственным выходом из создавшейся ситуации.

О том, что касоги, являвшиеся этим смешанным населением, исправно выполняли возложенные на них повинности, свидетельствуют данные некоторых письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа отмечено: «...Все живущие в стране Каса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...»[209] Конечно, могут возникнуть сомнения относительно достоверности представленной информации, потому что Пространная редакция была составлена неизвестным переписчиком позже событий IX—X вв. Однако существует вероятность того, что при её составлении были использованы другие тексты хазарского времени, что отличает этот документ от Краткой редакции.

В создавшейся ситуации не ясно, какой титул носил правитель этого смешанного политического альянса: тудун, булшцы или эльтебер? В связи с этим обратим внимание на одно очень любопытное наблюдение, сделанное А.В. Гадло: «У адыгских наро-

дов Северного Кавказа сохранилось генеалогическое предание, повествующее о предке наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов. Их родоначальником предание называет "князя" Инала, которому приписываются объединение адыгских племён, ряд внутренних административно-судебных реформ и удачные войны с опсами (осами-аланами) и абхазами. Предание говорит о том, что деятельность Инала не получила продолжения и все его начинания были утрачены при его сыновьях, против которых адыгами было поднято восстание. В русских родословных XVII в. Инал был известен под другим именем — Акабгу, которое может быть принято за тюрко-хазарский титул ак-ябгу, имевший широкое распространение во второй половине I тыс. Имя Инал также представляет социальный термин, распространённый как в тюркском, так и в Хазарском каганате. Эти обстоятельства, наряду с рядом других реалий, сохранённых адыгским фольклором, дали нам основание высказать предположение о том, что в предании об Инале сохранилось воспоминание о периоде временной консолидации адыгов, которая совпала с деятельностью на территории юго-западного Предкавказья представителя Хазарского каганата»[210].

Обратим внимание на титул ***ак-ябгу***, который может означать — «белый (западный) ябгу». Армяноязычные авторы, например Мовсес Калакантуаци, свидетельствуют о нахождении на Восточном Кавказе носителей титулов ***шад*** и ***джабгу*** в первой половине VII в.[211], т. е. тогда, когда земли хазар были ещё составной частью Западного Тюркского каганата. По мнению А.П. Новосельцева, в начале VII в., т. е. во время вхождения Хазарии в состав Западнотюркского каганата, титулы ***шад*** и ***ябгу*** носили два крупнейших сановника Хазарии, и они были родственниками кагана. Исследователь отметил, что подобная ситуация встречалась и у других кочевников[212]. У орхоно-енисейских тюрков, по данным Александра Натановича Бернштама, ябгу и шады назначались из каганского рода, были наместниками над определёнными племенами и на случай войны соответственно командовали левым и правым крыльями[213].

Таким образом, вопреки распространённому мнению, приходится признать, что этноним ***касоги*** или ***кас-*** в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедрённого хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на

юго-западной границе Хазарского каганата в VIII—IX вв. Вполне вероятно, что это было самоназванием пришельцев, очевидно тюркского происхождения, распространивших своё наименование на подвластных им адыгов. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением — ингумационные захоронения в каменных ящиках. Данные археологии свидетельствуют о том, что близкородственное носителям кремационного обряда население в хазарское время проживало на северо-западной границе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца, выполняя там те же функции среди местных аланов и болгар. В то же время одно из аборигенных племён Северо-Западного Кавказа было переселено хазарами в низовья Дона. В результате видим, что в хазарское время под термином ***касоги*** могло быть известно полиэтничное (тюрко-адыгское) население Хазарского каганата.

Глава четвёртая

КАСОГИ НА ЗЕМЛЯХ ЮЖНОЙ РУСИ (КОНЕЦ X — XII вв.)

Этнические связи населения Южной Руси и Северного Кавказа в период развитого средневековья всегда находились в центре внимания исследователей. Однако на сегодня, к большому сожалению, мы мало знаем о присутствии адыгов-касогов на землях Черниговского, Переяславского и Киевского княжеств. Хотя нам прекрасно известно, что буквально с конца X в. князья Руси периодически вмешивались в политические процессы на Северо-Западном Кавказе, где значительный процент населения составляли адыгоязычные касоги. Это в конечном итоге должно было способствовать переселению отдельных групп касогов на земли Южной Руси. Однако «Повесть временных лет», как это ни странно, содержит мало информации об этом, что требует объяснения.

Интересный пассаж на этот счёт находим во втором томе сочинения Василия Никитича Татищева «История Российская». К этому следует добавить, что некоторые современные историки склонны использовать работу В.Н. Татищева как исторический источник, мотивируя это тем, что автор первой половины XVIII в. использовал информацию недошедших до наших дней древнерусских летописей. Однако в его «Истории Российской» нет ссылок на те списки «Повести временных лет», откуда он брал сведения. Поэтому иногда очень сложно отделить информацию летописи от предположений и догадок самого В.Н. Татищева.

Для нас особый интерес представляет пересказ В.Н. Татищевым информации «Повести временных лет» о Восточном походе киевского князя Святослава в 965 г. Так, российский историк сообщает: «6473 (965). *Война с казарами. Каган. Казары побеждены. Беловежа. Ясы. Косоги*. Ходил Святослав на казаров. Слышавши же, казары вышли против него с князем своим каганом (136), и, соступившись войсками, учинили жестокий бой. И после долгого и мужественного обоюдно сражения одолел Святослав и град Беловежу

взял. И потом пойдя, ясов и косогов победил, из которых много привел в Киев на поселение, а грады их разорил (137)»[1].

Казалось бы, здесь можно вполне доверять информации В.Н. Татищева. Однако его объяснения относительно приведённого сообщения, мягко говоря, обескураживают. Так, комментируя известия летописей о событиях 965 г., когда была захвачена хазарская крепость Белая Вежа, В.Н. Татищев отмечает: «Но греческие историки разорение оного (Белой Вежи. — *Авт.*) сказывают от гетов, гл. 17, н. 68 [?]. Сие от того, что Святослав до Дуная гетами, которых он косогами именует, обладал и в Переяславле на Дунае в древней области гетов жил. Оные же казары и косоги хотя многие тогда в Русь переведены и по реке Руси в Переяславле и других градах поселены, но их еще после осталось много, ибо Нестор сказывает в Киеве приход жидов казарских из Белавежи. Что же Святослав столь великое число по Днестру, Дунаю, Бугу и Днепру городов разорил, о том свидетельствуют многие там запустелые городища, а особенно на Ингуле немалый город, камнями великими строенный, который тайный советник Неплюев при размежевании с турками в 1740 году описал. И думаю, что оных конечное разорение и запустение от татар учинилось. Косогов же Стрыковский указывает в Литве с ятвягами, но сие после перевода их от Дуная понимать следует. Многие сходством имени ошибаются, что косогов за казаков почитают...»[2]

Как видим, В.Н. Татищев локализует хазарскую крепость Белая Вежа, а вместе с ней хазар, ясов и касогов, в Подунавье. Не допустил ли В.Н. Татищев элементарную описку? Однако при дальнейшем описании событий 967 г. В.Н. Татищев подтверждает предложенную им локализацию касогов и их соседей: «6475 (967). Святослав, как по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, так и по своей обиде, что болгары помогали казарам, пошел снова к Дунаю. И сошлись у Днестра, где болгары, казары, косоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не желая через Днестр пустить. Но Святослав, перехитрив их, обойдя, вверх по Днестру перешел, где ему помощь от венгров приспела. И так дойдя до полков болгарских, после долгого сражения и жестокого боя болгар и казар победил; и взяв 80 градов их по Днестру, Дунаю и другим рекам, сам остался жить в Переяславце (138), куда ему греки уложенную ежегодную дань бесспорно присылали; с уграми же имел любовь и согласие твердое»[3].

Подобные пассажи встречаются и в других частях «Истории Российской» В.Н. Татищева. Так, во фрагменте главы 17 первого тома

В.Н. Татищев упоминает информацию Диона Хризостома, согласно которой «геты Олбию взяли и весьма разорили»[4]. В комментарии к этому было отмечено: «Геты Олбию разорили. Думаю, что Святослава I-го разумеет. И так как столицу на Дунае в Переяславле имел, ... то может гетов к себе присовокупил и Олбию, по-русски Белувежу разорил»[5]. Как уже отмечалось, В.Н. Татищев называл «гетами» касогов.

Но было, по мнению В.Н. Татищева, и другое обозначение для касогов. Так, во втором томе своей «Истории Российской» он неоднократно упоминает этническую группу «днестряне»: «Пришли на Дунай. Венгрию захватили. Моравы. Чехи. Хорваты. Сербы. Днестряне. Хорутане. Волоты, или волохи. Висла р. Лехи, или ляхи. Ленчане. Лютичи. Мазовшане. Поморяне. После многих же времен придя, вселились славяне по Дунаю и в горах, там, где Угорская земля (6) и Болгарская земля. И от тех славян многие разошлись по странам и прозвались отдельно своими именами по пределам, кто в котором поселился. Так одни сели на реке, именуемой Морава, и от той прозвались моравы, другие чехи нареклись, иные хорваты белые, сербы, днестряне (7) и хорутане»[6]. Комментарий В.Н. Татищева по этому поводу был следующий: «7. Днестряне. Некоторый народ по реке Днестру, а особенно, думаю, казаров разумеет. В верховьях же, где нынешняя Мултянская земля, жили ясы и косоги, и, может, всех сих в одно имя заключает. В древности же река Днестр Тирас именована, и народ от нее у греков и латинян тириты и тирогеты именовались. Плиний, кн. 4, гл. 12; смотри гл. 13, н. 19, 31, гл. 14, н. 15»[7].

Как оказывается, В.Н. Татищев не имел чёткого представления не только о локализации касогов, но также и о нахождении Тмутаракани, которая соседила с землями касогов. Не имел он также чёткого представления о происхождении касогов. Так, в одном из примечаний о деятельности тмутараканского, а позднее черниговского, князя Мстислава он отметил: «...Косоги народ был в Молдавии и переведены в Русь, но где поселены, не показано. Хотя думается, что Мстиславу из Тмутаракани за Днепр в Молдавию или даже за Киев идти было далеко, но тогда легко воюющим все было не далеко, или, может, тогда косоги с печенегами, как единородными, около верховий Дона, перейдя, обитали»[8]. В то же время В.Н. Татищев не только высказал предположение о родстве касогов с более поздними черкесами, но и первым предложил гипотезу о том, что город Черкассы в Поднепровье был основан именно кавказскими черкесами[9].

В этом случае не понятно, почему В.Н. Татищев был склонен локализовать касогов не на Кавказе, а в Днестровско-Придунайском районе. Кажется, что причина этого в том, что касоги часто упоминались вместе с ясами-аланами. Во времена В.Н. Татищева ещё живы были воспоминания о том, что в позднее средневековье в Днестровско-Дунайском междуречье существовали поселения ясов. Именно это и могло дать повод В.Н. Татищеву считать, что и в более ранний период ситуация была аналогичной. На основании этого и появилось утверждение В.Н. Татищева: «Косоги вместе с ясами в Молдавии»[10].

Следовательно, имеются очень большие сомнения относительно утверждения В.Н. Татищева, что после похода 965 г. Святослав ясов и касогов «много привел в Киев на поселение». Следует отметить, что историки, жившие в более позднее время, в своих исследованиях умалчивали об этом. Так, Николай Михайлович Карамзин, говоря о деятельности Святослава, в первом томе «Истории государства Российского» отметил: «Он покорил вятичей, которые всё ещё признавали себя данниками хана Козарского, и грозное своё оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решала судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском; Святослав победил и взял Козарскую Белую Вежу, или Саркел, как именуют её Византийские Историки, город на берегу Дона, укреплённый Греческим искусством. Летописи не сообщают нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказавши только, что Святослав победил ещё Ясов и Касогов; первые — вероятно, нынешние Оссы или Осетинцы — будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и вблизи устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахиею: Осетинцы и теперь называют их Касахами. Тогда же, как надобно думать, завоевали Россияне город Таматарху, или Фанагорию и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Боспорского, называемая потом Княжеством Тмутараканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России»[11]. Если игнорировать то, что Н.М. Карамзин употреблял вместо термина «Русь» обозначение «Россия», то можно отметить, что уже в конце XVIII в. взгляды этого историка мало чем отличались от подходов современных исследователей. Однако Н.М. Карамзину не было ничего известно о переселении Святославом ясов и касогов в Киев после похода 965 г.

Ничего об этот также не знал и украинский историк М.С. Грушевский. В первом томе «Истории Украины-Руси» события 964—966 гг. он видит следующим образом: «Повесть сообщает, что Святослав ходил походом на Оку и на Волгу; по дороге он встретил вятичей и, узнав, что они платят дань Хазарам, пошёл на Хазар, победил их кагана в битве, взял Белую Вежу, победил Ясов и Касогов и после того новым походом победил Вятичей и заставил их платить дань»[12]. Относительно же побеждённых ясов и касогов М.С. Грушевский уточнил: «...произошла эта битва и одолел Хозар Святослав и взял город Белую Вежу; и Ясов победил, и Касогов и вернулся в Киев»[13].

Таким образом, практически все, кроме В.Н. Татищева, долгое время не верили в то, что после похода 965 г. Святослав мог переселить побеждённых ясов и касогов в Киев. Основанием для этого было молчание по этому поводу в большинстве известных списков «Повести временных лет». Однако уже в середине XIX в. был опубликован текст Патриаршей, или Никоновской, летописи, где после описания похода Святослава в 965 г., в результате которого хазарская крепость Белая Вежа была захвачена и ясы с касогами были побеждены, относительно судьбы последних отмечено: «...и приведе к Киеву»[14]. Однако этот пассаж, по мнению Дмитрия Сергеевича Лихачёва, отнюдь не является свидетельством того, что ясы и касоги были переселены Святославом в Киев. Д.С. Лихачёв в комментариях к тексту «Повести временных лет» отметил, что здесь речь идёт о том, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева[15]. Необходимо отметить, что оснований для этого немало. Как уже отмечалось, во всех известных до этого списках «Повести временных лет» указанный пассаж не был зафиксирован. Кроме того, считается, что Никоновская летопись принадлежит к числу довольно поздних летописных списков, поскольку она была составлена лишь в XVI—XVII вв. Обратим внимание также на то, что первые издатели летописи отметили, что вместо «приведе к Киеву» ещё возможен вариант «прииде к Киеву»[16].

Однако значительно более древней считается Новгородская Первая летопись, которая представляет собой группу дошедших до нас летописных новгородских памятников или списков, близких по содержанию. Этот оригинальный памятник был полностью опубликован в середине XX в. и сразу же привлёк внимание исследователей из-за ряда пассажей. К их числу следует отнести и информацию

о походе Святослава в 965 г.: «Одоле Святослав Козаром, и град их Белу Вежю взя. И Ясы победи и Касоги, и привиде Кыеву»[17]. При этом издатели допускают, что вместо «привиде Кыеву» возможен вариант «привиде къ Кыеву»[18].

А.В. Гадло этому отрывку из Новгородской Первой летописи не был склонен доверять буквально. Его он прокомментировал следующим образом: «...Святослав, по свидетельству сохранившей наиболее древний вариант повествования о его походе на Восток Новгородской Первой летописи, повёл себя необычно. Победив их ("... Ясы победи и Касоги...") он не обложил их данью как вятичей, а потребовал от них признания вассальной зависимости от Киева ("...и привиде Кыеву..."). Этим он приобрёл, несомненно, двух сильных союзников в борьбе с каганатом и обеспечил себе выход из глубин Хазарии на Русь...»[19]

Однако то, что упомянутый фрагмент был именно в Новгородской Первой летописи, в одном из древнейших сохранившихся летописных сводов, позволяет не отбрасывать той версии, что изначально речь могла идти о какой-то миграции ясов и касогов в Киев. Это переселение было настолько незначительным, что составители других списков «Повести временных лет» не удостоили его вниманием. Вполне возможно, что один из подобных вариантов изложения событий 964—985 гг. и попал в руки В.Н. Татищева.

В данном случае проверить гипотезу о возможном переселении ясов и касогов в Киев после похода 965 г. можно лишь при помощи данных археологии. А для этого необходимо иметь представление о том, где Святослав в 965 г. мог встретить ясов и касогов. Как уже было отмечено в предыдущей главе, наиболее вероятным местом представляются низовья Дона.

С археологической точки зрения упомянутый район в хазарское время входил в зону распространения памятников салтовской культуры. Следовательно, Святослав мог переселить в Киев носителей салтовской культуры. Следует отметить, что памятники салтовской культуры на территории Древнего Киева до сих пор большая редкость, но они иногда встречаются. Можно, например, вспомнить, что в конце XIX в. в Киеве на улице Прорезной были обнаружены катакомбы, но с трупосожжениями в урнах, что очень необычно для салтовской культуры. Однако это не помешало Михаилу Константиновичу Каргеру высказать предположение, что тут мы имеем дело с памятником салтовской культуры. При этом исследова-

тель ссылался на то, что в Киеве было также обнаружено ингумационное захоронение с горшком, который был похож на керамику Верхне-Салтовского могильника[20]. Не меньший интерес представляют недавние исследования киевскими археологами остатков так называемого Жидовского города, расположенного недалеко от улицы Прорезной на территории Копырева конца, что в районе нынешней Львовской площади. По наблюдениям исследователей этого памятника, «открытые на городище остатки крепостной стены имеют много общего с фортификационной стеной на Теплинском городище, входившем в состав Хазарского каганата... Это городище располагалось на р. Северский Донец...»[21] На этом перечень памятников салтовского типа на территории Киева можно считать исчерпанным. Вполне возможно, что в Древнем Киеве процент выходцев из Хазарского каганата был незначительным.

Поэтому пока невозможно археологически проследить передвижение салтовского населения с Нижнего Дона и Прикубанья в Киев. Тем не менее, сообщение В.Н. Татищева, равно как и Патриаршей (Никоновой), и Первой Новгородской летописей о том, что после похода 965 г. Святослав мог переселить часть побеждённых ясов и касогов в Киев, не лишено оснований, хотя и остается недоказанной гипотезой. Новый же этап в переселениях касогов на земли Южной Руси следует связывать с основанием Тмутараканского княжества на Тамани.

* * *

На сегодня предметом отдельной дискуссии остаются вопросы, касающиеся обстоятельств и времени вхождения Тмутаракани в сферу влияния Руси. По этому поводу существуют несколько подходов, из которых некоторые уже выглядят явными анахронизмами. Так, по мнению Владимира Алексеевича Мошина и Олега Васильевича Богословского, это случилось в начале IX в.[22] В то же время Николай Петрович Ламбин, Владимир Александрович Пархоменко, Иван Павлович Козловский и Лавр Яковлевич Лавровский относили это событие к концу IX — первой половине X вв. Они связывали его с последствиями деятельности киевских князей Олега и Игоря[23].

Согласно другой версии, русское княжество на Тамани основали в 944 г. русы, которые осуществляли поход на Берда'а. Там они могли оставить архонта князя Игоря и именно это должно было заставить Византию включить в текст договора в 944 г. новые статьи, которые

касались византийских владений в Крыму. Этой гипотезы придерживались Арсений Николаевич Насонов, Анатолий Леопольдович Якобсон, Иван Максимович Гапусенко, Е.П. Алексеева и другие исследователи[24]. А.В. Гадло показал, что эта гипотеза не подтверждается ни письменными источниками, ни данными археологии[25].

Есть группа исследователей, которые считали, что в 965 г. Святослав достиг низовий Кубани и, соответственно, покорил касогов на Таманском полуострове, положив тем самым начало Тмутараканскому княжеству. Например, этой мысли придерживались М.И. Артамонов, Фридрих Вестберг, Александр Александрович Васильев, Владимир Васильевич Мавродин, Владимир Терентьевич Пашуто, А.В. Гадло, Владимир Яковлевич Петрухин, Борис Александрович Рыбаков, Леонтий Викторович Войтович и другие исследователи[26]. Их гипотеза строилась на данных «Повести временных лет», где идёт речь о походе Святослава в 965 г.[27] По мнению упомянутых исследователей, Святослав мог встретить касогов лишь на Тамани. А это может означать, что уже в 965 г. Тмутаракань стала русским городом. Однако данные археологии позволяют сомневаться в этом. На это мнение наводит существование Артугановского могильника салтовской культуры на Нижнем Дону. Как уже доказывалось, в 965 г. Святослав мог встретить ясов и касогов не на Кавказе, а на Нижнем Дону. Следовательно, версия о походе киевского князя Святослава на Таманский полуостров в 965 г. отпадает.

Существует также гипотеза об основании Тмутараканского княжества русами лишь в начале XI ст. Её выдвинул в середине XX в. черкесский эмигрантский историк Рамазан Трахо. Вот как он видел события: «В результате похода Владимира Святого и византийцев против хазар в 1016 г., имевшего театром военных действий Азовское море, и поражения хазар, с которыми действовали заодно и черкесы, Тамань была занята русами и отдана в удел Мстиславу, младшему сыну Владимира»[28]. Однако не понятно, какими фактами руководствовался Р. Трахо, который приписал киевскому князю Владимиру поход на Тамань в 1016 г., тогда как тот умер в 1015 г.?

Более популярна среди современных исследователей идея, что к основанию русской Тмутаракани киевский князь Владимир был причастен накануне или сразу после его Корсунской кампании в 987—988 гг. Этого мнения придерживаются Николай Фёдорович Котляр, Виктор Николаевич Чхаидзе, Александр Борисович Головко и некоторые другие исследователи[29]. Однако из летописного со-

общения так и не понятно, в каком именно году Владимир захватил Тамань. Вот в каком контексте находится первое упоминание о русской Тмутаракани в Лаврентьевской летописи под 988 г., уже после Корсунской кампании, где идёт речь о том, как Владимир раздавал земли своим сыновьям: «и посади Въшеслава в Новегороде . а Изяслава Полотьск . а С[вя]тополка Турове . а Ярослава Ростове . оумершю же стареишему . Въшеславу Новегороде . посадиша Ярослава Новегороде . а Бориса Ростове . а Глеба Муроме . С[вя]тослава Деревехъ . Всеволода Володимери . Мьсти[сла]ва Тмуторокани»[30]. Отсюда выходит, что до завершения своего Корсунского похода в 988 г. Владимир уже владел Таманским полуостровом. Но летописи не содержат дату захвата полуострова.

Логично предположить, что Владимир мог захватить Тамань во время рейда на побережье Азовского моря. В связи с этим обратим внимание на упоминание летописей о походе в 985 г.: «Иде Володимер на болгары с Добрынею . уем своим . в лодьях . а торки берегом приведе на коних . и победи болгары. рече Добрына Володимеру . съглядахъ колодникъ . оже суть вси в сапозех . симъ дани намъ не даети . поидемъ искатъ лапотниковъ . и створи миръ Володимеръ съ Болгаръı . и роте заходиша межю собе . и реша Болгаре . толи не будеть межю нами мира . єлико камень начнеть плавати а хмель почнет тонути . и приде Володимеръ Києву...»[31] Относительно комментирования данного пассажа мнения исследователей разделились.

Так, ещё в XVIII в. В.Н. Татищев высказал предположение, что в упомянутых болгарах следует видеть, прежде всего, дунайских болгар[32]. Однако эта гипотеза не получила поддержки у современных исследователей, которые выдвинули альтернативные объяснения. Так, С.А. Плетнёва, придерживаясь мнения о появлении торков-огузов в южнорусских степях лишь в начале XI в., отмечала, что киевский князь Владимир воевал против волжских булгар, а торки-огузы во время этого похода двигались на север вдоль левого берега Волги[33]. Пётр Петрович Толочко считает, что Владимир совершил поход на Волжскую Болгарию. Относительно участия в этом походе торков он высказал следующее мнение: «Предположение об участии в походе 985 г. саркельских гузов кажется более естественным, нежели вывод об их нижневолжских соплеменниках, отстоявших от границ Руси на многие сотни километров»[34]. В связи с этим особый интерес представляет мнение А.П. Новосельцева, который считал, что киевский князь совершил нападение на приазовских болгар, а не на волжских[35].

В приазовских болгарах исследователи склонны видеть прежде всего «Чёрных Болгар», о которых упоминают «Повесть временных лет»[36] и Константин Багрянородный[37]. Сергей Алексеевич Ромашов, который специально занимался вопросом локализации «Чёрной Болгарии», считал, что она находилась в Восточном Приазовье[38]. Однако А.А. Тортика склонен был локализовать Чёрную Болгарию в Северном Приазовье[39].

Важно знать, содержится ли информация о походе Владимира в Приазовье в других древнерусских текстах. В связи с этим особый интерес представляет фрагмент агиографического сочинения Иакова Мниха «Память и похвала князю русскому Владимиру», написанного в конце XI в. Там говорится о походах киевского князя Владимира за несколько лет до 988 г.: «Тако же пребывающю князю Володимерю в добрых делех, благодать Божия просвещаше сердце его, и рука Господня помагаше ему. И побежаше вся врагы своя, бохутся его вси. Идеже идяше, одолеваше Радимици победи и дань на них положи, Вятичи победи и дань на них положи на обоих, и Ятьвягы взя, и сребныя Болгары победи, и на Казары шед, победи я и дань на них положи. Умысли же и на Гречки и град Корсунь...»[40]

«Повесть временных лет» не сохранила указания о походе именно против хазар. Однако есть основания считать, что эти события имеют отношение к сообщению древнерусских летописей о походе Владимира 985 г. В ситуации с фрагментом из произведения Иакова Мниха смущает лишь использование им термина «сребныя Болгары», под которым обычно подразумевают волжских булгар. Но это можно объяснить тем, что в данном отрывке идёт речь не только о событиях одного 985 г., а и нескольких предыдущих лет.

Сравним события, описанные в произведении Иакова Мниха, с информацией «Повести временных лет». Там последовательность походов несколько иная. Сначала в летописи говорится о военных рейдах князя Владимира против вятичей в 981 и 982 гг.: «[6489 (981)] Иде [Володимеръ] к Ляхомъ и за градъı их . Перемъıшль Червенъ . и инъı градъı . єже суть и до сего дне подъ Русью . В сем же лете и Вятичи победи . и възложи на нь дань ... [6490 (982)] Заратишася Вятичи и иде на ня Володимиръ . и победи є второе»[41]. В следующем 983 г. Владимир пошёл на ятвягов, о чём в «Повести временных лет» сказано: «[6491 (983)] Иде Володимеръ на Явтяги . и побед Явтяги . и взя землю их»[42]. Только в 984 г. Владимир пошёл на радимичей. Об этом Лаврентьевская летопись сообщает: «[6492 (984)] Идє

Володимеръ на Радимичи . бе оу него воєвода Волъчии Хвостъ . и посла и Володимеръ передъ собою Волъчье Хвоста . сърете є на реце Пищане . и победи Радимиче Волъчии Хвостъ . темь и Русь корятся Радимичемъ глюще . Пищаньци волъчье хвоста бегають . бъша же Радимичи о рода Ляховъ . прешедъше ту ся вселиша . и платять дань Руси . повозъ везуть и до сего дне»[43]. А далее в летописи сообщается об отмеченном нами походе Владимира против болгар в 985 г.[44]

Сведений о походе на хазар у автора «Повести…» почему-то нет. После этого под 986 г. речь идёт о религиозном диспуте, в котором участвовали болгары-мусульмане и хазары-иудеи. Для сравнения напомним, что Иаков Мних упоминает о походах в такой последовательности: радимичи, вятичи, ятвяги, серебряные болгары, хазары[45]. Отличия между двумя памятниками древнерусской литературы в том, что в сочинении Иакова Мниха болгары были названы «серебряными» и были упомянуты хазары.

Те исследователи, которые считают «серебряных болгар» жителями Средней Волги, руководствуются следующим сообщением Ипатьевской летописи, где речь идёт о походе Руси на Волжскую Болгарию в 1183 г.: «... бъıс идоущимъ по Волзе на Болгаръı . поидоша на место идеже островъ нарецаємъıи . Исади . оустьє Цевце въıседъ на брегъ . и тоу оставиша все носадъı . и галее . и Белозерьскии полкъ остави же оу нихъ . воєводоу Фомоу Назаковича . а дроугого Дорожае . то бо бяшь ємоу от нь слоуга инъıе воєводъı оставиша . и князи когождо оу своихъ людии . сами же поидоша на конехъ землю Болгарьскоую . к великомоу городоу . Серьбренъıхъ Болгаръ...»[46]

Исходя из последнего сообщения, уже мало кто сомневается в том, что серебряные болгары были одним из подразделений волжских булгар. Так, в своё время востоковед Василий Васильевич Григорьев выдвинул гипотезу, базирующуюся на лексическом материале восточных языков. Рассматривая проблему этногенеза волжских булгар, он отметил: «О булгарах серебряных или нукратских: эти, как видно, жили по Каме, вероятно поблизости каких-нибудь серебряных рудников, от которых получили своё имя; “нукрат” слово арабское, значит “серебро”»[47]. Ещё в середине XX в. Борис Дмитриевич Греков и Николай Филиппович Калинин пытались доказать, что этноним ***берсула*** имел отношение к «нукратским» татарам и был переводом термина «серебряные болгары». Это предположение основывалось на том, что слово ***нокра*** на персидском языке

означает «серебро», а термины ***бер*** и ***сер***, по их мнению, могли соответственно означать средневолжское племя ***берсула*** и ***сер*** — «серебро»[48]. Данная этимология получила распространение и в современной литературе. Так, Равиль Габдарахманович Фахрутдинов в исследовании о волжских булгарах пишет, «что "серебряные булгары" являются русским переводом предполагаемого племени "нухратские булгары" ("нухрат" в переводе с арабского значит "серебро")»[49].

Однако существует и альтернативная точка зрения, согласно которой термин «серебряные болгары» якобы был связан с другим этническим названием — «чёрные болгары». Так, Риза Халирахманович Бариев считает, что термин «серебряные болгары» должен означать «белые болгары» и принадлежал он барсилам, которые, по его мнению, в середине VIII в. переселились с Северного Кавказа на Среднюю Волгу. Те же болгары, которые остались в Предкавказье, полагает исследователь, стали называться «чёрными»[50]. Однако в цветовой семантике многих народов, включая тюркоязычных булгар, «серебряный» и «белый» — это не одно и то же.

В связи с этим обратим внимание на мнение Искандера Леруновича Измайлова, которое сводится к следующему: «…Некоторые историки пытаются сконструировать некую общность под названием "нукратских булгар", якобы восходящую к *берсула* и идентичную "серебряным болгарам" ("нократ" — по-персидски "серебро"). Данная гипотеза, возникшая под воздействием "яфетической" теории Н.Я. Марра ("Бер" = берсула, "сер" = "серебро"), уязвима для критики. Данное название никак не может быть связано ни с серебром, ни с булгарами ни с точки зрения филологии (происхождение татарского названия гидронима Вятка (*Нукрат суы*) восходит к названию Новгорода (*Нукрат*), которому принадлежали Вятские земли), ни с точки зрения истории, поскольку не фиксируется ни в одном средневековом источнике. Попытки же конструирования неких "нукратских/серебряных булгар", якобы живших по Вятке и Каме, несостоятельны, поскольку в русских источниках "серебряные булгары" отмечаются только под этим названием и в районе Биляра ("Великого города" русских летописей)»[51].

Как видим, проблема происхождения названия «серебряные болгары» так и не нашла сколь-нибудь убедительного объяснения у историков. Однако отметим при этом ещё один существенный момент: на сегодня практически все исследователи полностью уверены, что серебряные болгары проживали лишь на Средней

Волге, ссылаясь при этом на сообщение Ипатьевской летописи от 1183 г. Отсюда и видим попытку решить проблему, исходя лишь из реалий Среднего Поволжья. Однако обстоятельства упоминания «серебряных болгар» в сочинении Иакова Мниха заставляют усомниться в устоявшемся мнении.

Как удалось установить, сравнение фрагмента из сочинения Иакова Мниха с сообщением «Повести временных лет» о походе Владимира 985 г. позволило некоторым историкам считать, что в обоих древнерусских текстах речь идёт об одних событиях, в которых принимали участие якобы «серебряные болгары» из Среднего Поволжья. Однако исследователи не могут объяснить, каким образом к этим событиям были причастны хазары, которые в конце X в. могли проживать более чем за тысячу километров от Волжской Болгарии — в устье Волги или на Тамани. Учитывая это, возникает сомнение, что упомянутые в сочинении Иакова Мниха «серебряные болгары» в конце X в. жили только на Средней Волге.

В связи с этим стоит обратить внимание на одну важную деталь: термин «серебряные болгары» встречается лишь в древнерусских текстах. А это может означать, что он не является калькой с тюркского или других языков и объяснение его следует искать в древнерусском языке. По наблюдениям Измаила Ивановича Срезневского, в древнерусском языке слово «серебреныи» имеет два семантических значения: «сделанный из серебра» и «денежный»[52]. Именно последнее значение хорошо соотносится с двумя упоминаниями о «серебряных болгарах». Так, в 1183 г. они упоминаются как жители в «великомоу городоу»[53], под которым подразумевают Биляр[54]. Ничто не мешает нам считать, что не случайно жители этого большого городского центра Волжской Болгарии были названы летописцем именно «денежными». Ведь ни для кого не секрет, что основной целью большинства военных походов была материальная добыча.

Отождествление «серебряных болгар» Иакова Мниха с болгарами, против которых воевал Владимир в 985 г., является вполне логичным, если вспомнить сообщения летописи об изобилии этих болгар: «оже суть вси в сапозех»[55]. Игорь Анатольевич Гагин обратил внимание на этот пассаж и прокомментировал его следующим образом: «Сапоги пленных — отдельный вопрос, раскрывающий картину экономического благосостояния населения страны, на которую был совершён поход». Этой страной исследователь считал Волжскую Булгарию[56]. Однако богатыми могли быть не только

болгары Средней Волги, но также их дунайские и приазовские сородичи. Кроме того, последние были еще и соседями хазар Тамани. Возникает естественный вопрос: не могли ли болгары Восточного Приазовья обогащаться за счёт контроля над торговыми путями или разработками добычи драгоценных металлов? Последнее предположение может иметь под собой даже материальную основу.

Так, французский историк середины XIX в. Эмиль-Феликс Эли де ля Примоде, ссылаясь на данные генуэзских документов, отмечает, что в XIV в. генуэзские купцы имели на Тамани собственную колонию, через которую осуществляли торговлю «с народами Кубани и Кавказа». Кроме того, историк пишет: «Генуэзцы разрабатывали также серебряные рудники в Кавказских горах; следы их работ видны и поныне»[57].

Кроме того, имеются свидетельства того, что и в XVIII в. в Прикубанье продолжали добывать серебро. Так, Н.М. Карамзин охарактеризовал современную ему ситуацию на Северо-Западном Кавказе следующим образом: «Доныне находится много Жидов в земле Черкесской, и Буртанами называется теперь особенный, неизвестного происхождения народ между Кубанью и Актаром, богаты медью и серебром»[58]. Эту же информацию подтверждает Иоганн Тунманн, побывавший в XVIII в. в Приазовье. По его словам: «Буртани, или Бриттани, племя, отличающееся от черкесов и ногайцев. Они живут между Кубанью и Актаром, свободны и независимы, остаются на одном месте и имеют в изобилии серебро и медь»[59]. Добавим, что Актар — это город на восточном побережье Азовского моря.

Следовательно, не исключено, что в конце X в. болгары Восточного Приазовья могли уже раньше генуэзцев заниматься разработкой серебра на территории, прилегающей к Тамани. Таким образом, упомянутый Иаковом Мнихом термин «сребныя Болгары» вообще может означать — «богатые на серебро болгары». Получается, что эта группа болгар проживала не на Средней Волге, а в Восточном Приазовье рядом с Таманским полуостровом, где жили хазары.

Как видим, упомянутые в сочинении Иакова Мниха «Память и похвала князю русскому Владимиру» и в Ипатьевской летописи под 1183 г. «серебряные болгары» могли проживать как на Средней Волге, так и в Восточном Приазовье. Предложенная этимология термина «серебряные болгары», как «денежные болгары», вполне может соответствовать благосостоянию упомянутых групп болгар, что вполне согласуется с данными письменных источников.

Таким образом, есть основания говорить о том, что в 985 г. киевский князь Владимир осуществил поход в Восточное Приазовье, где покорил местных болгар и захватил Таманский полуостров, где проживали хазары. Это и можно считать началом так называемого Тмутараканского княжества. Поэтому можно согласиться со следующим мнением А.В. Гадло: «Поход Владимира на козар, а под этим этнонимом летопись понимает не только тмутараканских иудеев, но и всё коренное население тмутараканской общины, привёл к установлению в конечном итоге русского протектората над городом и прилежащей к нему округой»[60].

Древнерусские летописи в связи со сведениями о Тмутараканском княжестве неоднократно упоминали хазар как непосредственных участников бурных событий на Северо-Западном Кавказе. Тмутаракань в древнерусских летописях упоминается при описании событий 988 (6496), 1023 (6531), 1064 (6572), 1065 (6573), 1066 (6574), 1077 (6585), 1078 (6586), 1079 (6587), 1083 (6591) и 1094 (6602) гг. При этом тмутараканские хазары отмечены лишь под 1023, 1079 и 1083 гг., а после 1094 г. исчезают сведения о самой Тмутаракани и о хазарах, которые жили в ней.

Возможно, недаром автор «Повести временных лет» при описании событий в следующем 986 г., когда Владимир якобы устроил религиозный диспут, упомянул хазар-иудеев: «Се слышавше Жидове Козаристии приидоша, ркуше: “Слышахомъ, яко проходиша Болъгаре и Хрестьяни, учаше тя кождо ихъ вере своей; Хрестьяне бо верують, его же мы распяхом; а мы веруем едину Богу Аврамову, Исакову, Ияковлю”. И рече Володимиръ: “Что есть закон вашъ?”. Они же реша: “В Иерусалиме”. Он же рече: “То тамо ли есть ныне?” Они же реша: “Разгневался Бог на отци наши, и расточи ны по странамъ грехъ ради наших, и предана бысть земля наща Хрестьяномъ”. Володимиръ же рече: “То како вы иныхъ учите, а сами отвержени Бога? Аще Бог любилъ вас, то не бысте расточени по чюжим землям; еда и нам тоже мыслите зло прияти...»[61]

Более ста лет тому назад Пётр Васильевич Голубовский в работе «Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом» высказал предположение, что эти хазары могли быть из Киева[62]. Однако есть немало оснований считать этих хазар-иудеев выходцами из недавно покорённой Владимиром Тмутаракани. В конце-концов, возникает закономерный вопрос: почему при описании похода Владимира в Приазовье в 985 г. Иаков Мних упоминал и болгар, и хазар,

а автор «Повести временных лет» отметил лишь болгар? Объяснить это можно по-разному.

Возможно, что авторы этих двух произведений древнерусской литературы использовали разные источники информации. Однако стоит обратить внимание на то, что Иаков Мних жил в XI в., а автор «Повести» — в XII. Это были различные эпохи. Для христианского автора XI в. приоритетной оставалась многовековая борьба христианства с иудаизмом. Поэтому он упомянул не только о болгарах, но и о тмутараканских хазарах, которые оставались иудеями. Автор же «Повести временных лет» жил тогда, когда борьба с иудаизмом уже не была актуальной, а священный город Иерусалим попал в руки крестоносцев. Вспомним фрагмент из религиозного диспута под 986 г., где хазары-иудеи говорят: «Разгневался Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грехъ ради наших, и предана бысть земля наща Хрестьяномъ»[63].

Понятно, что здесь отражены реалии не конца X в., а начала XII в., когда писалась «Повесть временных лет». Именно тогда Иерусалим был в руках крестоносцев. В эпоху крестовых походов приоритетной стала борьба не с иудеями, а с мусульманами. Создаётся впечатление, что автор «Повести», используя источники о походе 985 г., как и некоторые современные исследователи, уже не до конца понял, о каких болгарах шла речь. Скорее всего, он принял их также за волжских булгар, которые были мусульманами. Поэтому он и упомянул лишь о победе над болгарами, пренебрегши информацией об их соседях-иудеях, которые жили на Тамани.

* * *

В истории Руси был один князь, судьба которого была тесно связана как с историей Левобережной Руси, так и с историей Северного Кавказа. Речь идёт о сыне киевского князя Владимира — Мстиславе, который был сначала князем Тмутараканских земель, а впоследствии стал и черниговским князем.

Впервые Мстислава, уже как князя Тмутаракани, наши летописи упоминают под 1022 г. в связи с его походом против касогов, в ходе которого в ратном поединке Мстислав победил вождя касогов Редедю. После того Мстислав «дань возложи на Касогы»[64]. Последствия этих событий накануне войны с Ярославом А.В. Гадло охарактеризовал следующим образом: «Итак, на Русь в 1023 г. Мстислав вступил не наместником отдалённого и позабытого уде-

ла, а сувереном крупного политического образования, опиравшегося на материальный и людской потенциал Северо-Западного Кавказа. Он объединил в рамках одной политической системы Тмуторокань и адыгские этнотерриториальные группы. В лице тмутороканских князей из династии Рюриковичей адыгская общность нашла приемлемую для себя в тех условиях, на раннем этапе строительства собственной государственности, форму политической надстройки. Летописный рассказ о поединке Мстислава и касожского князя, повторяющий фабулу баллады, воспевающий рыцарскую доблесть обоих участников, запечатлел, как выясняется, не рядовой эпизод из истории русско-адыгских взаимоотношений, а сам факт их установления, факт признания адыгами верховной власти русских правителей Тмуторокани»[65]. Кроме касогов, под властью Мстислава оказались и тмутараканские хазары.

О дальнейших событиях Ипатьевская летопись сообщает: «В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего…»[66] Другие летописи также повторяют эту информацию. Так, Радзивиловская летопись об этом высказалась более кратко: «В лето 6531. Поид(е) Мстиславъ на Ярослава, с Козары и с Косогы…»[67] В.В. Мавродин причины этих действий Мстислава объяснил следующим образом: «Что заставило его уйти из Тмутаракани? Не стремление к переселению, как думает В.А. Пархоменко, а попытка захватить тот центр, ту область, колонией которой была Тмутаракань, источник тех ценностей, которыми торговали в Тмутаракани киевляне, черниговцы, любчане и т. д. А овладеть другим, может быть и гораздо более богатым районом, который скупал у Руси в Тмутаракани меха, челядь и т. д., а сам привозил предметы восточной роскоши, тмутараканской дружине, как это показали походы русов IX—X вв., было не под силу»[68].

Как свидетельствуют летописи, в то время «Ярославу сущю в Новегороде»[69]. В то же время «приде Мстислав . ис Тьмуторокана . Кыєву . и не прияша єго Кыяне . онъ же седе на столе Чернигове…»[70] Когда Ярослав, который подавлял восстание в Суздале, узнал об этом мятеже, то решил заручиться поддержкой варягов: «…и посла Ярославъ за море по Варяги . и приде Акунъ с Варягы…»[71]. В конце-концов войско Ярослава, основу которого составляли варяги-норманны, и войско Мстислава, состоявшее из северян и кавказских дружинников — касогов и хазар, должны были встретиться возле Лиственя. Летописец сообщает: «Мъстислав же с вечера исполчи

дружину и постави Северъ въ чел противу Варягов . а самъ ста с дружиною своєю по крилома . и бывъши нощи…»[72]

В ночной битве должно было решиться, кто удачливее — скандинавы или кавказцы? Фортуна склонилась на сторону кавказцев, войско Мстислава победило, а его дружинники так и не пострадали. О ходе и результатах этой битвы летописец сообщает: «…и поиде Мъстиславъ и Ярославъ противу . исъступися чело Варязе с Северомъ и трудишася Варязи секуше Северъ . и по семъ наступи Мъстиславъ . с дружиною своєю . и нача сечи Варягы . и бы сеча силна . яко посветяше мълънъя и блисташася оружъю . и бе гроза велика . и сеча силна и страшна . видев же Ярославъ . яко побжаємъ єсть . и побеже съ Якоуном княземъ . Варяжъким . и Акунъ ту обеже луды златоє . а Ярослав же приде к Новугороду . и Якунъ иде за море . Мъстиславъ же о свете . заоутра и виде лежачи исечены . о своихъ Север . и Варягы Ярославле . и ре кто сему не рад . се лежитъ Северянинъ . а се Варягъ . а своя дружина цела…»[73] Касоги и хазары, которые были в дружине Мстислава, практически не пострадали.

Однако после этой победы Мстислав не пошёл на Киев, а предложил Ярославу разделить Русь. Летопись так сообщает об этом: «В лето 6534 (1026) Ярославъ съвокупи воя многы . и приде Кыєву . и створи миръ с братомъ своимъ . Мъстиславомъ . оу Городъца . и разделиста и по Днепръ . Рускую землю . Ярославъ прия су страну . а Мъстиславъ ону . и начаста жити . мирно…»[74] По данным летописей, в 1036 г. Мстислав умер и единоличным властителем Руси стал Ярослав[75]. Итак, с 1026 г. по 1036 г. на Руси было двоевластие и царил мир. Конечно, в этот период касоги и хазары, которые были в дружине Мстислава, уже не были нужны черниговскому князю как военная сила против его брата Ярослава. Поэтому большой интерес может представлять их дальнейшая судьба.

Этот вопрос уже несколько десятилетий назад заинтересовал В.В. Мавродина, который по этому поводу высказал следующие наблюдения и предположения: «После соглашения в Городце, по летописи, “уста усобица и мятежь, бысть тишина велика в земли”. Воспользовавшись восстанием эксплуатируемых слоёв населения “Ляшской земли”, избивших в 1030 г. “епископи, и попы, и бояры своя”, на следующий год Ярослав и Мстислав идут войной на ляхов, возвращают Руси захваченные одно время ляхами Червенские города и берут большой полон. Ярослав поселил своих пленных по Роси, куда посадил своих Мстислав — неизвестно. Возможно

предположить, что они были поселены, по примеру Ярослава, заселявшего пленными южные окраины своих владений, где-либо в укреплённых пунктах юго-восточной окраины Северской земли. Касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине. Об этом свидетельствует одно интересное указание. В XVII в. под Рыльском упоминается о "Словенской пустыне, в Касожской волости на Словенском городище, на реке Семи да на Словенском озере". В контексте совершенно чётко резко противопоставляются два термина, а следовательно — два начала "Словенское" и "Касожское", что указывает на наличие некогда в данном районе двух этнических элементов — касогов и славян. С XVII в. село Касожичи уже начинает носить иное название — Коробкино. Не отрицая наличия местного этнического элемента, в названии которого отложился термин "кос", "кас" (р. Касоржа, касоричи Географа Баварского), мы всё же считаем необходимым объяснить название "Касожская волость", особенно памятуя окружение её географическими пунктами, называемыми "словенскими", наличием некогда на этой территории и мстиславовых касогов»[76]. Необходимо отметить, что сегодня село Коробкино находится на территории России. Оно относится к Дмитровскому району, который расположен на северо-западе Курской области, на значительном расстоянии от Чернигова.

Довольно интересно, что это предположение В.В. Мавродина поддержал и такой известный исследователь Северного Кавказа, как А.В. Гадло. По этому поводу он отметил: «Образование Тмутороканского княжества привело к активизации составлявших его этнических общностей в двух направлениях. Во-первых, началось движение отдельных козарских и касожских (адыгских) групп, т. е. коренного населения Северного Кавказа на север, в коренные восточнославянские области; и, во-вторых, вновь активизировалось движение отдельных русских, теперь уже славяно-варяжских, групп в направлении Северного Кавказа и Закавказья. Летопись, описывая выход Мстислава из Тмуторокани, совершенно определённо отмечает, что вместе с Мстиславом к Киеву двигались дружины козар и касогов, которые в 1026 г. составляли костяк войск Мстислава и которые он ценил выше, чем присоединившихся к нему в Поднепровье северян. Можно думать, что не все вышедшие с Мстиславом на Русь тмутороканские дружинники в дальнейшем вернулись в Прикубанье. Топонимика Северской земли сохранила воспоминание о козаричах и касожичах, осевших в лесостепи в течение XI в.»[77]

По этому поводу следует отметить, что название ***Касожичи*** на северной окраине бывших владений черниговского князя Мстислава уже исчезло в XVII в.[78], в то время как ещё в середине XIX в. упоминание о козарах (хазарах) сохранилось в топонимии северной части Черниговской губернии. Так, материалы переписи населённых пунктов Черниговской губернии, проведённой в 1859 г., отметили на юг от уездного центра — города Козелец, неподалёку от течения реки Остёр, большое село Козар (Козары), насчитывающее 257 дворов и около тысячи жителей. На юг от уездного центра — города Мглин, неподалёку от реки Судинки было расположено небольшое поселение Косары (Касоры), которое насчитывало 31 двор и более чем 200 жителей. На запад от уездного центра, города Сураж неподалёку от реки Ипути, находилось село Казаричи (Козаричи), которое насчитывало 62 двора и более 500 жителей[79]. Довольно интересно, что неподалёку от упомянутых поселений располагались населённые пункты с основой на ***Ясин-***: в Мглинском уезде — ***Ясинок*** (***Ясинской***); в Суражском уезде — ***Ясиновка***; в Новозыбковском уезде — ***Ясеновка*** (***Ясиновка***)[80].

Учитывая это, имеет смысл напомнить предположение В.В. Мавродина, согласно которому в составе дружины Мстислава, кроме касогов и хазар, должны быть ещё и ясы (аланы)[81]. В связи с этим большой интерес представляет информация древнерусских летописей о том, что в 6354 (1026) году киевский князь Ярослав Мудрый заключил мир с братом Мстиславом — князем Тмутаракани, известным своей деятельностью среди касогов. Именно с этим следует связывать сообщение Пятой Новгородской летописи от 6537 (1029) г.: «Ярослав ходи на ясы и взять их»[82]. Как видим, соседями касогов Тамани могли быть аланы-ясы. В связи с этим В.Н. Татищев высказал предположение, что Ярослав поселил этих ясов на р. Рось, где незадолго до этого им были основаны города Корсунь, Богуслав, Юрьев[83]. Однако упоминание об этом событии лишь в одной — Пятой Новгородской — летописи может свидетельствовать о незначительной миграции аланов-ясов на Русь. При этом близость ясов к Тмутаракани позволяет предполагать, что они происходили с Северо-Западного Кавказа, а не Центрального. А.В. Гадло по этому поводу отметил: «Совершенно очевидно, что нет ничего невероятного в том, что после ухода в 1023 или 1024 г. на Русь Мстислава с верными ему дружинами козар и касогов на периферии Тмутороканского княжества могло вспыхнуть восстание, поддержанное отрядами соседних ады-

гам и издревле рвавшихся к морю через их земли алан, которое Мстиславу и пришлось подавлять с помощью старшего брата»[84].

То, что аланы-ясы могли проживать вблизи от Тмутаракани подтверждают и другие источники. Так, в XII в. арабский географ ал-Идриси уже в предисловии к своему сочинению «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» указал на нахождение стран хазар и аланов на восточном побережье Чёрного моря (Нитас): «Море Нитас простирается на восток, омывая на юге землю Хараклиййа (Гераклея. — *Авт.*), землю Аструбули (Триполи. — *Авт.*), берега Атрабзунда (Трапезунд. — *Авт.*), землю Ашкала, землю Ланиййа (Алания. — *Авт.*). Крайний предел этого залива доходит там до [земли] *ал-Хазарийа*. Оттуда берег моря поворачивает вспять к Матрахе, продолжается до страны ар-Русиййа, страны Бурджан (Дунайская Болгария. — *Авт.*), устья реки Данабрис, минует устье реки Дану, доходит до узкого входа в канал [города] ал-Кунстантина...»[85] Как отметила в комментариях переводчик текста ал-Идриси — Ирина Геннадиевна Коновалова, «можно заключить, что и в данном случае под словом "ал-Хазарийа" подразумевается название страны, а не города»[86]. Что касается названий ***Ашкала*** и ***Ланийа***, то И.Г. Коновалова прокомментировала это следующим образом: «***Ашкала*** — один из городов, охарактеризованный ал-Идриси в основном тексте сочинения, в 6-й секции VI климата. Происхождение названия этого пункта не вполне ясно. Его можно трактовать как передачу местного, северокавказского наименования, поскольку, во-первых, начальный слог, который может читаться так же, как ***ас-*** вместо ***аш-***, представляет собой племенное название алан…, а во-вторых, имеются местные аналогии для рассматриваемого топонима… Если допустить, что название ***Ашкала*** по своему происхождению действительно было связано с аланской топонимией, то описание этого аланского города как приморского может помочь в датировке этой информации. Известно, что в пору своего расцвета в X в. Алания распространяла своё влияние вплоть до черноморского берега… ***Ланийа*** — арабская передача названия Алании, одного из крупнейших политических и этнических образований на Северном Кавказе в X—XIII вв. В это время аланы занимали территорию равнинных предгорий и гор Центрального Кавказа, где аланские поселения находились близ важного горного прохода через Дарьяльское ущелье (араб.[ское] Баб ал-Лан — "Ворота алан"), а также жили в Прикубанье, в недрах адыгского этнического массива…»[87]

Эти же данные подтверждаются сообщением ал-Идриси, содержащемся в описании 6 секции VI климата, где говорится о ситуации возле устья реки ***Русиййу***, в которой имеет смысл видеть р. Кубань: «От устья этой реки до города Ашкасиййа сто пятьдесят миль. Это красивый город из [числа] городов страны ал-Ланиййа и одна из её пограничных областей. От города Ашкасиййа до города Ашкала из страны ал-Ланиййа двадцать миль. Между городом Ашкала и морем около шести миль. Это город небольшой, но оживлённый, его округа имеет всего вдоволь для пропитания его жителей»[88]. Учитывая это, есть смысл поддержать мнение тех исследователей, которые считают ***Ашкала*** и ***Ашкасиййа*** этнотопонимами. В первом можно увидеть название ***Ас-кала*** — «Крепость асов (аланов)», а во втором — ***Ас-кас(ог)***, то есть «Город асов (аланов) и касогов». Таким образом, есть основания считать, что в X—XII вв. поселение аланов-ясов доходили до побережья Чёрного моря, где они соприкасались с землями Тмутараканского княжества. А это позволяет поддержать предположение В.В. Мавродина, согласно которому в составе дружины Мстислава с 1023 по 1026 гг., кроме касогов и хазар, должны быть ещё и ясы (аланы)[89].

Всё это дает основания считать, что отмеченные на северных землях бывшего Черниговского княжества топонимы ***Касожичи***, ***Козар*** (***Козары***), ***Косары*** (***Касоры***), ***Казаричи*** (***Козаричи***), ***Ясинок*** (***Ясинской***), ***Ясиновка*** и т. п., связаны между собой и могут представлять собой результат политики черниговского князя Мстислава по заселению дружинниками северных земель своего княжества. Однако в данной ситуации удивляет то, что топонимы с основой ***касог*** здесь почти не фигурируют. Это даёт основания считать, что касогов Мстислав должен был поселить в другом месте своих владений. Поэтому весьма справедливым выглядит предположение В.В. Мавродина, что Мстислав мог селить вассалов на южных границах своего княжества, как это делал его брат Ярослав[90]. В то время продолжала сохраняться опасность со стороны кочевников — печенегов и торков. Это требовало больших усилий со стороны князей Руси.

По наблюдениям Николая Николаевича Коринного, в конце X в. киевский князь Владимир «лишь положил начало созданию оборонительной линии по Суле»[91]. При этом относительно ситуации в конце XI — XII вв. исследователь отметил: «За Сулой простирались земли Летописной “Украины” — буферного территориального образования между Русью и Половецкой землёй, заселённой

выходцами из Руси и степняками»[92]. Однако Олег Васильевич Сухобоков был не до конца согласен с такой формулировкой. Он считал, что упомянутая территория в «Слове о полку Игореве» была названа как «земли незнаемы». По этому поводу исследователь высказался следующим образом: «…Эти земли, не вполне корректно именуемые Н.Н. Коринным "буферными", автору загадочной фразы "Слова" представлялись неизвестной территорией, чего, конечно же, быть не могло. …На протяжении почти полутора столетия данный регион — междуречье Сулы и Северского Донца — вплоть до выделения … удельных княжеств ("волостей") был практически ничейной землей с самоуправляющимся населением, пребывавшим в относительно мирных отношениях с соседними кочевыми племенами степного Поднепровья. Таким образом, во время описанных в "Слове" событий вновь приобретённые территории ещё не вполне были освоены администрацией Новгород-Северского княжества, как и земли по средним течениям и низовьям Псла и Ворсклы — посадниками переяславскими, и именно в этом смысле были "землями незнаемыми"»[93]. Получается, что на земли на юг от течения Сулы длительное время княжеская власть и вовсе не распространялась. Однако действительно ли это так?

Как уже отмечалось, в 1036 г. Мстислав умер и единовластным правителем Руси стал Ярослав[94]. Василий Григорьевич Ляскоронский ситуацию после смерти Мстислава представлял следующим образом: «Ярослав… отделил от Чернигова некоторые участки земель и придал их к другим уделам, образовав из них самостоятельные княжества, которые перед смертью и раздал своим сыновьям, завещая при этом жить в мире и почитать старшего брата, Киевского князя, как отца: Изяславу был отдан Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяслав, а Вячеславу — Смоленск. Выделением Переяславской земли в отдельное княжество достигалась двоякая цель: с одной стороны, порученное отдельному князю, это княжество могло лучше преследовать свою цель относительно защиты русских окраин от нападения врагов, с другой — оно не давало возможности усилиться Черниговскому и тем способствовало укреплению завещанного Ярославом I мира в стране»[95]. Однако В.Г. Ляскоронский так и не отметил, где проходили в то время южные рубежи Левобережной Руси. Н.Н. Коринный по этому поводу писал: «…Не позже киевского княжения Владимира Мономаха и его сына Мстислава, загнавшего, как сообщается в летописи, половцев за Железные вра-

та, Яик и Волгу, создавались древнерусские посты на Хороле, Псле, Голтве и Ворскле»[96]. Итак, если следовать наблюдениям Н.Н. Коринного, то получается, что земли на юг от Сулы могли войти в состав земель Руси между правлениями Владимира Святославича и Владимира Мономаха, т. е. в значительный период — между концом X и началом XII вв.[97]

Как уже отмечалось, существует мнение, что в конце X в., во времена киевского князя Владимира, оборонная линия Руси в районе Днепровского Левобережья проходила вдоль течения Сулы[98]. Было бы очень странно, если бы сын Владимира Мстислав в период мира с Ярославом, который длился с 1026 по 1036 гг., не пытался бы продвинуть дальше на юг границы своего княжества. На юго-восток от Сулы протекала река, современное название которой ***Псёл***. Возможности для этого были, потому что у Мстислава остались без дела дружинники, которые состояли из касогов, хазар и ясов. Вполне возможно, что доказательством такого переселения могут быть гидронимы и топонимы в среднем течении Псла (см. рис. 7).

Н.Н. Коринной в статье «Природные условия Переяславской земли в X—XIII вв.» отметил: «В ономастике края отразились сложные этнические и демографические процессы, вековое противоборство с кочевнической степью. Значительное количество так называемых отэтнонимических гидронимов указывают на этносы, которые прямо или косвенно имели какой-либо контакт на территории Днепровского Левобережья с домонгольских времён, чётко отражают рубеж противоборства осёдлого земледельческого славянского населения с кочевниками, которые сменяли друг друга в своём движении на запад. Многочисленные иранские, тюркские гидронимы указывают на то, что территориальной базой экспансии восточных народов на переяславскую землю были, с одной стороны, районы азиатские, северо-кавказские (ср.[авните]: Артополот, Каратулька, Козарка, Орель, Касоговка), с другой — архаичные славянские гидронимы Левобережья — Омут, Трубеж и другие отражают признаки той зоны, куда направлялось колонизационное движение с Правобережья»[99]. В этой ситуации большой интерес представляет гидроним ***Касоговка*** (***Косоговка***).

Уже в своё время Алексей Сильвестрович Стрижак отметил на левобережье Псла этот гидроним: «***КОСОГОВКА*** — левый приток Лютенькой в бассейне Псла...; при помощи суффикса -к(а) от *Косогова*, родительного падежа принадлежности от Косогов (сравн.

Рис. 7. «Косожские» названия на землях Полтавской губернии: 1 — р. Косоговка; 2 — с. Косоговщина (Пащенковка); 3 — с. Косоговщина (Ивановка); 4 — х. Косаговщина (Паськова)

Косоговъ Григорий Иванович "стольник и воевода Русский"...), или принадлежно-прилагательной формы от Косог. В основе — этноним *косог...*»[100]

К сожалению, ситуация с этим гидронимом оказалась довольно запутанной. «Описание рек Черниговского наместничества» от 1785 г. представляет описание бассейна Лютенькой в таком виде: «…В реку ж Псіол впадает речка Лютенка, вершина ее в гадяцкомъ уезде, близ зенковской границы, у х. Ровни, близ из ключевых источников, в нее впадает с правой стороны, речка Грамацкая, вершина ее зенковскаго у.[езда], из дачь с. Тарасовки, из родника; в нее впадают: с левой, ручей Шелестов, речка *Косоговка*; а в Лютенку с правой стороны, речка Величковка…»[101]

Из этого описания так и не понятно, представляла ли собой река Косоговка левый приток Лютенькой, или она была левым притоком реки Грамацкой, которая является правым притоком реки Лютенькой. К сожалению, на топографических картах второй половины XIX в. река Косоговка уже не обозначена. Несмотря на это, есть основания полагать, что упоминание о гидрониме ***Косоговка*** на левобережье среднего течения Псла не является случайностью, потому что там же встречаются и аналогичные топонимы.

Так, на левобережье Псла, в среднем его течении в недалёком прошлом были распространены топонимы с основой ***косог*** (*косаг*). По данным переписи 1859 г., на территории Полтавской губернии в Зеньковском уезде, южнее Зенькова, существовали поселения: Косоговщина (Пащенковка), насчитывающее 199 жителей и 30 дворов; Косоговщина (Ивановка) — 221 житель и 38 дворов (см. рис. 7)[102]. Кроме того, «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869—1890 гг.) свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. в этом же районе (см. рис. 8) на правом берегу реки Мужева Долина существовал хутор Косаговщина (Паськова)[103].

Большой интерес также может представлять сообщение о Косоговом вале академика Иоганна Гюльденштедта, который в конце XVIII в. посетил земли Левобережной Украины: «Вал этот начинается от правого берега *Донца* въ 5-ти верстах выше Изюма, идёт несколько вёрст параллельно речке *Голой Долине*, сюда же приходит с западной возвышенности; направляется затем к левому берегу *Торца*, которого и достигаетъ в 2-х верстах на юг от крепости, и идёт далее до *Донца* параллельно *Торцу* то по правую, то по левую его сторону. Таким образом этим рвом окружено против нападений

Рис. 8. «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869—1890 гг.). Фрагмент 23-12

крымских татар пространство по правому берегу *Донца*, имеющее около 10 верст в ширину и 50 верст в длину. Вал этот не представляет сплошной линии, но часто прерывается лесами и балками. Устройство его приписывается боярину ***Косагову***) (Kosagau), бывшему, как говорит предание, 200 лет тому назад русским князем»[104]. Дмитрий Иванович Багалей, комментируя этот пассаж, отметил: «Об этих валах и рвах, служивших границею Запорожья с Изюмской провинцией, говорят и документы, которыми пользовался А.Л. Шиманов. По мнению Запорожцев, граница их должна была проходить недалеко от Изюма по самый *Косогов вал*»[105].

Учитывая существование на Левобережной Украине гидронима ***Косоговка*** и топонима ***Косогов вал*** А.С. Стрижак отметил: «Вероятно, этот гидроним находится в связи с Косоговым валом, который проходил во времена Запорожской Сечи где-то поблизости соприкосновения Полтавщины, Слобожанщины и земель, принадлежащих к Запорожью»[106]. Однако случаи, когда антропоним становится основой для гидронима, очень редко встречаются в гидронимии. На этот счёт существует еще более радикальное мнение, согласно

которому и гидроним ***Косоговка***, и топонимы ***Косогов вал***, ***Косоговщина*** и ***Косаговщина*** связаны с деятельностью на Полтавщине московского генерала Григория Ивановича Косогова, который жил в XVII в. Если это правда, то подобные гидронимы и топонимы следует искать и на территории бывшей Харьковской губернии, где также действовал Г.И. Косогов и где был сооружен вал, названный его именем.

В связи с этим обратим внимание на сообщение Д.И. Багалея: «Вал этот действительно может быть названъ *Косоговым*, по имени боярина Косогова, который к 1680 году и в последующих годах (а можетъ быть и несколько раньше) занимался его постройкою. Летописец Величко под 1680-м годом передаёт, что "по указу государском генерал и воевода Григорий Иванович Косогов, почавши от городов Слободских аж до Днепра по над Берестовою, мерил поле на вёрсты, волочачи колоду". Результатом его измерений был чертёж этого края; "новая черта" должна была служить продолжением старого (Перекопского) вала. В состав её входили: Цареборисовка, Савинск, Балаклея, Лиман, Бишкинь, Змиев, Соколов, Водолаги, Валки, Новый Перекоп, Ольшаное, Золочев. Напечатанные мною "Описные и мерные книги новой черты" свидетельствуют о том, что ген.[ерал] Косогов чрезвычайно внимательно изучил эту местность и её стратегическое значение...»[107] Как видим, на юге Харьковской области, где проходил Косогов вал и где действовал генерал Григорий Косогов, в прошлом не было зафиксировано дополнительно ни одного гидронима и топонима с основой ***Косогов-***. Нет подобных названий и на современной карте Харьковской и Донецкой областей. Поэтому можно объяснить появление гидронима и топонимов с основой ***Косог-*** в бассейне Псла и с позиций альтернативной точки зрения.

Очевидно, что с этими топонимами имеют связь и другие названия населённых пунктов в этом районе, на левом берегу Псла. Так, по материалам переписи населённых пунктов Полтавской губернии, который был проведён в 1859 г., на территории Гадячского уезда, на север от Гадяча, возле течения реки Пробужка было зафиксировано хутор ***Козериха*** (***Казариха***). В этом же уезде был отмечен другой хутор с таким же названием — ***Козериха*** (***Казариха***)[108]. Учитывая это, стоит отметить, что в «Реестре Войска Запорожского 1649 года» в составе Гадячской сотни Полтавского полка был Васко Козар[109]. Вполне очевидно, что упомянутые антропоним и топонимы связаны

между собой. Хотя не известно, может ли это свидетельствовать о пребывании в прошлом на территории Гадячского уезда, т. е. на Левобережье Псла, потомков хазар.

Не меньший интерес представляют те топонимы, которые встречаются на землях Полтавщины и содержат этноним ***яс-***. Так, в Гадячском уезде на пути между Гадячем и Зеньковым в середине XIX в. существовал хутор ***Ясиновой*** (***Ясиновщина***), который насчитывал 5 дворов и 54 жителя[110]. Кроме того, в Полтавском уезде на пути от Полтавы до Зенькова существовал хутор ***Ясиново***, насчитывавший 5 дворов и 43 жителя. В этом же уезде на север от Полтавы возле течения реки Голтва существовал хутор ***Ясиновщина***, насчитывавший 5 дворов и 32 жителя[111]. В Роменском уезде на запад от Ромен располагался хутор ***Ясиновка***, где было 5 дворов и 51 житель[112]. Однако не следует рассматривать эти топонимы как результат деятельности Мстислава по укреплению южных границ Черниговского княжества в 20-х — 30-х гг. XI в. за счёт ясов, которые были выходцами с Северного Кавказа. Вероятно, распространение топонимов, содержащих этноним ***яс-***, вне Зеньковского и Гадячского уездов имеет другое объяснение.

В 1116 г. сын Владимира Мономаха переяславский князь Ярополк совершил поход против половцев на «Дон» (Северский Донец. — *Авт.*). О ходе и последствиях этой военной кампании летописи сообщают: «…Ярополк ходи на половецкую землю, к реке Дону, и ту взя полон мног и города поима половецкие, Галин, Чешуев, Сугров; и Ясы поимав с собою приведе, и жену полони себе Ясыню». В летописях также сказано, что пленница Ярополка была «красна вельми» и была «ясского князя дщерь»[113]. В Ипатьевской летописи также уточняется, что Ярополк захватил не только три города, но и «сел много»[114]. Анализируя эти сообщения, Н.И. Костомаров и В.Г. Ляскоронский пришли к выводу, что захваченные вместе с ясскою княжной пленные ясы должны были быть поселены Ярополком в его владениях, т. е. на землях Переяславского княжества[115].

Следовательно, расположение на Левобережье Псла, в среднем его течении вблизи от Гадяча и Зенькова топонимов, содержащих упоминание о касогах, козарах и ясах, может быть и не случайным. Это же самое можно сказать и об аналогичных топонимических названиях на север от Чернигова. Сравнительный анализ ситуации на севере бывшего Черниговского княжества и на его южной границе, вдоль среднего течения Псла, позволяет прийти к выводу, что в пе-

риод с 1026 по 1036 гг. Мстислав мог расселить на северных землях Черниговского княжества преимущественно хазар с небольшим количеством касогов и ясов, а на юге, на берегах Среднего Псла — преимущественно касогов с небольшим количеством хазар и, возможно, ясов. Получается, что в бассейне Псла касоги должны были составлять костяк военных поселенцев. Однако насколько это было бы возможно?

В данной ситуации как-то странно выглядит ситуация, согласно которой гидроним ***Косоговка***, топонимы ***Косоговщина***, ***Козериха*** (***Казариха***), ***Ясиновщина*** и др. были расположены на левом, незащищённом берегу Псла. Н.М. Коринный так охарактеризовал ситуацию с речной системой Левобережья: «Направление речных долин, как правило, с востока на запад было обусловлено террасным снижением всей левобережной равнины с северо-востока на юго-запад. Правые берега отличаются крутизной, левые, наоборот, низкие. Они постепенно поднимаются от поймы, образуя две-три террасы вдоль течения реки. С приближением к Днепру и снижением местности речные долины становятся всё ниже...»[116] Очевидно, что касогам, хазарам и ясам было бы удобнее поселиться на правом, неприступном, берегу Псла, чем на низком левом. Однако эту ситуацию можно объяснить и тем, что отмеченные нами топонимы должны были возникнуть лишь после того, как границы Переяславского княжества подвинулись дальше на юг к берегам Ворсклы и Орели. Это дало бы возможность касогам, хазарам и ясам перейти с правого берега Псла на левый и занять новые земли. Упоминанием об этой миграции могли бы и стать отмеченные топонимы. К сожалению, топонимы данного типа ещё не обнаружены на правом берегу Псла. Если их сейчас там нет, то это совсем не означает, что их там никогда не было.

На основании археологических и палеоантропологических материалов, полученных при исследовании археологического комплекса у с. Каменное в среднем течении Псла, О.В. Сухобоков сделал довольно интересное наблюдение относительно происхождения местного населения: «Обитатели этого поселения по племенной принадлежности относились к северянам, однако в их среде отмечается и присутствие выходцев из других племенных образований как славянского, так, и, возможно, иноэтничного происхождения»[117]. Вполне возможно, что подобная ситуация существовала и на соседних территориях бассейна Псла.

Не исключено, что после смерти Мстислава в 1036 г. часть верных ему касогов не пожелали признать власть Ярослава и поэтому переселились на нейтральные территории в бассейн Псла. Это и нашло отражение в гидронимии и топонимии. Кроме, того следует иметь ввиду, что и после смерти Мстислава черниговские князья продолжали контролировать земли Тмутаракани.

Так, после смерти Ярослава его сын Святослав Ярославич получил во владение Черниговскую землю, включая Тмутаракань. По мнению Алексея Алексеевича Ашихмина, Святослав Ярославич правил в Чернигове и Тмутаракани с 1054 по 1064 гг., а также с 1065 по 1066 гг. В целом ситуацию с черниговской Тмутараканью исследователь охарактеризовал следующим образом: «Таким образом, можно сказать, что Тмутаракань являлась своеобразной сферой влияния Чернигова, в которой он столкнулся с Византией и, естественно, проиграл. Это была сфера влияния именно Чернигова, а не Руси. Если взглянуть на известия об этой земле, то видно, что она интересна только черниговским князьям. Все остальные не проявляли к ней интереса. Исключением здесь является Владимир Святославич, при котором Тмутаракань окончательно была подчинена Руси. Но этот факт и не упомянут в летописи. Изгои Ростислав Владимирович, Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, хотя и не были связаны с Черниговом, не представляли интересов других земель. Они были скорее силой, отдаляющей Тмутаракань от Чернигова, но не приближающей к другим. Отчасти из-за этого можно сказать, что Тмутаракань, несмотря на связь только с Черниговом, не являлась его вотчиной и их отношения не ограничивались лишь вертикальным направлением... Не все князья здесь были назначенцами, которые беспрекословно подчинялись воле метрополии»[118].

Исходя из этого, имеем основания полагать, что и во времена Святослава Ярославича касоги могли переселяться с Тамани в Черниговскую землю, что могло способствовать укреплению там касожской общины. Однако это никак не объясняет, как могли появиться в бассейне Псла топонимы и гидронимы с основой ***касог-***. После смерти Мстислава эти земли стали пограничными территориями нового Переяславского княжества. Следовательно, ничто не мешает нам считать, что заселение этих земель происходило именно со стороны Переяславского княжества. Однако есть ли у нас свидетельства того, что касоги проживали также и в Переяславской земле? Кажется, для этого предположения есть основания.

* * *

Продолжая разговор о присутствии касогов на Руси, хотелось бы выделить пассаж из Поучения князя Владимира Мономаха, содержащегося в той части Лаврентьевской летописи, которая датирована 1096 г.: «куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ . не даите пакости деяти . отрокомъ ни своимъ . ни чюжимъ . ни в селе . ни в жите. да не кляти вас начнуть . куда же поидете | идеже станете . напоите накормите . оуне ина»[119]. В данном отрывке особые вопросы может вызывать происхождение и значение термина «оунеин». На этот счёт предлагались различные версии.

Именно это стало предметом особого интереса Василия Алексеевича Воскресенского, который в конце XIX в. по этому поводу отметил: «...Буслаев (Историческая Хр.[оника], стр. 76) говорит, что нужно читать: “Напойте, накормите уне ина”, — то есть лучше накормите иного кого-нибудь. В Русской же Хр.[онике], стр. 75: “Унеин, иначе уньць, просящий, алчущий, от унити — просить” (?). Аристов (Хрест.[оматия] по русск.[ой] истории. Варшава, 1870) в слове “унеин” видит “юнеин” — малый, слабый, бедный. — Последнее чтение можно принять и в том случае, если в слове “унеина” видеть испорченную форму “оунеиша” (от оун — юный, малый, слабый)»[120]. Именно эта последняя этимология и дала основания В.А. Воскресенскому объяснить термин ***унеин*** из Поучения как «бедняк, просящий»[121]. В соответствии этому исследователь предложил свой вариант перевода фрагмента из Поучения Владимира Мономаха: «Во время объезда земель своих не позволяйте бесчинствовать ни своим, ни чужим слугам ни в сёлах, ни на полях, чтобы вас не проклинали; [напротив] куда пойдёте и где остановитесь — напойте и накормите нуждающихся»[122].

Сергий Васильевич Протопопов был склонен полностью поддержать мнение Николая Яковлевича Аристова, согласно которому ***унеин*** — «юнеин, малый, слабый, бедный»[123]. Отметим, что некоторые современные исследователи также продолжали считать, что термин ***унеин*** имеет славянское происхождение. Так, Никита Александрович Мещерский указывал, что речь, возможно, идёт о княжеских отроках, младших дружинниках («унеины» — по аналогии со «старейшинами»), которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей[124]. Существуют и другие аналогичные объяснения, сводящиеся к славянской этимологии термина «унеин».

Однако уже давно заметили, что мнение Н.М. Карамзина было явно отличным на этот счёт: «В подлиннике: "Напойте, накормите унеина" вместо хазяина. Унна значит дом на языке Кабардинском (см.[отрите] Сравнитель.[ный] Слов.[арь] 4. II, стр. 117). Россияне могли заимствовать сие слово от Козаров, или Касогов, Торков, Половцев, ибо его нет в Славянском и Скандинавском языках»[125]. На основании этого российский историк предложил свой вариант перевода интересующего фрагмента Поучения Владимира Мономаха: «Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; и где остановитесь, напойте, накормите хозяина»[126]. Получается, что термин ***унеин*** можно объяснить из адыгских языков как «хозяин [дома]».

Из современных исследователей ярым приверженцем этой гипотезы Н.М. Карамзина оказался В.П. Кобычев, который верил в то, что в прошлом существовали интенсивные контакты между населением Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. И для доказательства этого он привёл ряд аргументов: «Наконец, в сочинении Владимира Мономаха мы обнаруживаем и отголосок живой адыгской речи в русском языке XII в. Это известная фраза из "Поучения чадам": "Куда же пойдете, иде же станете, напоите, накормите унеина и более же чтите гость... ти бо ...прославлять человека. любо добрым, любо злым" (*"Полное собрание русских летописей", т. 1, Лаврентьевская летопись. М., 1962, стлб. 246*). Загадку здесь представляет слово ***унеин***, которое академик А.С. Орлов, посвятивший специальное исследование данному памятнику, пытается переводить как "нищий, странник", что, однако, плохо увязывается с контекстом. Между тем еще Н.М. Карамзин указывал, что данное слово восходит к кабардинскому ***унэ*** — "дом", откуда ***унеин*** значит "домохозяин" (ср.[авните] топонимическое *Уний*, *Уненъж* на Черниговщине или в балкарском языке *унаут* — "дворовый раб")»[127].

Последнее в какой-то степени перекликается с предположением Н.А. Мещерского, что в Поучении Владимира Мономаха речь может идти о княжеских отроках, младших дружинниках, которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей[128]. Вполне возможно, что термин ***унеин*** мог означать не «хозяин дома», а «домашний слуга» у князя. Отсюда понятно, почему их надлежало в первую очередь накормить (было необходимо предотвратить погромы местного населения). Не логичной выглядит версия о том, что княжеские

отпрыски должны кормить и поить местных домохозяев, а не успокаивать своих голодных слуг. Таким образом, термин ***уне-ин*** составной и может иметь адыго-славянское происхождение, где первая часть представляет собой корень, происходящий от адыгского ***унэ*** — «дом», а вторая — славянский суффикс ***-ин-***, служащий для указания либо на происхождение человека (например Торч-ин, Яс-ин и т. п.), либо на его социальный статус (например бояр-ин). Создаётся впечатление, что термин ***унеин*** мог возникнуть в смешанной адыго-славянской среде.

Отсюда возникает закономерный вопрос: где и когда Владимир Мономах мог заимствовать этот термин кавказского происхождения? В данной ситуации также не известно время письменной фиксации слова ***унеин***. Однако установить это представляется возможным.

Еще в XIX в. С.В. Протопопов и В.А. Воскресенский, ссылаясь на наблюдения Михаила Петровича Погодина, сумели доказать, что Поучение Владимира Мономаха совершенно случайно находится в Лаврентьевской летописи под 6604 (1096) г. По их мнению, реальная дата составления основного текста Поучения — 1099 г. Что же касается упоминания более поздних событий, то исследователи показали, что это были более поздние приписки, сделанные уже после 1099 г.[129] Из современных исследователей этого мнения придерживается, например, А.Б. Головко[130].

По наблюдениям В.А. Воскресенского, «Все, следующее за словами “и се ныне иду Ростову”, до последнего похода на Ярослава (1118 г.), нужно считать позднейшей вставкой, сделанной или самим Мономахом, или летописцем»[131]. Если следовать этому, то получается, что в Поучении Владимира Мономаха термин ***унеин*** встречается в той части сочинения, которая была написана в 1099 г.[132] Поэтому остаётся выяснить, где Владимир Всеволодович мог иметь интенсивные контакты с касогами до 1099 г.? Напомним широко известные факты из жизни Владимира Мономаха.

Как известно, Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) детские годы провёл при дворе своего отца Всеволода Ярославича в Переяславле. С 1073 по 1078 гг. он был князем смоленским, с 1078 по 1094 гг. — черниговским, с 1094 по 1113 гг. — переяславским и, наконец, с 1113 по 1125 гг. Владимир Мономах был киевским князем[133]. Как видим, до 1099 г. Владимир Всеволодович ещё не занимал киевский престол. Следовательно, общаться с касогами

он мог лишь вне пределов Киева. Не мог Владимир Всеволодович и побывать в Тмутаракани, что являлось следствием сложных политических событий второй половины XI в.[134] Получается, что общаться с касогами Владимир Мономах мог непосредственно на Руси.

Обратим внимание на то, что в то время, когда его отец Всеволод Ярославич занимал киевский престол, Владимир с 1078 по 1094 гг. был черниговским князем. Как уже отмечалось, В.В. Мавродин сумел доказать, что черниговские князья не только имели длительные связи с Тмутараканью, но и после смерти Мстислава в Черниговской земле ещё долгое время сохранялась касожская община[135]. Поэтому будет вполне логично считать, что в Чернигове в окружение Владимира Мономаха были включены местные касоги. История знает немало случаев, когда новый монарх при вступлении на престол приводит с собой в столицу своих людей, которым он особенно доверяет. Так могло случиться и с людьми Владимира Мономаха — сначала они могли переселиться вместе с ним из Чернигова в Переяславль, а оттуда — в Киев. Хотя не исключено, что касоги продолжали оставаться на землях Переяславского княжества и после ухода в Киев Владимира Мономаха. По крайней мере, касожская гидронимия и топонимия в среднем течении Псла может свидетельствовать в пользу предположения о продвижении касогов на юг со стороны Переяславского княжества.

Таким образом, в появлении топонимов и гидронима с основой ***касог-*** в среднем течении Псла можно видеть результат деятельности Владимира Мономаха и его преемников. Так, с 1094 по 1113 гг. Владимир Мономах мог переселить из Черниговской земли в пределы Переяславского княжества часть тмутараканских касогов и хазар. При Владимире Мономахе началось расширение границ Переяславского княжества. Напомним, что в 1111 г. Владимир Мономах совершил успешный поход против придонецких половцев, в результате которого были захвачены половецкие центры Шарукань и Сугров[136]. Эту же политику против половцев продолжил его сын Ярополк, который в 1116 г., уже будучи переяславским князем, совершил новый удачный поход против придонецких половцев. Как уже отмечалось, он привёл с собой оттуда ясов[137]. В результате этих антиполовецких походов Владимира Мономаха и его сына Ярополка южная граница Переяславского княжества должна была отодвинуться к среднему течению Псла. Новая граница требовала нового пограничного населения. И скорее-всего, Ярополк, следуя

традиции, заселил эти новые земли инородцами — ясами, касогами и, возможно, хазарами. Эти процессы и нашли отражение в местной топонимии и гидронимии.

* * *

Обычно исследователи обращают внимание на то, что Тмутараканское княжество, или волость, на протяжении длительного времени находилось либо под контролем черниговских князей, либо здесь были у власти князья-изгои. Однако не всегда акцентировалось внимание на том, что Тмутаракань в определённые периоды была под непосредственным контролем киевских князей. Именно такие прямые контакты должны были способствовать переселению касогов из Тамани в Киев. Рассмотрим в хронологической последовательности попытки Киева установить непосредственный протекторат над Тмутараканью.

Как уже было отмечено, некоторые исследователи склонны считать началом Тмутараканской волости уже поход киевского князя Святослава в 965 г. Однако эта гипотеза не находит убедительного подтверждения. Более популярным среди современных исследователей является мнение, что к основанию Тмутараканского княжества был более причастен киевский князь Владимир накануне или после его корсунской кампании 988 г. Как уже отмечалось, перед смертью он отдал Тмутаракань в удельное управление своему сыну Мстиславу[138]. Получается, что приблизительно с 986 по 1015 гг. Тмутаракань находилась под прямым управлением киевского князя Владимира Святославича. Следующий этап следует связывать с утверждением на киевском столе его сына Ярослава. Как уже говорилось, с 1023 по 1026 гг. происходила борьба между братьями Ярославом и Мстиславом за киевский престол, которая закончилась перемирием, приведшим к дуумвирату. Уже отмечалось, что V Новгородская летопись под 1029 (6537) г. сообщает о походе князя Ярослава против аланов-ясов: «Ярослав ходи на ясы и взять их»[139]. Примечательно, что об этом событии упоминает лишь одна летопись, а это может свидетельствовать о незначительности масштаба похода. Поэтому проблематично говорить о походе Ярослава в Центральное Предкавказье. Как уже было сказано, А.В. Гадло считал, что Ярослав по просьбе брата Мстислава подавлял вблизи от Тмутаракани восстание местных касогов и хазар, которых поддержали соседи-ясы[140].

Стало быть, в этом 1029 г. Ярослав мог привести в Киев с Кавказа не только аланов-ясов, но и касогов.

Весьма характерно, что летописи после этого молчат о Тмутаракани буквально до 1064 г., когда город захватил внук Ярослава Ростислав Владимирович, выгнав Глеба Святославича. Получается, что до смерти черниговского (бывшего тмутараканского) князя Мстислава Тмутаракань находилась под его непосредственным управлением. Только не известно, к кому перешёл контроль над Тмутараканью после 1036 г., когда умер Мстислав и единовластным правителем Руси стал киевский князь Ярослав Владимирович. В.Н. Чхаидзе относительно этого высказался следующим образом: «В результате известных событий с разделением Руси между братьями возникает система дуумвирата. Тмутараканью же продолжают управлять назначаемые из Чернигова (после смерти Мстислава в 1036 г. — из Киева) посадники, одним из которых мог быть сын Мстислава — Евстафий (ум.[ер в] 1031 г.). Тмутаракань утратила свой кратковременный княжеский статус. И последующие за Мстиславом князья уже не обладали теми правами, которыми пользовался на Руси Мстислав»[141]. Получается, что под контролем киевского князя Ярослава Владимировича Тмутаракань могла находиться с 1036 г. буквально до его смерти в 1054 г., т. е. чуть менее 20 лет.

Известно также, что после того, как в 1079 г. жители Тмутаракани схватили тмутараканского князя Олега и отправили его в Константинополь, в городе на короткое время установилась вновь власть киевских князей. После устранения Олега киевский князь Всеволод Ярославич сажает в Тмутаракани посадником Ратибора — единственного известного по имени посадника некняжеского происхождения. Посадничество Ратибора длилось недолго — в 1081 г. в Тмутаракань сбежали ещё два князя-изгоя — Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, которые и изгнали Ратибора из Тмутаракани[142]. Как отметил Н.Ф. Котляр, «восстановление киевского посадничества в Тмуторокани могло быть одной из первоочередных задач нового киевского князя и его соправителя и сына Владимира Мономаха»[143]. Таким образом, последнее правление Киева в Тмутаракани было недлительным — с 1079 по 1081 гг.

Не может быть сомнений в том, что при киевских князьях Владимире Святославиче, Ярославе Владимировиче и Всеволоде Ярославиче касоги переселялись в Киев с Таманского полуострова. Однако древнерусские летописи прямо об этом не пишут. Но есть свидетельство иного рода, которое прямо подтверждает такие миграции.

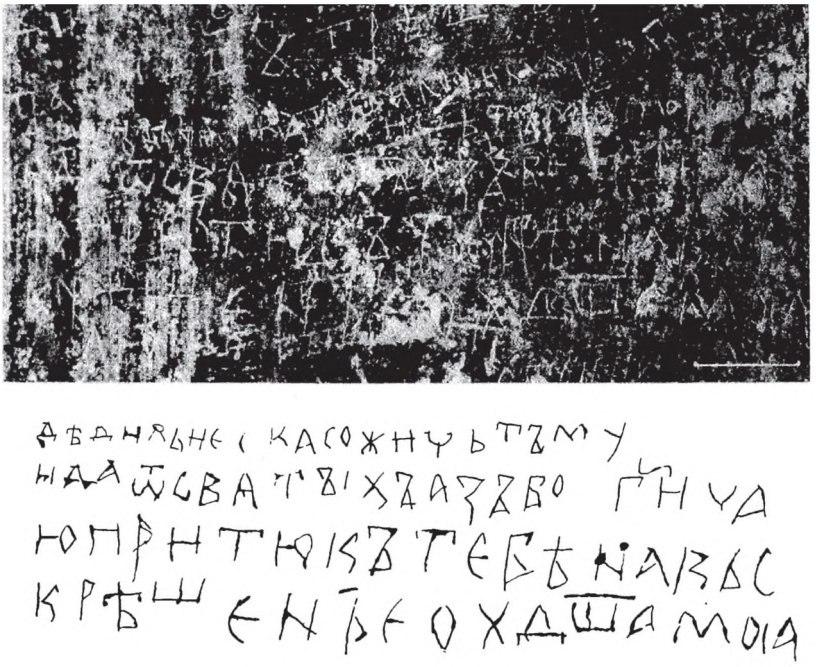

Рис. 9. Надпись № 149 Софии Киевской (по данным С.А. Высоцкого)

Речь идёт об обнаруженной на стенах Софии Киевской надписи. Надпись находится в южной наружной галерее собора и вместе с другими граффити была нанесена на фреску «Онуфрий». Здесь мы имеем четыре строки, написанные крупными, но не всегда разборчивыми, буквами (см. рис. 9). Первый её исследователь Сергей Александрович Высоцкий предложил перевести текст на современный русский язык следующим образом: «Дедильие(?)-касожич. Уходя от святых, я бо, Господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!»[144]

Однако такая интерпретация вызвала значительное несогласие со стороны Андрея Анатольевича Зализняка. Во-первых, он предложил читать начальное слово надписи не как ***Дедильие***, а как ***Дедильце***. По его мнению, это «просто то же самое имя, что в Ипатьевской летописи, только с необычным окончанием ***-е***»[145]. Во-вторых, А.А. Зализняк обратил внимание на следующее: «у слов "Дедильие(?)-касожич" нет сказуемого, а отрезок ***тъму*** в переводе вообще выброшен». Кроме того, он отметил ещё одну особен-

ность: «После отрезка ***тъму*** на прориси С.А. Высоцкого почему-то нет вообще никаких букв (хотя остаётся место ещё для 5—6 букв и хотя в тексте издатель даёт после ***тъму*** буквы ***по***) На фотографии две буквы видны совершенно явственно, только это не ***по***, а ***то***. Видны также, хотя уже несколько слабее, и следующие две буквы: ***ро***. Ещё две буквы, следующие за ними, полностью рассмотреть уже не удаётся, но прослеживаемые элементы штрихов позволяют предположить, что это были ***к*** и ***и***. ...Таким образом, восстанавливается отрезок ***тъм[о]уторо[ка]***. Совершенно очевидно, что перед нами какое-то производное от топонима ***Тъмуторокань*** — скорее всего ***тъмутороканец***»[146]. В результате А.А. Зализняк предложил новую версию интерпретации и перевода этой надписи из Софии Киевской: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец, писал], идя от святых. Ибо я, Господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя»[147]. Как видим, в переводе А.А. Зализняка Дедилец фигурирует не как «касожич», а как «касог», что несколько удивляет.

Особый интерес может представлять время и обстоятельства появления надписи. На этот счёт существует несколько мнений. Так, В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина считают, что это «надпись последней четверти XI — первой четверти XII в.»[148]. Но, как нам известно, именно в этот период прекратились прямые связи Киева с Тмутараканью. Такую датировку надписи исследователи обосновывают широким распространением христианства среди касогов именно в то время. Это они подкрепляют следующей информацией: «Княживший в это время в Тмутаракани Олег Святославич (1083—1094) около 1084 или 1088 гг. возвёл на Зихскую кафедру русского архиепископа, монаха Киево-Печерского монастыря Николая... И Зихская епархия, и Русская церковь одинаково были подчинены Константинопольскому патриарху. ...В данном контексте обнаруженная в Киевской Софии надпись чрезвычайно интересна и важна. Она составлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец»[149]. Таким образом, исследователи дают понять, что касог Дедилец прибыл из Тмутаракани в Киев поклониться святым местам.

Паломническую версию относительно обстоятельств появления граффити допускает также А.А. Зализняк. Относительно употребления автором надписи своего мирского имени Дедилец исследователь отметил: «...Он уже достаточно ревностный христианин, чтобы отправиться в паломничество к святым мученикам, но ещё не привык обозначать себя в делах веры своим крестильным

именем»[150]. При этом А.А. Зализняк предполагает: «Дедилец находился в Киеве, совершив паломничество к мощам святых мучеников и, очевидно, возвращаясь домой: он пишет ***ида*** (а не ***пришедъ***). При этом ***ида*** в принципе может означать как ‘находясь в пути’ так и ‘отправляясь в путь’; это значит, что он либо посетил святыни в каком-то другом месте (например мощи святых Бориса и Глеба в Вышгороде) и возвращается через Киев, либо объектом его паломничества были святыни в самом Киеве. Скорее всего он направляется домой в Тмутаракань»[151]. Однако это всего лишь одна из версий, предложенных А.А. Зализняком, так как на рубеже XI—XII вв., по его же замечанию, Тмутаракань уже была захвачена половцами. Поэтому для исследователя оказалось весьма затруднительным датировать приведённое граффити: «Ни палеография, ни лингвистика не дают возможности отличить, скажем, последнюю четверть XI века от первой четверти XII»[152].

Однако существует мнение, согласно которому эта надпись была выполнена не раньше XII в. С.А. Высоцкий по этому поводу высказался следующим образом: «Графика букв надписи достаточно древняя. Первая строка написана несколько более мелким почерком, чем остальные три. Буква А — с острой петлёй, N — с укороченной перекладиной, находящейся посередине буквы, Ч — в виде чаши на ножке, “ять” — с коромыслом, немного приподнятым, как в начертаниях XII в...»[153] Кроме того, С.А. Высоцкий обратил внимание на имя «Дедильие». По его наблюдениям, подобный антропоним имел распространение на Руси в XII в.: «Близкое по созвучию имя встречено в Ипатьевской летописи под 1175 годом, где упоминается рязанский боярин Дедильцъ (Дедилця). В Никоновской летописи под 1177 годом рассказывается о разгроме владимирским князем Всеволодом Юрьевичем Глеба Рязанского. Наряду с другими вельможами в плен был взят упомянутый выше боярин, названный Дедило (Дедила)»[154].

На последнее обратила внимание Вера Юрьевна Франчук, которая носителя имени Дедильц отметила среди людей черниговского воеводы Ольстина Олексича — участника похода Игоря на половцев в 1185 г., которого она склонна отождествлять с рязанским боярином с тем же именем, который был на службе у рязанского князя Глеба. В связи с этим весьма интересно следующее предположение В.Ю. Франчук: «В Лаврентьевской летописи довольно подробно говорится как о печальной судьбе самого рязанского князя, умершего в заточении, так и о судьбе его советников, перенесших с ним

и позор поражения, и тягости жизни в плену. После освобождения из плена один из них оставил на стенах киевской Софии благодарственную запись-обращение к Богу»[155]. Если следовать предположениям В.Ю. Франчук, то это случилось накануне похода 1185 г. Кроме того, видимо на основании того, что Дедилец был касогом и в Черниговской земле традиционно проживали касоги, исследователь отметила, что «к потомкам касогов, предполагаем, могли принадлежать и черниговские ковуи и воевода Ольстин Олексич»[156].

Относительно происхождения «Коуев Черниговских» среди исследователей существуют различные мнения. Так, Дмитрий Александрович Расовский считал «Ковуев Черниговских» частью «Чёрных Клобуков»[157], П.П. Толочко — частью торков[158], Александр Анатольевич Росляков видел в «коуях» огузов-кайы[159]. Александр Иванович Попов соотносил «коуев» с частью огузов, но он не считал их племенной группой, а видел в них особый отряд, который шёл в погоню за врагом (от тюркского ***ковмак*** — «гнать»)[160]. Однако ни у кого из исследователей не возникало идеи отождествлять «Коуев Черниговских» с касогами.

Что же касается касогов, приведённых Мстиславом в начале XI в. на земли Черниговского княжества, то, как уже отмечалось, В.В. Мавродин сумел доказать, что «касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине»[161]. Благодаря его данным, мы знаем, что в Черниговском княжестве касоги оставались известными под своим прежним именем значительно позже конца XII в.

Не стоит игнорировать то, что упоминания в летописях во второй половине XII в. носителей имени Дедилец может означать не автора надписи в Софии Киевской, а совсем иных персонажей. Приходится признать, что никто из исследователей так и не смог убедительно определить время и обстоятельства появления граффити, автором которой являлся «Дедилец-касожич, тмутараканец».

В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина, доказывая, что Дедилец прибыл в Киев из Тмутаракани на рубеже XI—XII вв., неожиданно отмечают при этом: «Она оставлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец. Слова, написанные на совершенном древнерусском языке, свидетельствуют о глубоком и искреннем принятии писавшим христианской веры»[162]. В данном случае интересно было бы знать, как проживавший в далёкой и уже оторванной от Руси Тмутаракани касог Дедилец мог носить не только славянское имя, но при этом писать на «совершенном древнерусском

языке»? Это было только возможно, если бы Дедилец длительное время жил на Руси.

Поэтому не лишено оснований одно из предположений А.А. Зализняка относительно места проживания Дедильца: «...Не исключено и то, что он жил уже не в Тмутаракани, а где-то в Киевской земле. Ведь Тмутаракань уже на рубеже XI и XII веков была захвачена половцами, потеряла связь с остальной Русью и, очевидно, перестала быть важным христианским центром. Следует полагать, что какое-то количество христиан ушло при этом на Русь. К сожалению, мы не знаем, раньше или позже этого момента составлена данная надпись»[163]. Не меньший интерес представляет и другое наблюдение А.А. Зализняка: «Но был ли Дедилец в самом деле касогом? Не является ли слово ***касожичъ*** просто прозвищем природного славянина? Исключить такую возможность, по-видимому, нельзя, хотя и не кажется естественным, чтобы в подобной записи человек называл себя с прозвищем. Дедилец мог также быть жителем Тмутаракани, происходящим от смешанного брака...»[164] Относительно того, что Дедилец мог являться потомком касога, А.А. Зализняк привёл следующий аргумент: «...Слово ***касожичъ*** здесь можно было трактовать и просто как отчество. В самом деле, ***касожичъ тмутороканець*** выглядит очень похоже... Ясно, однако, что в данном случае это ничего не меняет: ‘касог’ или ‘сын касога’ — это реально одно и то же»[165].

Однако В.Н. Чхаидзе не считает, что Тмутаракань на рубеже XI и XII вв. была захвачена половцами. По его мнению, после событий конца XI в. «Матарха-Тмутаракань окончательно переходит под суверенитет Византии, который сохраняется на всём протяжении XII в.»[166] Но это не меняет постановку вопроса. В данном случае не стоит забывать, что именно на рубеже XI и XII вв. наблюдается период наивысшей экспансии половцев в степях Восточной Европы, что привело в 1111 г. к походу Владимира Мономаха в Половецкую степь. Поэтому совершать паломничества из далёкой Тмутаракани в Киев сквозь половецкие владения на рубеже XI—XII вв. вряд ли было возможно.

Таким образом, имеются основания видеть в Дедильце отпрыска того касога, который мигрировал из Тмутаракани и поселился на Руси. Вопрос в том, когда такая миграция была возможна? Как уже отмечалось, касоги могли беспрепятственно переселяться в Киев из Тмутаракани при правлении Ярослава Мудрого в 1029 г. или в 1036—1054 гг., а также при Всеволоде Святославиче с 1079 по 1081 гг. Если после этого у одного из касогов в Киевской земле ро-

дился сын Дедилец, который по происшествии двух-трёх десятков лет мог оставить надпись на стенах Софии Киевской, то вполне реальной может быть датировка: вторая половина XI в., потому что в начале XII в. половцы полностью заблокировали степь.

Не исключено, что касоги могли проживать не в самом Киеве, а под Киевом. Так, В.П. Кобычев отметил недалеко от Киева гидроним «*Унава* — приток Ирпени (от адыгского *уна* — "дом", ср.[авните] по соседству река *Домашняя*»[167]. Здесь можно высказать предположение, что адыгоязычные касоги поселились недалеко от славян, проживавших на берегах реки Домашняя, и назвали близлежащую к ним реку названием соседней реки, но переведённым на родной язык. Однако возможна и обратная картина: в глубокой древности на берегах реки Унава жили представители кавказоязычного народа, по соседству с которыми позже поселились предки славян и при этом обозначили близлежащую к ним реку переводом на родной язык названия Унавы — «Домашняя».

Таким образом, приходится констатировать, что письменные источники прямо не говорят о переселении касогов в Киев в X—XII в., но косвенно дают понять нам, что касоги в это время были в столице Руси. По сравнению с Киевом, ситуация на землях Черниговского княжества была иной: летописи сообщают о переселении касогов в пределы Черниговского княжества при Мстиславе; данные топонимии также подтверждают пребывание здесь касогов. Это можно объяснить прежде всего тем, что связи Черниговского двора с Тмутараканью были более длительными и оживлёнными, чем кратковременные периоды правления киевских князей на Таманском полуострове. Кроме того, различным был и характер переселений касогов на земли Южной Руси. Если в Черниговскую землю касоги переселялись группами и проживали на новых местах компактно в составе касожских общин, то миграции касогов в Киев носили индивидуальный характер, что очень скоро приводило к ассимиляции касогов славянским большинством. Как известно, сначала потомки пришельцев теряют язык предков, а потом начинают преобладать местные имена и уже после этого меняется этническое самосознание. Это мы хорошо можем видеть на примере Дедильца, сына касога из Тмутаракани, который оставил надпись на стенах Софии Киевской. Касоги в Киеве, в отличие от своих соплеменников в Черниговской земле, не смогли создать на новом месте отдельную общину. Поэтому древнерусские летописи о них и не упоминали.

Глава пятая

МИГРАЦИИ АДЫГОВ В ПОДНЕПРОВЬЕ ВО ВРЕМЕНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (XIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI вв.)

Происхождение названия города ***Черкассы***, расположенного на правом берегу Днепра (см. рис. 10), всегда вызывало интерес у историков. Это было связано с тем, что топоним по форме напоминает этноним ***черкес***, имеющий отношение к адыгам Северного Кавказа. Однако сложность решения вопроса состоит в том, что в документах название города начало фигурировать лишь в позднее средневековье. Интерес к данной проблеме был обусловлен ещё и тем, что в XVI—XVII вв. название ***черкасы*** использовалось для обозначения украинцев Поднепровья. Именно это и породило в среде исследователей различные мнения, для которых был присущ как крайний скептицизм, так и уверенность в достоверности легенд, встречающихся у историков прошлого. Однако эта проблема ещё и до сих пор остаётся нерешённой, несмотря на то, что историография вопроса насчитывает больше двухсот лет. Причина этого в идеологической заангажированности тех исследователей, которые начинали заниматься проблемой. К сожалению, эта тенденция присуща и современным учёным.

Первое направление в этих студиях представляет, скорее всего, проявление панславизма, который получил распространение в первую очередь среди некоторых современных украинских исследователей. В соответствии с их логикой, топоним ***Черкассы*** имеет местное славянское происхождение, потому что «черкасами» во времена позднего средневековья соседи называли украинцев Центральной и Восточной Украины. К тому же, вопреки данным письменных источников, они начинают утверждать, что адыгов на Северном Кавказе называли только «черкесами», а украинских казаков — «черкасами». Это, по их мнению, не одно и то же. К сожалению, они даже не попытались посмотреть в уже опубликованные источники, где, например, в российских актовых документах с XIV по XVIII вв. адыгское население Северного Кавказа также называлось

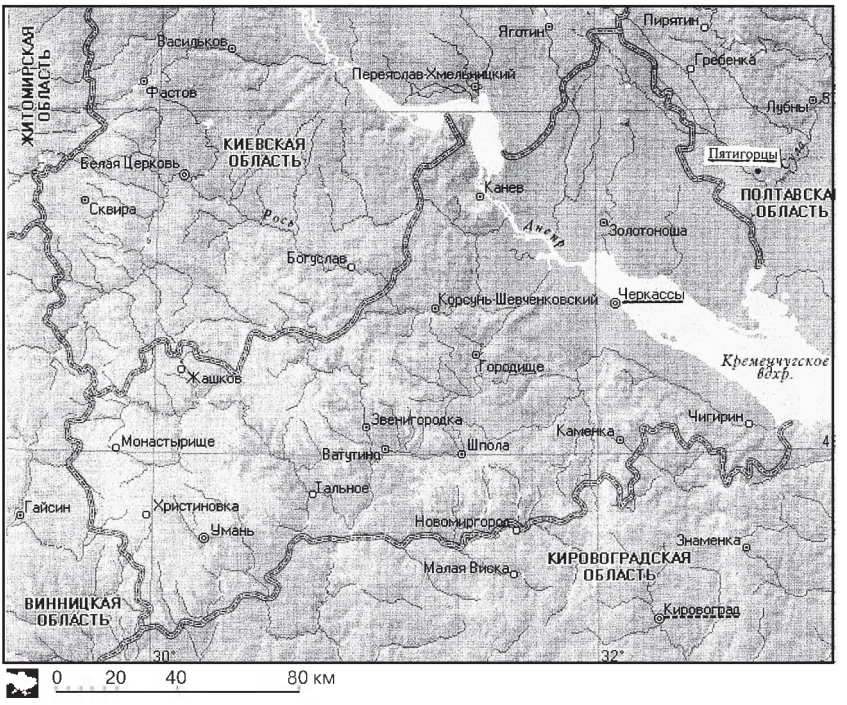

Рис. 10. Город Черкассы и село Пятигорцы на современной карте Украины

«черкасы». Кроме того, эти скептики вообще не в состоянии дать какую-либо этимологию названия ***Черкассы*** и поэтому не могут объяснить, почему топоним и этноним совпадают по форме. С другой стороны, если эта группа исследователей признает неславянское происхождение этнонима и топонима ***Черкассы***, то это заставит их согласиться с тем, что у истоков украинского казачества были не только выходцы из славянской среды. Можно лишь представить, насколько тяжёлым ударом для них может стать признание этого факта. Создаётся впечатление, что ситуация с названием ***Черкассы*** в Украине начинает напоминать ожесточённую борьбу норманистов и антинорманистов вокруг происхождения термина ***Русь***.

На сегодня даже есть такие исследователи, которые считают этнотопоним ***Черкассы*** следствием пребывания в Центральной Украине аланов, ссылаясь при этом на алано-осетинскую этимологию этнонима ***черкесы***, которую предложил, например, М. Фасмер.

Исследователь связывал происхождение этнонимов ***касог*** и ***черкес*** с сокращёнными формами осетинского ***caerkasaeg*** (от ***caeraes*** «орёл» из ***charkas***)[1]. В данном случае создаётся впечатление, что эти этнические названия имеют отношение к тотемному животному, что можно наблюдать с этнонимами в среде многих народов. Однако письменные источники отмечают совсем противоположную ситуацию: сначала употребляли термин ***касог*** и только в середине XIII в. адыгов начали обозначать термином ***черкас***. К этому следует добавить, что термин ***черкес*** на Северном Кавказе предки осетин не использовали ни как самоназвание, ни как обозначение для соседей. Осетины ещё и до сих пор называют своих соседей-кабардинцев терминами ***каесаег***, ***каесгон***[2], а не ***черкес*** или ***черкас***.

Относительно происхождения названия ***черкасы*** даже существуют очень курьёзные гипотезы. Так, ещё в 60-е гг. прошлого века в «Украинской советской энциклопедии» утверждалось: «Возникновение поселения, как и самого названия "Черкассы", в определённой мере связано с чёрными клобуками, которых в одном списке "Повести временных лет" названо "чернъасы"»[3]. В данном случае очень странно, что здесь упоминают асов, в которых традиционно видят аланов. По этому поводу А.С. Стрижак отметил: «Беспочвенность такой этимологии нетрудно доказать: ни древнерусский, ни его наследники — украинский, русский или белорусский языки — не знают перехода согласной Н в К... Если бы такое слово ("чернъасы" или "чернъясы") существовало когда-нибудь, то образованное от него название города имело бы форму "Чернасы" или "Чернясы", чего не удостоверено ни в одном из документов... "Чернъаси" — это плод фантазии авторов соответствующей статьи "УРЕ"»[4].

Уже в XVIII — начале XIX вв. обстоятельства основания города Черкассы стали объектом научных интересов историков Российской империи. Зачастую это диктовалось идеологическими соображениями, потому что этноним «черкасы» одно время служил для обозначения части «малороссийского» (украинского) населения. В то время получили распространение несколько гипотез.

Так, приверженцы первого направления полностью отрицали связь топонима и названия части украинцев с этнонимом Северного Кавказа. Обычно при этом исходили из того, что названия ***черкасы*** и ***черкесы*** — это не одно и то же. Поэтому следовал вывод, что истоки термина ***черкасы*** следует искать в местной среде. Существует мнение, что город Черкассы был основан задолго до монгольской экспансии.

Основанием для этого служит сообщение Воскресенской летописи, составленной уже в конце XVI в. В Воскресенской летописи под 1152 (6660) г. сказано: «В лето 6660. Изяслав Мстиславич съвокупися с Давыдовичем Изяславом и Святославом Всеволодовичем, и шедше розведоша Городок Юрьев и пожгоша его; церковь же бе в нем святого Михаила камена, а верх ея древом нарублен, и то сгоре. Того же лета посла Изяслав сына своего Мстислава в Ляхы и во Угры, вабя их на Володимерка Галичьскаго, Ляхове же не идоша, а Угри поидоша. И поиде король с Угры и со Мстиславом Изяславичем, посла же король ко Изяславу, река: "Отче! Кланяю ти ся; прислал еси ко мне про обиду Галичьскаго князя, и яз ти зде уже пошел, а ты поиди часа того, и не положим того на себе, но нас как с ним Бог исправит". Изяслав же то слышав, скопя свою дружину поиде, поима с собою Вячеславль полк весь, и все Черные Клобуки, еже зовутся Черкасы...»[5]

Эта гипотеза была дальше развита Н.М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» и также связывала появление названия «Черкасы» в Поднепровье с «Торками и Берендеями», что имело отношение к событиям предмонгольского периода. Так, Н.М. Карамзин отмечает: «И так Козаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известно по Истории около 1517 года; но вероятно, что оно в Росии древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами: Козаки также. Вспомним Касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Чёрным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Оссетинцы и ныне именуют Черкесов Касахами: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, ограждённых скалами, непроходимимым тростником и болотами; приманили к себе многих Росиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем Козаков составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, кре-

пости в сих опустошённых Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем...»[6] В этом случае, если отбросить рассуждения Н.М. Карамзина относительно обстоятельств появления казачества, то можно увидеть совпадение его идеи относительно связи названия ***Черкасы*** с торками и берендеями во фрагменте Воскресенской летописи, повествующем о событиях 1152 г.[7]

Однако творцы этой гипотезы не обратили внимание на то, что в XIII—XV вв. на Северном Кавказе также был известен термин ***черкасы***. В связи с этим особый интерес вызывает следующее предположение Н.Г. Волковой, согласно которому «этноним ***черкес*** возник в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов». В пользу тюркского происхождения этого этнонима можно напомнить, что в среде некоторых тюркоязычных народов, значительно отдалённых от Кавказа, получили распространение родоплеменные названия аналогичного типа: род ***черкеш*** алабугатских татар (ногайцев) в низовьях Волги, род ***черкес-черкеш-серкеш*** поколения бауле племени алчин Младшего жуза казахов[8]. Кроме того, можно упомянуть и о роде ***серкеш*** в составе узбеков-локайцев[9]. Однако в домонгольскую эпоху этнонимы типа ***черкес-черкас*** ни разу не были упомянуты в письменных источниках.

Что касается ранней даты Воскресенской летописи — XII в., то А.С. Стрижак прокомментировал это следующим образом: «Однако черкасы как другое название "чёрных клобуков" ни в одном из более давних или более поздних списков летописи не упоминается. Вполне вероятно, что это "творчество" одного из переписчиков Воскресенской летописи составлено в конце XVI в., когда уже тоже рассуждали о происхождении Черкасс»[10]. К тому же, торческо-берендейская гипотеза так и не объясняет, почему во времена позднего средневековья итальянские и русские авторы фиксируют черкасов также на Северном Кавказе, где, как известно, торков и берендеев не было.

Приверженцы же других гипотез, наоборот, верят в связь среднеднепровского топонима ***Черкассы*** с названием адыгов Северного Кавказа. Так наиболее ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы содержится в одной из литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г., где сказано: «*Початокъ Черкасовъ и Канева*. Отъ

Рис. 11. Локализация села Пятигорцы на территории Лубенского района Полтавской области

початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкассы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепороде, а иншыхъ на Днепре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не престали»[11]. Весьма характерно, что на противоположном от города Черкасс левом берегу Днепра на берегу реки Слепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует село Пятигорцы (см. рис. 10 и 11).

Однако если учесть, что великий князь литовский Гедимин единолично правил с 1316 по 1341 гг., то получается, что город Черкассы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну про-

тив галицко-волынских князей, одержал ряд побед и в 1322 г. после успешной битвы на реке Ирпень занял Киев с «пригородами». Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкассы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимина на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же в этом случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нём в документе — более 200 лет, что позволяет считать его также легендой, хоть и не лишённой определённой доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время.

Отметим также, что Гедимин не ходил походом в то время на Крым. Учитывая это, сто лет тому назад Лев Васильевич Падалка высказал предположение, что народ «черкасы» и город Черкассы появились в Среднем Поднепровье после Крымского похода литовского князя Витовта, а не Гедимина[12]. Очевидно, исследователь имел в виду поход Витовта середины 20-х гг. XV в., в ходе которого войска литовского князя не только захватили Крым, но и, возможно, дошли до города Сарая на Волге, т. е. они проходили через равнину Северного Кавказа, где рядом проживали «Черкасы пятигорские». Учитывая это, можно вести разговор лишь об одном из возможных переселений адыгов, а не об основании города Черкассы.

Таким образом, записанная в литовской люстрации 1552 г. легенда о переселении Гедимином черкасов из кавказского Пятигорья в Поднепровье может быть заказной фальсификацией, направленной на подтверждение прав литовских князей на города Центральной Украины, к которым относился и город Черкассы. Однако некоторые детали в люстрации заставляют говорить о том, что такое переселение могло иметь место. Вопрос в том: были ли причастны к этому литовские князья?

Некоторые исследователи склонны больше доверять сообщению Густинской летописи, датированному 1305 г.: «Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взятъ и потом Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь…»[13] На основании этого, А.С. Стрижак даже не сомневался в том, что город Черкассы был основан до 1305 г., т. е. в XIII в.[14] Одна-

ко Густинская летопись была написана лишь в начале XVII в. и, следовательно, хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нём в документе составляет более 300 лет. А это ставит под сомнение предложенную дату основания города.

Идея о том, что сюда могли переселить адыгов с Северного Кавказа ещё правители Золотой Орды в конце XIII — начале XIV вв., была очень популярна среди историков Российской империи в XVIII—XIX вв. Несколько десятилетий назад это даже стало основанием для Владимира Фёдоровича Горленко написать большую статью историографического характера «Об этнониме Черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в.»[15] Из современных украинских исследователей, кроме В.Ф. Горленко, в возможность такой миграции, как уже отмечалось, верил также А.С. Стрижак[16] и некоторые другие учёные. Эта гипотеза, по понятным причинам, нашла немало приверженцев на Северном Кавказе, особенно среди исследователей адыгского происхождения. Так, кабардинские лингвист Дж.Н. Коков и историк Н.А. Шафиев даже не сомневаются в том, что город Черкассы на Днепре был основан переселившимися сюда с Кавказа адыгами-черкесами[17]. Однако не ясно, насколько достоверна эта гипотеза. Поэтому имеет смысл найти её источник.

Уже В.Н. Татищев в «Истории Российской» попытался связать происхождение «черкасов Малой Руси» с черкесами Северного Кавказа. При этом российский историк даже указал на давнее место их обитания возле «Меотийского озера», отметив при этом: «… где ныне черкесы и пятигоры обитают, и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един»[18]. В комментариях к данному пассажу В.Н. Татищев, возможно одним из первых, излагает основные положения гипотезы: «Якобы черкесы язык славенский имеют, весма неправо, но паче татарский с египетским смешан, так что и татара без довольного искуства разуметь не могут, но, мню, он черкас Малой Руси разумеет. Оные прежде из кабардинских черкес в 14-м сте в княжестве Курском, под властию татар собравши множества сброда, слободы населили и воровством промышляли, и для многих на них жалоб татарским губернатором на Днепр переведены, и град Черкасы построили. Потом, усмотря полское беспутное правление, всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отомана избрав, все черкесы именовались. При царе Иоанне II-м, на Дон с князем Вешневецким перешед, град Черкаской построили, а пятигоров разве в Литве петигорские хорунги, из поляк собранные, за оны пятигор, или

бештамак, положил, мня, что и те такой же зброд, как и сии....»[19] Как видим, В.Н. Татищев объединял носителей этнических названий ***черкасы***, ***черкесы*** и ***петигоры*** (*бештамак*) в одно целое.

Необходимо отметить, что эта гипотеза впервые нашла своё подробное изложение в сочинении Ивана Никитича Болтина «Примечание на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка», которое увидело свет в 1788 г. При этом она с незначительными различиями излагается дважды, в двух разделах монографии. В первый раз, в разделе «О начале запорожцев» сказано: «В 1282 году, Баскак Татарский Курского княжения, призвав Черкес из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы под именем Козаков. Разбои и грабежи причененные ими произвели многие жалобы на них; для коих наконец Олег князь Курский, по дозволению Ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии, совокупяся с Русскими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываяся от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их оттуда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка, не обретая там безопасности, ушла в Канев к Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок, или приличнее острожек, и назвали Черкаск, по причине что болшая часть их были породою Черкасы, как и поселения их в Курске показано»[20].

В разделе «О малороссийских Козаках» И.Н. Болтин повторяет в сокращённом виде эту легенду и объясняет, почему термином «черкасы» стали называть малороссийских казаков: «Сказано было, при описании происхождения Запорожских Козаков, что перешедшие из Курска Козаки, в исходе XIII-го столетия, по дозволению Баскака Каневского, на Днепре город Черкаской построя жить тут остались. Живучи там, скоро они познакомилися с окрестными народами, и отворили свободный себе вход всем удалцам, какого бы кто закона, рода и состояния не был... Первые Козаки, переселенцы из Курска, давно уже перевелись, как сказано выше, а места их заступили Малороссияне; однакож первобытное название Черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимостью распространили. Равным образом и имя Козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестностях Черкаска, ставшего столицею козачьих селений. Первое имя преличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их города, а последнее по образу их жизни и вооружения. Время от времени размножаяся,

переселенцы невместимы стали быть в тесной окрестности Черкаска, разнесли поселения свои далее, и построили другие крепостцы для своей защиты и убежища в случае неприятельских впадений...»[21] Весьма характерно, что более поздние авторы повторили содержание текста И.Н. Болтина, иногда даже просто копируя целые абзацы.

Так, в четвёртом томе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» Иоганна Готлиба Георги встречаем знакомый текст в разделах «Запорожские козаки» и «Малороссийские козаки (бывшие)»[22]. В.Ф. Горленко считал, что эти разделы были написаны Михаилом Ивановичем Антоновским. При этом легенда о переселении черкасов из Курского княжества в Поднепровье обросла новыми подробностями: «Во время обладания Татарского Россиею, в 1282 г. Баскак или Губернатор Татарский в Курском княжении, призвав Черкасов из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы, под именем Козаков. Разбои и грабежи, причиняемые ими, произвели многие жалобы на них, для коих на конец Олег, Князь Курский по дозволению Ханскому разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии совокупися с Русскими бродягами, долгое время чинили по дорогам разбои, укрываяся от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их от туда выгнать и изкоренить. Многолюдная их шайка, не обретя себе безопасности там, ушли в Канев, к тамошнему Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе Городок, или приличнее острожок, и назвали Черкаск, по причине, что большая часть их породою были Черкассы, как выше поселения их в Курске показано. В сем новом жилище жили, как разбойникам прилично, без жен и без собственности все имея общее и похищенное. По умножении числа их, живучи там, скоро они познакомилися с окрестными народами, и отворили свободный к себе вход всем удальцам, какого бы кто рода, закона и состояния не был...»[23] Как видим, этот фрагмент из «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» практически копирует отрывок из сочинения И.Н. Болтина.

Это повторяется и в других фрагментах. Например, в «Описании...» воспроизводится буквально слово в слово рассказ о распространении названия ***Черкас***: «Первые Козаки, переселившиеся из Курска, естественно со временем перевелися, и место их заступили Малороссияне; однакож первобытное название Черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимостью распростране-

ли. Равным образом и имя Козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестностях Черкасска, ставшего столицею козачьих селений. Первое имя преличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их Города, а последнее, т. е. Козаков, по образу их жизни и вооружения. Время от времени размножаяся переселенцы, невместимы стали быть в окрестности Черкасска, разнесли поселения свои далее, и построили другие крепостцы для своей защиты и убежища в случае неприятельских впадений...»[24] И таких совпадений можно найти немало. Получается, что М.И. Антоновский практически без изменений добросовестно переписал эту легенду в «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги из сочинения И.Н. Болтина «Примечание на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка».

В вышедшем уже в 1805 г. «Словаре географическом Российского государства» эта легенда уже констатируется как исторический факт. Согласно этому тексту, в 1282 г. курский князь поселил черкесов из Бештау, или Пятигорья, в своих владениях. Отсюда они были переведены на Днепр, где эти «черкасские козаки» основали свой город и назвали его Черкаск, поскольку большая их часть были черкасами[25]. Аналогичный сокращённый вариант легенды видим и в сочинении Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского «История Малой России», которая увидела свет в 1821 г. Он считал, что город Черкассы был основан переселенцами, «в XIII столетии вызванными татарским Баскаком Курского княжения из Пятигорья Черкасами». Далее он уточняет, что «занявшие их места Малороссийские или Украинские Казаки долго назывались также Черкассами, по имени своих предшественников»[26].

Весьма примечательно, что в 1851 г. увидело свет сочинение Афанасия Филимоновича Шафонского «Черниговского наместничества топографическое описание»[27], которое, по мнению В.Ф. Горленко, было закончено уже в 1786 г.[28] Там легенда об основании города Черкассы также представлена в версии, несколько отличной от варианта И.Н. Болтина: «Я держу, что название козак произошло от слова Козар, что самое значит, что и Гиркан, то есть, лёгкий на подобие козла человек, и что Гирканы по русски названы Козары, а после переименованы в слово Козаки. Часть сих Гирканов или Черкас были Христиане, чему и поныне разваленные Христианские церкви доказательством служат; перешли в четырнадцатом столетии из Кавказских гор в Курск, а после на Днепр, и построили город, по

имени своём, Черкасы, который и ныне на правом берегу реки Днепра, ниже Канева, в Польской Украине стоит...»[29]

В сочинении «Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще, отколь из какого народа оные своё происхождение имеют», которое вышло в 1847 г., Александр Иванович Ригельман повторяет информацию И.Н. Болтина в сокращённом виде, но с изменённой датой события[30]. Как отметил В.Ф. Горленко, эта работа «была написана в 80—90-х годах XVIII в. и первоначально распространялась в рукописи»[31]. Предложенная А.И. Ригельманом гипотеза сообщает: «...В 14 столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли в княжестве Курском, под властью татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским баскаком на Днепр переведены и город Черкасы они построили, который доныне на том же месте и тем же названием именуется, состоящий на правом берегу реки оной, ниже города Канева, почему всё казачество и вся Малороссия потом черкасами проименовались, а не козарами...» Кроме того, А.И. Ригельман считал, что запорожцы имеют также отношение к этому названию: «...А если б вести им имя особое, то следовало б называться черкасами, по пришедшим потом в Украину из Черкасской Кабарды, которые, смешавшись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и доныне ещё именуются»[32].

Таким образом, легенда об основании города Черкассы золотоордынскими правителями оформилась среди российских историков уже в XVIII — начале XIX вв., т. е. тогда, когда минуло более ста лет со времени вхождения Малороссии в состав Московского государства. Напомним, что, в соответствии ей, татарский баскак в Курском княжестве переселил черкесов (черкасов) из Пятигорья на Кавказе к своим владениям. Однако эти переселенцы совершали много вреда курскому князю Олегу и потому тот, по согласию с ханом, выгнал их из земель Курского княжества. Наконец, эти черкассы переселились в Приднепровье и основали возле Канева свою крепость Черкассы[33]. При этом основание крепости Черкассы на Днепре российские историки относили к разному периоду: одни связывали это с событиями конца XIII в. (1282 г.) — И.Н. Болтин, М.И. Антоновский, авторы «Словаря географического Российского государства», Д.Н. Бантыш-Каменский; другие же относили основание города Черкассы к XIV в. — В.Н. Татищев, А.Ф. Шафонский, А.И. Ригельман и др.

Исследователи давно обратили внимание на то, что эти события описаны в Воскресенской летописи, но там нет ни одного упоминания о черкасах. Так, согласно тексту Воскресенской летописи, события выглядели следующим образом: «В лето 6791 (1282). Поставлен бысть на Русь митрополит Гречин, именем Максим. Того же лета прииде из орды князь Дмитрий Александрович от царя Ногоя... Того ж лета сотворися зло во княжении Курской области: бяше некто бесерменин злохытр и велми зол, именем Ахмат, той дръжаше баскачество Курскаго княжения, откупаше бо у Татар дани всякиа, и теми данми велику досаду творяше князем и всем людем в Курском княжении; еще к тому сътвори две свободы во отчине Олга князя Рылского и Ворлогского. И умножашася людей во свободах тех, со всех сторон, сшедшася, насилие творяху христаном, сущим Курскиа области, около Ворлога и около Курска сътвориша. Князь же Олег иде в орду о том с жалобою ко царю Телебузе, по думе и по слову, со сродником своим Святославом князем Липовичским; царь же Телебуга, дав приставы князю Олгу, река: "Что будет ваших людей в свободах тех, те люди выедите в свою область, а свободы та розгонита, якоже и бысть". И пришед князь Олег и Святослав и с Татары, и повелеша своим людем пограбити свободы те и поковати люди их, а свои в свою отчину выведоша...»[34] Как видим, разбойники, промышлявшие в Курском княжестве, не имели никакого отношения к черкасам из Пятигорья.

Дальнейшее повествование в Воскресенской летописи также ничего не говорит о переселении разбойников Ахмата в Поднепровье. Так, летописец сообщает, что в то время Ахмат был в Орде у Ногая. Узнав об ограблении своих слобод, Ахмат оклеветал князей Олега и Святослава. В результате «Ногой разгневася, и посла рать на Олга, и повелел его изнимать, а княжение его все взять...»[35]. Расправа была жестокой — Ахмат убил курских бояр, а Курское княжество разорил. О дальнейших событиях летописец сообщает: «Сотвориша же се зло в Курске и в прочих градах тех, поидоша прочь; а Охмат остави ту два брата своя бесерменина блюсти и крепити свобод тех, сам же окоянный не сме ту жити, понеже не взыма ни единого князя, и иде в орду, дръжася рати Татарские...»[36] Олег в то время бежал к «царю Телебуге». На следующий год вернулся Святослав и отомстил Ахмату. Об этом Воскресенская летопись сообщает: «В лето 6792. Два оны бесерменина, их же остави Ахмат, идоста из свободы во свободу, в неделю Фомину, а Руси с ними боле 30 человек. Слышав же то Липецкий князь Святослав, и ста на пути с мужи

своими, стерега их; а тех два брата Ахматова утекоста к Курску; а наутрени разбегостася обе свободы бесерменские...»[37] Куда в дальнейшем ушли люди Ахмата, в Воскресенской летописи не сказано.

Таким образом, мы видим два варианта легенды, которые в ряде случаев перекликаются с рассказом Воскресенской летописи. Складывается впечатление, что А.Ф. Шафонский и А.И. Ригельман, придерживаясь даты — XIV в., руководствовались сообщением В.Н. Татищева. В то же время М.И. Антоновский, авторы «Словаря географического Российского государства», Д.Н. Бантыш-Каменский и другие, придерживаясь датировки — конец XIII в., практически повторяли текст И.Н. Болтина. Стало быть, в российскую историографию сюжет об основании города Черкассы на Днепре выходцами из Пятигорья ввели два историка — В.Н. Татишев и И.Н. Болтин. Однако, кто был первым и почему такие расхождения в датировке события?

Если присмотреться внимательно к сообщению И.Н. Болтина, то можно увидеть, что его довольно подробный рассказ представляет собой комбинацию из сообщений В.Н. Татищева и Воскресенской летописи. Тогда не ясно, откуда В.Н. Татищев позаимствовал этот рассказ. Складывается впечатление, что В.Н. Татищев либо использовал текст неизвестной нам летописи, либо, ориентируясь на информацию Воскресенской летописи, многое добавил от себя.

В первую очередь, бросается в глаза то, что ни в одном из документов XVI—XVII вв. нет даже намека на то, что город Черкассы был основан беженцами из Курского княжества. Однако это можно объяснить тем, что В.Н. Татищев или его информатор были хорошо знакомы с топонимией. В XIX в. Николай Андреевич Маркевич отметил на Курщине существование названий сёл, содержащих этноним «черкасы»: ***Черкасское***, ***Черкасские Тишки***, ***Черкасская Лозовая***, ***Поречье Черкасское*** и т. п.[38] Кроме того, современный исследователь Дж.Н. Коков на территории Курской области отметил и другие аналогичные названия: хутора Ново-Черкасская, Черкассы, сёла Черкасская Конопелька, Черкасское Поречное и др.[39] Безусловно, Дж.Н. Коков прав, когда утверждает, что эти названия «справедливо считаются украинизмами и занесены сюда выходцами с Украины (в XVI—XVII вв.)». Вопрос в том, знал ли об этом В.Н. Татищев или его информатор?

Как видим, эта проблема представляет собой больше событие в историографии, чем направление источниковедческих исследований. Что касается упомянутой гипотезы, то она оформилась среди

российских историков в XVIII — начале XIX вв., т. е. тогда, когда миновало более ста лет со времён официального присоединения Малороссии к Московскому государству. При этом российские историки распространяли идею о том, что Кабарда была в составе России уже с XVI в. Получается, что авторы этой гипотезы не только пытались объяснить обстоятельства основания города Черкассы, но и стремились обосновать права России как на Украину, так и на Черкессию, потому что, по их утверждениям, украинцы и черкесы имели общее происхождение. Не случайно в этих легендах стало фигурировать Курское княжество, являвшееся российской территорией. О том, что эта гипотеза имела сугубо идеологическую почву, может свидетельствовать совсем противоположная легенда. Так, в XVIII в., когда между Российской и Османской империями продолжались споры относительно дальнейшей судьбы Кабарды, в московских архивах очень быстро нашли датированный 1732 г. документ, что привлекло внимание Владимира Николаевича Кудашева. В нём содержалась записанная якобы у черкесов легенда о том, что уже «кабардинцы были родом из Малой России и принадлежат России»[40].

Имеет смысл процитировать фрагмент из этого текста: «В древних летах (а сколько лет тому назад, никто не знает) перешли немногое число людей черкес ис польских малоросцов своевольно в горские места, и тогда назывались горские черкесы и первоначальное их житье было в верховье рек дву Кум близ Пяти гор. И во время бытия их в тех местах приходили к тем черкесам из разных стран и из России всякого звания люди, которых оные черкесы принимали к себе в холопья. И тогдашние же времена съезжали те черкесы в разные места на воровствы и приводили, брав в полон, мужеск и женск пол; и чрез несколько лет по размножении оного народа прежде вышедшие малороские черкесы старики, у кого размножились хлопья, назывались узденями (то-есть дворяне)»[41].

Как видим, в этом случае налицо явный факт фальсификации исторических событий российской стороной, стремившейся в споре с Османской империей обосновать свои права на Северо-Западный Кавказ, где проживали черкесы. Именно в этот период, в XVIII в., среди историков России начала распространяться обратная легенда о происхождении украинцев-черкасов от северокавказских черкесов, проживавших якобы до этого на землях Курского княжества, что также давало дополнительные преимущества в спорах с Речью Посполитой относительно судьбы Центральной Украины.

Следовательно, упомянутые легенды могут быть либо полной выдумкой, либо отголоском событий, произошедших до этого за несколько столетий. Поэтому необходимы иные источники информации. И среди них немаловажное место занимают данные письменных источников об обстоятельствах и времени появления этнонима ***черкас*** или ***черкес***, который отразился в названии города.

* * *

Среди наименее возможных этимологий этнонима ***черкес*** следует привести те, которые выводят его от древнего этнонима ***керкет***. Впервые термин ***керкеты*** (*kercetai*) встречается в IV в. до н. э. у греческого автора Скилака Кариандского[42]. В своё время Ш.Б. Ногмов высказал предположение о связи этих этнических терминов. По его мнению, очень сомнительно выводить название из персидского языка или из «татарского». Он с полной уверенностью связал древнее общее название ***керкет***, которым древние греки часто обозначали адыгов, с более поздним ***черкес***[43]. Эта концепция получила развитие в работах многих учёных, хотя ими же были высказанны замечания относительно такой версии объяснения происхождения термина ***черкес***[44]. Сторонник этой этимологии Шалва Денисович Инал-Ипа объясняет, что у греков не было звука «ч» и поэтому соответствующую фонему они передавали через звук «к»[45]. Ибрагим Хамзатович Калмыков был согласен с Леонидом Ивановичем Лавровым в том, что термин ***керкет*** позже, будучи переработанным в ***черкези***, сохранился у грузин, которые передали его другим народам[46].

Арсен Гагикович Авакян отмечает, что некоторые исследователи трансформацию этнонима ***керкет*** в термин ***черкес*** объясняют не прямым путём, а через латинский вариант этнонима ***керкет — цирцет*** (Circet), из-за того, что греческую фонему «к» римляне передавали буквой «с», а та в поздней и средневековой латыни обозначала в этой позиции уже звук «ц». Поэтому цепь трансформации выглядит следующим образом: керкет (Kerketai) — циркет (Circet) — черкес (Cherkes)[47].

Следует отметить, что Йозеф Маркварт, говоря о керкетах, писал, что они несомненно являются собственно черкесским племенем, чьё название, начиная с монгольского времени, связано с ***Karkas***, что означает «четыре племени касс» и имеет связь с давним аланским обозначением ***кашак***, древнерусским ***касоги***, греческим ***Касахия*** и представляет собой обозначение черкесов, но не связан-

ное с керкетами, и принадлежит к многочисленным скифо-иранским формам множественного числа на ***/-ta /***, которые передают названия племён на ***-tai*** (*керкетай*)[48]. Следовательно, выводы Й. Маркварта не безосновательны, так как между последними упоминаниями о керкетах в первые столетия н. э. и первыми упоминаниями о черкесах в середине XIII ст. лежит значительный хронологический разрыв.

Учитывая это, большинство исследователей пришли к выводу, что формирование и распространение этнонима ***черкас*** (*черкес*) связано с тюркской средой. Так, известный немецкий востоковед академик Генрих Юлиус Клапрот писал: «Название "черкес" — татарского происхождения и составлено из слов "чер" — дорога и "кефсмек" — отрезать. Черкасаи или Черкес-джи имеет одинаковое значение со словом Иоль-Кеседж, которое употребительно в тюркском и обозначает того, кто "отрезает путь", т. е. разбойника с большой дороги»[49]. В то же время Фолькер предложил оригинальный вариант трактования термина ***черкес***. Чисто тюркское (татарское) образование ***cara-siz***, т. е. «без места, который не имеет места» и ***ceri-kes*** — «человек-воин, боец, воин, солдат», образованное сложением тюркского ***ceri*** — войско, воин и заимствованного из персидского слова ***kes*** — человек, личность. Фолькер не исключает, что последнее может быть также персидским словом — ***kas*** — «кто-то»[50]. А венгерский этнограф Жан-Шарль де Бесс, который побывал на Кавказе, писал: «...Черкесы представляют собой многочисленной, храбрый, сдержанный, отважный, но мало известный в Европе народ… Мои предшественники, писатели и путешественники утверждали, что слово "черкес" происходит из татарского языка и составленно из "tcher" ("дорога") и "kesmek" ("перерезать"); но им не приходило в голову прибавить этому слову более естественный и более подходящий к характеру этого народа смысл. Нужно заметить, что "tcher" в персидском языке означает "воитель", "мужественный", а "kes" означает "личность", "индивидуум", "один из", aliquis. Из этого можно заключить, что именно персы дали название, которое сейчас носит этот народ…»[51]

Из числа современных сторонников персидского происхождения этнонима ***черкес*** следует выделить работы В.А. Бушакова, который считал, что этот этноним произошёл от персидского ***сар-каш*** — «непокорный», «дерзкий». При этом исследователь отметил аналогичные термины с подобной семантикой в башкирском, киргизском и турецком языках[52]. Известно, что некоторые тюрк-

ские языки в прошлом испытали влияние со стороны языка фарси, в особенности турецкий. Однако не понятно, как можно объяснить происхождение похожего термина, например, в якутском языке: ***чӓргӓс*** — «смелый, проворный», «осторожный»? И кроме того термин ***черкас*** впервые был зафиксирован на Северо-Западном Кавказе в середине XIII в., когда не было никакого влияния в регионе со стороны малоазийских турок, язык которых изначально имел много заимствований из персидского. Тем не менее, в этот период наиболее влиятельными в районе Северного Кавказа оставались кипчаки.

Приверженцы тюркской концепции считают, что термин ***черкес*** появился в XIII в. в период монголо-татарского завоевания. Ссылаясь на источники, они отмечают, что именно татары впервые начали называть зихов «черкесами». Как уже было отмечено, Н.Г. Волкова считала, что этническая природа возникновения термина ***черкес*** была связана с тюркской средой и с политическими событиями XIII в.[53] Среди таких гипотез есть довольно оригинальные. Так, Вячеслав Мухамедович Аталиков утверждает, что появление терминов ***черкес — жарказ*** и ***Черкесия*** связано с Крымским ханством. Он это обосновывает тем, что название ***Черкесия*** (или *Жаркказия*) в источниках появляется лишь во второй половине XIII в., а до этого употреблялось название ***Зихия***. Но именно в XIII в., замечает далее исследователь, в Крыму укрепились татары, которым и обязаны зихи этнонимом ***жарказы***, который в более позднее время трансформировался в ***черкесы***. Исследователь подчёркивает, что татары, как известно, были кочевниками, а зихи — земледельцами, что и отобразилось в тюркских языках термином ***жарказ*** (***жар/джар*** — земля, ***каз/касс*** — копать, резать, пахать, обрабатывать). По наблюдениям В.М. Аталикова, в тюркских языках фонемы «ж/дж» и «з» могут трансформироваться соответственно в фонемы «ч» и «с»[54]. По этому поводу существуют и другие объяснения тюркологов.

В сложившейся ситуации особого внимания заслуживает следующее наблюдение Фатимы Анатольевны Озовой: «Попытки этимологизировать этноним *черкес* из персидского и тюркских языков возникли, несомненно, в связи с тем, что он приобрёл широкую известность благодаря персидской и монгольской литературным традициям. С другой стороны, информаторами резидентов и путешественников на Кавказе выступали преимущественно носители этих языков. Предлагавшиеся ими разные версии татарско-персидской этимологии были, как отмечал А. Филипсон, “невинной забавой

для тех, которые считают этнографический вопрос решённым, если им удалось поймать похожий звук на каком-нибудь языке, даже не имеющем к делу никакого отношения". Важным было и то, что обманчивая тюркско-персидская этимология вполне соответствовала военно-политическим амбициям соседствующих с Черкесией империй, нацеленных на захват её территории»[55]. Стало быть, все существующие на настоящий момент гипотезы относительно происхождения этнонима ***черкес*** не могут устроить современных исследователей, потому что не подкрепляются какими-либо историческими фактами.

Кроме того, исследователи так и не могут объяснить, почему для обозначения адыгов их соседи вместо термина ***касог*** начали использовать новое название ***черкас***. Однако есть одна гипотеза, которая, кажется, может объяснить это. Речь идёт об этимологиях этнонимов ***касог*** и ***черкас***, которые предложил М. Фасмер. Как уже отмечалось, исследователь объяснял происхождение названия ***касог*** следующим образом: «Этот этноним объясняют из осетинского kaesaeg "черкес" — сокращённая форма из осетинского caerkasaeg (от caeraes "орёл" из čarkas)»[56]. Однако письменные источники отмечают совсем противоположную ситуацию: сначала употребляли термин ***касог*** и лишь в середине XIII в. адыгов начали обозначать термином ***черкас***. Поэтому для решения вопроса более перспективным может стать подход, соответственно которому этнические названия ***касоги*** и ***черкасы*** (***черкесы***) могли представлять собой экзоэтнонимы, происхождение которых следует связывать с контактами носителей этих названий с различными народами на протяжении довольно продолжительного времени.

Многие исследователи считают, что впервые черкесы были упомянуты в «Тайной истории монголов», написанной после 1240 г. Там при описании событий между 1219 и 1225 гг. среди народов, которые подверглись нападению со стороны монголов, упомянут народ ***Серкесут***, а при описании событий 1228 г. — ***Сергесут***[57]. Современные исследователи единодушны во мнении, что это и есть одно из самых первых упоминаний о черкесах. Но на основании данных этого текста практически невозможно выяснить, какая форма этнонима была первоначальной — ***черкас*** или ***черкес***? Необходимо исходить из того, что «Тайная история монголов» была записана старомонгольським языком при помощи китайской графики.

Однако наиболее ранние упоминания этого этнонима в европейских источниках дают именно форму ***черкасы***. Так, в сочинении

Плано Карпини «История монгалов», написанном в 40-е гг. XIII в., перечислены завоёванные монголами народы, где упомянут народ ***Чиркасы***. В другом отрывке своего сочинения Плано Карпини указал, что на юг от страны «Комании» рядом с аланами и хазарами проживали «Чиркасы» (Circassi)[58]. Даже ещё в XV в. итальянские авторы Иосафат Барбаро и Джорджио Интериано использовали форму ***Черкасс***[59]. Отметим, что во многих западноевропейских языках до сих пор используется подобное написание этнонима: итальянское circassa; испанское circasiano; французское circassien; английское Circassian. Вполне возможно, что к французам, испанцам и англичанам он мог попасть от итальянских купцов. Однако уже с XVI—XVII вв. в некоторых странах Европы стал известен термин ***черкес***[60]. В XV в. генуэзец Дж. Интериано писал об адыгах: «Зихами зовутся они на родном, греческом и латинском языках, Татары и Турки зовут их Черкесами, и на их собственном наречье имя им Адыге»[61]. Необходимо указать, что в русских летописях форма экзоэтнонима ***черкас*** фигурирует уже с начала XV в., где описаны события XIV в.

Возможно, что одним из первых упоминаний о черкасах является информация Патриаршей, или Никоновской, летописи (составлена в первой половине XV в.) под 1319 г. о ситуации на Центральном Кавказе: «За рекою Теркою, под великими горами Ясскими и Черкасскими, у града Титякова, на реке Сивинце, близ врат железных, у болвана медного златыя главы, у Темирева богатыревой могилы»[62]. Во многих летописях под 1380 г. при описании состава наёмников Мамая во время Куликовской битвы среди других народов упомянуты Черкасы: «Понаймовал Бесермены, и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы…»[63] В этом случае не может быть сомнений в том, что здесь речь идёт о жителях Северного Кавказа.

Тем не менее, российские летописцы, описывая события середины XV ст., уже начали использовать термин ***черкасы*** не только относительно жителей Северного Кавказа. Так, в Холмогорской летописи, составленной в середине XVI в., при описании событий 1446 г. указано: «А мы пришли из Черкасс», а под 1546 г. отмечено: «Тое ж весны присланые татарове от черкас бити челом к великому князю, чтобы пожаловал князь великий, велел им город поставити от Путимля…»[64] Анализ текстов поздних русских летописей позволяет считать, что с середины XVI в., а может быть и раньше, «черкасами» стали называть не только жителей Северного Кавказа, но и часть жителей Центральной Украины.

Что касается мусульманских источников, то наиболее ранние упоминания этнонимов ***дж.рк.с*** или ***ч.рк.с*** содержатся в сочинениях фарсоязычных авторов, которые жили в конце XIII — XIV вв. Так, в сочинении известного персидского историка Рашид ад-Дина «Джами‘ ат-Таварих» («Собрание летописей») упоминается лишь вариант этнонима —***дж.рк.с***. Черкесы там упоминаются при описании походов монголов на Северный Кавказ и в Восточную Европу[65]. Этноним ***дж.рк.с*** встречается также в сочинениях других фарсоязычных авторов: анонимного продолжателя Рашид ад-Дина (XV в.) во фрагменте, где речь идёт о событиях времён правления хана Узбека[66]; в «Книге побед» Низам ад-Дина Шами (XV в.) при описании событий конца XIV в.[67]; в «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди (XV в.) во фрагментах, где описаны походы Джучи и Тимура против народов Восточной Европы и Кавказа[68]; в анонимном произведении «Родословная тюрков» (XV в.) при описании владений, которые должны были приналежать хану Джучи[69]. Тем не менее, в сочинении фарсоязычного автора XIV в. Хамдаллаха Казвини «Тарих-и гузиде» при описании событий времён правления хана Узбека встречается другой вариант этнонима — ***ч.рк.с***[70]. Таким образом, персам черкесы стали известны как народ лишь с конца XIII — начала XIV вв., для их обозначения они использовали преимущественно вариант этнонима ***дж.рк.с***. Всё это может свидетельствовать о заимствовании этнонима жителями Персии и Средней Азии от населения Золотой Орды. К этому следует добавить, что в персидской графике существовала буква для обозначения согласного «ч», но, несмотря на это, персы в большинстве случаев употребляли вариант ***дж.рк.с***, а не ***ч.рк.с***. Необходимо учитывать и то, что из числа мусульманских стран Хулагуидский Иран был ближайшим соседом Золотой Орды и поэтому позаимствовать форму этнонима ***дж.рк.с*** персы должны были непосредственно от золотоордынцев, а не от арабов, в среде которых он появился позднее.

Так, термин ***ал-дж.рк.с*** появляется лишь в XIV в. в произведениях арабоязычных авторов: ал-Омари, который среди подданных хана Золотой Орды упоминает черкесов[71]; Ибн Баттуты, который, описывая населения столицы Золотой Орды — Сарая, упоминает черкесов[72]; ал-Айни, который упоминает народ ***ал-дж.рк.с*** среди покорённых в первой половине XIII в. монголами народов[73]. Однако у ал-Омари также встречается и другой вариант этого этнонима — ***ал-джхарк.с***, который содержится в том фрагменте

его сочинения, где речь идёт о народах Золотой Орды[74]. Кроме того, арабоязычный автор конца XIV — начала XV в. ал-Калкашанди упоминает также антропоним ***Хаджи-Дж.рк.с***, который содержит в себе этноним ***дж.рк.с***[75]. Появление этнонима ***ал-дж.рк.с*** в сочинениях арабоязычных авторов в XIV в. можно объяснить тем, что именно в этот период путешественники из арабских стран начали посещать Золотую Орду, например Ибн Баттута, а также тем, что были установлены тесные связи между правящими династиями Золотой Орды и мамлюков Египта, среди которых были даже черкесские династии. Учитывая это, можно считать, что арабы, как и персы, могли позаимствовать этнический термин ***ал-дж.рк.с*** от золотоордынцев. Необходимо также учитывать, что это могло стать следствием особенностей арабской графики, где вместо отсутствующего согласного «ч» употреблялся «дж».

Что касается османо-турецких текстов, то особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидской графики дала вариант ***чркс***, который турки-османы произносили как ***черкес***[76]. Таким образом, учитывая факт появления турок-османов в Крыму и на Северном Кавказе в XV в. и распространение этнонима ***черкес*** в среде некоторых европейских авторов с XVI в., можно высказать предположение, что некоторые европейские путешественники могли позаимствовать этот вариант этнического названия именно от турок-османов или крымских татар и способствовали его распространению в Европе. Следовательно, первоначальной формой этнического названия был вариант ***черкас***, а производным от него — ***черкес***.

Складывается впечатление, что для обозначения адыгов накануне монгольского завоевания использовался экзоэтноним ***касоги***, и уже во время походов Батыя он был вытеснен новым названием — ***черкасы***. Тем не менее, Плано Карпини в «Истории монгалов», написанной в 40-е гг. XIII в., пересчисляя завоёванные монголами народы, среди кавказских народов упоминал не только этническую группу ***Чиркасы***, но и народ ***Кассы***[77]. А это позволяет считать, что ещё в 30—40-е гг. XIII в. адыгов продолжали называть «касами» или «касогами», а новый термин ***чиркас*** мог использоваться уже как новое этническое название для адыгов. В связи с этим можно поддержать следующее предположение Н.Г. Волковой: «...С 40—50-х лет XIII в. источники довольно часто фиксируют этнические названия Северного Кавказа словно бы сквозь призму тюркских языков, носители которых были ближайшими соседями северокавказцев.

Представляется наиболее возможным, что этноним ***черкес***, возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был заимствован лицами, которые посетили Северный Кавказ, а от них вошёл в европейскую и восточную литературу»[78]. В пользу тюркского корня этого этнонима можно напомнить, что в среде некоторых тюркоязычных народов, значительно отдалённых от Кавказа, получили распространение родоплеменные названия аналогичного типа: род ***черкеш*** алабугатских татар (ногайцев) в низовьях Волги, род ***черкес-черкеш-серкеш*** поколения бауле племени алчин Младшего жуза казахов; род ***серкеш*** в составе узбеков-локайцев[79]. Относительно происхождения последнего родового названия у тюрков можно напомнить гипотезу В.А. Бушакова, согласно которой этот термин мог быть связан с персидским словосочетанием ***сар-каш*** — «непокорный», «дерзкий»[80]. Однако относительно персидского происхождения родоплеменных названий у тех тюрков, которые было значительно отдалены от Средней Азии и Ирана, существуют определённые сомнения. Исходя из того, что аналогичные термины с подобной семантикой встречаются в башкирском, киргизском и якутском языках, можно считать их очень ранним заимствованием из иранских языков. Не исключено, что это является результатом влияния на язык древних тюрков или даже прототюрков со стороны согдийцев, аланов, сарматов и т. п. Но данное предположение требует доказательств.

В ситуации с происхождением этнических названий ***кас-ог*** и ***чер-кас*** существуют определённые моменты, которые требуют объяснения. Во-первых, оба этнонима представляют собой более раннее и более позднее обозначения для адыгов Северного Кавказа. Во-вторых, в состав обоих этнонимов входит термин ***кас***. В-третьих, в 40-е гг. XIII в. Плано Карпини в перечне народов Кавказа и соседних территорий вспомнил одновременно и «чиркасов» и «касов»: «…Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несторианe, Армены, Кипчиты, Команы, Брутахии, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самоеды, Персы, Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы...»[81] Как видим из этого отрывка, «Кассы» проживали на Кавказе и были соседями как аланов, так и абхазцев, т. е. имеет смысл видеть в них касогов. Однако во втором списке народов Плано Карпини «Кассы» уже не упомянуты, но вместо них соседями аланов выступают «Чиркасы»: «С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркассы, Хозары, Греция

и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слывут Иудеями — они бреют голову, — также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков…»[82] Складывается впечатление, что изначально черкасы могли быть частью адыгов-«касов».

В связи этим особого внимания заслуживает следующее предположение Б.Х. Бгажнокова: «...В раннем Средневековье касы Северного Кавказа состояли из четырёх племен: кабардинцев (хебуров, кабаров), темиргойцев, хатукайцев и хегаков, что лишний раз подтверждает версию персидского названия адыгов: "чахар-Кас" — "четыре [клана] Кас". Под воздействием персидского названия адыгов Северного Кавказа этноним *кас* приобретает постепенно форму *чаркас*, *чаргаз*, *джаркас*, *джаркис*, *черкес*»[83]. В этом случае весьма проблематично связывать распространённый в Золотой Орде термин ***черкас*** с персидским языком (стоит напомнить, что в Улусе Джучи тюркские языки очень быстро стали господствующими). Однако сама идея, что этноним ***черкас*** содержит в себе прежнее этническое название адыгов ***кас***, заслуживает особого внимания. Остаётся выяснить, что означала первая часть этнонима — ***чер-***.

С адыгами во время монгольской экспансии на Северном Кавказе сложилась довольно интересная ситуация. Так, в сочинении известного персидского историка Рашид ад-Дина «Джами‘ ат-Таварих» («Собрание летописей») упоминается, что в 1237/38 г. монгольские полководцы Менгу-каан и Кадан выступили в поход против народа ***дж.рк.с*** и убили их властителя, которого звали Тукара[84]. Таким образом, адыги с самого начала монгольской экспансии на Кавказе оказали завоевателям сопротивление. После этого во второй половине XIII в. черкесы, вероятнее всего, не брали активного участия в политических событиях на Северном Кавказе. По крайней мере, в первой половине XIV в. Абу-л-Фида в своей «Географии», описывая этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе во времена правления золотоордынского хана Берке (1257—1266 гг.), не упоминал черкесов ни на Предкавказской равнине, ни в горах[85]. По данным персидских историков, зимой 1395/96 гг. войско Тимура во время похода против золотоордынского хана Тохтамыша двинулось из Азова к землям черкесов, которые уже проживали на равнине в бассейне Кубани и встретили завоевателей довольно враждебно[86]. Получается, что в XIV в. черкесы уже проживали на землях Предкавказской равнины.

По наблюдениям Н.А. Шафиева, в XIV—XVI вв. в степях Северного Кавказа, от берегов Чёрного моря до села Ачхой на терри-

тории бывшей Чечено-Ингушетии, получили распространение многочисленные курганные и безкурганные могильники, которые исследователь склонен связывать с расселением адыгов-черкесов[87]. Кроме того, В.А. Фоменко на основании археологических данных расширил ареал расселения адыгов в это время. По его словам, ситуация выглядела следующим образом: «Адыгские курганные могильники XIV—XVIII вв. широко известны на территории Верхнего Прикубанья (Карачаево-Черкесская республика). Сведения о них систематизировала Е.П. Алексеева. Евгения Павловна выделила отличительные черты этих курганов во внешнем виде, обряде погребения и инвентаре. К сожалению, только некоторые позднесредневековые курганные могильники Карачаево-Черкесии частично раскапывались. Некоторые курганы датированы ордынским и постордынским временем условно по характерному внешнему виду — небольшие многочисленные скученно расположенные насыпи. Часть позднесредневековых адыгских курганов XIV—XVIII вв. расположена в долине реки Кубань. Поздние курганные могильники являются важнейшим видом археологических памятников на территории Карачаево-Черкесской республики»[88].

Прежде всего следует выяснить, почему монголы со временем изменили свою политику относительно завоёванных адыгов и позволили именно им расселиться на наиболее плодородных землях Северного Кавказа? Н.А. Шафиев по поводу распространённости поселений черкесов в Золотой Орде отметил: «Мы предполагаем, что пребывание адыгов в обозначенных местах могло быть связано с их службой в качестве наёмников. … Ханские и прочие правители часто для безопасности границ и для удержания чужих завоёванных земель переселяли представителей воинствующих народов — профессиональных конников-воинов к границам государства или вербовали их за доброе жалованье к другому государству. Высказанная мысль подтверждается многочисленными фактами о славе черкесской конницы»[89]. Таким образом, в период мирной стабилизации в Улусе Джучи золотоордынские ханы довольно быстро сделали своими главными вассалами на Северном Кавказе правителей адыгов, как наиболее многочисленного народа в регионе. Аналогичную ситуацию наблюдаем с кипчаками-половцами в степях Восточной Европы.

Следовательно, с отмеченными процессами мы можем связать возникновение на Северном Кавказе в середине XIII в. нового этнонима ***черкас***. Вероятнее всего, зафиксированные арабскими и пер-

сидским авторами формы этого этнонима как ***дж.рк.с*** представляли собой монгольский вариант нового названия. Первоначальной может быть общеизвестная форма — ***черкас***. Первая часть этого этнического названия — ***чер*** — не находит объяснение в монгольском языке, но хорошо объясняется тюркскими языками. Необходимо учитывать, что в Золотой Орде с самого начала крепкие позиции занимал кипчацкий язык. В.В. Радлов в «Словаре тюркских наречий…» особо выделяет распространение в тюркских языках термина ***чӓри***, которое означает «войско, армия»[90]. Кроме того, в современном карачаево-балкарском балкарском языке, который происходит от языка прикавказских половцев, имеется также подобный термин ***чериў*** — «войско»[91]. Исходя из этого, есть основания рассматривать этноним ***черкас*** как составной термин: ***чӓри-кас*** — «касы войска», «военные касы», «находящиеся на военной службе касы». Как видим, этот новый термин изначально приобрёл функции социального термина и впоследствии стал официальным названием для адыгов в Золотой Орде.

Таким образом, средневековые названия для адыгов — ***касог*** и ***черкас*** — могли быть между собою связаны и отображали длительные контакты их носителей, в первую очередь, с тюрками, т. е. представляли собой лишь внешние названия. Кажется, нет ничего странного в том, что среди некоторых родоплеменных названий тюркоязычных номадов встречаются названия вроде ***черкес-черкеш***, ведь они включают в себя два распространённых тюркских слова ***чӓри*** — «войско, армия» и ***кас*** — «кочевать».

Можно полагать, что первоначальной формой внешнего этнического названия для адыгов был вариант ***черкас***, а производным от него — ***черкес***. Следует добавить одну особенность: в России в конце XVII в. этноним ***черкас*** уже начал вытесняться новым термином ***черкес***, когда речь шла о народе Северного Кавказа; а в XVIII в. в российских актовых документах для обозначения адыгов уже стали использовать только термин ***черкес***[92]. Следовательно, появление топонима с названием ***Черкассы*** в Среднем Приднепровье можно отнести не только к литовскому времени, но и к более раннему золотоордынскому периоду.

* * *

Необходимо отметить, что литовская люстрация 1552 г. содержит не самое первое упоминание о крепости Черкассы. Так, одно из наиболее ранних упоминаний о городе Черкассы содержится в Су-

прасльской летописи, написанной в первой половине XVI в. и представляющей собой литовскую хронику. Эта летопись состоит из трёх частей. Первая из них, озаглавленная «Избрание летописания изложено вькратце», содержит данные общерусского характера. Затем следует отрывок из «Повести временных лет» на 10 строках, и далее без заголовка начинается часть, посвящённая главным образом великому князю Витовту (около 1350 — 1430 гг.). В этой части для нас особый интерес представляет первое известное упоминание города Черкассы, которое исследователи обычно датируют 1395 г.: «Тои же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручии, и приеха к нему князь Волидемер. Того жь лета на осен князь виликии Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиригаила. Самь же князь великыи Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомь и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило Божиею помощию, великого князя Витовта повелениемь взя Черкасы и Звинигород и возвратися пакы ко Киеву»[93].

Упомянут город Черкассы и в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому князю Сигизмунду, датированном 1506/07 г.: «... Браславскую тму со всими входы и данми и з землями и водами; Сокалскую тму со всими входы и данми и з землями и водами; Звенигород з выходы и з данми и з землями и водами; Черкасы з выходы и з данми и з землями и водами; Хачибиев Маяк з водами и землями»[94].

Однако более раннее упоминание о крепости «Черкасы» содержится в «Списке русских городов дальних и ближних» — историко-географическом памятнике XIV—XV вв. По мнению исследователя этого источника Михаила Николаевича Тихомирова, время возникновения «Списка...» правильнее всего относить к концу XIV в. Исследователь считает, что он возник между 1387 и 1392 гг. Древнейший «Список...» помещён в Новгородской Первой летописи младшего извода, переписанной в середине XV в., и сохранился в новгородской рукописи. По наблюдениям М.Н. Тихомирова, Список городов в Ермолинской летописи, близкий по времени к Новгородской Первой летописи, также сохранил в передаче названий городов следы новгородского произношения. Новгородские города с особенной полнотой и точностью указаны в списке. Поэтому М.Н. Тихомиров склонен был считать, что и «Список русских городов...» возник в Новгороде. Особый интерес представляет прилагаемый к перечню городов термин «а се польский», который в Новгородской

Первой летописи отсутствует, но имеется в Ермолинской. По мнению М.Н. Тихомирова, это название можно считать искажением слов «подольские города». В Списке показано 11 польских или подольских городов в следующем порядке: «Каменець, Иловечь, Браславль, Соколечь, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Веничя, Скала, Бакота». Из всех «польских» городов местоположение только города Черкасы остаётся неясным[95]. Однако и это не самое первое упоминание поселения Черкассы.

Наиболее раннее известное современным исследователям упоминание о крепости «Черкасы», а точнее о «воеводе Черкас», содержится в жалованной грамоте литовского князя Фёдора Кориатовича, согласно которой он передавал во владение своему слуге Пашке Васневичу семь сёл в Брацлавском повете на Подолье (ныне Винницкая область Украины). Грамота датирована 9 августа 1392 г. Упоминание «Черкас» содержится в списке лиц, засвидетельствовавших достоверность грамоты: «А тому всему на утвержденье и на сведомъе своего кн(я)зства завесили есмо печать своего кн(я)зства. А на тот лист сведъки: княз(ь) Василеи Веницкии и пан Гринько Соколецкии, и Павел Слупица, пан Ходко Чемеревич, пан Немира Бакотьскии, пан Бедрых Черкаскии воевода, пан Печъ, панъ Прокопъ Спалецкии воевода, пан Фронцко подчашыи»[96].

Таким образом, мы можем даже не сомневаться в том, что крепость Черкассы на Днепре уже существовала в конце XIV в. Однако точно не известно, когда возникла крепость Черкассы: до прихода литовцев после Синеводской битвы в 1362 г. или уже во время их деятельности в Среднем Поднепровье?

Как уже было отмечено, появление топонима с названием ***Черкассы*** в Среднем Приднепровье можно относить не только к литовским временам, но и к золотоордынскому периоду. Отметим, что отэтнонимические названия населённых пунктов во множественном числе довольно распространены в Северном Причерноморье. Достаточно вспомнить название города ***Яссы*** в Румынии, поселений ***Печенеги*** на Харьковщине, ***Литвяки*** на Полтавщине, ***Торки*** на Львовщине и т. п.

Кроме того, вспоминается утверждение российских историков XVIII в. и автора литовской люстрации середины XVI в., что к появлению этих названий, не только на Курщине, но и в Поднепровье, причастны выходцы из Пятигорья. Естественно, район Пятигорья на Северном Кавказе как в XVI, так и в XVIII вв. был известен

как часть территории Черкессии. Это могло и стать основой легенд. Не стоит также упускать из виду, что на противоположном от города Черкасс левом берегу Днепра на берегах реки Слепород, правом притоке Сулы, существует село Пятигорцы (см. рис. 10 и 11), происхождение которого так и не известно. Не исключено, что появление этого топонима в Среднем Поднепровье имеет прямое отношение к названию города ***Черкассы***. В пользу последнего могут свидетельствовать и иные сведения топонимического характера.

Так, А.С. Стрижак зафиксировал в этом районе и другие аналогичные названия: «В г. Черкассах на Днепре одна из окраин называется Казбет»; «поселение типа Геленджик, Темрюк, Кабарта и тому подобное»[97]. В своё время Павел Аристархович Гудзенко, считая, что город Черкассы возник ещё в XI в., не сомневался в кавказском происхождении первых его жителей. Как доказательство этого, он привёл следующий аргумент: «Окраина, на которой поселились бродники кавказского происхождения, сохранила своё историческое название "Казбет", которое тождественно названию "Казбек"...»[98] Тем не менее этот топоним в Черкассах может иметь более позднее происхождение, так как, по данными Дж.Н. Кокова, на Северном Кавказе название горы Казбек является производным «от имени князя Казибега, который владел поселением возле подножия горы в начале XIX в.». Далее исследователь добавляет, что «у кабардинцев известно более давнее название этой горы — Бралич»[99]. Поэтому следует обратиться к источникам более раннего периода.

До недавнего времени исследователи не подвергли анализу топонимы, которые помещаются в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Однако там имеются названия, которые испытали славянскую обработку, но их невозможно объяснить из индоевропейских или алтайских языков. Но вот сделать это с помощью кавказских (адыгских) языков, кажется, вполне возможно. В этом случае может себя целиком оправдать привлечение данных об аналогичных названиях на Северном Кавказе — в местах расселения адыгского населения.

Так, в люстрации Каневского замка упомянуто «Селище замъково *Тепсеев* на Рси, 5 миль от замъку»[100]. Если отбросить окончание, то получаем начальные формы — ****Тепсей*** ли ****Тепсе***. Последняя форма очень хорошо соотносится с современным топонимом на Западном Кавказе — ***Туапсе***, который Дж.Н. Коков объясняет из адыгских языков как «две реки, двуречье»[101]. В нашем случае появление топо-

нима ***Тепсеев*** можно объяснить тем, что поселение находилось между двух рек — Рось и Днепр.

Там же находилось «село *Тулибле* у версти отъ замъку»[102]. В конце люстрации Каневского замка упомянуты и жители этого села как «Тулибцы»[103]. Исходя из этого, можно считать первоначальной формой топонима термин ****Тулиб***. Дж.Н. Коков отметил на Северном Кавказе существование подобного топонима ***ТхьалъэIупI(э)*** [Тхатлаупа], что означает «место, где происходит молитва»[104].

Недалеко от Канева было зафиксировано также и «селище Дердева, пусто, земянское»[105]. Если отбросить славянское окончание, то получаем приблизительную первоначальную форму — ****Дерд-***, что напоминает кабардинское слово ***Дурдыл*** — «необычайно живописное, красивое». В этом случае имеет смысл видеть в первоначальном названии термин с семантикой «Красивое (место)», что полностью согласуется с природой Среднего Поднепровья.

В люстрации Черкасского замка упомянуты «Уходы або станы — по реце *Днепру*», среди которых фигурируют «Уход Томаховка» и «Уход на Тавани»[106]. Учитывая первое название, вспомним предположение В.П. Кобычева, что кавказское происхождение мог иметь «Томако — остров на Днепре». При этом исследователь так и не объяснил этимологию этого названия[107]. В первой главе настоящего исследования было высказано предположение, что в основе подобных гидронимов и топонимов лежит адыгское прилагательное ***тэмакъ*** — «несдержанный», «вспыльчивый», «раздражительный», «жёлчный»[108]. Как видим, топоним ***Томаховка*** может нести семантическую нагрузку в значениях «бурное, неспокойное (место)». Для сравнения добавим, что здесь же в люстрации упомянуты «уходы на порозехъ», среди которых фигурирует «Ненасытецъ». Не меньший интерес может представлять и название ***Тавань***, которое очень напоминает название полуострова на Северо-Западном Кавказе — ***Тамань***. По данным Дж.Н. Кокова, адыгское ***тэмэн*** означает «болото, плавни»[109]. Учитывая, что здесь мы имеем дело с побережьем Днепра, где после весенних разливов образовываются плавни, можем считать, что топонимическое название ***Тавань*** является искажённым кавказским названием ***Темен****.

В дополнение к сказанному отметим, что в этом же районе протекает речка с явно кавказским названием — ***Псоля***, которая явля-

* По мнению К.Н. Тищенко, в этом случае мы имеем дело с посредством тюркских языков, для которых характерен переход согласного «м» в «в».

ется правым притоком Днепра. Напомним, что в кавказских языках корень ***пс-*** означает «река, вода». Как уже отмечалось, возможно, что «Книга Большому Чертежу» начала XVII в. содержит одно из первых упоминаний о ней: «А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка Омельник Псельскои»[110].

Но есть одно название в Черкассах, которое может указывать на связь с Пятигорьем на Северном Кавказе. Ещё в 1967 г. А.С. Стрижак зафиксировал интересный факт: «Так, в Черкассах на Днепре одна из окраин называется Бешту (сравним с горой Бештау на Северном Кавказе, возле подножия которого раскинулся город Пятигорск, от тюркского ***беш*** — "пять" и ***тау*** — "гора"»[111]. К сожалению, исследователь не указал источник своей информации. Но если это правда, то следует вспомнить, что в люстрации 1552 г. среди большого количества имён местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним «Степанец Пятигорчин»[112]. Создаётся впечатление, что «малоросийские черкасы» называли «пятигорских черкасов» не иначе как «Пятигорцы». Тем не менее, следует обратить внимание на аргументы оппонентов, в соответствии с которыми прозвище «Пятигорчин» может указывать лишь на то, что он был родом из села Пятигоры на Киевщине. Но это село насчитывает лишь 400-летнюю историю. Бывшее название села — ***Триножин***. Впервые как ***Пятигоры*** оно упоминается в документах в 1596 г.[113] А «Степанец Пятигорчин» был упомянут в документе 1552 г. Не было тогда в 1552 г. и села Пятигорцы на левом берегу Днепра на берегах реки Слепород, которая является правым притоком Сулы (см. рис. 10 и 11). Напомним, что в легенде об основании города Черкассы, которая содержится в этой люстрации, отмечено, что князь Гедимин завоевал «...Черкассы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть с княгиней ихъ, посадилъ ихъ на Снепороде, а иншыхъ на Днепре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ в Каневе и сидя Снепородце на Днепре в Каневе...»[114] Несмотря на легендарность сообщения, необходимо предположить возможность того, что пятигорские черкассы находились и на левом берегу Днепра, откуда они могли заселять правобережье Среднего Поднепровья. Следствием этого и стало появление на берегах реки Слепород после 1552 г. села, которое носит имя ***Пятигорцы***.

В.Ф. Горленко считал, что в литовской люстрации 1552 г. кроме имени «Степанец Пятигорчин» были другие антропонимы вероятно кавказского происхождения: Лазука, Горец Тиньснич, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм (Хусейн), Нелистон Старый, Жчалаш, Мишко Теребердеевич[115]. Однако проведённый анализ позволил выделить большее количество таких «подозрительных» антропонимов. При этом имеет смысл в отдельности рассмотреть имена жителей Черкасского, а потом Каневского замков. Итак, в Черкассах в середине XVI ст. среди жителей были лица с такими именами: Федор Бака, Семен Кокис, Лавриш Шопа, Куян, Ломан, Кубеча, Лазуко, Дунко, Горин Тиньснич, Тока Копытков, Хроль Гирин, Антин, Ходжа Жало, Охрем Уласова, Ходко Синкович, Жауко Пожога, Мико Конис, Томило Кузьминич, Бахта Розмечич, Еско Лавгиренич, Рядюки Губинич, войт Яцко Чигаса, Федко Корта, Сухина Лескин, Данжуль, Иван Мехмедер, Малык Башо, Конашко Косимович, Лев Тинкович, Занко Либа, Войно Томиловое, Лома, Семен Скуматов, Гусейн. Не менее интересными были также имена жителей Канева: Степанец Пятигорчин, Казак Кузкевич, Солтан Черемишенин, Васко Кобатникович, Туголоковна, Гришко Калугор, Мишко Теребердеевич, Олабойтишная, Федко Басанский, Толук Колодецский, Андрейко Чучолович, Влас, вдовья Терлевая, Семенец Катутин, Теребуньца[116]. Тем не менее в большинстве случаев трудно доказать именно адыгское происхождение этих антропонимов, кроме упомянутого — «Степанец Пятигорчин».

Среди немалого количества имён жителей Черкасского и Каневского замков, приведённых в литовских люстрациях 1552 г., следует выделить особо ещё один антропоним, который указывает на гидроним Северного Кавказа. Так, среди жителей Каневского замка упомянут «Федко Басанский»[117]. В связи с этим следует привести наблюдения Дж.Н. Кокова о распространении среди адыгов антропонима ***Бахъсэн***, сохранённого до сих пор как фамилия ***Бахъсэн-хэ*** (*Баксановы*). По мнению исследователя, это родовое название является производным от названия реки ***Бахъсэн*** (*Баксан*) на Северном Кавказе[118].

Однако на этом перечень подобных названий отнюдь не исчерпывается, хотя вполне возможно, что не все предложенные названия могут иметь кавказское происхождение. Кажется, люстрации Каневского и Черкасского замков 1552 г. могут представлять большой интерес для лингвистов-кавказоведов и являться доказатель-

ством того, что задолго до середины XVI в. адыгские переселенцы уже были в Среднем Поднепровье.

Вполне возможно, что записанная в люстрации 1552 г. легенда об основании города Черкассы может отображать намерение литовского автора объяснить, откуда появились между Черкассами и Каневом на правом берегу Днепра и на левобережье Днепра в бассейне Слепорода черкасы кавказского происхождения. На первый взгляд, мы здесь имеем одного автора. Но смущает то, что летописец эти события датировал временами правления Гедимина — с 1316 по 1341 гг.: «…яко князь великій Литовскій Гедиминъ». При этом Гедимину он приписал достижения Витовта середины 20-х гг. XV в.: «…завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ». Таким образом, в первой части этой легенды видим явную конъюктуру литовского автора, обусловленную сугубо идеологическими соображениями, так как надо было не только доказать права литовцев на крепости Черкассы и Канев, но и показать давность этих событий.

Однако дальнейшая часть легенды уже не напоминает творчество литовских авторов: «…и приведъши Черкасовъ часть с княгиней ихъ…» В данном случае складывается впечатление, что мы имеем дело с местным фольклорным сюжетом, который очень напоминает кавказские легенды о князьях и княгинях. А это значит, что перед нами записанная, но изменённая легенда местных жителей о своём происхождении, которая могла иметь до 1552 г. не одну сотню лет. Это позволяет считать указанное сообщение более близким к истине, чем рассказы российских историков XVIII — первой половины XIX вв. Для примера можно привести «Повесть временных лет», первые разделы которой представляют записанный народный фольклор. Однако большинство исследователей не отрицают того, что такие сообщения содержат какую-то часть исторической правды.

Исходя из этого, можно считать, что легенды об основании города Черкассы в Среднем Поднепровье выходцами с Северного Кавказа могут иметь под собой историческую основу, несмотря на явные конъюнктуры в текстах XVI—XVIII вв. Для доказательства этого необходим анализ этнополитической ситуации в XIII—XIV вв. не только в Северном Причерноморье, но и на Северном Кавказе.

В первую очередь, обратим внимание на наблюдение В.Н. Кудашева: «С половины XV в. у кабардинцев появился новый опасный враг — основанное около того времени Крымское ханство.

Кабардинцы вынуждены были платить крымским ханам дань деньгами или невольниками. Удовлетворить жадность ханов кабардинцы, однако, не могли. Требования ханов постепенно увеличивались и часто не знали границ. Если же кабардинцы отказывались удовлетворить их, крымские татары делали набеги и опустошали Кабарду...»[119]

Необходимо отметить, что вынужденная миграция адыгов-черкасов с Северного Кавказа в Среднее Приднепровье могла состояться также в конце XIV в. во время походов Тимура против Золотой Орды. Как свидетельствуют персидские историки Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди, в конце 1395 г. войско Тимура оставило Азов на Нижнем Дону и пошло в степи Северного Кавказа, где уже тогда жили черкесы, которые, отступая, жгли всё на своём пути, чтобы лишить коней неприятеля корма. Однако завоеватели успешно перешли степь, дошли до реки Кубани и «властною рукой ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу»[120]. О последствиях этого нашествия Тимура писал в XVII в. также турецкий путешественник Эвлия Челеби. Вот как он описывает падение одной из крепостей черкесов: «На берегу Азовского моря была неприступная крепость на песках. Здесь против Салсала сражались несколько тысяч удостоившихся счастья [стать шехидами]. Ныне здесь около сорока-пятидесяти священных могил шехидов с надгробными памятниками. Но крепость разрушил Темурленк...»[121]

Учитывая это, можно считать, что не все черкесы сбежали от Тимура в горы Кавказа, так как, по данным персидских историков, Тимур из Прикубанья пошёл в высокогорье Кавказа, где напал на местные племена[122]. Следовательно, черкесам ничего не оставалось делать, как мигрировать в Среднее Поднепровье, которое уже тогда входило в состав Великого княжества Литовского.

Не исключено, что и во времена золотоордынского хана Узбека (Гийас ад-Дина Мухаммеда), который правил Золотой Ордой с 1313 по 1341 гг., могли быть осуществлены переселения черкесов, как и аланов-асов, с Северного Кавказа в Северное Причерноморье. Основания для этого даёт информация арабского автора ал-Омари, который называет хана Узбека султаном Хорезма, так как тот был родом из Ургенча. Арабский информатор сообщает о характере отношений этого хана со своими вассалами следующее: «У султана этого государства (Хорезм. — *В.Т.*[*]) рати Черкесов, Русских и Асов.

[*] В.Т. — Владимир Тизенгаузен, составитель сборника материалов, относящихся к Золотой Орде.

Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовитых. В них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот. — *В.Т.*), текут реки и добываются плоды. Они (Черкесы, Русские и Асы. — *В.Т.*) не в силах сопротивляться султану этих стран и поэтому обходятся с ним, как подданные его, хотя в них и есть (свои. — *В.Т.*) цари»[123].

Миграция адыгов в Среднее Поднепровье могла состояться и в последние десятилетия XIII в., например, при правлении Ногая. Известно, что Ногай в 70-е гг. XIII в. отделился от ханов Золотой Орды и правил в Северном Причерноморье вплоть до 1300 г. В период расцвета улус Ногая охватывал огромные территории от Яика до Дуная[124]. Естественно, что в своих экспансионистских намерениях Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Известно, что в 1262/63 г., во времена правления хана Берке, Ногай активно участвовал в боевых действиях на Кавказе[125]. Таким образом, в это время Ногай мог включить в состав своего войска подразделения из числа народов Северного Кавказа, включая черкесов (черкасов) и использовать их боевой потенциал в Северном Причерноморье.

Кроме того, наиболее ранняя миграция адыгов-черкасов (черкесов) в Среднее Приднепровье с Северного Кавказа уже могла иметь место в первой половине XIII в., что было связано с походами монголов. Следует обратить внимание на следующее сообщение Рашид ад-Дина: «В нокай-ил, ч[ёрной] собаки, соответствующий 635 г.[оду] х.[иджры] [август 1237 г. — август 1238 г.], осенью Менгу-каан и выступили против черкесов (ч-р-к-с. — *Авт.*) и зимой убили тамошнего государя по имени Тукара...»[126] Уже тогда черкесы могли предпринять попытку спастись бегством в Среднее Поднепровье. Тем не менее, описание путешествия Плано Карпини, который в начале 1246 г. побывал здесь, ничего не сообщает о нахождении возле Киева и Канева «Чиркасов»[127]. Следовательно, поселение Черкассы могло возникнуть на правом берегу Днепра лишь после февраля 1246 г., но до конца XIV в.

Археологические изыскания в районе г. Черкассы позволяют проверить эту версию. Так, проведённые Дмитрием Павловичем Куштаном в 2002 г. раскопки в исторической части города Черкассы дали довольно интересные результаты относительно начала функционирования посада Черкасского замка. В 2004 г. автор раскопок об этом писал: «Первый горизонт (XIV—XV вв.) отвечает периоду ранней истории города, когда он был в составе Великого кня-

жества Литовского. Археологические исследования комплексов этого периода в Черкассах практически не проводились, поэтому материалы, выявленные во время раскопок по ул. Смилянской 2, являются уникальными для изучения истории города и материальной культуры его населения в литовские времена. Показательна керамика этого периода — светлоглиняные горшки, утолщённый по краю венец которых напоминает древнерусскую традицию. Орнаментированы они жёлобчатыми или волнистыми линиями на плечиках, иногда — вдавливаниями по краю венца и по валику под ним. Внутренняя поверхность горшков иногда бывает покрыта зелёной глазурью. Характерны для этого времени также полусферические покрышки с петлеобразной ручкой сверху, сковородки-заплаты на ножках, прямостенные бокалы. Найдено также два биконических керамических пряслица и небольшой тигель для изготовления глазури. Другие находки представлены изделиями из железа: ножи, окантовки лопат, игольники, серпы»[128]. На основе анализа этих находок Д.П. Куштан сделал вывод о характере деятельности обитателей Черкасского посада: «Выявленные во время раскопок орудия труда свидетельствуют о хорошо развитых отраслях ремесла: гончарство, резьба по кости и рогу, кузнечное и бронзолитейное производство, прядение и швейное дело. Доказательством занятий хлебопашеством и огородничеством являются выявленные здесь орудия труда: серпы и окантовки для лопат. Большое количество костей животных свидетельствует о значительной роли животноводства и охоты. Последнее также подтверждается выявленными обрезками и заготовками из рога оленя. Достаточно большую роль играло рыболовство — найдены кости и чешуя рыб, крючок-блесна, грузила для рыболовных сетей»[129].

Относительно времени прекращения функционирования старейшего слоя Черкасского поселения и замка Д.П. Куштан высказался в пользу того, что это следует связывать с нападением крымских татар во главе с ханом Менгли-Гиреем в 1483 г.[130] Однако исследователь так и не уточнил, когда возникли Черкасский замок и посад — в первой половине или в конце XIV в.? Тем не менее, известно немало случаев, когда города возникали на месте или рядом с более ранними небольшими поселениями. Такую же ситуацию наблюдаем на месте г. Черкассы.

В связи с этим отметим, что в 1925 г. возле села Василица, которое на сегодня является окраиной города Черкассы, был найден

клад. Клад состоял из 59 золотоордынских монет, одной западноевропейской монеты и 57 женских серебряных украшений. Вещевая часть клада варьирует в пределах XI—XIV вв. и находит аналогии в Поволжье, на Руси и на других территориях Восточной Европы. Что же касается монет, то наиболее ранней из них является монета хана Джанибека (747 года хиджры), а наиболее поздними являются монеты времён Гийас ад-Дина Каганбек-хана, отчеканенные в Орде в 777 году хиджры. На основании этого исследователи клада считали, что он был спрятан «между 1376 и 1380 гг.». Они сделали вывод, что «клад, являясь сокровищем быстрого накопления, был спрятан человеком, который прибыл из Волго-Донского региона и имел при себе набор драгоценных украшений»[131]. Естественно, это не может служить доказательством того, что в истории города Черкассы был золотоордынский период, поскольку нет сомнений в том, что эта территория в конце XIV в. входила в состав Литовского княжества. Такие монетные находки могут лишь свидетельствовать о связях с Золотой Ордой. Поэтому особый интерес могут представлять артефакты, датированные более ранним временем.

В 1996 г. Сергей Кузьмич Рец и в 1999 г. Д.П. Куштан исследовали памятники долитовского периода на месте бывшего села Василица, на окраине современных Черкасс[132]. По данным Д.П. Куштана, в 1996 г. «на песчаном возвышении в пойме Днепра во время разведок был выявлен могильник и поселение XIII—XIV вв. В культурном слое были выявлены фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге, и исследовано одно погребение (№ 1). Здесь же было найдено значительное количество железных шлаков, что может свидетельствовать о существовании на поселении железообрабатывающего центра. В 1999 году автором на этом памятнике были исследованы ещё два погребения этого же времени (№ 2 и 3). Покойники лежали вытянуто на спине, головой на Запад, руки были сложены на животе. Погребение № 1 сопровождалось бронзовой проволочной серёжкой со стеклянной бусиной» (см. рис. 12 и 13, *1*)[133].

Для датировки поселения особый интерес может представлять последняя находка. Аналогичная бронзовая проволочная серёжка с двухсложным подвижным стержнем (см. рис. 13, *2*), на конце которого размещалась бусина, была найдена среди инвентаря большого христианского могильника золотоордынской культуры в Нижнем Поднепровье — Мамай-Сурка, который датируется вто-

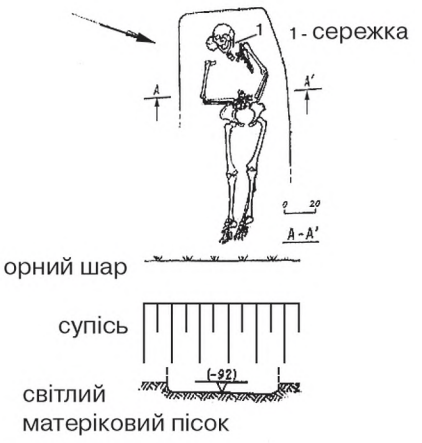

Рис. 12. Погребение № 1 из раскопок могильника XIII—XIV вв. на месте с. Василица на окраине г. Черкассы (по данным Д.П. Куштана и С.К. Реца)

рой половиной XIII — началом XV вв.[134] По словам исследователя этого комплекса Михаила Васильевича Ельникова, такие вопросовидные серёжки встречаются «в слоях XIV в. Волжской Булгарии (тип VI, вариант А)»[135].

Естественно, этого явно недостаточно, чтобы утверждать, что на окраине современного г. Черкассы уже во второй половине XIII — в начале XIV вв. существовало неукреплённое поселение с христианским населением. Однако благодаря Плано Карпини мы знаем, что уже раньше середины XIII в. на север от указанной территории в Каневе был монгольский наместник — «Алан по имени Михей»[136]. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее наблюдение Бориса Владимировича Черкаса относительно характера монгольского присутствия в отмеченном районе: «...По крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра до Роси»[137].

Следовательно, территория Черкасс с того времени была подконтрольна монголам, куда те могли переселить население из подвластных им христианских земель. До недавнего времени такое предположение казалось невозможным, пока рядом не было выявлено аналогичное золотоордынское поселение с христианским населением возле с. Торговица в Кировоградской области[138].

Кроме того, Михаил Викторович Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации уже известных археологических материалов, обнаруженных ранее в Поросье. Речь идёт о захоронении кургана № 69, обнаруженного на Яблуневском могильнике вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев). Первые исследователи по аналогиям инвентаря связали этот курган с Северным Кавказом, но необоснованно соотнесли его с аланами, у которых подобные подкурганные захоронения не встречались. По словам М.В. Горелика, аланы здесь

были ни при чём: «В рассматриваемом же памятнике погребение было совершено по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгско-золотоордынской белореченской культуры XIV—XV вв. Вооружение, сопровождавшее похороненого мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь». К этим артефактам исследователь отнёс остатки круглого щита, саблю, наконечник копья и т. п. Именно их атрибуция дала основания М. В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес». На основании всего этого исследователь сделал вывод: «Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизида Хурмиши (Куремсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Ольгерд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной». В результате, по мнению исследователя, и появилось поселение, носящее имя переселенцев — «Черкассы»[139].

В пользу пребывания монголо-татар в Черкассах могут свидетельствовать и данные лингвистического характера. Как уже отмечалось, А.С. Стрижак зафиксировал название ***Бешту*** в Черкассах, которое было производным он тюркского топонима ***Беш-тау*** — «Пять гор»[140]. О тюркском посредничестве в данном районе может также свидетельствовать топоним ***Тавань***, производный от адыгского ***тэмэн*** (болото)[141]. Эти топонимы не могли появиться здесь при литовцах, которые, как и местные славяне, не были тюркофонами, в то

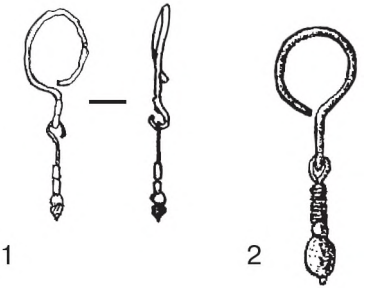

Рис. 13. Серёжки из христианских могильников золотоордынского времени: 1 — погребение № 1 у с. Василица (по данным Д.П. Куштана и С.К. Реца); 2 — могильник Мамай-Сурка (по данным М.В. Ельникова)

время как золотоордынские татары являлись носителями одного из кипчакских языков.

Таким образом, имеются основания полагать, что на месте г. Черкассы уже во второй половине XIII — в начале XIV вв. существовало неукреплённое поселение с христианским населением. Кем были эти жители — местными славянами или выходцами с Северного Кавказа, пока не представляется возможным установить. Тем не менее стоит напомнить, что адыги, которых византийцы называли «зихами», традиционно считались христианами. Известно, что в Восточном Причерноморье действовала Зихская епархия, подчинённая Константинопольскому патриархату. По мнению А.В. Гадло, первый христианский епископ в стране зихов появился уже в середине VI в. Зихская епархия, как самостоятельная архиепископия Константинопольского патриархата, продолжала существовать и в XIV в.[142] Черкесов, или зихов, в XV в. называли греческими христианами итальянские авторы И. Барбаро и неизвестный тосканец[143].

Именно это и позволяет обратиться к фрагменту из сочинения Георгия Пахимера (1242 — около 1310 гг.) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где зихи отнесены к числу христианских народов Северного Причерноморья. Византийский автор, повествуя о деяниях мятежного монгольского правителя Ногая, отметил следующее: «Ногай из Тохарцев (монголо-татар. — *Авт.*) был человек могущественный, опытный в управлении и искушённый в делах воинских. Посланный от берегов Каспийского моря начальником своего народа, носившим названия ханов, с многочисленными войсками из туземных Тохарцев, которые назывались Монголами, он напал на племена, обитавшие к северу от Эвскинского Понта (Чёрного моря. — *Авт.*), издавна подчинённые Римлянам (византийцам. — *Авт.*), но по взятии города (Константинополя. — *Авт.*) Латинянами и по причине крайнего расстройства Римских дел отложившиеся от своих владык и управлявшиеся самостоятельно. При первом своём появлении Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоёванные земли хороши, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от пославших его ханов и покорённые народы подчинил собственному своему владычеству. С течением времени соседние, обитавшие в тех странах племена, каковы Аланы, Зикхи, Готы, Руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались их союзника-

ми на войне. От этого Тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространилось, сделалось могущественным и, по своей воле, неодолимым, так что, когда напали на него, как на племя возмутившееся, верховные его повелители, оно не только не поддалось им, но и ещё множество их положило на месте»[144]. Стало быть, Георгий Пахимер, живший в конце XIII — начале XIV вв., был современником описанных событий и поэтому его сообщение о нахождении зихов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия. Естественно, эти зихи должны были быть сосредоточены в определённых районах северопричерноморского региона.

Однако это сообщение порождает ряд вопросов. Во-первых, были ли среди народов Северного Причерноморья, подвергшихся нападению Ногая, зихи, или они пришли вместе с Ногаем с Кавказа? Во-вторых, не ясно, о каких зихах идёт речь — об обитавших на границах с Русью в Поднепровье или об обитавших рядом с готами в Крыму?

Если исходить из содержания сообщения Георгия Пахимера, можно полагать, что Ногай мог поселить зихов (черкасов) вдоль пределов своего улуса как в Крыму, на границах с Готией, так и на границе с Русью, в Среднем Поднепровье. Это был период правления первых золотоордынских ханов Бату (1227—1255 гг.), Сартака (1255—1256 гг.), Берке (1257—1266 гг.) и Менгу-Тимура (1266—1282 гг.). Анализ данных письменных источников и археологических раскопок позволяет считать, что уже первые ханы Золотой Орды начали проводить реформы, среди которых важное место занимала политика по переселению народов. Это хорошо видно на примере степной части Северного Кавказа и Причерноморья. Однако такая миграционная политика монголов имела свои особенности. Прежде всего, отметим связь таких переселений с улусной системой в Монгольской империи, основы которой были заложены Чингис-ханом. Как установили исследователи, уже в середине XIII в. на завоёванных монголами территориях Азии и Восточной Европы образовались четыре государства-улуса — Улус Джучи, Улус Чагатая, Улус Хулагу и Улус Великого хана монголов (империя Юань), где позиции лидера принадлежали последнему улусу[145]. В непосредственной связи с улусной системой Монгольской империи находилась военно-административная организация обще-

ства, соответственно которой принцип формирования территории и комплектование вооружённых сил были взаимосвязаны. При этом монгольские вооружённые силы делились на три группы — центра, правой и левой руки. Во времена Чингис-хана при формировании флангов монгольского войска наметилось отступление от традиций кочевников — воинские подразделения уже не формировались по этническому признаку и поэтому одно племя могло быть разделено между правым и левым крылом. В результате такое деление привело к возникновению новой военно-административной системы Монгольської империи, очень отличной от организации предшественников[146]. В непосредственной связи с воинской улусной системой находилось также введённое Чингис-ханом деление монгольской армии на десятки, сотни, тысячи, туманы. При новой системе «ноян-тысячник» оказывался принадлежащим совсем к другому роду, чем «люди» его «тысячи». По мере того, как монголы покоряли новые территории и в монгольскую армию стали включать представителей подчинённых народов, данный способ организации боевых подразделений соответственно территориальным и десятичным принципам распространялся и на эти новые единицы в составе вооружённых сил монголов. Улусная система в Золотой Орде после Бату подверглась дальнейшей трансформации. Собственно Улус Джучи тоже делился на улусы — на левое восточное и правое западное крылья. При этом такое деление на левое и правое крылья было многоступенчатым. В результате монголы нарушили характерную для кочевников традицию создания административной системы по этническому принципу — здесь взял верх территориальный принцип, при котором этнические группы оказывались специально разделёнными по территориям улусов. Благодаря этому монголы с целью ослабления позиций подчинённых народов могли переселять часть их в другие отдалённые от центра государства улусы[147]. В то же время переселённые со своих территорий части этнических групп становились опорой монголов на завоёванных территориях. Это и позволяло монголам продолжительное время удерживать власть на новых землях. Отметим, что такой принцип организации возобладал уже при первых ханах Золотой Орды.

Вторая же причина, которая стимулировала переселения в Золотой Орде, имела экономический характер. Во второй половине XIII в., вопреки распространённым стереотипам, наблюдаем

экономическое возрождение Улуса Джучи. Следует отметить прагматизм западных Чингзидов, которые стремились возродить функционирование торговых путей. При первых Джучидах уже были созданы благоприятные условия для внешней торговли[148]. При этом в монгольском обществе сохранялась естественная черта для многих созданных кочевниками государств, соответственно которой занятие торговлей не считалось престижным для кочевников, но очень прибыльным. Поэтому монголы сами торговлей не занимались, но поощряли к этому занятию своих подданных. Не считалось престижным в среде монголов, как и среди других кочевников, и занятие ремёслами. В то время вдоль действовавших торговых путей начали возникать ремесленные центры, которые в скором времени привели к возникновению новых городов как ремесленно-торговых центров. Основу населения в них, как правило, составляли не монголо-татары.

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на следующий вывод Б.В. Черкаса: «Особенностью Золотой Орды, в отличие от предыдущих степных государственных образований, была именно градостроительная политика. Фактически впервые в истории Джучидам удалось принести городскую цивилизацию в открытую степь. Секретом успеха ордынской власти было то, что ей удалось взять необходимые ресурсы у осёдлых народов и использовать их в кочевом обществе. При этом саму кочевую аристократию центральная власть смогла "заразить" желанием строить города. Во многом это стало результатом прекращения степных войн и благоприятной экономической ситуации и обогащения нобилитета»[149].

Как видим, переселение частей осёдлых народов с Северного Кавказа в Северное Причерноморье соответствовало прагматическим соображениям уже первых правителей Золотой Орды. Анализ сообщения Плано Карпини об аланском наместнике монголов в Каневе[150] позволяет полагать, что та территория, где возникло поселение Черкассы, представляла собой владение собственно Улуса Джучи, а не часть «буферной зоны», как считал Вадим Леонидович Егоров[151].

При анализе топонимических названий, возникших в золотоордынское время, сложилась довольно парадоксальная ситуация — даже скептики вполне согласны с тем, что название города Яссы в Северо-Западном Причерноморье связано с пребыванием здесь

аланов-ясов, тогда как полностью отрицается причастность северокавказских адыгов-черкасов к возникновению в Среднем Поднепровье аналогичного этнотопонима ***Черкассы***. Остается только спросить: где же логика?

Следует также добавить, что известно немало случаев, когда название небольшого поселения переходит на возникший на его месте город или крепость. Так могло быть и с названием ***Черкассы***, которое в конце XIII в. лишь обозначало золотоордынское поселение, пограничное с Русью. Во второй половине XIV в. здесь возник литовский центр городского типа и прежнее название перешло на более крупное поселение, состоявшее из замка и посада. В период с 1362 по 1394 гг. Черкассы входили в состав Подольского княжества и в городе правил воевода от имени князей Кориатовичей (одной из ветвей Гедиминовичей). Позже эта территория перешла под власть Великого княжества Киевского, которое было ликвидировано в 1471 г. После этого Черкассы вошли в состав Киевского воеводства. В XV в. город стал центром Черкасского староства. Здесь постоянно находился староста — наместник литовского великого князя, а после Люблинской унии 1569 года — польского короля. Роль Черкасс, как опорного пункта, выросла с конца XV в., когда усилились нападения Крымского ханства на Украину. Большую роль в жизни Черкасс сыграло казачество, которое начало формироваться во второй половине XV в. По названию города Черкасс, вокруг которого казаки селились, их и стали именовать «черкасами», а в московских документах XVI—XVII вв. «черкасами» называли уже население Центральной и Восточной Украины. Таким образом название ***черкасы*** очень быстро приобрело функции этнонима. Следует отметить, что в то время появился и другой аналогичный этноним — «московит», или «москаль», — от названия города Москвы. Подобных примеров, когда название административного центра приобретало функции этнонима, в истории можно найти немало. Так, в Древней Греции от названий городов возникли локальные этнонимы — афиняне, спартанцы, фиванцы и т. п. Следовательно нельзя считать, что распространение этнонима ***черкасы*** стало результатом обычного перехода названия от одной этнической группы к другой. В этом случае ситуация выглядит более сложной.

В заключение хотелось бы процитировать фрагмент из работы Ярослава Романовича Дашкевича «Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.)»: «Изучение архивных и нарративных источников XVI—

XVII вв. расширило представления о реальном расселении черкесов, способствовало дифференциации кавказских и украинских черкасов. Последний этноним применялся в русском делопроизводстве для обозначения как жителей Северного Кавказа, употреблявших преимущественно языки абхазско-адыгской группы, так и казаков Приднепровья. Применение одного этнонима с различным содержанием характерно также для западноевропейской литературы XVI—XVII вв. с обязательным, однако, указанием на то, что приднепровские черкасы являются украинцами (рутенами) по происхождению и языку (например, Матвей Меховский 1517 г., А. Теве 1575 г., А. Гвагнин 1578 г., А. Ромен 1595 г.). Вторичное оттопонимическое происхождение приднепровского этнонима (от города Черкассы, Черкасского староства, приднепровской Черкассии, Черкасского полка) не подлежит сомнению»[152].

Глава шестая

УКРАИНСКО-ЧЕРКЕССКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (СЕРЕДИНА XVI — XVII вв.)

Середина XVI в. ознаменовалась для народов Восточной Европы, включая Северный Кавказ, весьма сложной политической обстановкой. Тогда на политической карте произошли значительные изменения, связанные с длительными войнами. Одной из них была Ливонская война (1558—1583 гг.), в которую, с одной стороны, оказались втянутыми государства Балтийского региона, в первую очередь Великое княжество Литовское и Польша, а с другой стороны — крепнувшее при Иване IV Грозном Московское царство. Эта борьба закончилась для Литвы и Польши подписанием в 1569 г. Люблинской унии, что привело к созданию Речи Посполитой. Именно это объединение способствовало поражению Москвы в Ливонской войне. В то же время положение на южных рубежах Московского государства было весьма неблагоприятным для Ивана Грозного, потому что активизировали свои действия турецкий султан и его вассал — крымский хан. При этом польский король стремился использовать крымского хана как союзника в борьбе против Москвы. В этот военный конфликт оказались втянутыми также народы Северного Кавказа и Украины, входившей тогда в состав Литовского государства, а затем Речи Посполитой. В то же время произошло событие, получившее неоднозначную оценку у современных историков. Речь идёт о том, вошла ли Кабарда в 1557 г. в состав России?

При анализе политических событий, имевших место на Северном Кавказе в XVI столетии, в XX веке между советскими исследователями и историками-эмигрантами возникли существенные разногласия. Вот как советские историки преподносили идею о «добровольном вхождении Кабарды в состав Русского государства».

Согласно их мнению, во времена Ивана IV в 1555 г. в Москву с Северного Кавказа вернулся Андрей Щепотьев. С ним прибыло большое посольство, в составе которого, кроме кабардинцев, были представители западноадыгских племён. Андрей Щепотьев сооб-

щил русскому царю, что адыги готовы ему присягнуть на верность. И тогда Иван IV пожаловал послов «великим своим жалованьем» и объявил им, что они приняты в вечное подданство России. В 1557 г. в Москву снова прибыло посольство от кабардинских князей, результатом чего якобы явилось официальное принятие Кабардой подданства России. В то же время Иван IV женился на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова — Кугеней. В Москве она была крещена и стала русской царицей Марией[1]. Именно эта версия была взята на вооружение советским руководством, что и стало причиной празднования в 1957 г. 400-летия «добровольного вхождения Кабарды в состав Русского государства».

С этим в корне был не согласен черкесский историк-эмигрант Р. Трахо. Накануне подготовки к помпезному празднованию этого «исторического события» он в частности отметил: «Тут мы имеем дело с новой попыткой интерпретации истории нерусских народов, которую мы наблюдаем у советских историографов как общую "генеральную линию" партии. Мы не будем подробно разбирать абсурдность этих утверждений, чтобы не нарушить последовательности изложения исторических фактов, на основании которых можно легко установить, что вообще присоединения Кабарды к России не было»[2]. Р. Трахо считал: «В июле же 1557 г. мы видим кабардинское посольство во главе с князем Канкличем (Кличем) Кануко в Москве. Такая скромная связь послужила основанием для большевиков через 400 лет сделать из этого политическую шумиху и утверждать, что Кабарда 400 лет тому назад добровольно присоединилась к России»[3].

Подобных взглядов придерживаются и многие современные исследователи Кабардино-Балкарии. По этому поводу Анжела Ариковна Журтова в статье «Проблема вхождения Кабарды в состав России в современной отечественной историографии» отметила: «В частности, возникла концепция, согласно которой между Россией и Кабардой в 1557 году был заключён военно-политический союз. Её обосновали такие учёные, как К.Ф. Дзамихов, Б.К. Мальбахов, Г.Х. Мамбетов и др. Данная теория была принята большинством современных исследователей истории Кабарды, хотя продолжают отстаиваться и альтернативные точки зрения»[4].

Мало того, советские историки даже утверждали, что и западные черкесы вскоре стали подданными русских царей, потому что якобы в 1614—1615 гг. вместе с другими народами Северного Кавказа царю Михаилу Фёдоровичу присягнули и западные адыги. Советские ис-

торики объясняли данное событие тем, что это было продиктовано необходимостью союза против Крымского ханства, причинявшего немало беспокойств западным черкесам. В качестве аргумента они указывали на то, что все российские государи в XVII в. называли себя царями «кабардинской земли, черкасских и горских князей»[5]. Однако Р. Трахо относительно этого отметил: «После смутного времени интерес Москвы к Кавказу пал. За всё время до Петра Великого не видно ни одного политического или важного акта между двумя странами. Черкесия была спокойна, если не считать стычек с ногайцами и с крымцами, с калмыками и казаками»[6].

Для того, чтобы иметь ясное представление о событиях середины XVI в., обратимся непосредственно к тем документам, на которые обычно ссылаются историки. Так, московский документ от 1557 г. сообщает: «Того ж году месяца июля, прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Ваську Вражского с черкаскым мурзою с Кавклычем Кануковым, а пришел от братии от кабартынских князей черкаскых от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити. Да говорил Кавлыч-мурза Черкаской. — Только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братию пожаловал Черкасских жаженьских князей Машука и Себока з братьею с их и с карбатинскими черкассы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех»[7].

Таким образом, здесь не всё однозначно. Мы не видим договора о присоединении Кабарды к Московскому государству. В то же время здесь не содержится информация о заключении военно-политического союза между Москвой и Кабардой. В данном случае это похоже на то, что некоторые из кабардинских князей попросились на службу к московскому царю Ивану Грозному, как это сделали до них западночеркесские князья Машук и Себок. Случаи, когда аристократы становились вассалами правителей других государств, вообще типичны для средневековья. Не осталась в стороне от этого и Восточная Европа. Как мы увидим позже, на службу как к московскому царю, так и к польскому королю и великому князю литовскому продолжали поступать в дальнейшем и черкесские, и украинские аристократы. Со своими князьями на земли Московии и Великого

княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, переселялись и простые черкесские воины. Не осталась в стороне от этих процессов и Украина, входившая до 1569 г. в состав Литовского государства.

По этому поводу в одной из работ Я.Р. Дашкевич отметил: «Микромиграции черкесов, документально засвидетельствованные с середины XVI в., были вызваны захватом кавказского Пятигорья Россией и использованием черкесов в войнах за Ливонию. Прибывали по большей части мужчины, часто объединённые в военные отряды, возглавленные собственными князьями. В XVI — первой половине XVII вв. черкесы создавали наёмные пятигорские хоругви в составе литовских, польских войск, а также частных войск украинских магнатов (например Константина Острожского в 70-х гг. XVI ст.). В пятигорские хоругви входили в XVII в. также представители других национальностей»[8].

В современной польской историографии неоднократно поднимался вопрос о наличии в польско-литовской армии конницы черкесов, которых в Литве и Польше называли «пятигорцы» (Petyhorcy). Первоначально они представляли собой лёгкую конницу (кавалерию), созданную в XVI в. из черкесов, переселившихся в Великое княжество Литовское с Кавказа, и использовались для охвата флангов врага или атаки вражеских шеренг, пробитых атакой тяжёлой кавалерии — гусарии, применяя несколько более лёгкие копья. Участием в войнах с Данцигом и Московским царством во времена Стефана Батория была известна хоругвь пятигорцев Темрюка Шимковича, который был ротмистром обороны поточной ещё во времена Сигизмунда II Августа, последнего короля Ягеллонской династии. Известно, что изначально пятигорцы использовали для защиты мисюрку, карваши (наручи), восточный щит калкан; в конце XVI в. использовали кольчугу, а с XVII в. стали надевать кирасы. В Речи Посполитой вооружение пятигорцев состояло из 3—4-метровой рогатины, сабли, двух пистолетов, ружья и лука восточного типа. По вооружению и доспехам пятигорцы соответствовали польской панцерной кавалерии, выполняя аналогичные с ней задачи. Из сохранившихся хоругвей пятигорцев в 1776 году была сформирована Пятигорская бригада кавалерии «народовой». Уже с XVII в. термин «пятигорцы» в польском войске стал использоваться для обозначения панцирной кавалерии вне зависимости от этнического происхождения кавалеристов. В результате пятигорские военные подразделения из лёгкой кавалерии со временем превратились в тяжеловооружённые конные

войска. Наиболее известными из пятигорских военных были Солтан и Темрюк, которые стали командирами особых полков пятигорских казаков в польской армии. Именно Темрюк показал лучшие качества черкесского командира. О его героизме говорит множество документов. Например, 13 апреля 1572 года, когда мощная турецкая армия атаковала польские силы в Молдове, все польские части покинули поле боя в панике, и только Темрюк со своим пятигорским полком остался и дрался до тех пор, пока польские части оправились и вернулись остановить турок. Ему были пожалованы большие поместья в киевской и подольской частях Украины. Со временем пять черкесских князей обосновались в подольском регионе Украины. Каждый год новые черкесские воины прибывали в Польшу, чтобы вступить в особые полки пятигорских казаков. Через несколько лет эти полки стали основной составной частью польской армии, вплоть до 1795 года, когда Польша была оккупирована и разделена Россией, Пруссией и Австрией[9].

Вполне вероятно, что традицию использовать кольчугу пятигорцы могли принести с собою с Кавказа. По крайней мере, в начале XVII в. Эмиддио Дортелли д'Асколи о черкесах писал: «…Черкесская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золочёного серебра»[10]. Весьма любопытно, что черкесы продолжали носить кольчуги вплоть до начала XIX в. Об этом могут свидетельствовать гравюры, приведённые в начале монографии Евгении Николаевны Студенецкой «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.»[11].

Исследователи неоднократно высказывали мысль, что к появлению черкесов на польско-литовских и украинских землях в XVI в. был причастен украинский магнат Дмитрий Вишневецкий. Вопросы, связанные с деятельностью Дмитрия Вишневецкого среди черкесов, нашли отражение в отдельных публикациях французской исследовательницы Шанталь Лемерсье-Келькеже, базирующихся на данных османских документов[12], а также в исследовании Анатолия Сосланбековича Дзагалова, опирающегося в основном на тексты московского происхождения[13]. Несмотря на то, что о Дмитрии Вишневецком писали многие историки, они в своих работах уделяли очень мало внимания деятельности украинского аристократа среди черкесов. Таким образом, имеется лишь два исследования, посвящённых именно этой теме.

Немало внимания личности Дмитрия Вишневецкого уделил в «Истории запорожских казаков» украинский историк Дмитрий Иванович Яворницкий. Вот как он описал обстоятельства передвижения литовско-украинского магната, поддерживавшего сношения с московским царём Иваном Грозным, в страну черкесов в 1558 г.: «Вишневецкий долго отбивался от хана, но потом, лишившись всякого пропитания и потеряв много людей, а ещё больше коней, съеденных козаками, под конец оставил Хортицу и ушёл к Черкассам и Каневу, откуда известил царя о всём происшедшем на Хортице и ждал от него дальнейших приказаний. Тогда царь, узнав о всём случившемся с Вишневецким, велел ему сдать Черкассы и Канев польскому королю, с которым у русских произошло перемирие, а самому ехать в Москву. Здесь он получил от царя жалованье, а также город Белёв со всеми волостями и сёлами в вотчину, да в иных городах "подклетные сёла и великие пожертвования", и за всё клялся животворящим крестом служить царю всю жизнь и платить добром его государству. ... Однако, в Белёве пришлось оставаться Вишневецкому недолго: дело в том, что в это самое время приехали в Москву черкасские послы с целью просить московского царя оказать помощь черкасцам в их войне с крымцами. Царь, не поладивший перед этим с крымским ханом, решился воспользоваться просьбой черкассов в свою пользу, и в декабре месяце 1558 года снова отправил Вишневецкого, в качестве начальника над 5 000 человек ратников, на крымские улусы. Вишневецкий двинулся из Москвы вместе с кабардинским мурзой Канклыком, собственным братом, атаманом, сотскими и стрельцами. Он ехал судном на Астрахань, из Астрахани сухопутьем к Черкассам в Кабарду; в Кабарде ему было велено собрать рать и идти мимо Азова на Днепр, на Днепре стоять и наблюдать за крымским ханом, "на сколько Бог поможет". Исполняя царское приказание, Вишневецкий сперва остановился под Перекопом...»[14]

В московской грамоте, датированной январём 1558 г., эти события описаны следующим образом: «Того ж месяца царь и великий князь отпустил на Крымские улусы князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, да с ним Черькаского мурзу Кабарьтинского Каньклыча Канукова государь отпустил в Кабарту в Черкасы, а велел им, собрався, ити всем ко князю Дмитрею же на пособь; а отпущен в Черкасы на Казань да на Азстрохань судном, а из Черкас им ити ратью мимо Азов...»[15] Как видим, уже сразу после 1557 г. между

украинским аристократом Дмитрием Вишневецким и кабардинскими князьями установились тесные союзнические отношения.

О последующих за этим событиях А.С. Дзагалов написал: «Этот период военных действий Д. Вишневецкого и черкесов против татарских улусов и турецких крепостей в целом стал для них успешным. Впервые Азов — военный форпост Оттоманской империи в причерноморских степях, важный передовой пункт на старой торговой дороге — подвергся серьёзной опасности. Кроме этого Азов был портом большого сельскохозяйственного района, снабжавшего Стамбул продовольствием. Осада и опустошения окрестностей крепости, произведённые нападавшими казаками и черкесами, вызвали голод в Азове и Большой Ногайской орде. Впервые Кафа — ненавистный черкесам город, где был расположен невольничий рынок, и откуда многие черкесы и их дети были проданы в рабство в Турцию, стал объектом их атаки, осады и грабежа его предместий»[16]. Следовательно, сотрудничество Дмитрия Вишневецкого с кабардинскими черкесами было весьма успешным. Однако спустя некоторое время украинский магнат стал сотрудничать уже с западными черкесами.

Однако в московских документах содержится очень мало информации о последующих событиях. Так, грамота, датированная сентябрём 1559 г., лишь сообщает: «Того ж месяца пришел Вишневецкий з Дону, а с ним прислали черкасы Ичюрука-мурзу Черкаского. — Все черкасы биют челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»[17]. А далее в документе, написанном в сентябре 1560 г., имеется последнее сообщение о нахождении Дмитрия Вишневецкого на службе у Ивана Грозного: «Месяца фераля отпустил царь и велики князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей черкаских князя Ивана Омашука да князя Василья Сибока з братьею, и попов с ними крестианскых отпустил, а велел им крестити по их обещанию и по челобитью и промышляти над крымским царем»[18]. Ясно, что в обоих случаях под названием «Черкасы» фигурируют кавказские черкесы. К сожалению, московские документы не сообщают, чем занимался Дмитрий Вишневецкий в 1559—1560 гг., в разгар Ливонской войны.

К счастью, османские источники восполняют этот пробел в сведениях. Так, документы, обнаруженные Ш. Лемерсье-Келькеже в стамбульских архивах, позволяют проследить деятельность князя и

черкесов, начиная с весны 1559 г. Например, султанское послание крымскому хану 23 ноября 1559 г. содержит ответное письмо хана к великому султанскому совету, где сообщается о наступлении черкесов — союзников русских, на турецкие земли, расположенные на Таманском полуострове, и на Кафу. Это нападение сопровождалось восстанием черкесов в районе Тамани. Хан заявлял в письме, что атака была отбита, и он пленил главных черкесских воевод до того, как им удалось уйти на Кавказ или в Московию. Далее Дмитрий Вишневецкий при поддержке черкесов предпринял зимой 1559/60 гг. ещё одно наступление, на Азов. Письмо бея — губернатора из Кафы, посланное султану, сообщает ещё о трёх нападениях «Дмитрашки». Как уже было отмечено, первое наступление на Азов произошло весной 1559 г. Следующее наступление десятитысячного войска князя и черкесов состоялось летом того же года. Ещё одно наступление «Дмитрашки», дата которого не установлена и где упоминаются черкесы во главе с Кансуком — сыном правителя племени Жанэ, произошло уже после возвращения из Москвы Вишневецкого и черкесских князей Сибока (в крещении Василия) Кансаукова и Маашука (Ивана) Канукова. В начале 1560 г. гетман с черкесами начал новое наступление на Азов, но с прибытием османской эскадры, возглавляемой беем Кафы, потерпел поражение. Тогда Дмитрий Вишневецкий и черкесы попытались форсировать Таманский пролив, проникнуть на территорию Крыма и атаковать Кафу. Однако турецкие власти были предупреждены об их намерениях. В результате вторая османская эскадра наблюдала за переправой и отразила вторжение[19]. Что же касается происхождения черкесов, принимавших участие в указанных событиях, то, по наблюдениям Ш. Лемерсье-Келькеже, это были западные адыги из «племени Жане (по-турецки Žanoğlu)»[20]. Дальнейшие события были не менее драматичны.

Иначе склонен рассматривать эти события украинский историк Ферхад Туранлы в монографии «Казацкая эпоха в истории Украины в османо-турецких письменных источниках (вторая половина XVI — первая четверть XVIII вв.)». Так, третья глава его работы посвящена происхождению и ранней истории украинского казачества, что нашло отражение в османо-турецких документах. Он считает, что деятельность ыДмитрия Вишневецкого была засвидетельствована османскими документами во время его боёв за Азов в 1559—1561 гг. По мнению Ф. Туранлы, Дмитрий Вишневецкий именно

тогда находился на службе у московского царя Ивана IV. Автор исследования утверждает, что князь Дмитрий Вишневецкий, возглавив многочисленное и боеспособное украинское казацкое войско, на протяжении 1559 г. проводил активные боевые действия против вооружённых сил Высокой Порты, что позволило Московии покорить Казанское и Астраханское ханства. Рассказывая о событиях вокруг Азова в 1559 г., исследователь отмечает, что украинский аристократ Дмитрий Вишневецкий выступал тогда на стороне Московии и в его войске были лишь «украинские казаки»[21]. Однако, как уже отмечалось, московские документы свидетельствуют о том, что в 1558—1559 гг. в армии Дмитрия Вишневецкого было также много черкесов из Кабарды. Этой информации нет в османо-турецких документах.

Далее автор монографии отмечает, что в 1560—1561 гг. Дмитрий Вишневецкий ещё продолжал воевать на стороне московского царя и в его войске были черкесы, но неизвестного происхождения[22]. Напомним, что французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькеже, которая использовала также османо-турецкие документы, видит эти события несколько иначе. По её мнению, Дмитрий Вишневецкий как вассал Ивана IV участвовал в войне против турок в 1560 г., а упомянутые там черкесы были западной частью адыгов[23].

Основанием для такой поздней датировки пребывания Дмитрия Вишневецкого на службе у Ивана IV для Ф. Туранлы стал османский документ, помеченный «последней декадой месяца Рамазан 968 года по календарю хиджры». Ф. Туранлы это перевёл в христианское летоисчисление следующим образом: «4—14 июня 1561 г.»[24] В данном случае речь идёт о письме турецкого султана правителю Кафы (санджак-бею). Ф. Туранлы в своей монографии дал полный украинский перевод этого османо-турецкого документа. В нём говорится о деятельности «Димитраша» и черкесов, которые решили напасть на крепость Азов. Как следует из содержания письма, им удалось захватить не только турецкую крепость в устье Дона, но и другую крепость — Темрюк, находившуюся уже на Северо-Западном Кавказе. Там Дмитрий покорил местных черкесов, захватил добычу и остался зимовать[25]. В результате мы видим, что здесь речь идёт о периоде, который Ш. Лемерсье-Келькеже датировала концом 1559 — началом 1560 гг.[26] Не исключено, что один из исследователей мог ошибиться с датой. Возможно, что мог допустить ошибку и сам султанский писарь, который в конце письма написал «968 год хиджры»

вместо «967», потому что дату он по традиции вынужден был писать на неродном ему арабском языке.

Добавим, что сам Ф. Туранлы в своей монографии упоминает «архивный документ под № 1266, в котором упоминается о приказе султана Синан-бею (также от 18 июня 1560 г.) относительно деятельности гетмана Дмитрия Вишневецкого и содержится изложение сведений относительно написания ответа на обращение московского посла, и в частности о том, что Москва снимает с себя ответственность за нападения, совершённые Дмитрием Вишневецким на владения османского государства. Представлены также сведения, которыми подтверждается факт подготовки названного гетмана к осуществлению вместе с черкесскими беями нападения на крепость Азов»[27]. Учитывая это, данный приказ султана должен хронологически следовать за письмом, датированным Ф. Туранлы «4—14 июня 1561 г.»[28], может, более правильной была бы дата «4—14 июня 1560 г.»? Кроме того, существуют московские источники, свидетельствующие о том, что после 1560 г. Дмитрий Вишневецкий уже не состоял на службе у Ивана Грозного.

Так, в документе, написанном в сентябре 1560 г., содержится одно из последних сообщений о пребывании Дмитрия Вишневецкого на службе у Ивана Грозного: «Месяца февраля отпустил царь и велики князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей черкаских князя Ивана Омашука да князя Василья Сибока з братьею, и попов с ними крестианских отпустил, а велел им крестити по их обещанию и по челобитью и промышляти над крымским царем»[29]. Понятно, что под названием «Черкасы» фигурируют кавказские черкесы.

В другой поздней московской летописи сообщается, что после 1560 г. Дмитрий Вишневецкий ушёл со службы у Ивана Грозного: «Князь Дмитрий Вишневецкий государю и царю изменил, отъехал с поля, с Днепра в Литву к польскому королю со всеми своими людьми, которые были с ним в поле, а людей было 300 человек»[30]. Относительно причин разрыва отношений между Дмитрием Вишневецким и Иваном Грозным существует немало гипотез. Но это не входит в предмет настоящего исследования. По крайней мере, когда польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август решил осведомиться у московского царя о причине отъезда Дмитрия Вишневецкого из Москвы, то Иван Грозный ответил: «Пришёл

он как собака и потёк как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил»[31]. Ушли ли с Дмитрием Вишневецким черкесы из племени Жанэ — не известно.

Д.И. Яворницкий считал, что после ухода со службы у московского царя Ивана IV Дмитрий Вишневецкий переселился сначала в Поднепровье. Однако о нахождении с ним черкесов украинскому историку ничего не было известно. По крайней мере о них он не упоминал и представил события следующим образом: «Между тем Вишневецкий, возвратившись в 1561 году из "пятигорской земли" на Днепр и расположившись на урочище Монастырище, в 30 милях от Черкасс, близ острова Хортицы, стал сноситься с польским королём о том, чтобы снова перейти к нему на службу… находясь в урочище Монастырище, Вишневецкий отправил к королю Сигизмунду Августу гонца с просьбой о том, чтобы он снова принял его к себе и прислал бы ему, по обыкновению, так называемый глейтовый, т. е. охранный лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно изъявил согласие принять Вишневецкого к себе на службу и прислал ему глейтовый лист сентября 5-го дня 1561 года… В свою очередь и козаки, бывшие с Димитрием Вишневецким на Низу, и оставленные им после отъезда, стали просить короля через черкасско-киевского старосту Михаила Александровича Вишневецкого о дозволении им возвратиться в места своей родины и прислать глейтовый лист… Куда вернулись козаки, неизвестно, но известно то, что они покинули Хортицу…»[32]

А.С. Дзагалов сделал на этот счёт довольно интересное предположение: «Вероятно, в отряде гетмана, ушедшем в Польшу, находились и черкесы, воевавшие вместе с ним против турок и татар. После отъезда Вишневецкого связи черкесов племени Жанэ с Москвой надолго оборвались, а Западная Черкесия попала в зависимость от турецких султанов и крымских ханов»[33]. Отметим, что путь Дмитрия Вишневецкого к польскому королю проходил через его родные украинские земли и не исключено, что часть черкесов могли там остаться.

Польский историк Марцин Крушинский даже не сомневается в том, что сподвижники Дмитрия Вишневецкого после 1561 г. переселились в Польшу. По этому поводу он отметил: «В 1561 году царь Иван решил атаковать Польшу. Князю Димитрию было трудно оставаться в России. Он вернулся домой, чтобы защищать свою страну Украину. ... В конечном итоге, князя Дмитрия Вишневецкого взяли в

плен в Молдове в 1563 году и послали в Стамбул, где он был казнён за свои нападения на татар. Через несколько месяцев группа черкесских князей, у которых сложились дружественные личные отношения с Дмитрием Вишневецким и которые были против правления России в Кабарде, послали некоторое количество воинов в Польшу попросить о помощи. Эти князья были приговорены к смерти царём. В августе 1561 года польский король разрешил всем воинам Пятигорья, кто хотел, приехать в Польшу. В 1562 году пять кабардинских князей оставили свои дома на Кавказе и нашли спасение в Польше вместе с семьями и воинами (польские писатели нашего времени утверждают, что там было 300 воинов). Польский король радушно принял их со множеством почестей и подарков, которыми те были очень довольны». М. Крушинский даже приводит имена этих князей: Касим Камбулатович (Черкасский), Гаврила Камбулатович (Черкасский), Онышко/Александр Кудадек (Черкасский), Солтан Жумкович (Черкасский), Темрюк Жумкович (Черкасский). «Русский царь понял, — продолжает далее исследователь, — что этим поступком он отдал много очень хороших воинов своему врагу — Польше. Это ещё сильнее разозлило его. Он послал своё доверенное лицо — Алексея Клобукова — в Польшу получить князей обратно, но "Пятигорские" князья оказали ему холодный приём. Большинство черкесских переселенцев уже были ортодоксальными христианами, но некоторые ещё были язычниками. Позже потомки воинов стали украинскими православными, тогда как те, кто принадлежал к высшему сословию, приняли польское католичество»[34]. К сожалению, М. Крушинский не назвал свои источники информации.

В отличие от польского историка, А.С. Дзагалов приводит документы, но ситуация, по его мнению, выглядела ещё более запутанной. Так, исследователь, и не без оснований, очень сомневается в том, что черкесские князья Сибок (Василий) и Канук (Иван) изменили Ивану Грозному, о чём писали советские историки. Это дало основания ему выдвинуть следующее предположение: «После гибели высших черкесских князей — военачальников Сибока, Ацымгука, Канука, и доставки их голов в Стамбул, Турция, Крым и Польша, зная точно о трагической их судьбе, возможно, переправили в Москву дезинформацию о том, что черкесские князья перешли на их сторону. Такие же сведения чуть ранее ими могли быть предоставлены сыну князя Сибока — Кудадеку (Александру) и другим сыновьям западночеркесских князей, находившимся на русской

службе. Дезинформация черкесских князей вызвала их бегство из России, и могла способствовать разрыву всех имеющихся отношений Московии с Западной Черкесией, что, вероятно, и являлось главной целью противников союза России и Черкесии». Говоря о судьбе Сибока и его сподвижников, А.С. Дзагалов сделал предположение: «Помня об их многочисленных деяниях, крымский хан, разгромив их войско и покорив подданных, не дал бы им ни единого шанса не только на продолжение княжения, но и на жизнь. Скорее всего, если князья не погибли в боях, они могли уйти в Польшу вместе с князем Д. Вишневецким. Однако наиболее правдоподобной версией, на наш взгляд, всё-таки является версия их гибели». В результате «дезинформация об измене Сибока и других черкесских военачальников действительно могла угрожать жизни их сыновей в России и подтолкнуть молодых черкесов, воевавших в то время в передовом полку в Ливонской войне, к бегству в Литву»[35].

Современный северокавказский историк М.А. Кошев, ссылаясь на исследования польского учёного Херонима Грали, отмечает: «Потомки князя Сибока — шли на службу к польским королям. В частности, в манифесте Зигмунда II Августа от 5 августа 1561 года сказано, что у него в войсках находятся отряды Гаврилы и Кассима Камбулатовичей, также Олешки — князей Пятигорских... коллеги Темрюка Шумковича. У них были гербы Литовские и Черкесские. Эти и другие исторические факты отмечает и кабардинский исследователь генеалогических проблем В.Н. Сокуров. На сторону польского короля перешёл также сын князя Сибока Куда-дек (Александр), которого, как и названных выше князей, русский царь объявил врагами “земли русской”»[36].

В этом случае остаётся выяснить, насколько приведённые предположения соответствуют данным письменных источников. Вполне очевидно, что указанная проблема в будущем может стать темой для отдельного диссертационного или монографического исследования. Не стоит при этом забывать, что миграции черкесов-пятигорцев на польско-литовские земли проходили через украинские земли. Именно это предполагало, что определённый процент адыгов оставался на территории Украины, пополняя ряды казачества.

Есть основания считать, что и после Дмитрия Вишневецкого имели место контакты украинского и черкесского населения. Так, Александр Радьевич Андреев в книге «Настоящая история казацкой Украины»» о походе гетмана Богдана Ружинского и есаула Нечая

в 1576—1578 гг. сообщает: «Отправив опять морем Нечая с тремя тысячами запорожцев, гетман Богдан с сухопутным конным и пешим войском прошёл крымские степи, переправился через Кубань в земли черкесов, признававших над собой главенство Турции, и предал огню и мечу всё черноморское побережье. Нечай деятельно содействовал с моря успеху сухопутной армии. Всё сокрушая и опустошая на своём пути, казаки прошли Кавказ, разграбили цветущие поселения в окрестностях Трапезунда и Синопа и по всему побережью Анатолии до самого Константинополя. Казаки всё-таки не решились штурмовать столицу мусульманского мира, ограничившись опустошением её окрестностей, прошли далее через европейскую Турцию, радушно встречаемые единоверцами и единоплеменными болгарами. Уничтожая на всём пути турок, захватывая их крепости и города, казачье войско со славой и несметной добычей возвратились к родным очагам»[37]. Однако автор не указывает источники, что заставляет засомневаться в достоверности информации, включая дату похода, который обычно исследователи датируют 1575—1576 гг.[38]

Исходя из того, что черкесы-пятигорцы, начиная со второй половины XIII в., периодически переселялись в украинское Поднепровье, возникает вопрос: сколько же было черкесов на украинских землях в XVII в.? Как уже было отмечено, Л.Г. Лопатинский высказал предположение, согласно которому «появление в Левобережной Малороссии суффикса ***-ко*** во втором, но коренном его значении можно отнести ко времени водворения на этой территории пятигорских черкас»[39]. Однако это было бы возможно, если бы в позднее средневековье в украинском Поднепровье процент выходцев с Северного Кавказа составлял высокий удельный вес среди местного населения. В связи с этим мы можем подвергнуть анализу аргументы Л.Г. Лопатинского, так как у нас имеются некоторые письменные источники периода позднего средневековья, которые позволяют в определённой мере выделить мигрантов-черкесов с Северного Кавказа среди местного славянского и другого населения. Наблюдения показывают, что процесс активного формирования внешней формы для будущих украинских фамилий начался не в XVI, а в XVII в. Среди них встречаются и те, которые содержат основу ***пятигор-***.

Так, в «Реестре войска Запорожского 1649 г.» упомянуты личные имена: Дахно Пятигорец, Овдей Пятигорский, Яков Пятигорец, Яцько Пятигорец, Протас Пятигоренко, Макар Пятигорец, Михаил

Пятигорский, Иван Пятигорский[40]. Были ли среди упомянутых лиц выходцы с Северного Кавказа, трудно сказать, так как под Киевом уже в 1596 г. существовало село с названием Пятигоры, которое до этого имело название Триножин[41]. Тем не менее, не исключено, что все эти фамильные названия имели прямое отношение к адыгам — выходцам из района северокавказского Пятигорья.

Следует рассмотреть эти фамильные названия XVI — первой половины XVII вв. в отдельности и сравнить их с семантикой современных украинских фамилий, которые прямо с ними связаны происхождением. Возьмём, например, антропонимы из «Реестра...», которые содержат прозвище «Пятигорский»: Овдей Пятигорский, Михаил Пятигорский, Иван Пятигорский[42]. По наблюдениям Ирины Вадимовны Ефименко, ещё в XVI в. были зафиксированы письменными документами фамильные названия, которые «образовались морфологическим путём при помощи прилагательных суффиксов **-ск(ий)/-ик(ий)**». «Семантическое содержание рассмотренных фамильных названий, — отмечает она далее, — характеристика по месту проживания, по названию имения, которым владело лицо, по названию местности, где проживал прибывший человек»[43]. Последнее для нас представляет особый интерес. К числу таких названий исследовательница отнесла, например: Карачовский (от топонима ***Карачев***), Свентославский (от ойконима ***Свентослав***), Радогоский (от топонима ***Радогоща***) и т. п.[44] Аналогичную картину наблюдаем и среди современных украинских фамилий.

Так, Ю.К. Редько отметил, что часть украинских прилагательных фамилий с суффиксом ***–ськ-*** были образованы от топонимов и указывали на место происхождения их носителей, а не на название имений, то есть они не были аристократическими. Исследователь отметил целый ряд таких фамилий, «образование которых обнаруживается лишь в сопоставлении их с топонимическими названиями»: «фамилия *Андреевский* (*Андрієвський*) может выводиться от названий населённых пунктов: Андреевичи (Андрієвичи), Андреево (Андрієво), Андреевка (Андріївка), Андреев (Андріїв), фамилия *Бабанский* (*Бабанський*) от Бабанов (Бабанів), Бабановка (Бабанівка), Бабанка, Бабанск (Бабанськ); *...Балучинский* (*Балучинський*) от Балучин, *Бандровский* (*Бандрівський*) — Бандров (Бандрів), *Барский* — Бар, *Бачинский* — Бачина, *Богуцкий* — Богута, *Борковский* — Борки, *Великопольский* — Великое Поле, *...Верхратский* — Верхрата, *Дмуховский* — Дмуховец, *Жбадинский* — Жба-

дин, *Жиравецкий* — Жиравка, *Завойский* (*Завійський*) — Завой (Завій), ...*Климанский* — Климаны, *Кобринский* — Кобрин, Кобринцы, *Копыстянский* — Копысть, *Коцюбинский* — Коцюбинцы, Коцюбинчики, *Лозинский* — Лоза, *Мочульский* — Мочулы, Мочулинцы, ... *Роздольский* — Роздол, *Свирский* — Свирж, ...*Смикоровский* — Смикоровка, *Смолинский* — Смолин, *Шегинский* — Шегины, *Ясниский* — Ясниска»[45].

Следовательно, в нашем случае фамильные названия вроде «Пятигорский» должны указывать на то, что их носители происходят или из населённого пункта «Пятигоры», или из местности, которая получила название «Пятигорье», т. е. с Северного Кавказа. Интересно, что издатели и комментаторы «Реєстра войска Запорожского 1649 г.» считают, что прозвище «Пятигорский» и похожие на него, но с другими словообразовательными суффиксами, происходят от названия населенного пункта «Пятигоре» под Киевом[46]. В этом названии легко узнаётся уже упомянутое современное село Пятигоры[47].

Тем не менее, здесь возможно и альтернативное объяснение: фамильное название «Пятигорский» появилось в украинском Поднепровье потому, что его носители происхождением были связаны с Северным Кавказом, где отдельная область близ современного Пятигорска во времена позднего средневековья имела аналогичное название — «Пятигорье».

Не меньший интерес представляют зафиксированные в «Реестре...» антропонимы, которые содержат фамильное название «Пятигорец»: Дахно Пятигорец, Яков Пятигорец, Яцько Пятигорец, Макар Пятигорец[48]. По данным И.В. Ефименко, уже в XV в. были зафиксированы письменными документами фамильные названия, которые образовались при помощи суффикса ***-ець***. По её наблюдениям, на протяжении XVI в. такие фамильные названия получили распространение на территории всех регионов Украины[49]. Со временем они стали самостоятельными фамилиями.

Лариса Терентьевна Масенко считает, что «группа фамилий с суффиксом ***-ець*** указывает на выходцев из разных городов Украины: ***Богуславець***, ***Бориславець***, ***Батуринець***, ***Гайсинець***, ***Канівець***, ***Козинець***, ***Мглинець***, ***Полтавець***, ***Уманець***, ***Хоролець***, ***Чигринець*** и т. п.»[50] Кроме того, комментаторы текста «Реестра войска Запорожского 1649 г.» считают, что прозвище «Пятигорец» может происходить от названий населённых пунктов не только «Пятигоре» под

Киевом, а и «села Пятигоры в Черкасской области»[51]. Сразу скажем, что такого села на территории современной Черкасской области не зафиксировано. Вполне возможно, что исследователи имеют в виду расположенное напротив г. Черкассы на противоположном левом берегу Днепра на берегах реки Слепород, правом притоке Сулы, село Пятигорцы. А это уже территория современной Полтавской области. Напомним, что в люстрации 1552 г. указанное село ещё не упомянуто. Это может означать, что село Пятигорцы должно было возникнуть уже после 1552 г., т. е. во времена Речи Посполитой.

Учитывая это, с одной стороны, можно полагать, что упомянутый в «Реестре...» антропоним «Пятигорец» происходит от украинского топонима ***Пятигорцы***. С другой стороны, название села ***Пятигорцы*** возникло потому, что здесь жило много «пятигорцев», которые были выходцами из северокавказского Пятигорья и один из них был зафиксирован в «Реестре...». Интересно, что семантика современных украинских фамилий на ***-ець*** позволяет поддержать как первую, так и вторую версии.

Так, Ю.К. Редько отметил, что фамилии на ***-ець*** могли иметь следующие значения: 1) выражать атрибутивность; 2) «указывать на название местности, откуда происходил первый носитель фамилии»[52]. Последнее особенно интересно. В другой работе Ю.К. Редько также уточняет, что к числу фамилий, «образованных от названий отдельных частей украинской территории», принадлежит и часть фамилий на ***-ець***, например, ***Волинець***[53]. Не исключено, что некоторые украинские фамилии на ***-ець*** могут указывать и на этническое происхождение первых их носителей. Например, фамилия ***Ляховець***[54] может указывать на связь с ляхами (поляками). Хотя возможен и другой вариант: человек был выходцем из страны «ляхов» — Польши. Отметим также, что и сегодня среди украинских фамилий ещё фигурирует антропоним ***Пятигорец*** (*П'ятигірець*)[55].

И особый интерес может представлять происхождение лица, которое зафиксировано в «Реестре» как «Протас Пятигоренко»[56]. Здесь мы видим употребление суффикса ***-енко***. По наблюдениям И.В. Ефименко, прозвища с суффиксом ***-енко*** впервые фиксируются письменными источниками еще в XV веке, в XVI столетии начинают распространяться и уже позже становятся доминирующими на восточноукраинских землях[57]. Как видим, «Реєстр..» отображает этот процесс, так как там зафиксировано очень много фамильных названий этого типа. По мнению Л.Т. Масенко, такое большое ко-

личество антропонимов данного типа в XVII в. объясняется тем обстоятельством, «что в реестры записывались преимущественно молодые казаки, тогда как их родители имели наименование без суффикса ***-енко***»[58].

Как уже отмечалось, Ю.К. Редько отметил, что фамилии на ***-енко*** могли иметь много значений. Но мы обратим внимание лишь на одну группу значений, которая может объяснить происхождение фамильного названия «Пятигоренко». Ю.К. Редько отмечает следующее: «Четвёртую группу составляют фамилии, которые указывают на национальную принадлежность или вероисповедание отца или на местность, откуда происходил первый носитель фамилии: *Волощенко* (то есть сын волоха), *Выхристенко* (сын выкреста), *Литвиненко*, *Нимченко*, *Татарченко*, *Турченко*, *Шведенко*, *Жихаренко* (выходец из с. Жихара на Харьковщине), *Миргородченко*, *Охтирченко*, *Харковщенко*»[59]. Аналогичную идею исследователь высказывал и в других работах[60].

Таким образом, имеем основания полагать, что фамильное название «Пятигоренко» могло возникнуть по двум причинам. Во-первых, его носитель мог происходить или из села Пятигоры на Киевщине, или из местности Пятигорье на Северном Кавказе. Во-вторых, отец носителя этого фамильного названия мог принадлежать к числу тех, кого называли «Пятигорец».

Кроме того, в «Реестре...» уже были зафиксированы антропонимы нового типа: Сепер Черкес, Роман Черкес, Степан Черкес[61]. Л.И. Лавров в «Реестре войска Запорожского 1649 г.» отметил также антропоним — Семён Черкесенко[62]. Нет сомнений, что это выходцы с Северного Кавказа. Как видим, в XVII в. украинские черкасы-казаки уже начали использовать, скорее всего, османо-турецкий вариант этнонима — ***черкес*** для обозначения адыгов Северного Кавказа. Исходя из того, что в XVII в. «черкасами» продолжали называть не только жителей Украины, но и адыгов Северного Кавказа, отметим, что в «Реестре…» содержится немало фамильных названий, содержащих корень ***Черкас-***. Однако это могут быть не только потомки выходцев с Северного Кавказа, но и потомки переселенцев с территории украинских Черкасс. Показательно, что в перечне казаков Черкасского полка подобные фамильные названия не фигурируют.

Однако, несмотря на всё это, приходится признать, что среди нескольких тысяч антропонимов «Реєстра войска Запорожского...» встречаем лишь чуть более 10 носителей фамильных названий,

которые можно с полной уверенностью связать с Северным Кавказом. Что же касается литовской люстрации 1552 г., то в процентном отношении таких переселенцев из района Пятигорья на Северном Кавказе могло быть больше. Если сравнивать прозвища литовской люстрации 1552 г. и «Реєстра войска Запорожского 1649 г.», то увидим, что процесс активного формирования внешней формы для будущих украинских фамилий начался не в XVI, а в XVII в. Невозможно представить, чтобы небольшое количество эмигрантов черкесского происхождения могло оказывать содействие тому, чтобы прозвища с суффиксом ***-ко*** начали массово распространяться среди славянского населения Среднего и Нижнего Поднепровья в XVII в. Как уже доказывалось, мы имеем дело с более давним явлением.

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на следующий вывод Я.Р. Дашкевича: «Кавказские и крымские черкесы проникали в XVI—XVII вв. на Украину постоянно путём микромиграций. Чаще всего они вливались в военно-служилое сословие. Дисперсное расселение мигрантов, православных или перешедших из ислама в православие (на что имеются прямые указания в источниках), способствовало ассимиляции с украинцами. Отдалённым реликтом расселения черкесов является современная украинская антропонимия (фамилии Черкас, Черкасенко и производные), а также топонимия (ойконимы типа Черкассы, Пятигоры, Пятигорка)»[63].

Среди некоторых исследователей получило распространение мнение, что отряды адыгов принимали участие в освободительной войне украинского народа против власти Польши в 1648—1654 гг. Этого мнения придерживался, например, Л.И. Лавров[64]. Этот факт также выделил Я.Р. Дашкевич. Так, в статье «Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.)» он отметил: «Во время Освободительной войны большинство этнических черкесов присоединилось к восставшим, из-за чего в 1649 г. набор черкесов в польские войска был запрещён»[65]. Эту же мысль исследователь повторяет и в другой своей статье «Черкесы», отмечая при этом: «Вступали черкесы и в ряды запорожского казачества (в 1581 г., массово — в 1649 г.), поэтому во второй половине XVII в. польская сторона не раз отказывалась брать их на службу»[66]. К сожалению, Я.Р. Дашкевич не указал, какими архивными документами он пользовался. Похоже что проблема участия черкесов-пятигорцев в освободительной войне украинского народа в 1648—1654 гг. ждёт своих исследователей и является весьма перспективной.

* * *

В современной украинской и северокавказской историографии наименее изученными остаются вопросы, касающиеся контактов и характера взаимоотношений между населением Украины и Северного Кавказа, прежде всего Черкесии, во второй половине XVII в. Это можно объяснить тем, что исследователей интересовали иные события этого бурного времени, в которых участвовали многие исторические личности. Однако иногда внимание историков привлекали и выходцы с Северного Кавказа, оказавшиеся по воле судьбы на землях Украины. Но историки ограничивались лишь отдельными замечаниями по этому поводу и потому на эту тему не была опубликована даже отдельная статья. Мы полагаем, что данное направление исследований может оказаться довольно перспективным.

На сегодня мало кто знает, что в XVII в. по приказам московских царей на украинские земли неоднократно совершал военные походы кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский. Эта проблема ещё интересна не только тем, что представляет собой малоизученные страницы из прошлого Украины, но также позволяет по-новому посмотреть на характер взаимоотношений Кабарды с Московским государством в XVI—XVII вв. При изучении этого вопроса пришлось столкнуться с неожиданными моментами.

Так, почти никто из современных историков Украины и Северного Кавказа не упоминает о том, что в июле 1678 г. по приказу московского царя кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский принимал участие в обороне крепости Чигирин в украинском Поднепровье. Нет сведений об этом, например, в монографиях современных украинских историков Михаила Степановича Пасичника и Юрия Владимировича Сороки, посвящённых периоду Чигиринских походов[67]. Обратим внимание на то, что Борис Касбулатович Мальбахов и Аульдин Матуевич Эльмесов в монографии «Средневековая Кабарда», которая увидела свет в 1994 г., отмечают, что в правление нового царя Фёдора Алексеевича кабардинский князь Каспулат Черкасский участвовал в российско-турецкой войне (1676—1681 гг.). По их словам, ещё в августе 1675 г. Каспулат Черкасский с небольшим отрядом прибыл в Запорожскую Сечь и вместе с запорожцами принял участие в походе на Крым. Кроме того, исследователи отметили, что в августе 1679 г. по царскому указу князь Каспулат Муцалович Черкасский со своим полком был отправлен на сторожевую службу под Чугуев и Харьков, где разгромил та-

тарское войско в бою в степях на реке Береклейке. А уже в ноябре 1679 г., отмечают далее исследователи, князь Каспулат Черкасский с кабардинцами и союзными калмыками был отправлен на Украину, где охранял переправы через реку Днепр. Что же касается вопроса об участии этого кабардинского князя в обороне Чигирина в 1678 г., то в книге об этом ничего не сказано[68].

Тем не менее, ещё чуть более 60 лет назад исследователи писали об этом. Так, в 1958 г. Николай Александрович Смирнов в монографии «Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках» отметил: «Всё внимание султанской Турции в конце XVIII в. было поглощено её захватническими войнами с Польшей и Россией. Война, которую Турция вела, начиная с 1676 г., из-за Украины, приняла особенно острый характер в 1677—1678 гг., когда турецкие войска совместно с крымскими вторглись в пределы Правобережной Украины и пытались захватить крепость и важный стратегический пункт Чигирин, прикрывавший дорогу и переправу на левый берег Днепра. В этой войне большую военную помощь русско-украинским войскам оказал пришедший с Кавказа 4-тысячный отряд князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Только после прибытия 28 июля 1678 г. на Днепр этого отборного войска командующий князь Ромодановский отдал приказ о наступлении, которое закончилось полным разгромом турок»[69]. Эта информация фигурировала и в других более ранних работах Н.А. Смирнова, например, в книге «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.», которая вышла в свет в 1948 г.[70]

Особое же освещение данный вопрос получил в отечественной историографии дореволюционного периода. Так, кабардинский историк В.Н. Кудашев в своей известной монографии «Исторические сведения о кабардинском народе», которая впервые была издана в Киеве в 1913 году, к 300-летнему юбилею царской династии Романовых, не мог обойти вниманием этот вопрос. В частности, о деятельности кабардинского князя Каспулата Муцаловича он отметил: «Князь Каспулат Муцалович Черкасский оставался всегда, по-видимому, верным традициям своего рода и верно служил Московскому государству. Мы имеем, например, сведения о том, что князь Каспулат чрез своих узденей разведывал для московского правительства о положении дел и настроений среди калмыков и в Крыму. В 1678 году грамота царя Фёдора Алексеевича князю Каспулату — вместо годового и денежного жалования, которое он по-

лучал раньше, был пожалован пожизненно терский таможенный пошлинный сбор. В этой грамоте перечислены заслуги князя Каспулата. Он вместе со своими узденями участвовал в крымских и чигиринских походах и сражался не раз против турок и Крыма»[71].

Николай Иванович Косиненко в книге «Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг.», вышедшей в свет в 1911 г., довольно подробно описал те драматические события в Чигирине, в которых принимал участие князь Каспулат: «...В течение 7 дней повторялись нападения турок, но все они были безуспешны: турки не могли даже воспрепятствовать сношениям полевой армии с гарнизоном крепости. Несмотря на просьбы осаждённых поспешить на выручку города, Ромодановский медлил дальнейшим наступлением, ожидая согласно царского приказа кн. Булата Черкасского, прибывшего с 4 тыс. калмыков, черкес и донцов только 28 июля. Таким образом, этот приказ из Москвы связывает главнокомандующего, заставляя его в виду неприятеля терять более 2-х недель. ... 31 июля Ромодановский решился атаковать наседавшую на него конницу Бекир-паши»[72].

Не обошёл вниманием данный вопрос и Н.И. Костомаров. В монографии «Руина» по этому поводу он отметил: «Самойлович выступил в поход в первых числах июня и сошёлся с Ромодановским на Артополоте. Там предводители устраивали друг другу пиры. На пир, данный боярином, приглашены были козацкие чины, которым отдавалось большое предпочтение перед великорусскими, и последние на то озлобились. Отсюда двинулись они к Лубнам, куда прибыли 12-го июня. Вперёд отправлен был отряд в 12 000 человек, под начальством Косагова — поискать удобное место для переправы огромному соединённому войску. За ним гетман и боярин к концу июня приблизились к Днепру, а 1-го июля пришло к ним известие, что турецкие силы приближаются к Бугу. Тогда предводители сообразили, что переход в том месте, куда они отправили Косагова, неудобен, потому что им придётся идти к Чигирину три мили через леса и болота, и если неприятели там нападут на них, то им некуда будет повернуться со своим тесно замкнутым вагенбургом. Они решили повернуть вверх по течению реки Сулы, перешли через неё 3-го июля, а потом дошли до Бужинского перевоза на Днепре. В этих местах было приготовлено много байдаков; началась переправа, на которую оказалось потребно не менее четырёх суток по причине большого количества войска. Тут пришёл Ромо-

дановскому указ подождать прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского с калмыками и татарами. Таким образом, к большой досаде сидевших тогда в Чигирине, войско, шедшее к ним на выручку, оставалось продолжительное время на берегу Днепра, до 29-го июля, пока не явился долго ожидаемый князь Каспулат Муцалович»[73].

Вполне вероятно, что наиболее раннее упоминание об участии Каспулата Муцаловича в обороне Чигирина в 1678 г. содержится в статье Александра Николаевича Попова «Турецкая война в царствование Фёдора Алексеевича», которая была опубликована в 1857 г. При этом внимание кабардинскому князю было уделено дважды. Так, А.Н. Попов, говоря о подготовке к битве за Чигирин, отметил действия гетмана Ивана Самойловича: «Самойлович также просил государя, чтоб в помощь его войскам были присланы Калмыки и, если возможно, Башкирцы, особенно для действия против Татар. Хотя, писал он, "ныне Калмыки без провожатых ходя, много бесчисленного разорения в людях и имениях починили", однако же просил, опасаясь значительного собрания войск турецких и татарских, предписать им немедленно идти в поход, чтобы к весне успели приблизиться к Днепру и соединиться с ними. Государь исполнил его желание, поручив главное начальство над Калмыками князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому»[74].

В дальнейшем А.Н. Попов довольно драматично описывает обстоятельства прибытия кабардинского князя со своим войском к месту назначения: «С тех пор, как отряд Косогова отступил к главным войскам и открыл для неприятеля путь через Тясмин, отряды Татар и Турок перешли через реку и совершенно разобщили крепость от соединённых войск, московского и малороссийского. Переправившись через Днепр, в начале июля, князь Ромодановский получил царское повеление, в котором ему предписывалось не начинать действий против неприятеля, не дождавшись прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского с Калмыками и Горцами. Это предписание, исполненное воеводою, заставило потерять около трёх недель времени без всякой пользы и в совершенном бездействии. Только 28 июля прибыл Каспулат всего с двумя тысячами бедных, голодных и оборванных наездников, которые, конечно, не могли оказать никакой особенной помощи войску, простиравшемуся до 80 тысяч. Через два дня после их прихода воевода и гетман двинулись к Чигирину»[75].

Как видим, в исследованиях историков, выполненных более 60 лет назад, содержатся сведения об участии кабардинского князя

Каспулата Муцаловича Черкасского в обороне Чигирина. Известно, что по царскому указу он прибыл туда 28 июля 1678 г. В составе его войска были калмыки, горцы (черкесы), донские казаки («донцы») и др. При этом сведения о количестве его войск колеблются от 2 до 4 тысяч. Однако, как это ни странно, такая информация отсутствует в работах современных исследователей.

Казалось бы, документы, касающиеся этого периода жизни князя Каспулата Муцаловича, должны были быть опубликованы в первом томе такого авторитетного издания, как «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», которое вышло в свет в 1957. Однако там совершенно нет документов, подтверждающих участие кабардинского князя в обороне Чигирина. Мало того, там сказано, что в июле 1678 г. Каспулат Муцалович с его войском находился возле поселения Чугуев, что вблизи крепости Харьков[76].

В приведённой там челобитной грамоте московскому царю Фёдору Алексеевичу чугуевский воевода Иван Рыхтаров сообщает, что для охраны рубежей возле Чугуева от нападений ногайцев и крымских татар 15 июля прибыл «князь Каспулат Муцалович Черкасской да стольник и воевода Козьма Козлов с... ратными людьми». Автор письма сообщает о начале этого рейда следующее: «Июня в 1 числе писал к тебе, великому государю указу для походу на твою великого государя службу в Малороссийские городы к случению сил поехал он из Астрахани, а с ним черкаские да нагайские и окоцкие мурзы с узденями своими и иные ратные люди, которым у него в полку быть велено, в колмыцкие улусы к Аюкаю и к Солом-Сереню и к иным тайшам, и соединясь с колмыцкими тайши и с колмыки, пойдут в малоросийские городы вскоре». Спустя некоторое время, 15 июля, люди войска Каспулата Муцаловича подошли к Чугуеву «и стояли за рекою за Северским Донцом на Нагайской стороне на речки на Тоганки от Чюгуева в трех верстах». Далее воевода Иван Рыхтаров сообщает о затратах, которые он понёс на содержание войска в течение 3—4 дней. После этого 18 июля люди объединённого войска «прошли через Чюгуев посадом к Харькову»[77]. Получается, что в июле 1678 г. Каспулат Муцалович Черкасский находился в Чугуеве, а не в Чигирине. Однако действительно ли это было так?

По-видимому, отсутствием в первом томе издания «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» сведений об участии Каспулата Муцаловича в обороне Чигирина в июле 1678 г. можно объяснить, почему в работах современных историков нет инфор-

мации об этом событии. При этом очень трудно поверить в то, что авторитетные историки прошлого и позапрошлого столетий могли нас дезинформировать, т. е. попросту придумали историю со множеством подробностей о том, как 28 июля 1678 г. Каспулат Муцалович со своим войском в 4 тысячи человек подошёл к Чигирину.

Но всё это можно объяснить. Так, в комментариях к первому тому издания «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» отмечено: «Док. № 234—246 относятся к участию кабардинских отрядов в русско-турецкой войне 1677—1681 гг. ... В борьбе за Чигирин, вторично осаждённый турецкими войсками в июне 1678 г., русское командование придавало большое значение совместному действию русских и украинских войск с кабардинскими и калмыцкими отрядами под руководством Каспулата Муцаловича Черкасского. Так, например, войска Ромодановского и гетмана Самойловича в июле месяце, прежде чем идти на помощь к Чигирину, ждали соединения с идущими с Дона отрядами Каспулата... По вопросу о снабжении полка кн. Каспулата Муцаловича Черкасского имеются отписки новосильского, белгородского и других воевод в Разрядный приказ и выписки, составленные в приказе (ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. 1464, л. 14, 15—29, 21—38, 117—121, 128—144, 704—711)»[78]. Таким образом, составители первого тома издания «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» знали об участии князя Каспулата в обороне Чигирина в июле 1678 г., но, по неизвестным причинам, не включили интересующие нас документы в это собрание актов.

К тому же В.Н. Кудашев на страницах монографии «Исторические сведения о кабардинском народе», где речь идёт о деятельности князя Каспулата, в сносках привёл источники этой информации: «Московский Архив Министерства иностранных дел. — Дела кабардинские. 1675. № 1; Кабардинские шертные грамоты. № 10»[79]. Получается, что историки XIX — начала XX вв., в отличие от современных исследователей, использовали архивные документы, которые до сих пор не опубликованы. Значит, их информации можно вполне доверять.

Однако, как оказалось, некоторые интересующие нас документы о Чигиринском сражении всё же были изданы. Так в тринадцатом томе «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» в 1884 г. была напечатана «Грамота гетмана Самойловича» от 6 августа 1678 г. Позволим себе процитировать её наиболее интересную

для нас часть: «Князь Каспулат Муцалович Черкаской пришол к боярину и воеводе ко князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи и к гетману на Бужинские поля июля в 29 числе, в понедельник; а войска с князь Каспулат будет тысяч с пять. ... И как пришли Калмыки в обозы к ним, и Татаром и Турком являтца им не велели, чтоб их не знали и держали их два дни. … И на третий день в среду, часу в шестом дня, боярин и воеводы и гетман князя Каспулата Муцаловича Черкаского с Черкесы и с Калмыки, придав ему боярин и воевода от себя рейтарские и копейщичьи полки, а кого полковником имяны, того не ведает, да смоленскую шляхту, а гетман охотных военных полковников Гелияша Новицкого... Павловского Городицу, да пехотных Грицка да Иванея с полками посылали на неприятельские полки тысяч с 20. А для опасения и естли князь Каспулату будет с неприятеля не сила и было б при ком одержатца, боярин и воеводы посылать за ними в след генерала маеора Франца Улфа с полком, и шол он за ними. И с неприятели у князь Каспулата был бой от обозов в верстах осми, и неприятелей били и гоняли, орду и Турков, на пяти верстах, и взогнали их на горы, и поворотились назад к себе в обозы; и, не допустя их до обозов версты за три, орда на них напала сызнова, и с неприятели были у них помычки и гоняли их и били версты на 3; а Франц Улф был уже напереди их. И стало уже вечерять, разошлись по обозам. А боярин и воеводы и гетман того ж числа рушились обозами и пошли с Бужинских поль к Чигирину на село Кувичинцы по левую руку; а у них с ордою и с Турки бой и помычки были в правой руке»[80]. Как видим, в сообщении гетмана Ивана Самойловича численность войск Каспулата Муцаловича уже достигала пяти тысяч человек.

Кроме того, информация о пребывании кабардинского князя Каспулата Муцаловича в районе Чигирина в конце июля 1678 г. содержится в таком источнике, как «Дневник 1677—1678 гг.» Патрика Гордона, который принимал самое непосредственное участие в обороне Чигирина. Известно, что в конце июля 1678 г. Патрик Гордон находился в самом Чигирине и держал оборону крепости, а князь Григорий Ромодановский пытался с другой стороны, но также на правом берегу Днепра, прорваться к крепости через заслон турок и татар. Патрик Гордон довольно подробно описал прибытие князя Каспулата с его войском: «Между тем из Москвы к боярам пришёл указ, дабы они ждали прибытия князя Касбулата Муцаловича Черкасского с черкесами и калмыцкими татарами — большими врагами

татар крымских. Прибыл также другой указ, что в случае, если будет невозможно отстоять город и замок Чигирин, то им надлежит разрушить замок и отвести гарнизон. 28 июля князь Касбулат Муцалович Черкасский явился к Днепру с черкесами и калмыками, а назавтра они переправились через Днепр. Их было всего около 2000 человек — слишком малые силы, чтобы тратить так много драгоценного времени на их ожидание. 30-го христианская армия двинулась из лагеря и построилась в каре, ограждённая подводами, словно стеною; орудия везли со всех сторон по удобным местам. Черкесам, калмыкам и прочим добровольцам было позволено попытать счастья за пределами вагенбурга. Но насколько калмыки были страшны для крымских татар, настолько страшны были турки для них самих; [калмыки] едва дерзали на тех взглянуть, будучи почти все наги и плохо вооружены»[81]. В сообщении Патрика Гордона смущает количество прибывших с князем Каспулатом — 2 тысячи. Комментируя эти неточности, автор перевода источника Дмитрий Геннадьевич Федосов отметил: «В ряде случаев утверждения Гордона противоречат другим источникам, как, скажем, уже упомянутая оценка силы крымских татар во втором Чигиринском походе, которая представляется преувеличенной. Возможно, что он, напротив, преуменьшил численность отряда черкесов и калмыков, приведённого князем Черкасским на соединение с царскими войсками в конце июля 1678 г. (по "Дневнику" 2 тысячи человек — л. 109 об., по другим данным 4 или 5 тысяч). Однако в последнем случае Гордон прав в главном: терять больше двух недель на ожидание столь малого, к тому же нерегулярного, отряда воеводам явно не стоило. В принципе автор Дневника не был склонен ни к пустым домыслам, ни к намеренным искажениям фактов, так что по крайней мере часть неточностей и ошибок в его записках может объясняться сообщениями других лиц, которых он считал достойными доверия»[82].

Исходя из этого, можно реконструировать военный рейд князя Каспулата Муцаловича в 1678 г. в деталях. Так, согласно сообщению чугуевского воеводы Ивана Рыхтарова, 1 июня 1678 г. князь Каспулат отправился из Астрахани с войском, в составе которого, кроме кабардинских черкесов и калмыков, были также ногайцы. Необходимо учитывать, что путь их пролегал через высохшие летом степи и поэтому подойти к Чугуеву изнурённое переходом войско смогло лишь 15 июля, преодолев сотни километров. В Чугуеве кавалеристам надлежало пополнить запасы продовольствия и отдохнуть. Но,

повинуясь царскому указу, они уже через 3 дня, 18 июля, ушли оттуда и, минуя Харьков и Белгород, двинулись к Днепру, где 28 июля встретились с войсками Григория Ромодановского вблизи Чигирина. Как видим, войскам князя Каспулата снова пришлось преодолеть несколько сотен километров. Получается, что московский царь Фёдор Алексеевич, отдавая приказ князю Каспулату Муцаловичу срочно двигаться в малороссийское Поднепровье, не учёл, что идти придётся летом в засушливых и знойных степях. Поэтому и подмога со стороны кабардинцев и калмыков князю Григорию Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу несколько задержалась. Отметим также, что сведения некоторых историков о том, что с Каспулатом Муцаловичем прибыло около 4 тысяч человек, подтверждаются данными грамоты чугуевского воеводы Ивана Рыхтарова, где сказано: «А по смете их было с 3000 с 800 человек»[83]. Следует отметить, что в течение 3—4 дней Иван Рыхтаров вынужден был кормить людей Каспулата Муцаловича. Это требовало знания точного количества людей для отчётности. Поэтому эти сведения следует считать наиболее правдивыми.

Как уже было отмечено, кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский был на украинских землях не только летом 1678 г. По приказу московского царя (сначала Алексея Михайловича, а потом Фёдора Алексеевича) он совершил несколько рейдов вглубь Украины, которая переживала не самые спокойные в своей истории времена. Позволим напомнить некоторые эпизоды этого смутного времени.

Так, уже после смерти Богдана Хмельницкого в августе 1657 г. началась борьба за власть различных группировок украинской шляхты. 60—80-е гг. XVII в. вошли в историю Украины как время Руины. К сожалению, наследники Богдана Хмельницкого не смогли успешно завершить его начинания. Началом времени Руины стало устранение от власти осенью 1657 г. шестнадцатилетнего сына Богдана Хмельницкого — Юрия. Иван Выговский и его сторонники фактически осуществили государственный переворот. Побаиваясь, что Украина может потерять автономию, и невзирая на народные настроения, Иван Выговский заключил с Польшей Гадячский договор в 1658 г., по которому Украина под названием Великого княжества Русского должна была войти в состав Речи Посполитой как равноправный с Польшей и Литвой партнёр. Политику Ивана Выговского не поддержали казаки. В результате этого на-

чалось восстание, во время которого гетман вынужден был бежать в Польшу. В 1659 г. гетманом снова избрали Юрия Хмельницкого. В 1659 г. московское правительство заставило его подписать Переяславские статьи, которые существенно ограничивали автономию Украины. Поэтому уже через год (в 1660 г.) Юрий Хмельницкий подписал Слободищенский трактат, который предусматривал переход Украины под власть Польши. Батуринские (в 1663 г.) и Московские (в 1665 г.) статьи, которые подписал уже гетман Иван Брюховецкий, укрепляли позиции Москвы в Украине. Следующие договорные условия с российским правительством, заключённые гетманами Демьяном Многогрешным (Глуховские статьи в 1669 г.) и Иваном Самойловичем (Конотопские статьи в 1672 г. и Переяславские статьи в 1674 г.) расширили права царской администрации в Украине. Ослабленная внутренними неурядицами Украина стала землёй, за которую боролись Россия, Польша и Турция. После того, как Иван Выговский подписал Гадячский договор, Польша возобновила военные действия против России за территорию Украины. Затяжная изнурительная война ослабила обе стороны. Поэтому и Россия, и Польша вынуждены были искать мира. В результате длительных переговоров 30 января 1667 г. в Андрусове, вблизи Смоленска, было заключено перемирие на тринадцать с половиной лет. Россия закрепила за собой Левобережную Украину (в украинской историографии этот регион часто называется Гетманщиной), земли запорожцев и Слободскую Украину. Правобережная Украина остались в составе Польши[84].

Тем временем над украинским народом нависла угроза порабощения Османской империей и её вассалом Крымским ханством. В борьбе против турок и крымских татар большую роль играли запорожские казаки, которые совершали сухопутные и морские походы в Крым и на турецкие крепости в Приазовье. В 60—70-х гг. XVII в. такие походы не раз возглавлял кошевой атаман Иван Сирко. В это время московский царь Алексей Михайлович решил нанести упреждающий удар. Тогда в июне 1675 г. по царскому приказу князь Каспулат Муцалович Черкасский прибыл из Кабарды в Москву, где был принят в Посольском приказе. Русское правительство обсудило с князем Каспулатом план новой военной кампании против Крымского ханства. Судя по документу, это случилось 6 июня 1675 г. Кабардинскому князю вменялось следующее: «А в нынешнее время итти ему, князю Каспулату, великого государя с

ратными людьми и с калмыцкими тайши и с их улусными людьми для промыслу на Крым во время безлюдства их паче тех времен способно, потому что о том царскому величеству подлинная его ведомость, что конечно хан и нурадын и калга со всеми ордами в польских городах удержаны, а в Крыму без них великое малолюдство, как о том и не в давне выходец из полону ис Турской земли шатченин сын боярский Петр Татаринов, который взят был в Крым з боярином с Васильем Барисовичем Шереметевым, а потом был турского салтана при самом ближнем человеке Ивана Етакии у всех тайных дел и с Селим-салтаном в обоих походах под Каменце-Подольским и в Украине был же, подтверждает, что конечно так и подлинно»[85]. Таким образом, войско князя Каспулата должно было двигаться через территорию Украины.

И уже в сентябре 1675 г. Каспулат Муцалович Черкасский с небольшим отрядом (около 800 человек)[86] прибыл в Запорожскую Сечь, где вступил в переговоры с кошевым атаманом Иваном Сирко. В отписке князя Каспулата Муцаловича Черкасского в Посольский приказ на имя царя Алексея Михайловича об этом сказано следующее: «И мы, холопи твои, опасаючись того, что с нами, холопи твоими, люди небольшие, пришли мы, холопи твои, с твоими великого государя ратными людьми и с калмыки в Запороги к реке Днепру и посылали к запорожскому кошевому ятману к Ивану Серку, чтоб он, гетман, з запорожскими казаки шол с нами, холопи твоими, в Крым и в крымские улусы для воинского промыслу. И он, гетман Иван Серик, сказал нам, холопем твоим, что он готов с нами, холопи твоими, итти на твою великого государя службу для воинского промыслу»[87].

Князь Каспулат и Иван Сирко договорились о проведении совместной военной операции против крымских татар. 23 сентября 1675 г. объединённые отряды кабардинцев, калмыков (под начальством Мазан-батыра) и запорожских казаков перешли Сиваш (Гнилое море) и разорили внутренние крымские улусы, захватив большое количество пленных. В конце сентября союзники вернулись из Крыма в Запорожье, разгромив под Перекопом татарское войско («И как пришли к Перекопи, крымские ратные люди, собрався 3 салтана крымских с крымскими ратными людьми, бой с ними дали и их побили. Да на том же бою взяли Батыря-мурзу Мансурова да татарина раненых, и татарин от ран в дороге умере. Да на том же бою мой холопа твоего Каспулатков уздень Сетей убит. А твоих великого государя ратных людей никого не убито и в полон не взято. И мы, холо-

пи твои, с теми со всеми твоими великого государя ратными людьми и с калмыки и з запорожскими казаки ис Крыму ис крымских улусов пришли к Запорогах все целости сентября в 27 день»)[88]. За этот поход в Крым князь Каспулат Муцалович Черкасский получил в награду от царя «шапку бархат с петли да фаразею брахатную золотую на соболях с аламы, нанизанные жемчугом»[89]. Были также щедро вознаграждены и другие участники похода — кабардинские мурзы Хата Тлеспердекович и Айдемир Тотарханович Черкасские[90]. Так успешно закончился первый рейд князя Каспулата Муцаловича на украинские земли, состоявшийся в сентябре 1675 г. Остальные же его походы с Кавказа на Украину уже происходили в начале правления московского царя Фёдора Алексеевича, которое ознаменовалось очередной войной России с Османской империей и вассальным ей Крымским ханством за Украину в 1676—1681 гг.

Обычно считают, что причиной войны послужила попытка Османской империи вмешаться в российско-польское противостояние и получить контроль над Правобережной Украиной. Ситуация ещё усугублялась тем, что в начале войны в 1676 г. на территории Украины действовали два гетмана — протурецкий Пётр Дорошенко и промосковский Иван Самойлович. Когда были получены сообщения, что турки и крымская орда снова идут на Польшу, князь Григорий Ромодановский и гетман Иван Самойлович получили приказ покончить с Петром Дорошенко. Тот располагал всего двумя тысячами сердюков. Когда к его столице — Чигирину, расположенному на правом берегу Днепра, подошли российско-украинские войска, Пётр Дорошенко 19 сентября 1676 г. капитулировал после недолгого сопротивления. В Стамбуле были очень недовольны падением своего ставленника и утратой правобережных территорий, но решили для начала разделаться с поляками, а русских оставить на следующий год. Войска Яна Собеского были окружены близ Львова и 17 октября 1676 г. король был вынужден подписать Журавенский мир, снова отдававший османам Подолию и большую часть Правобережной Украины. Тогда же со стороны России на Дон было отправлено пополнение во главе с Иваном Волынским. Эти войска сменили части, прибывшие в 1673 г. с Иваном Хитрово. Иван Волынский сменил князей Ивана Хованского и Ивана Кольцова-Мосальского и принял общее командование. На козловском участке Белгородской черты татары раскопали вал у Бельского городка и прорвались за оборонительную линию, но вскоре это вторжение было пресечено. В другом

месте прорвались калмыки, но на обратном пути были перехвачены и разгромлены[91].

В условиях новой войны нависла угроза над Киевом, который находился под контролем гетмана Ивана Самойловича. Как явствует из документов, город обороняли запорожцы. Но этого было недостаточно. Тогда в начале марта 1676 г. Разрядный приказ от имени царя Фёдора Алексеевича издаёт следующий указ: «...На оборону своей царского величества отчины града Киева и на защищение Войску Запорожскому и всему народу малороссийскому своего царского величества подданному князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому итить к Киеву и к Печерскому монастырю, а с ними стольнику и воеводе Кузьме Козлову. А калмыцким и низовым ратем на той его государеве службе велено быть к Киеву перед прежним с великою прибавкою. И для того стольник и воевода Кузьма Козлов послан нарочно. А собрався с калмыки и с низовою ратью и з донскими казаками, итить к Киеву ранним пешим путем. А как князь Каспулат Муцалович с войски на его государеву службу пойдет, и тогда в великороссийских городех пристойное ему и войскам калмыцким удовольствие будет учинено. А о удовольствовании князю Каспулату Муцаловичу Черкаскому и калмыкам в малоросийских городах великого государя указ учинить в Розряде»[92]. Успел ли принять участие князь Каспулат в обороне Киева в 1676 г., из документов не известно. Хотя нет документов, в которых бы содержался указ об отмене его похода. Скорее всего, это был кратковременный рейд, закончившийся тем, что впоследствии эпицентр событий переместился к другому городу — Чигирину. Таким образом, имеются основания говорить о том, что вскоре после марта 1676 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович совершил свой второй рейд на украинские земли и мог побывать не только в районе Киева, но и Чигирина, который Пётр Дорошенко сдал князю Григорию Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу в сентябре 1676 г.

Отметим сразу, что через два года, в июне 1678 г., Чигирин был окружён турками и татарами. Войска князя Григория Ромодановского поспешили на помощь защитникам осаждённого города. 10 июля татары атаковали на левом берегу московские обозы, но были отбиты; неудачей закончилась и попытка турок атаковать 11 июля московские и украинские передовые войска на правом берегу. 12 июля украинско-российская армия сосредоточилась на правом берегу, где в тот же день отбила атаку великого визиря Кара-

Мустафы. 15 июля отряды турецкой и крымской конницы вновь атаковали российско-украинские отряды, князь Григорий Ромодановский вышел из обоза и двинул силы на них. Бой продолжался целый день. Турки и татары отступили и заняли выгодные позиции, перекрыв доступ к провианту и продовольствию. И как уже отмечалось, князь Григорий Ромодановский не мог продолжать движение вперёд, пока не прибудут войска Каспулата Муцаловича. И они пришли лишь 28 июля после длительного перехода от Астрахани к Чугуеву, а оттуда — к Чигирину. После этого князь Ромодановский отдал приказ к наступлению. Однако несмотря на упорные атаки российских и украинских полков, взять укрепления турок под Чигирином не удалось. 3 и 4 августа после жарких боёв деблокирующая армия овладела Стрельниковой горой и вошла в сообщение с гарнизоном. Между тем турки, осаждавшие город, продолжали бомбардировку и начали устраивать подкопы. 11 августа последние были взорваны у реки Тясмин и этим была зажжена часть нижнего города. Увидев пожар, защитники города бросились в лагерь Григория Ромодановского через горевший мост, но тот обрушился и масса людей погибла. Одновременно с этим неприятелю удалось зажечь и новый верхний город. Оставшийся гарнизон отступил в старый верхний город и там весь день отбивал штурмы противника. Ночью по приказанию князя Ромодановского была зажжена и уцелевшая часть Чигирина; защитники её присоединились к главным силам и на рассвете украинско-российская армия начала отступление к Днепру, преследуемая неприятелем. Вслед за тем турки ушли к границе, но Юрий Хмельницкий, который перешёл на сторону турок и татар, остался на правом берегу Днепра, занял Немиров, Корсунь и некоторые другие города и не раз осенью и зимой нападал на левобережные города. Султан Мехмед IV, не получив существенных выгод от Чигиринской победы и вообще от войны с Россией и нуждаясь в войсках для борьбы с Австрией, стал склоняться к миру[93].

Нам известно также, что прибывшие с князем Каспулатом люди принимали участие в последних боях за Чигирин 11 августа 1678 г. Об этом может свидетельствовать следующее сообщение из «Дневника» Патрика Гордона: «В это утро тяжёлые орудия [неприятеля] совсем притихли, но к полудню стали греметь по обыкновению. Около часа пополудни, пока мы занимались ретраншементом, под городской стеною вспыхнула мина, рядом с прежней, и пробила большую, весьма уязвимую брешь. Тут же другая мина, взлетев очень близко

от первой, так устрашила черкас, кои недавно прибыли в город и не привыкли к таким взрывам, что те покинули не только стену, но и ретраншемент. Прочие, кто был подальше, видя их бегство и турок, вступающих в брешь без всякого сопротивления, тоже бежали»[94]. Отметим, что в упомянутых «черкасах» следует видеть черкесов князя Каспулата по двум причинам. Во-первых, в «Дневнике» Патрика Гордона как раз сообщается о прибытии накануне, 28 июля, черкесов с князем Каспулатом. Во-вторых, известно, что в Московском государстве и Речи Посполитой в XVI—XVII вв. «черкасами» продолжали называть не только украинских казаков, но и адыгов-черкесов Северного Кавказа. Напомним, что кабардинский князь Каспулат Муцалович имел в своём имени ещё и титул «Черкасский».

Таким образом, в июле — августе 1678 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский совершил свой третий рейд на территорию Украины, в результате которого он на три дня, с 15 по 18 июля, задержался возле Чугуева под Харьковом. После этого он 28 июля достиг Днепра и принимал самое непосредственное участие в обороне Чигирина, которое закончилось 11 августа.

Затем Каспулат Черкасский, действовавший по инструкциям Казанского приказа и указа царя Фёдора Алексеевича, отправил трёх своих узденей с посольством для ведения переговоров к крымскому хану Мурад-Гирею в Бахчисарай. Имеющийся документ, который подтверждает это, датирован 23 октября 1678 г.[95] Судя по всему, после этого князь Каспулат со своими людьми вернулся на родину.

В следующем 1679 г. Иван Милославский стал заместителем главнокомандующего южной армии (воеводы Большого полка) князя Михаила Черкасского. Так как ожидалось наступление османов на Киев, то воеводы выступили на его защиту. Поскольку турки не появились, 31 июля воеводы получили приказ ограничиться наблюдением и не предпринимать активных действий на правом берегу. Командовать Белгородской линией был оставлен князь Яков Барятинский, под командой которого находились крупные силы, стянутые из разных мест, в их числе отряд генерала Григория Косагова (9 тыс.). Общая численность мобильных войск, по данным Разрядного приказа, составляла 16 тыс. К ним присоединился отряд донских казаков, переброшенный из Черкасска. Тогда же Яков Барятинский и Григорий Косагов начали строительство Изюмской черты, но в середине лета татары организовали крупный набег. 24 июля 1679 г. войско крымцев, ногаев и темрюкцев, численностью около 10 тыс. под

командованием мурз Уруса и Малбега, вышло Изюмским шляхом к Чугуеву. Переправившись через Северский Донец, они захватили в окрестностях города большой полон, после чего основные силы пошли к Харькову, а часть двинулась на восток — к Печенегам. Один из татарских отрядов (1500 человек) при переправе у поселения Чугуев сильно потрепали московские войска Каспулата Черкасского и Кузьмы Козлова, а также донские казаки Корнея Яковлева. Украинские казаки Харьковского полка отбросили татар от Ольшанки и преследовали их до реки Можи. Тысячный татарский отряд («лучшие люди») отделился от основных сил и 4 августа подошёл к поселениям Мурафа и Соколов, захватил пленных и скот, но на Може был настигнут харьковскими казаками и разгромлен. Разбившись на три группы, остальные татарские силы начали отход[96].

5 августа 1679 г. царь Фёдор Алексеевич издал указ, согласно которому для отражения нападения крымских татар Каспулату Муцаловичу надлежало стоять со своим войском из кабардинцев, царских ратных людей и калмыков у Чугуева и Харькова. «И великий государь жалует его, князя Казбулата Муцаловича, за то милостиво похваляет, и чтоб он, князь Казбулат Муцалович, с товарыщи своими и с ево великого государя ратными людьми и с калмыки побыл на ево великого государя службе до ево великого государя указу в украинных городех блиско Чюгуева и Харькова. И будет в те места придут люди войною, и он бы над теми воинскими людьми промысл чинил, сколько милосердный господь бог помощи подаст. А по нынешней ево отписке и по вестям указал великий государь к нему, ко князю Казбулату Муцаловичу, итти в сход наспех генералу Григорью Косагову да харьковскому полковнику с полками, да по прежнему своему великого государя указу с Нового Оскола стольнику и воеводе князю Якову Борятинскому с полком же. И он бы, князь Каспулат Муцалович, с теми со всеми великого государя ратными людьми и с калмыки, которые ныне с ним, со князем Каспулатом Муцаловичем, однолично службу свою и раденье ему, великому государю, показал: где в украинных городех объявятца крымские воинские люди — над ними промысл чинил, смотря по тамошнему делу, сколько милосердный господь бог помощи подаст, да о том писал к великому государю, чтоб ево службою украинных городов от войны уберечь»[97].

Как видим, возле Чугуева с кабардинским князем должны были соединиться войска генерала Григория Косагова и воеводы князя

Якова Барятинского. И уже в ответном письме, написанном после 15 августа, кабардинский князь рапортовал Фёдору Алексееевичу, что выполнил его указ. Из письма видно, что князь Каспулат уже в начале августа находился недалеко от Чугуева[98]. Это вполне согласуется с содержанием «Памяти из Посольского приказа в Разрядный приказ...» от 8 апреля 1679 г., согласно которой князю Каспулату, находившемуся на Северном Кавказе недалеко Астрахани, «с черкескими и с калмыцкими войсками, доколе реки не пройдут, из земли своей рушився и их страны тотчас по весне мог поспешить к самому делу воинскому»[99]. В частности в своём рапорте Каспулат Муцалович отметил: «И августа, государь, в 5 день до того твоего великого государя ратными людьми по вестям за крымскими воинскими людьми, которые приходили войною под Чугуев и под иные твои великого государя украинные городы, я холоп твой, с товарыщи и с твоими великого государя ратными людьми ходил и милостию, государь, божиею, а твоим великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича... счастием, тех крымских воинских людей, доехав в степи за Сиверским Донцем на речке Береклейке, розбили и многих в полон поимали»[100]. Отметим, что под названием «Береклейка» фигурировала современная река Балаклейка, протекающая по территории нынешней Харьковской области.

Далее князь Каспулат сообщает о своём дальнейшем передвижении к поселению Валуйки, т. е. на территорию современной Белгородской области: «А ис под Чугуева, государь, с товарыщи и с твоими великого государя ратными людьми пошол я, холоп твой, к Валуйкам августа в 13 день до тое твоей великого грамоты, которая прислана з жильцом с Василем Родичевым, а Василий Родичев с твоею великого государя грамотою встретился августа в 14 день. А под Валуйки, государь, пришол я, холоп твой, с товарыщи и с твоими великого государя ратными людьми и с калмыки августа в 15 день»[101]. Как видим, после победы над крымскими татарами на берегах реки Балаклейки 5 августа 1679 г. князь Каспулат не собирался возвращаться на родину, а прибыл 15 августа в Валуйки, находившиеся недалеко от Чугуева. Это говорит о том, что военная кампания князя Каспулата тогда ещё не закончилась. Однако 22 августа 1679 г. из Посольского приказа была прислана грамота князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому о роспуске его войск и возвращении князя домой в Терский город[102]. Так завершился четвёртый военный рейд князя Каспулата Муцаловича Черкасского на земли

Украины, который начался после 8 апреля и закончился 22 августа 1679 г. Отметим, что на этот раз люди князя Каспулата находились лишь на землях Восточной Украины, называемой Слобожанщиной. И этот поход был более удачным, чем Чигиринская кампания 1678 г.

Исходя из того, что кабардинские черкесы были дважды на Слобожанщине вблизи Чугуева и Харькова — в июле 1678 и в августе 1679 гг., — можно высказать предположение, что часть их могла здесь остаться. Основания для этого даёт название села Пятигорское в Балаклейском районе Харьковской области. Напомним, что в Московском царстве и Речи Посполитой адыгов называли «пятигорскими черкасами» или «пятигорцами». Село Пятигорское расположено на правом берегу Северского Донца именно там, где в XVII в. проходила сторожевая линия Московского государства. Там возникло немало укреплений, информацию о которых мы находим в актовых документах. В частности, в них среди жителей этих крепостей Слободской Украины во второй половине XVII в. неоднократно упомянуты выходцы из «Пятигор»[103]. При этом редактор и издатель «Материалов для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства…» Д.И. Багалей посчитал «Пятигор» селом, но при этом не уточнил точную его локализацию[104]. Исходя из этого, можно соотносить это поселение либо с современными Пятигорцами на Полтавщине, либо с Пятигорами на Киевщине, либо с Пятигорским под Харьковом. Не исключено, что в указанных случаях речь могла идти также и о выходцах из района Пятигорья на Северном Кавказе.

Отметим один любопытный момент: на некоторых сайтах в сети Интернет отмечено, что село Пятигорское Харьковской области было основано в 1685 г. К сожалению, источник этой информации не был указан. Казалось бы, ничто не мешает нам связать поселение Пятигорское с «пятигорским черкасами», оставшимися на Слобожанщине после походов кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского. Однако в «Исторической хронологии Харьковской губернии», изданной в 1862 г. Константином Павловичем Щелковым, село Пятигорское при упоминании событий с XVII по середину XIX вв. ни разу не было упомянуто[105]. В «Списке населённых мест Харьковской губернии по сведениям 1864 г.» поселение с таким названием также не значится[106]. Нет топонима с аналогичным названием и на карте Харьковского наместничества от 1787 г. Однако, по данным этой карты, в этом районе возле сёл Лозовеньки и Копанки известны названия деревни — ***Подгорье***, а так-

же озера — ***Подгорное***. Как видим, возникновение села с названием ***Пятигорское*** никоим образом не связано с пребыванием здесь в конце XVII в. черкесов-кабардинцев из Пятигорья, а является более поздним топонимом и имеет отношение к особенностям местного ландшафта.

К осени 1679 г. московское правительство узнало о намерениях османов. Так, стало известно, что султан и Кара-Мустафа планировали завоевать всю Украину до реки Сейм, и уже на 1 апреля 1680 г. был назначен поход на Киев[107]. Именно поэтому 17 ноября 1679 г. был обнародован указ Посольского приказа, где была оценена сложность обстановки и намечены меры по пресечению вторжения османов. Среди них была предусмотрена отправка князя Каспулата Муцаловича Черкасского на Днепр для охраны переправ: «И князь Каспулат Муцалович Черкаской, естъли калмыцких тайшей с их ордами удобно туды двигнути не может, тогда хотя бы он сам, князь Каспулат Муцалович, с черкесами, при нем будучими, туда ж под Киев поспешил, который на его великого князя службе достойно пригодитися может. А именно для того, когда он, гетман, с войсками великого государя, под Киевом обретающимися, с неприятельми турками воинскую росправу имети будут, тогда бы на сей стороне Днепра он, князь Каспулат Муцалович, с людьми своими черкескими, к которым и он, могут помочи, не допущал загонов татарских…»[108] Князю Каспулату вменялось «стоять на сей стороне Днепра под Переясловлем и в иных местех на переправах днепровых, а он, гетман, придаст к нему своево полку казаков, чтоб они, став в тех местех, не перепускали татар ис под Киева на сю сторону Днепра»[109].

Судя по всему, к концу 1679 г. ситуация не изменилась и турки вскоре отказались от своего намерения захватить Киев. Следовательно, князь Каспулат в начале 1680 г. уже находился у себя дома. Поэтому пятый поход кабардинского князя на земли Украины, под Киев, можно датировать ноябрём — декабрём 1679 г.

В начале 1680 г. обстановка несколько обострилась. В январе 1680 г. крымский хан с крупными силами отправился в набег. Московское командование было застигнуто врасплох. По тревоге были собраны в Сумах Ахтырский и Сумской казацкие полки. Когда стало известно, что в набег идёт сам Мурад-Гирей, Иван Хованский с имевшимися силами выступил из Курска в Вольный, на западный край оборонительной линии. Татары двигались Муравским шляхом. 19 января они разгромили в Харьковском уезде сёла Деркачи, Ло-

зовое, Липцы и Боршевое, а также несколько деревень. К самому Харькову они подходить не пытались, опасаясь столкновения с силами Харьковского полка. Были разгромлены казачьи городки Богодухов, Сенное Праворотье и Ольшанка на верхней Мерле, а также город Валки. Отдельные отряды прошли на север и северо-восток к полевым городам Харьковского и Ахтырского полков, Белгороду и другим городам, расположенным на черте, выискивая место для возможного прорыва. Захватив полон, татары ушли обратно Муравским шляхом. Их никто не преследовал[110].

Как видим, к весне 1680 г. над украинскими землями нависла новая угроза вторжения со стороны крымского хана и турецкого султана. В этой напряжённой обстановке московские власти стали снова опасаться того, что Киев сможет попасть в руки врага. Именно поэтому 15 марта 1680 г. в грамоте Каспулату Муцаловичу Черкасскому московский царь Фёдор Алексеевич приказывал: «Собрався с своями уздени и с калмыцкими тайши и с калмыки со многими людьми, на нашего великого государя службу для того ж дела итти к Киеву с поспешеньем же»[111]. Далее указывалось: «А притить бы тебе, подданому нашему князю Каспулату Муцаловичу к Киеву мал в последних числех или кончае июня»[112]. Однако это уже был последний, шестой, поход князя Каспулата Муцаловича на украинские земли, который должен был иметь место с марта по август 1680 г. Он закончился тем, что возобновились переговоры в Крыму.

В ноябре 1680 г. в окрестностях Терского города князь Каспулат Черкасский встретился с Батыршей, послом крымского хана Мурад-Гирея, направленным в ответ на его посольство в Крым. Батырша сообщил, что турецкий султан приказал крымскому хану отправить посла в Терки для переговоров с князем Каспулатом Черкасским, доверенным лицом московского правительства, и через него передать в Москву о желании заключить мирный договор[113].

В следующем 1681 году после длительных и непростых переговоров было заключено 20-летнее перемирие с Османской империей и Крымским ханством. По его условиям, Россия сохраняла на правом берегу только Киев с округой. Требования Москвы оставить под верховной властью московского царя Запорожскую Сечь были турками решительно отвергнуты. Предложение превратить Правобережье от Буга до Днепра в нейтральную зону, где запрещалось бы строить поселения и крепости, также не прошло. Наоборот, османы начали активное освоение края. В 1681 г. Юрий Хмельницкий, в котором боль-

ше не было необходимости, был арестован и отправлен в Турцию. Украинские земли были переданы под управление молдавского господаря Георгия Дуки[114]. Как видим, в войне 1676—1681 гг. с Османской империей Московское царство потерпело поражение и значительная часть Украины оказалась под контролем вассалов турецкого султана. Несмотря на это, московский царь Фёдор Михайлович стремился щедро отблагодарить тех, кто верно служил ему. Среди них был и кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Личность Каспулата Муцаловича Черкасского интересна ещё тем, что позволяет несколько в ином ракурсе посмотреть на характер взаимоотношений Кабарды с Московским государством в XVI—XVII вв. Как мы убедились, этот кабардинский князь верно служил московскому царю и всегда был готов идти в военный поход по его приказу. В этом случае перед нами типичный образец взаимоотношений сюзерена и вассала. Напомним, что ещё в 1661 г. после смерти князя Муцала Сунчалеевича Черкасского его старший сын Каспулат получил от царя Алексея Михайловича «жалованную грамоту на княжение над нерусским населением Терского города». В жалованной грамоте было написано: «Каспулат-мурзе князю Муцалу сыну Черкасскому за службу деда его Сунчалея, дяди Шолоха и отца князя Муцала, велел быть ему князем над окочанами и черкасами в Терском городе и судить их, в ратном строении и во всех делах и ходить на царскую службу во все походы»[115]. Складывается впечатление, что во второй половине XVII в. Кабарда уже прочно входила в состав Московского государства.

Однако Каспулат Муцалович был единственным из кабардинских князей, кто в конце XVII в. находился на службе у московского царя. Он был лишь одним из нескольких князей Кабарды, а не князем всей Кабарды. Его службу московскому царю можно объяснить тем, что он получил от последнего в удельное владение «Терский город». Да и в войске его, кроме кабардинцев, было много калмыков, ногайцев и др. Подобных личностей на службе у московского царя во второй половине XVII в. было немало. Вспомним, например, шотландца Патрика Гордона, который оборонял Чигирин в 1678 г. Пребывание на службе у московского царя Фёдора Алексеевича кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского уж очень напоминает случай с украинским аристократом Дмитрием Вишневецким, который в 50-е годы XVI в. перешёл на службу к московскому царю Ивану IV Грозному. Он также прославился своей деятельнос-

тью на Северном Кавказе среди черкесов и в Северном Причерноморье. Тогда царь также пожаловал Дмитрию Вишневецкому город Белёв с окрестностями в Тульской земле и Дмитрий Вишневецкий стал последним князем Белёвским. Однако никто не говорит, что Украина вошла в состав России именно при Иване Грозном, потому что украинский магнат Дмитрий Вишневецкий поступил к нему на службу!

Таким образом, можем констатировать, что в период с 1675 по 1680 гг. в разгар военного противостояния с турками и крымскими татарами кабардинский князь Каспулат Муцалович по приказу московского царя совершил шесть военных рейдов на территорию Украины. Первый поход князя Каспулата Муцаловича происходил через территорию Запорожской Сечи на Крым в сентябре 1675 г. Свой второй рейд на украинские земли кабардинский князь совершил в марте — сентябре 1676 г., в результате которого он не только достиг окрестностей Киева, но и мог побывать возле Чигирина, который сдал гетман Пётр Дорошенко московским властям. В июле 1678 г. кабардинский князь прошёл мимо Чугуева и Харькова и после этого 28 июля войско Каспулата Черкасского достигло Днепра и принимало самое непосредственное участие в обороне Чигирина, которое закончилось 11 августа. Это был третий военный поход кабардинского князя в Украину. Четвёртый военный рейд князя Каспулата Муцаловича Черкасского на земли Украины имел место с 8 апреля по 22 августа 1679 г. и происходил на землях Восточной Украины, называемой Слобожанщиной. Целью этого похода была оборона южной границы Московского государства от нападений крымских татар. Пятый военный поход кабардинского князя на земли Украины имел целью оборону переправ через Днепр на подступах к Киеву и его можно датировать ноябрём — декабрём 1679 г. И шестой, последний, поход князя Каспулата Муцаловича на украинские земли имел конечной целью Киев, который он должен был оборонять от турок и татар с марта по август 1680 г. Походы со второго по шестой происходили во время российско-турецкой войны 1676—1681 гг. Нельзя сказать, что они все были удачны, но в данном случае нельзя игнорировать тот факт, что в это тяжёлое для украинцев время им оказали существенную помощь черкесы, которыми командовал кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Таким образом, в XVI—XVII вв. черкесы сыграли заметную роль в истории Украины. Это было время активной борьбы за Украи-

ну со стороны таких крупных государств, как Московское царство, Османская империя и польско-литовская Речь Посполитая, возникшая в 1569 г. В этих событиях вынуждены были принимать участие черкесы, известные также как «пятигорцы». В отличие от предыдущих времён, данная эпоха нашла довольно детальное освещение в документах. Однако сведения о миграциях черкесов на земли Украины носят отрывочный характер. Поэтому, как это ни парадоксально, большее наличие информации породило не столько ответы, сколько большое количество новых вопросов, которые в будущем предстоит решить исследователям. Так, до сих пор не известно, ушли ли с Дмитрием Вишневецким в Украину черкесы после разрыва его отношений с Иваном Грозным в 1560 г.? Мало известно также о переселениях черкесов на украинские земли после Дмитрия Вишневецкого в последние десятилетия XVI в. Особый интерес заслуживают вопросы, связанные с пребыванием черкесов на службе у польско-литовских правителей. И конечно же темой отдельного исследования может стать участие черкесов в освободительной борьбе украинского народа 1648—1654 гг. против Польши. Как видим, проблема украинско-черкесских связей в XVI—XVII вв. является очень перспективной для дальнейших исследований.

Глава седьмая

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Близость Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья всегда давала повод исследователям говорить о возможных культурных контактах между населением отмеченных субрегионов как во времена античности, так и в средневековье. Как удалось показать в предшествующих главах настоящего исследования, имеются особые основания вести разговор об этих связях именно в эпоху средневековья. Этнологи и фольклористы уже давно обратили внимание на культурные параллели, существующие в традициях населения Украины и Северо-Западного Кавказа. Так, несколько десятилетий назад украинский этнограф В.Ф. Горленко отметил: «Вряд ли можно сомневаться в том, что жившие в далёком прошлом на территории Украины и России племена, в том числе восточнославянские, будучи близкими соседями предков черкесов, находились с ними в разнообразных и тесных связях»[1]. Это хорошо видно, например, на материалах фольклора.

В XIX в. достоянием научной общественности стал героический нартовский эпос многих народов Северного Кавказа, о происхождении отдельных сюжетов которого до сих пор ведутся споры среди фольклористов и этнологов. Тогда же объектом научного исследования стали былины, сохранившиеся к XIX в. на севере европейской части России. Как отметил Б.А. Рыбаков, в былинах, в отличие от сказок, главными персонажами являются конкретные исторические личности — Владимир, Добрыня, Олег Святославич, Апраксакоролевна, Шарукан и др.[2] В своё время В.Ф. Миллер обратил внимание на то, что образ былинного героя Ильи Муромца как-то не вяжется с реалиями Северной Руси, где он сохранился и был зафиксирован фольклористами. Это дало основания исследователю совершенно справедливо считать, что «старейший Илья, раньше своего прикрепления к Мурому, был прикреплён к иной местности, а именно к Черниговщине»[3]. С Киевским, Черниговским и Переяславским

княжествами В.Ф. Миллер связывал и другие сюжеты древнерусского былинного эпоса, особенно те, которые имеют много общего с нартским эпосом народов Северного Кавказа[4]. Кроме В.Ф. Миллера, этой проблемой занимались Михаил Георгиевич Халанский, Александр Николаевич Веселовский, Илья Васильевич Тресков[5]. Все они отмечали, что фольклор Руси, особенно былинный цикл, имел немало общего с героическим эпосом Северного Кавказа, а именно с нартскими сказаниями осетин, адыгов, абхазцев, карачаево-балкарцев, вайнахов и др.

Действительно, некоторые сюжеты, которые встречаются в былинном эпосе восточных славян и в сказаниях о нартах на Северном Кавказе, иногда поражают большим сходством. Так, необходимо вспомнить о северокавказском Муккаре и древнерусском Святогоре. Оба они находятся в связи с горами, о чём могут свидетельствовать их имена и титулы (князь гор). В древнерусских былинах Святогор желает вздохнуть мёртвым духом на названного брата Илью и последнему достаётся меч Святогора. В осетинском эпосе великан Муккара вздохнул и отбросил далеко от себя Сосрыко (Сослана), но тот подъехал и выхватил у Муккары кинжал и отрезал этому великану голову. Встречи Ильи со Святогором не заканчиваются для последнего счастливо: в одной былине рассказывается о связи Ильи с женой Святогора, а в другой — о смерти Святогора в присутствии Ильи. В кавказских сказаниях встречи нартов с великанами заканчиваются также смертью последних, и это при том, что существуют мотивы овладения женой великана со стороны богатыря[6].

Особо показателен в этом отношении фольклор адыгов. Так, в кабардинском сказании рассказывается о том, как нарт Сосруко убил иныжа (великана). В соответствии сюжету, Сосруко оказался в гостях у иныжа, но скрыл своё имя. Иныж оказал ему, согласно обычаю, гостеприимство и спросил при этом, не знает ли тот Сосруко и его забавы. Сосруко ответил, что знает Сосруко и завтра научит забавам его. На следующий день это обернулось соревнованиями между Сосруко и иныжем. Сосруко придумывал для иныжа всё новые и новые испытания и тот выходил из них с честью. Например, иныж должен был простоять по горло в болоте семь дней и семь ночей и выйти невредимым оттуда. Один раз иныж не смог выбраться из замершей воды и Сосруко решил отрубить ему голову. Но иныж сказал Сосруко, что меч того не способен убить иныжа. А может убить иныжа лишь меч иныжа. Тогда Сосруко с трудом приволок

меч иныжа и толкнул его по льду. Иныж при этом сказал, чтобы Сосруко вытащил его спинную жилу. Сосруко так и сделал и после этого отрубил иныжу голову. Жила же иныжа была способна разрубить дерево[7].

На Кавказе среди «татар» (карачаево-балкарцев) бытовала сказка, согласно которой царевичу было предначертано судьбой жениться на дочери пастуха, страдающей неизлечимой болезнью. Царевич рассердился, но запомнил это предсказание. Однажды он действительно вынужден был попроситься на ночлег к пастуху, у которого дочь страдала неизлечимой болезнью. Тогда царевич и вспомнил предсказанье. Чтобы избежать этого, он ударил больную девушку кинжалом, оставил деньги и ушёл. Утром родители увидели, что их дочь исцелилась. Со временем сыграли свадьбу её с царевичем, а это означало, что предсказание сбылось. Данный сюжет практически идентичен древнерусскому сказанию о том, как Святогор женился. Согласно сказанию, Святогор узнаёт предсказание, что в далёких землях ждёт его неизлечимо больная девушка. Со временем Святогор попадает к ней. Увидев, что никого нет дома, он положил на стол деньги, достал меч и ударил им несколько раз девушку. На утро она излечилась. Скоро и свадьбу сыграли её со Святогором[8].

По наблюдениям В.Ф. Миллера, кабардинский Урызмаг уж очень напоминает древнерусского Илью. Так, как и Илья, Урызмаг происходит из бедной семьи. Когда Урызмаг отъезжает, чтобы выступить против князя Пука, он обращается к отцу и просит лошадь, которую он находит в подземелье. Это напоминает отъезд Ильи к князю Владимиру из родительского дома, когда Илья просит у отца коня и находит его также в подземелье. Кроме того, у Урызмага был сын, о существовании которого он не знал и убил его случайно[9].

По данным В.Ф. Миллера, в осетинском эпосе получил распространение сюжет о том, как нарт Батраз, гордый своей несокрушимой силой на земле, решил помериться силой с духами. Те пожаловались Богу и тот послал против Батраза «Балсагово колесо», которое и убило его. При этом Бог сказал, что любил его и называл своим сыном. После этого добавил: «Ступайте теперь, отнесите его в Софийский склеп». Когда ангелы отнесли тело Батраза в склеп, то сам Бог явился и сказал: «Мой названный сын, чего ты не слушаешься? — Потому что тебя я не видел!». При этом Бог выронил три слезы[10].

По справедливому замечанию В.Ф. Миллера, данный сюжет находит соответствие в былинном эпосе Древней Руси. Первый мотив —

это гибель Ильи и других богатырей за похвальбу справиться с силой небесной и как результат — неудачный бой с нею. Второй мотив — перенесение тела Ильи в пещеры киевские. Мы видим здесь связь с осетинским сказанием — ангелы переносят тело в пещеры[11].

Характерно, что подобное сказание о недосягаемости небесных сил было зафиксировано у черкесов Сирии. Согласно их преданию, сын Хамыша (Хамыца) Патараз (Батраз) заставил нартов заплатить за кровь отца. Но нарты не смогли выполнить поставленные перед ними условия, поскольку они были очень сложны. Спустя время нарты обратились к Патаразу с вопросом: «Как бы ты добрался до неба?» Патараз посоветовал им поставить лестницу. Но просто так им не удавалось подняться. Тогда они увидели гору, которая вроде бы касалась неба. И решили нарты взойти на гору, стать друг на друга и добраться до неба. Но задача оказалась снова непосильной. Как повествует предание: «Тогда и людей, и иныжей (великанов. — *Авт.*), и испов, и животных, и птиц крылатых, и деревья, и камень, глину — всё, что есть на земле, поставили друг на друга, а сверху — Патараза. Патараз протянул вверх руку, но [не достал] до неба — не хватило ещё с хвост кошки»[12].

В этом случае, весьма сложно определить направление заимствования: либо сюжет о состязании с небом и Богом попал с Кавказа на Русь, либо мы имеем дело с тем случаем, когда в христианской Руси фольклорный сюжет слился с христианской традицией и оттуда распространился на окраины православного мира, т. е. на Северный Кавказ. Казалось бы, в пользу последнего предположения может свидетельствовать наблюдение В.Ф. Миллера, согласно которому «перенесение тела Ильи в пещеры киевские ангелами напоминает чудесное воздушное путешествие мощей Св. Николая Чудотворца». Однако В.Ф. Миллер отметил, что «подобные черты можно увидеть и в осетинском сказании»[13].

В своё время В.Ф. Миллер обратил внимание на то, что сюжет одной их кавказских сказок похож на былинное предание о том, как Добрыня уезжает, а жена его выходит замуж за Алёшу Поповича. Согласно былине, Добрыня, уезжая в дальнюю страну, поставил жене срок, после которого она сможет снова выйти замуж. Потом Алёша Попович приносит жене Добрыни весточку, согласно которой Добрыни нет в живых. Женщина сначала не поверила этому. Но потом она согласилась на свадьбу. Получив известие о предстоящей свадьбе, Добрыня необычайно быстро возвращается в Киев. Его

мать сначала не признаёт его, а потом говорит о предстоящей свадьбе. Добрыня переодевается скоморохом и идёт на свадьбу, где поёт песню с намёком. Как результат этого, жена признаёт своего мужа и, не взирая на всякое приличие, пытается через стол перескочить к нему. Это приводит к потасовке между Добрыней и Алёшей, которая скоро заканчивается примирением, где роль примирителя берёт на себя Илья Муромец[14].

Подобный сюжет зафиксировала в адыгском фольклоре Алла Ивановна Алиева, где главными действующими лицами являются нарт Сосруко и красавица Адиюх. У Адиюх, как и в древнерусской былине, также есть муж, который не имеет имени и занимается уводом коней. Он не может обойтись без помощи Адиюх, которая всякий день встречает его, освещая своими руками мост через бурную реку, по которой он прогоняет добычу. Но однажды во время ссоры он запретил Адиюх впредь освещать ему дорогу. В результате в первую же ночь её муж с добычей утонул в реке. После траура женщина выбирает Сосруко себе в мужья[15]. Несмотря на то, что в этом сюжете отсутствует дух соперничества между мужчинами, можем отметить, что в адыгском и древнерусском сказаниях женщине принадлежит ведущая роль в выборе своего счастья.

Другая сюжетная линия, но уже о супружеской верности, прослеживается в следующем сказании. Согласно древнерусской версии, Михаил-Потык заключает со своей женой Авдотьей Лиховидьевной или Марией Лебедью соглашение, согласно которому «кто перво умрёт, второму за ним живому в гроб идти». Но во время отсутствия Потыка умерла его жена. Он возвращается и опускается к жене в могилу. Тогда же в могилу приползла змея, которую Потык впоймал и начал сечь железными прутьями. Взмолилась змея и обещала принести живой воды. Змею Потык отпустил, но оставил в залог детёныша, которого разрубил на мелкие куски. Змея затем приносит живую воду и Потык сначала оживляет змеёныша, а потом свою жену. Аналогичный сюжет существовал и среди кабардинских сказаний о Сосрыко. Согласно им, Сосрыко был влюблён в девушку Нарт-Жан. Однажды перед отъездом нарт Сосрыко заехал к девушке, где они дали друг другу клятву, что один по смерти другого жить не будет. Сосрыко уехал и через три дня воротился. Однако он узнал, что его любимая умерла и уже похоронена. Тогда Сосрыко отправился на её могилу и откопал бездыханное тело. В это время там появились две змеи, которые до смерти стали биться. Сосрыко уви-

дел, что оставшаяся в живых змея уползла и принесла зелёный лист, которым потерла мёртвую змею. Та ожила. Увидев это, Сосрыко взял этот зелёный лист и потёр им свою мёртвую невесту. Та быстро ожила и вскоре сыграли свадьбу[16]. Как видим, много общего с былинами Руси содержится в фольклоре не только осетин, но и адыгов.

К тому же в фольклоре адыгов есть сюжет, который не встречается у других народов Северного Кавказа, но имеет прямые аналогии в сказаниях Древней Руси. Речь идёт о борьбе витязя с Чудовищем-Драконом. Как мы помним, в сказках Руси присутствовал образ многоглавого Змея Горыныча, который извергал огонь из пасти. Подобными характеристиками обладал и Дракон из средневекового фольклора Западной Европы. Однако в кабардинском цикле о Батаразе Дракон выглядит несколько иначе.

Как повествует кабардинское сказание, однажды один из нартов высватал невесту в дальних краях. Отправились в дальние края сваты, но Батараза с собою не взяли, так как не со всеми нартами он дружил. Доехав благополучно, они усадили невесту в повозку и отправились в дальний путь. Спустя три дня и три ночи они сделали привал в широкой долине. Там на реке они увидели огромное чудовище, которое запрудило русло реки, втягивало в себя воду, а потом изрыгало ее и после этого вода казалась туманом. Вдруг к нартам подползла чёрная змея и человеческим голосом сказала, чтобы нарты отдали Дракону невесту, иначе они погибнут. Испугались нарты и отдали чудовищу девушку. Вернулся свадебный обоз без невесты домой. Это было большим позором для тех нартов. Поэтому пришлось им обратиться за помощью к Батаразу, чтобы освободить девушку. В конце-концов Батараз согласился. Батараз и его спутники отправились на бой с Драконом. Там на реке они встретили местных жителей, которые вынуждены были каждый день приносить в жертву чудовищу по три девушки. В результате в их селении девушек уже не осталось. Батараз поскакал в селение и посоветовал людям наполнить сто арб терновником и отвезти их на реку, где лежало чудовище. Дождавшись, когда вода рассеется, Батараз пустил в два глаза чудовища две стрелы. После этого нарты стали бросать снопы терновника в пасть Дракону. А Батараз тем временем приблизился к чудовищу и отсёк ему голову. После этого всех пленных девушек освободили и река избавилась от чудовища[17].

Как видим, это кабардинское сказание содержит сюжеты, которые мы встречаем в некоторых русских и украинских сказках, цен-

тральное место в которых занимает образ Дракона, известного на Руси как Змей Горыныч. Однако Змей Горыныч славян — трехглавый и огнедышащий, а кабардинский Дракон имеет лишь одну голову и извергает из пасти воду, а не огонь. Напомним, что в XI—XII вв. на границах с Южной Русью, а именно на подступах к землям Черниговского и Переяславского княжеств, на берегах Северского Донца утвердился клан половецких ханов, известный в древнерусских летописях под названием «Шарукан». По мнению О.И. Прицака, это родовое имя на языке половцев должно было означать «Дракон», «Змей»[18]. Возможно, что с Шаруканидами следует связывать название современного города «Змеев» под Харьковом, который находится именно там, где древнерусские летописи упоминают ставку половецких ханов «Шарукань — Чешуев». Вполне вероятно, что борьба русичей с Шаруканом и нашла отражение в былинах, где повествуется о борьбе витязей со Змеем Горынычем.

Таким образом, перед нами возможный вариант обратного распространения сюжета: из Южной Руси на Северный Кавказ к адыгам-касогам. И это могло иметь место не раньше второй половины XI в., когда клан Шаруканидов появился на берегах Северского Донца, и не позже начала XII в., когда Тмутараканское княжество на Тамани прекратило существование.

Однако настораживает то, что кабардинский сюжет о Драконе напоминает больше не славянского Змея Горыныча, а дальневосточного Дракона. Не стоит упускать из виду, что к адыгам на Кавказ он мог попасть не от славян, а от тюркоязычных кочевников, которые могли принести его из глубин Азии.

Как видим, много сюжетов из героического цикла Древней Руси имеют немало общего среди образцов нартского эпоса народов Северного Кавказа, в первую очередь осетин и черкесов: борьба витязей с великанами; попытка героев достичь неба; добровольное бракосочетание женщины с героем; исцеление больной женщины от кинжала; борьба витязя с драконом; оживление умершей при помощи чудодейственного снадобья и т. п. Исследователи уже давно пытались объяснить существующие фольклорные параллели. Так, советский исследователь И.В. Тресков, в соответствии с марксистским учением об общественном прогрессе, объяснял это следующим образом: «Сходные явления в фольклоре свидетельствуют прежде всего о прохождении кавказцами и русскими в разное время одних и тех же этапов социально-экономического развития, что в какой-то мере

и нашло своеобразное художественное отражение в эпосе этих народов средствами, приёмами, свойственными самобытному и оригинальному устному творчеству каждого из них». Но вместе с тем исследователь всё же допускал «взаимный культурный обмен, взаимопроникновение образов, ситуаций, мотивов в фольклоре»[19].

Однако иным выглядит объяснение этого явления одним из основоположников школы заимствований В.Ф. Миллером, который считал средневековых кочевников передатчиками многих упомянутых сюжетов между Русью и Северным Кавказом[20]. В качестве подтверждения этого можно привести некоторые общие сюжеты в былинах Руси и карачаево-балкарцев. Как известно, на Северном Кавказе тюркоязычные карачаево-балкарцы сформировались в результате оседания кочевых половцев-кипчаков среди местного кавказского населения[21]. Напомним, что половцы также были южными соседями Руси. К этому добавим, что большие совпадения между древнерусским и осетинским фольклором можно объяснить тем, что, в соответствии с широко известным фактом, в VIII—X вв. по соседству с северянами на берегах Северского Донца вдоль северо-западной границы Хазарского каганата проживали аланы, которые имели северокавказское происхождение[22]. Известно также, что после середины X в. часть этих аланов переселились в среду северян. Об этом могут свидетельствовать наблюдения антропологов, согласно которым в послехазарское время в среде славян-северян появились носители особого долихокранного антропологического типа, распространённого ранее в лесостепном Подонье[23]. Что же касается больших совпадений в фольклоре восточных славян и адыгов, то это можно объяснить тем, что в XI в. на Северо-Западном Кавказе рядом с землями адыгов-касогов существовало Тмутараканское княжество. Как уже отмечалось, данные древнерусских летописей свидетельствуют о том, что в 1022 г. вместе с тмутараканским князем Мстиславом на земли Южной Руси переселились касоги[24]. Однако до сих пор остаётся проблематичным определение направления заимствований многих сюжетов.

* * *

Как уже было отмечено, письменные источники свидетельствуют о микромиграциях адыгов (касогов и черкасов) на земли Среднего Поднепровья в период развитого и позднего средневековья. Однако в этом направлении не проводились специальные археологи-

ческие исследования. Хотя ещё сто лет назад академик Фёдор Иванович Шмит отметил, что церковное искусство Древней Руси имело истоки не в Константинополе, а на Северо-Западном Кавказе[25]. Кроме того, Л.И. Лавров подчеркнул, что существуют «общие черты в архитектуре старейших храмов Киева и Чернигова, с одной стороны, и синхронных им храмов Абхазии (особенно Моквинского) — с другой»[26]. Однако результаты археологических раскопок средневековых памятников для решения указанной проблемы практически не привлекались. Поэтому немаловажным свидетельством адыго-славянских связей в прошлом могут быть сведения этнографического характера. Необходимо исходить из того, что формирование традиционной культуры современных народов Северного и Восточного Причерноморья в основном происходило во времена средневековья и в более поздний период.

Особо показательными в этом отношении могут являться артефакты материальной культуры, связанные с бытовыми особенностями народов региона в недалёком прошлом. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что материальная культура населения украинского Поднепровья и черкесов Северного Кавказа имеет немало общих черт, но объясняли этот факт по-разному.

Так, ещё в первой половине XIX в. на сходство одежды, жилья и антропологического типа украинцев Поднепровья и черкесов указал А.И. Ригельман[27]. В середине XIX в. А.Ф. Шафонский обратил внимание на сходство древней монументальной архитектуры южных украинцев и черкесов. Он также отметил у обоих народов одинаковые элементы одежды — шапки, черкески и т. п.[28] В начале XX в. Фёдор Кондратьевич Волков отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов[29]. Указанные исследователи видели в этих параллелях результаты миграции кавказских народов на территорию Украины в прошлом, но при этом не могли определить время таких миграций.

В советское время данная проблема продолжала интересовать этнографов. Так, в специальной статье, посвящённой адыго-украинским связям, Л.И. Лавров более детально остановился на многих аспектах этой проблемы. Исследователь в частности отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов Северо-Западного Кавказа[30]. Он также обратил внимание на одежду: «Известно, что ряд элементов старинной одежды украинского казачества (жупан, кунтуш, шапка “кабардинка” и т. п), а также крес-

тьян (например постолы) имеют аналогии в старинной одежде кавказских горцев, грузин и армян»[31]. Л.И. Лавров также подчеркнул, что тяжёлый украинский плуг имеет аналогии с адыгейским[32]. Исследователь объяснял данные совпадения различными факторами, не исключая при этом и возможности миграции отдельных групп кавказского населения на территорию Украины в прошлом на протяжении довольно продолжительного времени.

Другой известный советский этнограф-кавказовед В.П. Кобычев также считал, что народы Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья имели общие элементы в материальной культуре. По этому поводу он отметил: «Северо-Западный Кавказ и Северное Причерноморье объединяют и форма жилища — лёгкий плетённый обмазанный глиной дом с круговым навесом на столбах и высокой плетённой трубой над открытым очагом; и однотипная мебель — низкие круглые треногие столики и скамейки…»[33] Как уже отмечалось, В.П. Кобычев был склонен связывать параллели с Кавказом с примесью «кавказского субстрата» среди славян-антов, что, по его мнению, должно было иметь место в VI в. н. э.[34]

Эта проблема стала впоследствии объектом научных интересов В.Ф. Горленко, который в специальной статье, посвящённой миграциям адыгов в украинское Поднепровье, также обратил внимание на общие элементы в материальной культуре украинцев и черкесов: «бытование в прошлом у тех и других близкого по конструкции тяжёлого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на столбах, традиции отапливать жилище кизяком...»[35]. Указанные наблюдения, а также параллели в материальной культуре, отмеченные его предшественниками, дали основания В.Ф. Горленко связать эти факты с переселением адыгов в украинское Поднепровье в XIII—XIV вв., в результате чего и возник город Черкассы[36].

Естественно, данная проблема заинтересовала не только учёных славянского происхождения, но и этнографов Северного Кавказа. Однако в этом случае сложилась весьма неожиданная ситуация. Так, славянские исследователи объясняли отмеченные параллели следствием влияния адыгов на быт украинцев, что стало результатом, по их мнению, переселения адыгов на украинские земли в эпоху средневековья. Однако кавказские исследователи Георгий Александрович Кокиев и Людвиг Алексеевич Чибиров, наоборот, видели в этом результат позднего влияния украинцев на быт народов Северного Кавказа[37].

Однако действительно ли выявленные этнографами параллели в материальной культуре могут свидетельствовать о миграциях в прошлом предков черкесов на украинские земли? В реальности ситуация выглядит весьма запутанной. Имеющиеся параллели в материальной культуре украинцев и адыгов Северного Кавказа можно объяснить тремя факторами: 1) в далёком прошлом на земли Поднепровья периодически переселялись отдельные группы адыгов; 2) во времена развитого и позднего средневековья предки украинцев и черкесов начали осваивать степные пространства Северного Причерноморья и Северного Кавказа, где встретили местное осёдлое население со своими специфическими чертами материальной культуры, например аланов, которые периодически переселялись из Предкавказья в Северное Причерноморье; 3) начиная с конца XVIII в. украинское население начало интенсивно заселять земли Северо-Западного Кавказа, где их соседями стали адыги. Кажется имеет смысл разобраться более детально в происхождении ряда отмеченных совпадений.

В первую очередь, это касается жилища. Как уже отмечалось, исследователи обратили внимание на общий тип жилища украинцев и адыгов, который получил в специальной литературе название «каркасно-турлучного». Для жилищ Южной и Центральной Украины, а также степей Предкавказья было характерно то, что они сооружались при помощи столбов и ивовых прутьев и обмазывались глиной. Они были, как правило, наземными. Крыша этих построек обычно изготавливалась из соломы или камыша. Для украинской хаты и жилищ Предкавказской низменности было характерно то, что это были преимущественно наземные постройки. На Украине и Северном Кавказе каркасно-турлучные жилые постройки, как правило, были однокамерными или двухкамерными[38].

Кроме того, во внутреннем устройстве таких жилищ также имелось немало общего. Так, в украинском и северокавказском жилищах имелся дымоход, сплетённый из ивовых прутьев и обмазанный глиной. На Северном Кавказе такой дымоход обычно сооружался над открытым очагом и прямо выводился за пределы крыши[39]. На землях Украины это устройство для отвода дыма обычно устанавливалось в сенях, рядом со стеной, называемой «кагла»[40]. Однако на украинских землях бытовало и аналогичное северокавказскому сооружение, которое представляло собой небольшой очаг, над которым устанавливалось сплетённое из ивовых прутьев устройство

для отвода дыма[41]. Безусловно, на территории Украины и Северного Кавказа устройство для отвода дыма являлось неотъемлемой частью в конструкции каркасно-турлучного типа жилища, происхождение которого в обоих регионах могло иметь общие истоки и традиции.

Необходимо отметить, что каркасно-турлучный тип жилища получил широкое распространение на просторах Евразии. Известен он, например, в Венгрии, в восточной области страны Альфёльд[42], а также в Молдове[43]. Распространён аналогичный украинской хате тип жилища и на севере Ирана, в области Гилян. По наблюдениям Евгении Эдуардовны Бломквист, каркасно-турлучный тип жилища имел распространение в Южной и Центральной Украине, на Нижнем Дону, на Северном Кавказе и в других регионах[44]. Исследователь считала, что этот равнинный тип наземного жилища произошёл от землянки. В качестве доказательства этого Е.Э. Бломквист отметила, что «переходные типы жилища — от полуземлянки к хате, в виде углублённой в землю хаты, не раз отмечались в степной полосе в XIX в.»[45] Однако прообразом каркасно-турлучного жилища мог быть и другой тип постройки. Речь идёт о «буде» — временном жилище пастухов, до сих пор встречающемся на Волыни. По данным Архипа Григорьевича Данилюка, такой тип жилища сооружался из лозы, которой горизонтально обплетали колья. Накрывали «буду» ветками деревьев, а сверху — грубым сеном. Размеры «буды» были различными, в зависимости от количества пастухов, но чаще всего 2×3,5 м. При хорошей погоде пастухи разжигали огонь снаружи, а при дожде — внутри при входе[46].

Однако отмеченные артефакты являются реликтами древней степной культуры и поэтому трудно говорить о направлении заимствований. В данной ситуации можно вполне согласиться с выводом Л.И. Лаврова, что общий тип жилища на Украине и Северо-Западном Кавказе формировался в процессе взаимных творческих связей соседних народов, которые долгое время находились в контактах друг с другом. Свой вывод исследователь аргументировал, и не без оснований, следующими фактами: «Известно, что основные черты современной украинской хаты сложились задолго до возникновения Киевского государства. То же самое можно сказать и о современном жилище адыгов, абазов и абхазцев, основные черты которого можно проследить, начиная с энеолита»[47].

Как уже отмечалось, некоторые исследователи обратили внимание на распространение среди адыгов и украинцев однотипной ме-

бели, представленной прежде всего низкими круглыми треногими столиками[48]. Обычно за таким столиком обедали, садясь на землю или на низенькие стульчики. Когда столик не был нужен, его обычно вешали на стену жилища. На Северном Кавказе этот тип низкой мебели имел распространение не только среди адыгов, но также среди осетин и других народов[49]. Находили данный тип мебели и в средневековых катакомбах Северного Кавказа[50]. Весьма примечательно, что при раскопках курганов скифского времени на Алтае в вечной мерзлоте были найдены такие же деревянные круглые столики[51]. В недалёком прошлом, по данным Е.Э. Бломквист, маленькие круглые столики имели распространение не только среди украинцев и северокавказских народов, но также среди казаков на Кубани и Дону, а также среди балканских славян и крымских татар[52]. Следовательно, наличие маленьких круглых столиков у украинцев и адыгов Кавказа не обязательно следует рассматривать как результат культурных контактов в прошлом между их предками, а вполне возможно, что это результат воздействия со стороны их общих кочевых соседей в степи.

Касаясь же общих черт в хозяйственных сооружениях украинцев и адыгов, можно выделить одно совпадение, которое вроде бы может указывать на северокавказское влияние в традициях украинцев. Так, среди украинцев Правобережья имели распространение приспособления для хранения зерна, которые называют «кошницы». Аналогичные сооружения до сих пор используют на равнинной части Северного Кавказа, где их называют «сапетки». Эти хозяйственные постройки представляют собой сплетённые из лозы вертикальные сооружения, которые сверху перекрывали соломой. Иногда «сапетки» и «кошницы» обмазывали глиной. На территории Украины «кошницы» впервые фиксируются лишь после XVII в.[53] Однако данные археологии свидетельствуют о том, что на Северокавказской равнине, на землях Алании, «сапетки» были распространены уже в домонгольский период[54]. Известно, что с XIV в. место аланов на Северокавказской равнине заняли адыги-черкесы, что предполагало смену их среды обитания и образа жизни. Это объясняет сохранение у них тех элементов культуры, которые имели распространение среди аланов на Предкавказской равнине в предмонгольский период, т. е. речь идёт о заимствовании многих элементов культуры черкесами от их предшественников-аланов. Получается, что предки украинцев могли позаимствовать эти приспособления для хранения зерна от переселившихся с Северного Кавказа аланов или черкесов в

очень значительный промежуток времени — с XIII по XVI вв. Однако относительно распространённости этого хозяйственного сооружения Т.В. Космина отметила: «Это сооружение является характерным элементом в усадьбах юго-западной части Подолья, а также в прикарпатской зоне, в частности на Буковине и в Покутье — в районах выращивания кукурузы, где она в конце XIX в. становится одной из основных хлебных культур. Ареал распространения кошниц охватывает Средиземноморье (Испанию, Балканский полуостров) и доходит почти до Кавказа. Их наличие в венгерско-южнославянской этнокультурной среде было известно уже во второй половине XVII в.»[55] В нашем случае распространённость этого типа хозяйственных сооружений преимущественно на Правобережной Украине позволяет отдать предпочтение балканской, а не кавказской версии заимствования.

Несмотря на это, необходимо подчеркнуть, что в материальной культуре украинцев имеются такие элементы, которые можно объяснить лишь фактом заимствования с Северного Кавказа. Так, следует обратить внимание на полную идентичность тяжёлого колесного плуга украинцев (см. рис. 14, *1*, *3*) и «кабардинского плуга» на Северном Кавказе (см. рис. 14, *2*, *4*). В соответствии с наблюдениями В.Ф. Горленко, Ивана Давыдовича Бойко и Александра Силовича Куницкого, с XVIII в. на Украине известен плуг, который считается классическим украинским плугом. Он состоит из собственно плуга и тягловой части — передка. Рабочая часть плуга состояла из подошвы, которая имела названия — «полоз», «плаха», «повзун», «лемех», «подъём», «чересло» («нож»), «грядиль» («стрела», «вал», «придолиб»). Направляли плуг при помощи двух ручек. Передок имел колёса из-под телеги и при этом правое колесо, как правило, было большим по размерам (см. рис. 14, *1*, *3*)[56]. Весьма характерно, что точно такой же тип плуга был зафиксирован на Северном и Западном Кавказе. По наблюдениям Бориса Александровича Калоева, ситуация выглядела следующим образом: «В равнинной части региона наиболее распространёнными пахотными орудиями были черкесский (адыгский) и украинский тяжёлые передковые плуги. При этом адыгским плугом обрабатывали земли не только сами адыги — кабардинцы, черкесы и адыгейцы, но и абазины, ногайцы, а также переселившиеся с гор на равнину осетины, балкарцы, карачаевцы, отчасти ингуши и чеченцы. Свидетельством такого заимствования является и термин “черкесский плуг” или “кабардинский плуг”, встречаю-

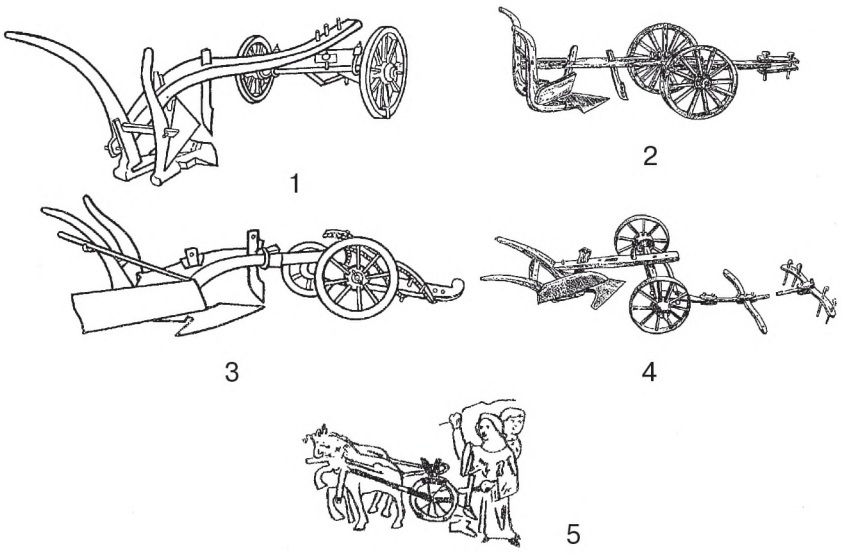

Рис. 14. Пахотные орудия украинцев (по данным В.Ф. Горленко и др.) и черкесов (по данным Б.А. Калоева): 1 — украинский плуг с железным лемехом (Херсонская губерния, XIX в.); 3 — тип украинского классического плуга (Южная Украина, XIX в.); 2, 4 — адыгейские (черкесские) тяжёлые плуги; 5 — сцена пахоты плугом в Древней Руси (фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи)

щийся в языках многих из указанных народов...»[57] В то же время, по наблюдениям исследователя, среди чеченцев и ингушей бытовал аналогичный плуг, известный как «русский». Б.А. Калоев отметил, что под «русским плугом» здесь фигурирует «малороссийский или русский», что указывает на направление заимствования[58]. Необходимо отметить одну черту северокавказского плуга, которая встречается и на украинском орудии земледелия: «... в основном адыгский плуг делали с колёсами разного диаметра, причём на правой стороне оси всегда помещали большое (бороздковое) колесо»[59]. Как отметил Б.А. Калоев, «в ряде мест Кабарды и Черкессии колёса плуга делали нередко одинаковыми»[60]. Возможно, что одинаковые по размеру колёса позволяли обрабатывать равнинную поверхность, а разные по размеру — почву у подножия гор. Тем не менее, в Предкавказье плуг изготовляли с колёсами разного диаметра, где правое колесо имело больший размер[61]. Данные археологии свидетельствуют о том, что на плоскости Северного Кавказа, на равнинной части Алании, это земледельческое орудие было известно уже с XI—XII вв.[62], а на зем-

лях Украины, как уже отмечалось, этот тяжёлый плуг начал распространяться лишь с XVIII в.[63] Стало быть, есть основания говорить о заимствовании этого плуга с Кавказа, а не наоборот.

На территории Украины такой плуг известен, в первую очередь, на равнине — в степи. Если бы данный плуг попал на Северо-Западный Кавказ благодаря посредничеству украинцев, то его называли бы «украинский», а не «черкесский». Хотя не исключена возможность того, что в Южной Руси он мог появиться примерно в домонгольское время. Так, В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкий отмечали, что «древнерусская миниатюра со сценой пахоты, которая содержалась в так называемой Кенигсбергской (Радзивилловской. — *Авт.*) летописи, позволяет представить конструкцию плуга и говорить, что уже в первой половине XII в. он в основных своих чертах сформировался»[64]. Однако этот плуг (см. рис. 14, *5*) имел архаические черты и не совсем походил на тот плуг, которым на территории Украины обрабатывали целинные земли степи. Авторы монографии «Народная земледельческая техника украинцев» отметили: «Одно из наиболее ранних изображений собственно уже украинского плуга видим на помещённом в “Учительном евангелии” рисунке, который передаёт процесс пахоты (издано типографией Киево-Печерской лавры в 1637 г.). Это орудие с двухколёсным передком, дышлом, двумя ручками и прямым грядилем, запряжённое парой волов»[65].

В результате получается, что до позднего средневековья, т. е. до XVII в., на территории Украины, которая тогда занимала в основном лесостепь, имел распространение вид плуга, приспособленного к обработке почвы в местных природных условиях. В XVI—XVII вв., когда украинцы начали осваивать степь, у них появился новый тип плуга для обработки целинных земель, такой же, как и на Северном Кавказе. В этом случае возможны два пути появления указанной инновации. Во-первых, с данной конструкцией плуга украинцы могли познакомиться благодаря контактам с черкесами, которые в это время, как уже было отмечено, совершали миграции с Кавказа на территорию Украины. Во-вторых, тяжёлый степной плуг мог попасть на земли будущей Украины с Кавказа довольно рано, в золотоордынское время, благодаря миграциям аланов или адыгов-«черкасов», но продолжал сохраняться в условиях ландшафта, весьма близкого к Предкавказью. Например, к этому описанию весьма подходит правобережье Черкащины, где рельеф местности испещрён большим количеством речных долин, оврагов, каньонов и холмов.

Если же взять одежду украинцев Поднепровья, то также можно отметить много общих элементов с одеждой народов Северного Кавказа. Так, среди украинцев Среднего Поднепровья были распространены мужские меховые шапки цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока (см. рис. 15, *1—3*). Такие же мужские головные уборы до сих пор распространены на Северном Кавказе (см. рис. 15, *4—6*). По наблюдениям Татьяны Дмитриевны Равдоникас, меховая шапка с плоским верхом получила распространение среди кабардинцев уже в первой половине XVII в., однако в более раннее время на Северном Кавказе были распространены иные типы мужских головных уборов[66]. Весьма характерно, что на территории Украины один из типов таких головных уборов называют «кабардинка» (см. рис. 15, *3*). Следовательно, этот тип головного убора является довольно поздним и мог попасть в украинское Поднепровье как в позднее средневековье, так и в начале нового времени, когда термин «Кабарда» прочно вошёл в обиход многих народов. Следует добавить, что на остальной территории Украины распространены конические меховые шапки, называемые «кучма».

Даже верхняя одежда населения Центральной Украины и Северного Кавказа имеет много общего. Так, на территории Украины были распространены зимние типы одежды (тулупы, кожухи, шубы), которые шились мехом вовнутрь и по форме походили на такие же виды верхней одежды народов Северного Кавказа. Обычно они бывали прямого покроя, но встречались и приталенные изделия, походившие на кафтан или черкеску. Такой тип верхней мужской одежды был известен как на Черкащине (см. рис. 16, *1*), так и на Северном Кавказе (см. рис. 16, *2*). Именно последняя форма зимней одежды заставляет вспомнить и о более лёгком верхнем типе мужской одежды — черкеске.

По наблюдениям Тамары Александровны Николаевой, ещё в XIX в. на территории Украины была известна одежда с таким же названием: «Черкеской на Левобережье называли тип короткого жупана или кунтуша из сукна. Это мужская верхняя одежда, аналогичная кабардинской черкеске с откидными рукавами»[67]. Следует отметить, что данный тип одежды был довольно сложным по покрою. Он отличается тем, что иногда на спине на уровне талии делали поперечные разрезы и, заложив на нижней части крупные складки или собрав её в мелкую сборку, пришивали к верхней части одежды. Среди русских такая одежда называлась «кафтан», на

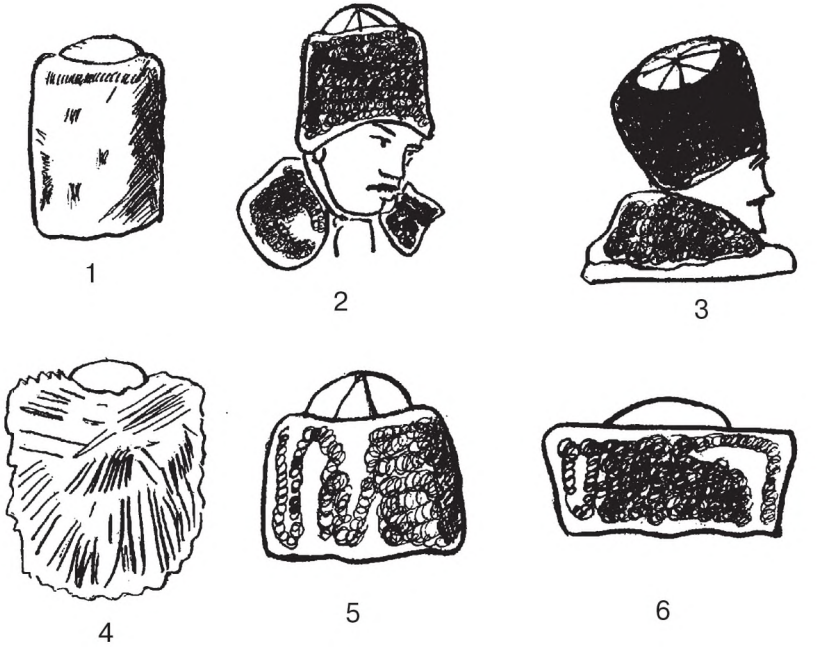

Рис. 15. Мужские головные уборы украинцев и жителей Северного Кавказа: 1 — Среднее Поднепровье (по К.И. Матейко); 2 — Киевщина, XIX в. (по данным Т.А. Николаевой); 3 — Полтавщина, XIX в. (по данным Т.А. Николаевой); 4—6 — Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е.Н. Студенецкой)

территории Украины — «свита, жупан», на Кавказе — «черкеска, бешмет». Исследователи уже давно обратили внимание на сходство украинской свиты (жупана) и кавказской черкески. В старину у такой одежды было принято обшивать швы, ворот и борта жупана тесьмой, галуном и т. п.[68] Необходимо отметить, что такой тип мужской одежды в недалёком прошлом был широко распространён в украинском Поднепровье. Для нас интерес может представлять то, что приталенная свита с Черкащины (см. рис. 17, *1*) по форме очень напоминает кавказскую черкеску (см. рис. 17, *2*).

Происхождение этого типа одежды уже давно стало объектом пристального внимания исследователей, которые видят прообраз черкески в кафтане аланов. Т.Д. Равдоникас, ссылаясь на выводы А.А. Иерусалимской, полагает, что появление кафтанов на Кавказе следует связывать с миграцией аланов, поскольку кафтан составля-

Рис. 16. Мужская верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа: 1 — кожух, Черкащина, XIX в. (по данным Т.А. Николаевой); 2 — бешмет в талию типа черкески, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е.Н. Студенецкой)

ет непременный элемент одежды многих ираноязычных народов. Следует также отметить, что на Змейском катакомбном могильнике были обнаружены кафтаны с различными формами воротника, разрезами ворота и т. п.[69] В нашем случае остаётся только гадать, кто впервые принёс в среду южной части восточных славян одежду, по покрою напоминающую черкеску. Это могли быть как аланы, так и адыги, воспринявшие от первых на Кавказе данный тип мужской одежды.

Общие черты в традициях украинцев Среднего Поднепровья и Северо-Западного Кавказа видны и в особом виде обуви, сшитом из цельного куска кожи, который называют обычно «постолы» (см.

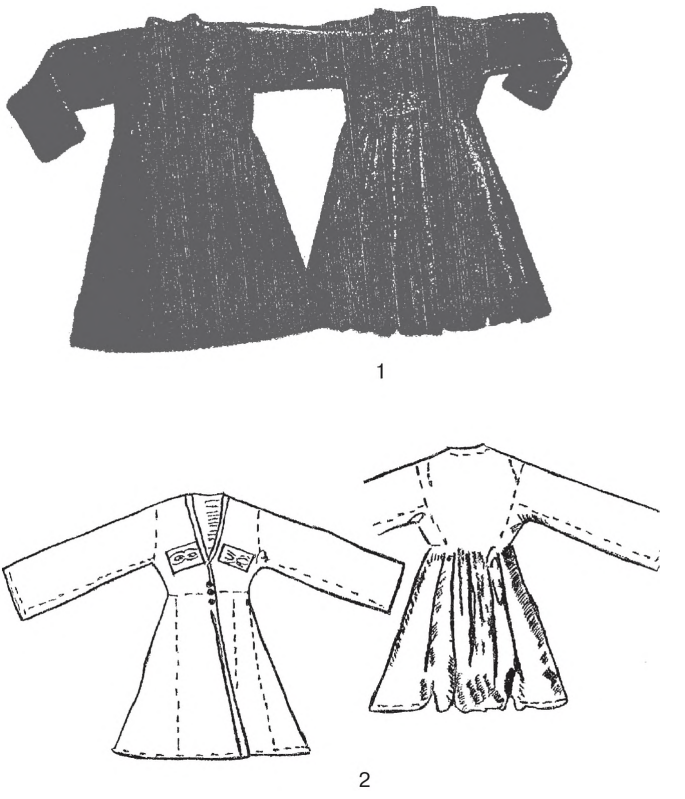

Рис. 17. Мужская лёгкая верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа: 1 — приталенная свита, Черкащина, XIX в. (по данным Т.А. Николаевой); 2 — черкеска, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е.Н. Студенецкой)

рис. 18, *2*), а на территории Украины — «моршни» (см. рис. 18, *1*). Такой тип обуви очень хорошо приспособлен для хождения по горам. И это никак не соотносится с его распространением среди населения Центральной Украины, где нет гор. Т.А. Николаева отметила одну примечательную деталь: «В направлении с севера на юг Среднего Поднепровья плетёная обувь постепенно исчезает и заменяется стянутой кожаной обувью — постолами (“постоли”, “моршні”), которые сохранились почти до начала XX ст. и представляют собой очень давнюю, общую для всех восточнославянских народов форму. ... Постолы на значительной территории Среднего Поднепровья носили летом, в некоторых местностях, например на Черниговщи-

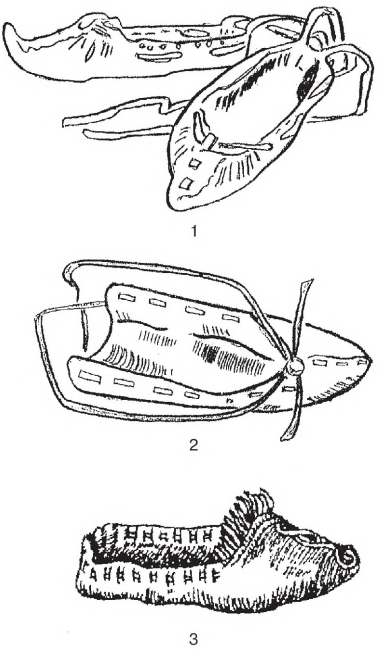

Рис. 18. Лёгкая кожаная обувь населения Среднего Поднепровья и Северного Кавказа: 1 — моршни, Черниговская губерния, XIX в. (по данным Т.А. Николаевой); 2 — постолы кавказских горцев, XIX в. (по данным Е.Н. Студенецкой); 3 — моршни Южной Руси, XI в. (по данным Т.А. Николаевой)

не, во все поры года»[70]. По данным Т.Д. Равдоникас, этот тип обуви на Кавказе имел давнее происхождение, но был представлен хорошо сохранившимися образцами в склепах Балкарии, относящихся к XVI—XVII вв.[71] По наблюдениям Т.А. Николаевой, ещё со времён Киевской Руси в Среднем Поднепровье были известны «моршни» (см. рис. 18, *3*)[72]. Складывается впечатление, что в Среднем Поднепровье данный тип обуви имеет такое же давнее происхождение, как, например, гидроним ***Псёл***.

Следует обратить внимание на ещё один элемент мужской одежды — кожаный пояс. На территории Украины он представлял собой узкий кожаный ремень с медными бляхами, железной пряжкой и скобами для подвешивания предметов[73]. По словам М. Шумко, в XIX в. у украинского населения Екатеринославской губернии были «шаровары с очкуром ременчатым или суконным (с узеньким поясочком, на котором висят нож и маленькая калитка или капшучок с деньгами)»[74]. Необходимо отметить, что подобные узкие кожаные пояса долгое время бытовали среди горцев Северного Кавказа. Е.М. Студенецкая так охарактеризовала этот элемент мужской одежды кавказского горца: «Во второй половине XIX — начале XX вв. более всего были распространены пояса из узкого кожаного ремня. На одном конце пояс имел пряжку, в которую продёргивался другой конец пояса, снабжённый металлическим наконечником. Пояс туго затягивался на талии, а длинный кончик ремня продевали в подвижную обоймочку. Праздничные пояса украшали многочисленными, часто серебряными бляшками и подвесками разной фор-

мы. Носили пояс на черкеске, на бешмете .... К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте... Но самое главное — на поясе висело оружие: кинжал...»[75] Весьма характерно, что подобные кожаные пояса были зафиксированы как в средневековых катакомбных склепах Северного Кавказа, так и в катакомбах салтовской культуры в лесостепном Подонье. В своё время С.А. Плетнёва даже высказала предположение, что на Руси вследствие переселения туда салтовского населения с X в. получили распространение типичные для салтовцев формы поясных наборных бляшек[76]. В итоге остаётся только гадать, попали ли в Поднепровье узкие кожаные пояса северокавказского типа в X в., или это случилось значительно позже?

Таким образом, предварительный сравнительный анализ материальной культуры украинцев Поднепровья и адыгов Северо-Западного Кавказа позволил прийти к выводу о воздействии адыгов на традиции украинцев преимущественно в период позднего средневековья и раннего нового времени (XVII—XVIII вв.). Это хорошо заметно при анализе земледельческих орудий, а также ряда элементов мужской одежды. К сожалению, этнографические материалы не позволяют проследить контакты между славянским населением Поднепровья и адыгами Северо-Западного Кавказа в более раннее время.

Этнографы обратили внимание и на другие параллели в быту украинцев и черкесов. Так, В.П. Кобычев отметил следующие общие обычаи и обряды: «употребление в определённых случаях особого ритуального орехового знамени; и обычай развешивания оружия на деревьях; и формы причёсок, и некоторые фольклорные сюжеты — сказания о Змее-Горыныче с душой, спрятанной в дупле дерева, песенные припевы вроде: “Ой, Сосруко, мой свет” (ср.[авните] былинное: “Ой, батюшка, мой свет”)»[77].

Со своей стороны В.Ф. Горленко, кроме уже отмеченных совпадений в материальной культуре украинцев и черкесов, отметил и другие черты: «широкое распространение у украинцев, как и у жителей Кавказа, обычаев побратимства»; «наличие у запорожцев “черкесского” седла» и т. п.[78] Обратил внимание исследователь и на такую деталь: «Известное на Левобережье слово “чукать” (детей), т. е., играя с ними, ритмично качать их по вертикали наподобие движения всадника при верховой езде в седле, имеет общий корень с адыгским словом *цыкіу*»[79].

Безусловно, не все указанные совпадения могут служить доказательством украинско-адыгских контактов. Вполне возможно независимое происхождение некоторых из этих параллелей. Не исключено, что к ним можно отнести и происхождение причёсок у украинцев и черкесов.

Так, посетивший в начале XIII в. Таманский полуостров венгерский католический миссионер Юлиан описал своё путешествие после посещения Константинополя в таких подробностях: «Отсюда пустившись на море, через тридцать три дня, прибыли в страну, которая именуется Сихия, в город именуемый Матрика, где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих. Князь имеет, говорят, сто жён; все мужчины голову бреют совсем, а бороды отращивают с некоторым щегольством, исключая людей знатных, которые в знак благородства оставляют немного волос над левым ухом, обрив всю голову»[80].

В своё время П.В. Голубовский попытался сравнить данный обычай зихов с описанием внешности киевского князя Святослава, который, судя по всему, также носил подобную причёску. Однако исследователь склонен был связывать этот обычай с влиянием тюркоязычных кочевников, обосновывая своё мнение следующими аргументами: «...Обычай тмутараканцев убирать свою голову, как описывает венгерский путешественник, был заимствован у половцев, которые с конца XI в. составляли уже часть населения Тмуторокани. Но когда носил свой чуб Святослав, то половцев ещё не было в южнорусских степях. Это правда, конечно, но этот обычай носить голую голову с клоком волос или косами есть ещё среднеазиатский. Следовательно, и печенеги, и торки могли соблюдать его. У них-то и заимствовал его Святослав»[81].

Однако этот обычай сохранялся у черкесов вплоть до конца XV в., о чём поведал посетивший их страну итальянский путешественник Дж. Интериано: «Носят с собою бритву и оселок для того, чтобы её оттачивать, так как они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят иные, для того, чтобы было за что ухватить голову, в случае, если её отрубят, не марая лица окровавленными руками, осквернёнными и загрязнёнными человекоубийством»[82].

Как видим, данное описание причёски черкеса очень напоминает описание причёсок запорожских казаков, носивших их в XVI—XVIII вв. На это обратил внимание Л.И. Лавров, который по этому

поводу отметил: «…Адыги, подобно Святославу и запорожцам, носили на голове оселедцы, о чём свидетельствовали Юлиан в XIII в., Интериано в XV в. и русский путешественник в 1890 г.»[83]

Однако подобие причёсок не может служить свидетельством прямых контактов между восточными славянами и адыгами. В отличие от других элементов традиционной культуры, мужская причёска очень часто может подвергаться изменениям. Кроме того, одинаковые формы причёсок могли возникать в различные периоды у различных народов независимо друг от друга. Вспомним причёску «ирокез» у панков и причёску индейцев восточного побережья Северной Америки. Маловероятно, чтобы создатели панк-моды разбирались в этнографии североамериканских индейцев. В нашем случае невозможно представить, чтобы позднесредневековые черкесы и запорожцы унаследовали форму причёски со времён князя Святослава. В то же время вполне возможно, что распространение в позднее средневековье одинаковых причёсок среди запорожцев и черкесов могло стать результатом контактов между ними.

В итоге можно констатировать, что данные фольклора и этнографии в определённой степени подтверждают участие адыгов в формировании традиционной культуры украинцев, проживавших, в первую очередь, в Среднем Поднепровье. К сожалению, специфика источников не позволяет проследить эти связи в далёком прошлом. Тем не менее, они дают возможность говорить о славяно-адыгских связях в Причерноморье за последнюю тысячу лет. А это вполне сопоставимо с информацией письменных документов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило в ряде случаев прояснить ситуацию с некоторыми не до конца понятными событиями, имеющими отношение к переселениям носителей кавказских языков, прежде всего адыгских, на территорию современной материковой Украины. Однако решение одних вопросов поставило на повестку дня решение других спорных проблем.

Это касается уже древнейшего периода в истории контактов между населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Думается, что уже никто не будет отрицать того факта, что такие контакты в древности существовали. И подтверждением тому могут служить некоторые гидронимы, а также материалы лингвистического и археологического характера, появление которых невозможно объяснить из реалий средневековья и более позднего времени. Однако мы так и не знаем, в каком направлении происходили эти взаимодействия: либо в Северном Причерноморье изначально существовало кавказоязычное население, которое было ассимилировано пришельцами-индоевропейцами; либо в среду индоевропейского населения Северного Причерноморья периодически переселялись отдельные группы носителей кавказских языков. К сожалению, на основании имеющихся данных пока невозможно ответить на этот вопрос.

Вместе с тем оказалось весьма проблематичным говорить о миграциях адыгоязычного населения с Северо-Западного Кавказа в Северное Причерноморье в эпоху Великого переселения народов — в III—VII вв. К сожалению, распространённость сюжета о борьбе антов с готами в фольклоре адыгов и осетин не может служить доказательством того, что анты имели адыгское происхождение и в эпоху Великого переселения народов могли продвинуться в Северное Причерно-

морье. Проведённое исследование позволяет объяснить его наличие в адыгском и осетинском фольклоре тем, что предки современных адыгов, известные из средневековых сочинений как «зихи», «касоги» и т. п., а также современных осетин — аланы, длительное время находились под воздействием византийской христианской культуры. И поэтому сюжеты об антах, содержащиеся в сочинениях Иордана и Менандра, могли через посредство византийцев попасть к ним. В то же время нет никаких серьёзных доказательств в пользу того, что в раннее средневековье на Северо-Западном Кавказе якобы проживала этническая группа адыгов, которая называлась то ли «согдианы», то ли «сугды». Они якобы в Восточном Крыму основали поселение Сугдея (Судак). Как оказалось, во фрагментах жития апостола Андрея, выполненных в раннее средневековье Псевдо-Софронием и монахом Епифанием, где упомянуты как жители Западного Кавказа «согдианы» или «сугды», речь может идти об ираноязычных выходцах из Центральной Азии — согдийцах. Однако невозможно представить, чтобы во времена поздней античности и раннего средневековья не было миграций адыгов с территории Северо-Западного Кавказа на близлежащие земли Северного Причерноморья. Просто недостаточность источников не позволяет это доказать. Это может стать объектом будущих исследований.

Мы можем с уверенностью говорить о возможностях таких переселений населения с Северо-Западного Кавказа на земли, которые являются частью современной Левобережной Украины, в хазарское время. Следует отметить, что в VIII—X вв. в местах обитания касогов на Северо-Западном Кавказе получили распространение кремационные захоронения салтовского типа. В то же время близкородственное население, также практиковавшее обряд кремации, проживало на северо-западной границе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца. Это можно объяснить результатами внутренней политики хазарской администрации, направленной на стабилизацию западных границ Хазарского каганата. Как удалось установить, в начале IX в. на Северо-Западном Кавказе появились носители нового этнонима ***касоги***. В связи с этим напрашивается вполне закономерный вывод, что появление носителей кремационного обряда было как-то связано с фиксацией в документах нового этнического названия. В монографии доказывается гипотеза, что изначально носители этнонима ***касоги*** и кремационного

обряда были тюрками, внедрёнными хазарской администрацией в адыгскую среду, что способствовало дальнейшему распространению нового этнонима в среде адыгов. Казалось бы, эта гипотеза ставит всё на свои места. Однако материальная культура и в особенности погребальный обряд не всегда могут соотноситься с одним определённым этносом. Поэтому не исключено, что хазары могли переселить на восточноукраинские земли и адыгов. В то же время одно из аборигенных племён Северо-Западного Кавказа могло быть переселено хазарами в низовья Дона, о чём свидетельствуют материалы Артугановского грунтового могильника, где умерших хоронили в каменных ящиках. Таким образом, имеются основания полагать, что VIII—X вв. часть адыгов попала под власть хазар и они были сокрыты под новым этническим наименованием — ***касоги***. При этом остаётся неясным характер адыго-тюрских взаимоотношений в то время.

Также удалось установить, что в 965 г. Святослав не мог достигнуть Таманского полуострова и, следовательно, он не был причастен к основанию так называемого Тмутараканского княжества. Анализ содержания некоторых древнерусских текстов позволяет считать, что Тмутаракань могла быть включена в состав Руси гораздо позже — при князе Владимире около 985 г. Это могло способствовать переселению адыгов-касогов на земли Южной Руси. К сожалению, древнерусские документы не содержат конкретной информации о переселении касогов в Киев в X—XII вв., но косвенно дают понять, что касоги в это время были в столице Руси. Об этом может свидетельствовать, например, одно из граффити на стенах Софии Киевской. Вместе с тем летописи сообщают о переселении касогов в пределы Черниговского княжества при сыне Владимира Мстиславе, что подтверждается данными топонимии. Как известно, связи черниговского двора с Тмутараканью были более длительными и оживлёнными, чем кратковременные периоды правления киевских князей на Таманском полуострове. Вполне возможно, что во времена Владимира Мономаха часть касогов могла переселиться вместе с ним из Чернигова на переяславские земли, а оттуда — в Киев. Это подтверждается не только данными топонимии и гидронимии, но и отдельными терминами кавказского происхождения, которые встречаются в той части Поучения Владимира Мономаха, которая была составлена до 1099 г., т. е. до его княжения в Киеве. В результате

приходится признать, что касоги в Киеве и Переяславле, в отличие от своих соплеменников в Черниговской земле, не смогли создать на новых местах отдельные общины. Поэтому древнерусские летописи о них и не упоминали. Выявить новые доказательства нахождения касогов на землях Киевского и Переяславского княжеств — это задача будущих исследований.

Имеющиеся данные позволяют считать, что и при монголах в XIII—XIV вв. происходили переселения адыгов в Среднее Поднепровье. Вполне очевидна связь между адыгами Северного Кавказа и названием украинского города Черкассы. Анализ письменных источников и результаты археологических разведок позволяют считать, что данное поселение могло возникнуть в довольно значительный промежуток времени — с середины XIII по конец XIV вв. Появление этой крепости в отмеченный период вполне согласуется с данными этнонимии, в соответствии с которыми первичным является этноним ***черкас***, а производным от него — этническое название ***черкес***. Изначально эти этнонимы обозначали лишь адыгов Северного Кавказа, а с течением времени, благодаря существованию в украинском Поднепровье городского поселения Черкассы, термином ***черкасы*** стали обозначать часть украинцев. В этом можно видеть последствия внедрения адыгского населения монголами на южных рубежах Руси, что вполне согласуется с характером внутренней политики монголов, для которых переселения частей покорённых народов были обычным делом. Однако нельзя доверять легендам, записанным как в литовской люстрации середины XVI в., так и в сочинениях российских историков XVIII — первой половины XIX вв. о том, что город Черкассы был основан либо приведёнными литовским князем Гедимином с Северного Кавказа черкасами, либо же ими, но бежавшими якобы из Курского княжества. Налицо факт явной фальсификации, основной целью которой было доказать свои права на украинское Поднепровье. Эти легенды выглядели как попытки объяснить происхождение города Черкассы и никоим образом не опирались на надёжные источники. И на сегодня мы располагаем незначительным количеством источников, в определённой степени подтверждающих основание поселения на месте города в монгольское время. Однако эту гипотезу могут подтвердить или опровергнуть лишь результаты будущих масштабных археологических раскопок в районе города Черкассы.

Казалось бы эпоха расцвета Московского царства, середина XVI — XVII вв., должна быть наиболее освещена в контексте истории украинско-адыгских связей, поскольку для этого периода сохранилось большое количество архивных документов, многие из которых были опубликованы. Благодаря им мы знаем, например, что украинский магнат Дмитрий Вишневецкий в 1558—1560 гг. состоял на службе у московского царя Ивана IV Грозного и прославился деятельностью среди воевавших против турок и крымских татар черкесов — кабардинцев и жанеевцев. Известно также, что в 1561 гг. Дмитрий Вишневецкий вернулся на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу и после этого сведения о нахождении черкесов на территории Польши и принадлежавшей затем ей Украины стали всё чаще появляться в документах. Известны были черкесы-пятигорцы и в составе Войска Запорожского. В научной литературе иногда появлялась информация, согласно которой черкесы принимали активное участие в освободительной войне украинского народа против Польши в 1648—1654 гг. В ходе исследования удалось также установить, что в период с 1675 по 1680 гг. в разгар военного противостояния с турками и крымскими татарами кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский по приказу московского царя совершил шесть военных рейдов на территорию Украины. Походы со второго по шестой происходили во время российско-турецкой войны 1676—1681 гг. Нельзя сказать, чтобы все они были удачны, но в данном случае нельзя игнорировать тот факт, что в это тяжёлое для украинцев время им оказали существенную помощь черкесы, которыми командовал кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Однако эта информация породила новые вопросы. Так, до сих пор не известно, ушли ли с Дмитрием Вишневецким на земли Украины черкесы после разрыва его отношений с Иваном Грозным в 1560 г.? Мало известно также о переселениях черкесов на украинские земли после Дмитрия Вишневецкого в последние десятилетия XVI в. Особый интерес заслуживают вопросы, связанные с пребыванием черкесов на службе у польско-литовских правителей. И конечно же внимание будущих исследователей может быть сосредоточено на участии черкесов в освободительной борьбе украинского народа 1648—1654 гг. против Польши. Вполне очевидно, что проблема украинско-черкесских связей в XVI—XVII вв. может стать в будущем отдельным направлением исторических иссле-

дований. И основой для этого могут быть неизвестные документы, которые хранятся в архивах Украины, России, Турции, Польши и Литвы. В то же время стоит напомнить предположение Я.Р. Дашкевича, что на украинские земли черкесы могли переселяться не сразу, а иметь промежуточным местом для таких миграций Крым. По его мнению, в позднее средневековье в Крыму существовала значительная черкесская диаспора[1]. Вполне очевидно, что проблема миграций адыгов на Крымский полуостров заслуживает особого внимания и в будущем может стать основой для отдельного монографического или диссертационного исследования.

Наличие в прошлом связей между предками адыгов и украинцев могут подтверждать также данные фольклора и этнографии. В первую очередь это касается совпадений в былинном эпосе Руси и нартовском эпосе народов Северного Кавказа, прежде всего адыгов. Уже давно доказано, что древнерусские былины возникли на территории южнорусских княжеств. Поэтому вполне очевидно, что распространению общих сюжетов в фольклоре касогов и восточных славян могло способствовать существование Тмутараканского княжества. Однако до сих пор остаётся проблематичным определение направления заимствований многих сюжетов. В то же время данные этнографии свидетельствуют о многих общих элементах в материальной культуре украинцев Поднепровья и адыгов Северного Кавказа. Как оказалось, это можно объяснить тремя факторами: 1) в далёком прошлом на земли Поднепровья периодически переселялись отдельные группы адыгов; 2) во времена развитого и позднего средневековья предки украинцев и черкесов начали осваивать степные пространства Северного Причерноморья и Северного Кавказа, где встретили прежнее осёдлое население со своей особой земледельческой культурой; 3) начиная с конца XVIII в. украинское население начало интенсивно заселять земли Северо-Западного Кавказа, где их соседями стали адыги. Как удалось установить, в пользу предположения о заимствованиях с Северного Кавказа на Украину могут свидетельствовать некоторые артефакты традиционной культуры: тяжёлый колёсный плуг; мужские меховые шапки цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока; зимние типы одежды, которые шились мехом вовнутрь; лёгкая мужская приталенная верхняя одежда, которая как на Кавказе, так и на Украине называлась «черкеской»; особый вид обуви, сшитый из цельного

куска кожи («постолы», «моршни»); кожаный пояс с медными бляхами, железной пряжкой и скобами для подвешивания предметов; особый вид седла, называемый среди запорожцев «черкесским»; особый вид причёски среди запорожцев и черкесов и т. п. Как удалось установить, все эти заимствования могли попасть в среду украинцев не раньше позднего средневековья, что несколько неожиданно. Конечно, на этом круг влияний адыгской культуры на традиции украинцев явно не исчерпан. Безусловно, в будущем исследователи смогут выявить и большее количество этнографических параллелей подобного характера.

В конечном итоге, автор книги может считать свою задачу выполненной, если читателя заинтересовала данная тема исследований. Следовательно, удалось доказать, что миграции адыгов Северного Кавказа на земли современной Украины в прошлом действительно происходили и представляют собой отдельную научную проблему. Безусловно, в этом направлении научных поисков ещё существует немало белых пятен, которые предстоит исследовать в будущем историкам, археологам и этнологам.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Предисловию

[1] См. об этом: *Б.Х. Бгажноков.* Вопросы культурного взаимодействия адыгов с древними народами Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Традиции и инновации в истории и культуре. М.: Отделение историко-филол. наук РАН, 2015. С. 262—272.

[2] *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции: тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. С. 310, 358.

[3] Там же.

[4] *Джаукян Г.Б.* Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967. 217 с.; *Старостин С.А.* Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 112—164.

[5] См.: *König F.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig: Hinrichs, 1930. S. 62.

[6] *Марр Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской академии истории материальной культуры. Петербург: Рос. гос. акад. тип., 1922. Т. 2. С. 336.

[7] *Мещанинов И.* Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. С. 26.

[8] См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* Аланские названия адыгских племён Северного Кавказа и Крыма // Проблемы генеалогии и этнонимики народов Северного Кавказа: материалы Круглого стола памяти Анатолия Ахмедовича Максидова (г. Нальчик, 17 октября 2014 г.). Нальчик: Издательский отд. Кабардино-Балкар. ин-та гуманитарн. исследований, 2015. С. 11—23.

[9] *Бгажноков Б.Х.* Кабарда и кабардинцы в ранней истории Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. № 4 (27). Нальчик, 2015. С. 33—53.

[10] Материалы по истории русской картографии / под ред. В.А. Кордта. Вып. 1: Карты всей России и южных её областей до половины XVII в. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1899. 15 с., 32 табл.; Вып. 2: Карты всей России и западных её областей до конца XVII в. Киев: Изд. Комиссии для разбора древних актов, состоящей при киев., подольс. и волын. генерал-губернаторе, 1910. 31 с., 45 табл.

[11] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Документ 28, 29. С. 50—54.

[12] Там же. С. 51.

[13] См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и её ассиметризм) // Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Вып. 2. Нальчик, 2005. С. 39—87.

[14] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Документ 4. С. 9; Комментарий 27. С. 392.

К Введению

[1] *Шахназарян Н.* Адыги Краснодарского края. Краснодар: Юж. регион. ресурс. центр, 2008. С. 4.

[2] См., например: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 56; *Гумилёв Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и Ко, 1993. С. 333.

[3] Русско-осетинские отношения в XVIII в.: сборник документов: в 2 т. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1976. С. 449.

[4] *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1992. С. 14.

[5] См., например: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времён до наших дней: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 234; Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена [и др.]: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 98, 99.

[6] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времён до наших дней: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 196—208, 221, 234.

[7] *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1992. С. 28.

[8] Там же. С. 29.

[9] См.: *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.) / отв. ред. О.И. Прицак. К.: Логос, 1997. С. 156—168.

[10] *Татищев В.* История Российская: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2003. С. 35.

[11] *Татищев В.Н.*: 1) Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1963. С. 320, 324, 325, прим. 11; 2) История Российская: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2003. С. 532.

[12] *Болтин И.* Примечание на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1. [СПб.]: Тип. горного уч-ща, 1788. С. 344, 345, 347.

[13] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 4. СПб.: Иждивением книгопродавца И. Глазунова, 1799. С. 238, 347, 437.

[14] *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России: в 4 ч. Ч. 1. М.: Тип. С. Селивановского, 1822. С. 109, прим.

[15] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. К.: в Университетской тип., 1851. С. 53.

[16] *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще: в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1847. С. 5—10.

[17] *Лопатинский Л.* Суффиксы русского языка: влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 31. Отд. 4-й. Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учебн. округа, 1902. С. 46, 47.

[18] См.: *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 62 (июнь). С. 287.

[19] См.: *Марр Н.Я.* Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. 688 с.

[20] См.: *Чапленко В.*: 1) Адигейські мови — ключ до таємниць нашого субстрату. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1966. 57 с.; 2) Адигейські мови — ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; 3) Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255.

[21] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62—66.

[22] См.: *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. С. 156, 157; *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 32, 33.

[23] См.: *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 84—93.

[24] См.: *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 96—107.

[25] *Дашкевич Я.* Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 447, 448.

[26] *Дашкевич Я.* Черкеси // Етнічний довідник. Ч. 2: Етнічні меншини в Україні. К.: Центр етносоціол. та етнополіт. досліджень Інституту соціології НАН України, 1996. С. 165, 166.

[27] *Нечитайло А.Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К.: Наук. думка, 1991. 115 с.

[28] *Нечитайло А.Л.* Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. 42 с.

[29] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. С. 89, 90.

[30] См.: *Мосенкіс Ю.Л.* Грузинські назви річок України. К., 2001. 13 с.

[31] *Лемерсье-Келькеже Ш.*: 1) Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970.

С. 38—64; 2) Дмитро Вишневецький // Гетьмани України: історичні портрети. К.: Журн. Україна, 1991. С. 7—24.

[32] *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018).

[33] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 51—61.

[34] См.: *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018).

[35] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 65.

[36] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 56, 287.

[37] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 246.

[38] *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись (реконструкция текста) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 84.

[39] Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 33.

[40] Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 117.

[41] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Продолжение (1177—1362 гг.).] СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. (Полное собрание русских летописей. Т. 10). С. 31, 184.

[42] Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1977. (Полное собрание русских летописей. Т. 33). С. 136.

[43] Супрасльская летопись // Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. (Полное собрание русских летописей. Т. 35). С. 65.

[44] *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963. С. 66—75.

[45] *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 229.

[46] Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Ч. 7. Т. 1. К.: Тип. Т.Г. Корчак-Новицкого, 1886. С. 103.

[47] Беларуская дауніна. Вып. 1. Мінск: Беларуская дауніна, 2014. С. 149, 150.

[48] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 31, 44, 59, 139, 140, 182, 225, 229.

[49] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1: XVI—XVII вв. 478 с.; Т. 2: XVIII в. 424 с.

[50] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 12 / ред. Н. Костомаров. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. С. 672.

[51] *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388.

[52] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 226—268.

[53] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. С. 173, 174.

[54] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. 1 / пер. под ред. проф. Карпова. СПб.: С.-Петерб. духовная акад., 1862. (Византийские историки, переведённые с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. [8]). С. 317.

[55] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов // вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 436 с.

[56] Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gvidonis Geographica / ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini: in aedibus Friderici Nicolai, 1860. P. 175, 176.

[57] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

[58] *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. / вступ. ст., подгот. текста, перев. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.

[59] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

[60] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206, 207; *Мас'уди*. Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 146.

[61] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 13.

[62] *Хвольсон Д.А. (пер.)* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 199 с.

[63] *Ибн Фадлан*. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / [пер. и коммент. А.П. Ковалевского]; под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 212 с.; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: статьи, перевод и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 348 с.

[64] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. С. 65, 66.

[65] *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. С. 63—71.

[66] *Minorsky V.* Shafar al-Zaman Tahir Marvazi: on China, the Turks and India. London, 1942. P. 14, 22 arab.

[67] Худуд ал-ʻАлем: рукопись Туманского / с введением и указателем В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 31, табл. 38а.

[68] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. 563 с., XVI; Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

[69] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. 248 с.

[70] *Рашид-ад-Дин.* Джамиʻ ат-Таварих. Т. 2, ч. 1: Критический текст. М., 1980.

[71] Военно-топографическая карта Российской империи (1869—1890) [Электронный ресурс] // Історія 11 / History 11: персональний сайт Дудки Людмили Георгіївни. Режим доступа: http://history11.ucoz.ru (дата обращения: 10.08.2010). Название с экрана. Лист 23, 23-12.

[72] Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

[73] *Тимашенков И.* Отчёт об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. 2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 569—575.

[74] *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[75] *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. 117 с. (Известия Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Вып. 131).

[76] *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 200—206. (Серия «Археология». Т. 18 (20)).

[77] *Аксёнов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. 306 с. (Хазарский альманах. Т. 5).

[78] *Рець С.К.* Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси. 1996 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1996. С. 24—44; *Куштан Д.П.* Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 2000. С. 9, 35—38.

[79] *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців. К.: Наук. думка, 1971. 164 с.

[80] *Ніколаєва Т.* Історія українського костюма. К.: Либідь, 1996. 176 с.

[81] *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 249 с.

[82] *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. С. 82.

[83] *Студенецкая Е.М.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. С. 94, 95.

[84] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 84.

[85] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. 239 с.; *Кафоев А.Ж.*: 1) Адыгские памятники. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1963. 155 с.; 2) Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 65 с.; *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. XII, 232, 2, 69 с.; *Халанский М.Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1855. 235 с.; *Веселовский А.Н.*: 1) Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии // Кавказский вестник. 1901. Кн. 15. № 3. С. 26—44; 2) Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.; *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. 342 с.

[86] Нарты: кабардинский эпос. М.: Гослитиздат, 1957. 528 с.

[87] Нарты: адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 415 с.

[88] *Коков Дж.Н.*: 1) Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. 183 с.; 2) Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 314 с.

[89] *Трубачёв О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

[90] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. 416 с.

[91] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К: Вид-во АН УРСР, 1963. 112 с.

[92] *Мосенкіс Ю.Л.* Грузинські назви річок України. К., 2001. 13 с.

[93] *Лопатинский Л.* Суффиксы русского языка: влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 31. Отд. 4-й. Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учебн. округа, 1902. С. 37—51.

[94] *Чапленко В.*: 1) Адигейські мови — ключ до таємниць нашого субстрату. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1966. 57 с.; 2) Адигейські мови — ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; 3) Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255.

[95] *Редько Ю.К.*: 1) Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. 217 с.; 2) Довідник українських прізвищ. К.: Рад. школа, 1968. 255 с.

[96] *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: П—І. М.: Наука, 1977. 224 с.

[97] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р.—Я. Дополнения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. 1684 стлб., 272 стлб., 13 с.

К Главе первой

[1] *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 62 (июнь). С. 287.

[2] Там же. С. 293.

[3] *Марр Н.Я.* Избранные работы: в 5 т. Т. 1. М.; Л.: ГАИМК, 1933. С. 325, 326.

[4] *Марр Н.Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 58.

[5] *Марр Н.Я.* Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. С. 305, 340.

[6] *Шнилерман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52—60.

[7] *Марр Н.Я.* Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. 688 с.

[8] *Марр Н.Я.* Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. С. 224—271.

[9] Там же. С. 227—229.

[10] Там же. С. 49.

[11] *Чапленко В.*: 1) Адигейські мови — ключ до таємниць нашого субстрату. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1966. 57 с.; 2) Адигейські мови — ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; 3) Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255.

[12] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62, 63.

[13] Там же. С. 65.

[14] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 96.

[17] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. С. 89, 90.

[18] *Мосенкіс Ю.Л.* Грузинські назви річок України. К., 2001. С. 1—12.

[19] Словник гідронімів України. К.: Наук. думка, 1979. С. 451, 452.

[20] Словник гідронімів України. К.: Наук. думка, 1979. С. 452; *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 56.

[21] *Ященко А.И.* Топонимика Курской области. Курск: [б. и.], 1958. С. 16.

[22] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 57.

[23] *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. [Т.] 4. Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Новаковского, 1883. С. 68.

[24] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 57.

[25] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. С. 397.

[26] *Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowańskiego. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd. PAN, 1957. S. 179.

[27] *В-ко Н.* К вопросу о происхождении названия Полтавы / [Н.П. Василенко] // Киевская старина. Т. 81, кн. 4 (апрель). К., 1903. С. 3; *Мацевич Л.* К вопросу о происхождении названия «Полтава» // Киевская старина. Т. 4. К., 1896.

[28] *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. С. 159.

[29] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93.

[30] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. С. 89, 90.

[31] *Коков Дж.Н.*: 1) Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. С. 120—123, 144—147; 2) Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 102, 103, 242—251.

[32] *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: П—I. М.: Наука, 1977. С. 16.

[33] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 57, 58.

[34] *Трубачёв О.Н.* Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. С. 205, 206.

[35] *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. К.: Наук. думка, 1992. С. 249, прим. 74.

[36] Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 303.

[37] Военно-топографическая карта Российской империи (1869—1890) [Электронный ресурс] // Історія 11 / History 11: персональний сайт Дудки Людмили Георгіївни. Режим доступа: http://history11.ucoz.ru (дата обращения: 10.08.2010). Название с экрана. Лист 23, 23-12.

[38] *Корінний М.М.* Природні умови Переяславської землі в X—XIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://history.org.ua/JournALL/geo/0/18.pdf. Назва з екрану. С. 101, 102.

[39] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908 (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е). Стлб. 184.

[40] Там же. Стлб. 321.

[41] См.: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856 (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 60; Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989 (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 123; Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2). Стлб. 340.

[42] Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 62.

[43] Там же. С. 109, 110.

[44] Там же. С. 112.

[45] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 65.

[46] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 96.

[47] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. С. 89, 90.

[48] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 209, 264, 265.

[49] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. С. 397.

[50] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 96.

[51] Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 65, 110, 111.

[52] Там же. С. 112.

[53] Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 335.

[54] *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: П—І. М.: Наука, 1977. С. 69.

[55] Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 335.

[56] См.: *Чапленко В.*: 1) Адигейські мови — ключ до таємниць нашого субстрату. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1966. 57 с.; 2) Адигейські мови — ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165; 3) Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255.

[57] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 122, 123.

[58] *Редько Ю.К.* Довідник українських прізвищ. К.: Рад. школа, 1968. С. 33, 34.

[59] *Сімович В.* Українські йменники чоловічого роду на *-о* в історичному розвитку й освітленні // Праці Українського високого педагогічного інституту ім. Михайла Драгоманова в Празі: науковий збірник. Т. 1. Прага: Друкарня «Legiografie», 1929. С. 322.

[60] *Ткаченко О.Б.* Українські прізвища з суфіксом *-енко* та споріднені утворення // Слов'янське мовознавство. Т. 2. К., 1948. С. 50.

[61] *Никонов В.А.* География фамилий. М.: Наука, 1988. С. 111—113.

[62] *Бачинська Г.* Найменш поширені словотвірні моделі прізвищ українців, переселених з Польщі на Тернопільщину // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. 2011. № 2 (21) — 2012. № 1 (22). С. 123, 124.

[63] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 122; *Масенко Л.Т.* Українські імена і прізвища. К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. С. 24.

[64] Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 238.

[65] *Лопатинский Л.* Суффиксы русского языка: влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 31. Отд. 4-й. Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учебн. округа, 1902. С. 46.

[66] Там же. С. 47.

[67] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93, 94.

[68] *Трубачёв О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 48—54.

[69] Там же. С. 87.

[70] *Никонов В.А.* География фамилий. М.: Наука, 1988. С. 113.

[71] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 195.

[72] Там же. С. 204.

[73] *Тищенко К.* Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. С. 90.

[74] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62.

[75] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93.

[76] *Нечитайло А.Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К.: Наук. думка, 1991. 115 с.

[77] *Нечитайло А.Л.* Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. 42 с.

[78] *Нечитайло А.Л.* Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. С. 5, 6.

[79] Там же. С. 34—37.

[80] Там же. С. 37.

[81] Там же. С. 16.

[82] Там же. С. 20.

[83] Там же. С. 23.

[84] *Фоменко В.А.* Древняя история адыгов и археологические памятники // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г.). Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 174.

К Главе второй

[1] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 118—120.

[2] Там же. С. 37.

[3] См.: *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388,

434—438, 467; *Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана / пер. с греч. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 73, 88, 89, 147—149.

[4] См.: *Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 268—281. (Археология СССР).

[5] *Димитров Д. И.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморие: към въпроса за тяхното присъствие и история в днешните руски земи и ролята им при образуването на българската държава. Варна: Георги Бакалов, 1987. С. 84—86; *Рашев Р.* Прабългарите през V—VII век. Велико Търново: Хабер, 2000. С. 52—57.

[6] *Olrik A.R.* Ragnarök: Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin; Leipzig: Walter De Gruyter & Co, 1922. S. 464.

[7] *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. 1: Die Ostgermanen. München: C.H. Beck, 1934. S. 256.

[8] См.: *Vernadsky G.* A History of Russia. Vol. 1: Ancient Russia. New Haven: Yale University Press, 1943. P. 83, 84, 106, 126, 130.

[9] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. С. 67.

[10] Там же. С. 94.

[11] Там же. С. 67.

[12] Там же. С. 95, 96.

[13] Там же. С. 67.

[14] Там же. С. 97.

[15] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 115.

[16] См.: *Скржинская Е.Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану) // Византийский временник. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 25; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 323, 324.

[17] См.: *Кафоев А.Ж.* Адыгские памятники. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1963. С. 49, 50, 73—75, 95.

[18] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 76, 77.

[19] *Скржинская Е.Ч.* О переводе сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 26.

[20] Там же. С. 56.

[21] *Скржинская Е.Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану) // Византийский временник. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 3.

[22] *Скржинская Е.Ч.* О переводе сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 33.

[23] Там же. С. 26.

[24] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 70, 82, 89.

[25] См.: *Иордан* / пер. и коммент. А.Н. Анфертьева // Свод древнейших известий о славянах: в 2 т. Т. 1: I—VI вв. М.: Вост. лит., 1994. С. 100.

[26] Анты // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. 2. СПб., 1890. С. 872.

[27] См.: *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 140 (ноябрь). С. 281—-286.

[28] См.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ. статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388.

[29] См.: *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды: [в 4 т.] Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. С. 375; *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 192—194; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982—1984 годов. Симферополь; Керчь: Крым. отделение Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского Нац. акад. наук Украины, 2008 (Боспорские исследования: Supplementum 4). С. 6.

[30] См.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388.

[31] *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 193.

[32] См.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388.

[33] Там же.

[34] См.: *Головин Н.Г.* Примечания на «Слово о полку Игореве». М.: Тип. С. Селивановского, 1846. 105 с.; *Огоновський О.* Слово о пълку Ігоревѣ: поетичний памятник руської писемносты XII віку: текст с перекладом и с поясненьями. Львів: накладом видавця, 1876. XLIV, 138 с.

[35] См.: *Брун Ф.К.* Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Записки Императорской Академии наук. Т. 24, кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. С. 19; *Браун Ф.А.* Готы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. 9. СПб., 1893. С. 443; *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 189—198; *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды: [в 4 т.] Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. С. 373—380.

[36] *Арсений, архим.* Готская епархия в Крыму // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 165. Январь. С. 60.

[37] *Куник А.А.* О записке готского топарха // Записки Академии наук. Т. 24, кн. 1. СПб., 1874. С. 133, 134.

[38] *Ламбин Н.* О Тмутараканской Руси: отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171. № 1—2. С. 94, 95, прим. 1.

[39] См.: *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды: [в 4 т.] Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. С. 379, 380.

[40] *Браун Ф.А.* Готы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. 9. СПб., 1893. С. 443.

[41] *Брун Ф.К.* Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Записки Императорской Академии наук. Т. 24, кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад наук, 1874. С. 21, 22.

[42] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Изд. 2-е, пересмотр. К.: Типо-литография С.В. Кульженко, 1914. С. 62.

[43] *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 385—388.

[44] *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70, 71.

[45] См.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19.

[46] *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье: могильники VI—VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Археология. Т. 18 (20)). С. 193—195.

[47] *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 173, 174.

[50] Там же.

[51] *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 24, 25.

[52] Там же.

[53] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. С. 99, 100.

[54] См.: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой (отрывок 1—77) / Менандр // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 324.

[55] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. С. 103.

[56] *Кафоев А.Ж.* Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 35.

[57] *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Зихская епархия и попытки христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16—18 апреля 2014 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2014. С. 286, 287.

[58] См.: *Головин Н.Г.* Примечания на «Слово о полку Игореве». М.: Тип. С. Селивановского, 1846. 105 с.; *Огоновський О.* Слово о пълку Ігоревѣ: поетичний памятник руської писемносты XII віку: текст с перекладом и с поясненьями. Львів: накладом видавця, 1876. XLIV, 138 с.

[59] См.: *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. С. 33—36.

[60] См.: *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. С. 67; *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 76, 77.

[61] См.: *Olrik A.R.* Ragnarök: Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin; Leipzig: Walter De Gruyter & Co, 1922. S 464.

[62] *Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5, вып. 1/2. СПб, 1898. С. 7.

[63] Там же. С. 1—9.

[64] См.: *Дворник Ф.* Миссии греческой и западной церквей на Востоке в средние века // XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 10, 11; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 106.

[65] См.: *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 197—214; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 161; *Ванеев З.Н.* Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959. С. 169—172; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 76.

[66] См.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 92, 180, 181.

[67] См.: *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 25, 38—40.

[68] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 225, 226.

[69] Там же. С. 226, 266.

[70] Там же. С. 268.

[71] Там же. С. 262.

[72] *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70, 71.

[73] Там же. С. 71.

[74] *Гадло А.В.* Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений 1985 г. Л., 1986. С. 11.

[75] *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения: сб. статей / под ред. Г.Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 100, 101.

[76] *Мингазов Ш.Р.* Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племён в истории Европы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2013. С. 22.

[77] См.: *Баранов И.А.*: 1) Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. / отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 47; 2) Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София: Аргес, 1991. С. 145, 147, 149.

[78] *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 194.

[79] См.: *Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. К.: [б. в.], 2003. С. 150.

[80] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 209, 264, 265.

[81] См.: *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Учёные записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 13. Нальчик, 1957. С. 335—367; *Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Сборник научных материалов международной конференции «V Боспорские чтения». Керчь, 20—24 мая 2004 г. Керчь, 2004. С. 30—35.

[82] См.: *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма, М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 88—146.

[83] *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 71.

[84] Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gvidonis Geographica / ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini: in aedibus Friderici Nicolai, 1860. P. 175, 176.

[85] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 194.

[86] *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 71.

[87] См.: *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии

и византиноведения: сб. статей / под ред. Г.Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 101.

[88] Слово о полку Игореве / вступит. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачёва; коммент. и сост. Л. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1987. С. 30, 58.

[89] *Васильевский В.Г.* Житие св. Стефана Сурожского // Труды: [в 4 т.] Т. 3. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. С. 77—98.

[90] См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 88; *Секеринский С.* Очерки к истории Сурожа IX—XV веков. Симферополь: Крымиздат, 1955. С. 73—94; *Тунманн* [*И.*] Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. С. 36.

[91] См.: *Тизенгаузен В.Г.*: 1) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. С. 26, 28, 47, 48, 63, 66, 303, 502; 2) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 33, 34.

[92] См.: *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник: 1927. Т. 25. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 54, 55, 57, 66.

[93] См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. С. 188, 189; *Брун Ф.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России: [в 2 ч.] Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. С. 122; *Васильевский В.Г.* Труды: [в 4 т.] Т. 3. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. CLVI—CLIX; *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 815; *Добродомов И.Г.* Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1981. С. 41.

[94] См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. С. 188, 189.

[95] *Брун Ф.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России: [в 2 ч.] Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. С. 122, 123.

[96] См.: *Пріцак О.* Деремела=Бродники // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1965. Vol. 9. P. 82—96.

[97] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 105.

[98] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. С. 47, 55.

[99] Там же. С. 54, 63.

[100] *Псевдо-Арриан.* Объезд Эвксинского Понта / пер. П.И. Прозорова // Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / сост. В.В. Латышева (Вестник древней истории. 1948. № 4). С. 235 (646).

[101] *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды: в 3 ч. Ч. 3. М.: Имп. Моск. ун-т, 1887. С. 70.

[102] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. С. 111, 112.

[103] Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. С. 293.

[104] *Добродомов И.Г.* Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1981. С. 41.

[105] *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 74.

[106] См.: *Брун Ф.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России: [в 2 ч.] Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. С. 122; *Бертье-Делагард А.Д.* Исследования некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1920. № 57. С. 133.

[107] Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 605.

[108] *Псевдо-Арриан.* Объезд Эвксинского Понта / пер. П.И. Прозорова // Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / сост. В.В. Латышева (Вестник древней истории. 1948. № 4). С. 235 (646).

[109] *Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* Laudatio Funebris из Пантикапея // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 42—44.

[110] *Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 46.

[111] См.: *Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* Laudatio Funebris из Пантикапея // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 43; *Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 47—49.

[112] *Bowersock G.W., Jones C.P.* A New Inscription from Panticapaeum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 156. Bonn, 2006. P. 127, 128.

[113] См.: *Иванчик А.И.* Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 62—65.

[114] *Сапрыкин С.Ю.* ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (к вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 170.

[115] См.: *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С. 41—63, 124—128.

[116] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 194.

[117] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 225, 226.

[118] Там же. С. 223.

[119] Там же. С. 226, 273.

[120] Там же.

[121] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19, 20.

[122] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 268.

[123] Там же. С. 223.

[124] Там же. С. 224.

[125] Там же. С. 225.

[126] Там же. С. 263.

[127] Там же. С. 269.

[128] Там же. С. 270.

[129] См., например: *Гадло А.В.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70, 71.

[130] См.: *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 225, 226.

[131] Цит. по: *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 268.

[132] *Иерусалимская А.А.*: 1) О северокавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // Советская археология. 1967. № 2. С. 55—78; 2) «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972. 14 с.; 3) Кавказ на Великом Шёлковом пути: каталог временной выставки. СПб., 1992. 28 с.

[133] *Иерусалимская А.А.* О северокавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // Советская археология. 1967. С. 69.

[134] Там же. С. 72.

[135] *Иерусалимская А.А.* «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972. С. 3.

[136] *Иерусалимская А.А.* О северокавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // Советская археология. 1967. С. 72.

[137] Там же.

[138] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 268.

[139] Там же.

[140] См.: *Dickens M.* Nestorian Christianity in Central Asia. 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.oxuscom.com/Nestorian_Christianity_in_CA.pdf.

[141] *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 268.

[142] Там же. С. 225, 226.

[143] Там же. С. 223.

К Главе третьей

[1] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19, 20.

[2] Там же.

[3] Цит. по: *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 226.

[4] Там же. С. 225, 226.

[5] Там же.

[6] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 199.

[7] Цит. по: *Васильевский В.Г.* Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 275.

[8] Цит. по: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 207.

[11] Там же. С. 207, прим. 86, 87.

[12] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. С. 173, 174.

[13] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 201.

[14] Там же. С. 205.

[15] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 246; Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 287.

[16] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 129; Лаврентьевская и Троицкая летописи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. (Полное собрание русских летописей. Т. 1). С. 189.

[17] Худуд ал-ʻАлем: рукопись Туманского / с введением и указателем В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 31, табл. 38а.

[18] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206.

[19] См.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 20, 21.

[20] См.: *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 75.

[21] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 100—102.

[22] Там же. С. 105, прим. 14.

[23] См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 72.

[24] Цит. по: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 207.

[25] Там же. С. 207, прим. 85.

[26] *Дьяконов И.М.* История Древнего Востока: [в 2 ч.]. Ч. 2. М.: Наука, 1988. С. 118, 119.

[27] *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г.). Ч. 1. Нальчик: Ин-т гуманитарн. исследований Кабардино-Балкарского научн. центра РАН, 2014. С. 8.

[28] *Бгажноков Б.Х.* Касы и страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 7.

[29] См.: *Бушаков В.А.* Етнонім *Черкес* (до семантичної типології етнонімів) // Сходознавство. Вип. 37. К., 2007. С. 44, 45.

[30] См.: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / пер. А.А. Алексеева. Л.: Наука, 1979. С. 195, 196.

[31] См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 588, 589.

[32] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19—21.

[33] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206.

[34] См.: *Рудницкий Р.Р.* О зороастризме у алан в VII—IX вв. (Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001. С. 75—86) // Kroraina. Режим доступа: http://www.kroraina.com/alan/rudnickij.html. Название с экрана.

[35] *Хотко С.Х.* Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII—X вв.) // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик 16—20 октября 2013 г.). Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 183.

[36] Там же.

[37] *Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи / пер. с англ. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 59.

[38] Там же. С. 186.

[39] Там же. С. 211, 212.

[40] *Мас'уди*. Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 146.

[41] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206, прим. 81.

[42] *Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи / пер. с англ. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 58.

[43] Там же. С. 59.

[44] См.: *Хвольсон Д.А. (пер.)* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. С. 27, 30.

[45] *Minorsky V.* Shafar al-Zaman Tahir Marvazi: on China, the Turks and India. London, 1942. P. 14, 22 arab.

[46] Там же.

[47] См.: *Хвольсон Д.А. (пер.)* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. С. 21, 29.

[48] См.: *Ибн Фадлан.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / [пер. и коммент. А.П. Ковалевского]; под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 83, 212б араб.; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: статьи, перевод и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. С. 145, 212б араб.

[49] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 193; *Мас'уди.* Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 135.

[50] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: статьи, перевод и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. С. 145, 212б араб.

[51] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 193; *Мас'уди.* Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 135.

[52] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой (отрывок 1—77) / Менандр // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 376, 377.

[53] Там же. С. 421, 422.

[54] См.: *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 230.

[55] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206, прим. 83.

[56] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. С. 65, 66.

[57] *Калинина Т.М.* О маджусах арабских источников // XVIII сходознавчі читання А. Кримського (м. Київ 17—18 жовтня 2014 р.). К.: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2014. С. 8.

[58] Там же. С. 8, 9.

[59] *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. С. 63.

[60] Там же. С. 70, 71.

[61] Там же. С. 129.

[62] *Мас'уди.* Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 135.

[63] *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. С. 125.

[64] *Мас'уди*. Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966. С. 146.

[65] *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[66] Там же.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Серия «Археология». Т. 18 (20)). С. 200—206.

[70] Там же. С. 205.

[71] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 204.

[72] *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Серия «Археология». Т 18 (20)). С. 200—206.

[73] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 205.

[74] *Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора: к 170-летию Керченского музея древностей: тезисы докладов юбилейной конференции: 25—27 июля 1996 г. Керчь: [б. и.], 1996. С. 64.

[75] См.: *Алексеева Е.П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1980. С. 36.

[76] См.: *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // Российская археология. 2001. № 2. С. 53.

[77] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 204, 205.

[78] *Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX веков в районе Новороссийска — Геленджика // VIII «Крупновские чтения»: тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 48, 49.

[79] См.: *Аксёнов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. (Хазарский альманах. Т. 5). С. 72—92; *Михеев В.К.* Сухогомольшанский могильник // Советская археология. 1986. № 3. С. 158—173.

[80] См.: *Аксёнов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. (Хазарский альманах. Т. 5). С. 93—169.

[81] См.: *Кухаренко Ю.В.* Новопокровський могильник і поселення // Археологія. Т. 6. К.: Вид-во АН УРСР, 1952. С. 33—50.

[82] См.: *Кухаренко Ю.В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 41. М., 1951. С. 105.

[83] См.: *Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А.* Работы на новостройках Харьковской области // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 34; *Шрамко Б.А.* Погребение VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983. С. 48—50.

[84] *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. С. 11.

[85] *Михеев В.К.* О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья в VIII—X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1991.

[86] См.: *Плетнёва С.А.*: 1) Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. С. 108—118; 2) На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. С. 259.

[87] См.: *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2). С. 153; *Михеев В.К.* О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья в VIII—X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1991. С. 44; *Плетнёва С.А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. С. 108—118.

[88] *Міхєєв В.К., Приходнюк О.М.* Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 54. К.: Наук. думка, 1986. С. 81.

[89] См.: *Алексеева Е.П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1980. С. 36.

[90] См.: *Алексеева Е.П.*: 1) К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института: серия историческая. Вып. 6. Ставрополь, 1970. С. 325, 326; 2) О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории

народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1980. С. 51, табл. 1—3.

[91] *Алексеева Е.П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1980. С. 36.

[92] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 203, 204.

[93] См.: *Пьянков А.В.* К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III—XIII веков из Кубано-Черноморского региона [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Библиотекарь.Ру. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm. Название с экрана.

[94] См.: *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[95] См.: *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Серия «Археология». Т. 18 (20)). С. 200—206.

[96] См.: *Аксёнов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. (Хазарский альманах. Т. 5). С. 93—169.

[97] См.: *Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX веков в районе Новороссийска — Геленджика // VIII «Крупновские чтения»: тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 49; *Тарабанов В.А.* Кремационные погребения VIII—X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 58, 59.

[98] *Аксёнов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. (Хазарский альманах. Т. 5). С. 182, 183.

[99] См.: *Грінченко В.А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. К.: Вид-во АН УРСР, 1950. С. 37—63.

[100] *Айбабин А.И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 79.

[101] См.: *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. (Археология СССР). С. 20; *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 178, 179.

[102] См.: *Сміленко А.Т.* Глодоські скарби. К.: Наук. думка, 1965. 83, [5] с.

[103] См.: *Сміленко А.Т.* Глодоські скарби. К.: Наук. думка, 1965. С. 49; *Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 1982. С. 220.

[104] См.: Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад / В.Н. Залесская, З.А. Львова, Б.И. Маршак и др. СПб.: Славия, 1997. С. 98.

[105] *Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). К.; Чернівці: Прут, 2001. С. 41.

[106] Там же.

[107] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. С. 185.

[108] *Айбабин А.И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 81, 82.

[109] Там же. С. 79.

[110] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 230.

[111] См.: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 200, 201.

[112] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 250.

[113] Там же. С. 230.

[114] *Кызласов Л.Р.*: 1) Тува в период Тюркского каганата // Вестник Московского университета: историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 41—72; 2) История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. 212 с.

[115] *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 198—201.

[116] *Грач А.Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии [Электронный ресурс] // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 207—213. Режим доступа: http://kronk.spb.ru/library/grach-ad-1968.htm (дата обращения: 20.06.2009). Название с экрана.

[117] См.: *Айбабин А.И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 79.

[118] См.: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 170, 171.

[119] См.: *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 92.

[120] См.: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 170, 171.

[121] См.: *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. (Археология СССР). С. 10—23.

[122] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой (отрывок 1—77) / Менандр // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 421, 422.

[123] Цит. по: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М.: Наука. 1962. С. 150.

[124] См.: *Комар А.В.* Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) [Электронный ресурс] // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4). Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm (дата обращения: 21.06.2009). Название с экрана.

[125] *Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX веков в районе Новороссийска — Геленджика // VIII «Крупновские чтения»: тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 48, 49.

[126] См.: *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 110—115.

[127] См.: *Приходнюк О.М.* Пастирське городище. К.; Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.

[128] См.: *Бубенок О.Б., Аксёнов В. С.* Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 109—111.

[129] *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Серия «Археология». Т. 18 (20)). С. 205.

[130] Там же.

[131] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 28.

[132] *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье: древности и памятники VIII—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. (Серия «Археология». Т. 18 (20)). С. 198, 199.

[133] См.: *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 204, 205.

[134] Цит. по: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206.

[135] *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 205.

[136] См.: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 114.

[137] См.: *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton: Princeton University Press, 1954. Chapter 2.

[138] См., например: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 114.

[139] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. Стлб. 1233.

[140] См.: *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[141] *Мейтарчиян М.Б.* Культ огня в Бактрии // Иранский мир II—I тыс. до н. э.: материалы конференции. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 49, 50.

[142] Там же. С. 53.

[143] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 207.

[144] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. С. 173, 174.

[145] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 287; Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 246; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись (реконструкция текста) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 84.

[146] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). С. 65.

[147] См.: *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов о Кавказе, Армении и Адербейджане // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Т. 38. Тифлис, 1908. С. 44, 128; *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. М.; Л., 1940. С. 35.

[148] См.: *Кузнецов В.А.*: 1) Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 25, 26; 2) Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 117, 118.

[149] См.: *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. М.; Л., 1940. С. 35.

[150] См.: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 427, 428.

[151] См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Междунар. отношения, 1982. С. 97.

[152] См.: *Артамонов М.И.* История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 427, 428.

[153] См.: *Кузнецов В.А.*: 1) Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 25; 2) Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 117, 118.

[154] См.: *Якубовский А.Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Известия АН СССР: серия истории и философии. 1946. Т. 3, № 5. С. 470, 471.

[155] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). С. 65.

[156] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 287; Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 246; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись (реконструкция текста) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 84.

[157] Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 33.

[158] См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.

[159] См.: *Калинина Т.М.*: 1) Сведения Ибн Хаукала о походах руси времён Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 90—101; 2) Сведения Ибн Хаукала о походах руси времён Святослава // Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) / Т.М. Калинина. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 235—247.

[160] См.: *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 1. К.: Наук. думка, 1994. С. 462.

[161] См.: *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропол. книжн. изд-во, 1971. С. 199.

[162] См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.

[163] *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 75.

[164] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. С. 52, 53.

[165] Там же. С. 37, 281—283.

[166] См.: *Нікіфоров М.А.* Візантійські володіння у Гірському Криму у першій половині IX — на початку XIII ст.: автореф. дис. ... канд. істор. наук. К.: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2013. 16 с.

[167] См.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 312—316.

[168] *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К.: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. С. 53, 54.

[169] См.: Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 1 / przeł. Tadeusz Lewicki. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1956. S. 38.

[170] См.: *Турчанинов Г.Ф.*: 1) О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. С. 74, 75; 2) Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 75.

[171] *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 78.

[172] Там же. С. 75—78.

[173] См.: *Артамонов М.И.* Предисловие // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 109). С. 6.

[174] См.: *Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище: раскопки 1958—1959 гг. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. 4. Симферополь: Таврия, 1994. С. 307.

[175] См.: *Артамонова О.А.* Могильник Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 109). С. 20.

[176] См.: *Бубенок О.Б.* Аланы-ясы в Саркеле — Белой Веже // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 8. Симферополь, 2001. С. 334—361.

[177] См.: *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219;. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 200—206. (Археология. Т. 18 (20)); *Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 198—213; *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.*: 1) Северо-Восточное Причерноморье: могильники VI—VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 193—195. (Археология. Т. 18 (20)); 2) Северо-Восточное Причерноморье: древности и памятники VIII—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 195—200. (Археология. Т. 18 (20)); *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 199, 200.

[178] См.: *Плетнёва С.А.*: 1) От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142). С. 95, 96; 2) Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав: прабългарската култура: материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Изд-во на Бълг. АН, 1984. С. 11, 12.

[179] *Тимашенков И.* Отчёт об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. 2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 572.

[180] Там же.

[181] Там же. С. 573, 574.

[182] *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М., 1958. С. 94.

[183] См.: *Тимашенков И.* Отчёт об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. 2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 570, 571.

[184] *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк: Изд-во Донец. нац. ун-та, 2001. С. 316, 317.

[185] См.: *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. (Известия Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Вып. 131). С. 114; *Плетнёва С.А.*: 1) От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142). С. 95, 96; 2) Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав: прабългарската култура: материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Изд-во на Бълг. АН, 1984. С. 11, 12.

[186] *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. (Известия Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Вып 131). С. 114.

[187] Там же.

[188] Там же.

[189] Там же.

[190] См.: *Плетнёва С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав: прабългарската култура: материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Изд-во на Бълг. АН, 1981. С. 12.

[191] См.: *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика: материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибиков. К.: Наук. думка, 1974. С. 154.

[192] См.: *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 106). С. 80, 81, 89—103.

[193] *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 122.

[194] См.: *Тимашенков И.* Отчёт об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. 2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 572—574.

[195] См.: *Плетнёва С.А.*: 1) От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142). С. 95, 96; 2) Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав: прабългарската култура: материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Изд-во на Бълг. АН, 1984. С. 11, 12.

[196] *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[197] Там же. С. 85, 86.

[198] Там же. С. 82—123.

[199] *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. (Известия Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Вып. 131). С. 114.

[200] См.: *Саханёв В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

[201] *Тортика А.А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 70.

[202] Цит. по: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 192, 193.

[203] Там же. С. 196, 197.

[204] Там же. С. 198.

[205] *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 110.

[206] Там же. С. 112.

[207] Цит. по: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 206.

[208] См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 118, 119, 143.

[209] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 100—102.

[210] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 195.

[211] См.: *Golden P.B.* Khazar studies: 2 vols. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. P. 187, 188; 206, 207.

[212] См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 139.

[213] См.: *Бернштам А.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков: Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. (Труды Института востоковедения. Т. 45). С. 111.

К Главе четвёртой

[1] *Татищев В.* История Российская: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2003. С. 35.

[2] Там же. С. 608.

[3] Там же. С. 35.

[4] *Татищев В.* История Российская: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 250.

[5] Там же. С. 263, 264.

[6] Там же. С. 6, 7.

[7] Там же. С. 567.

[8] *Татищев В.* История Российская: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2003. С. 532.

[9] Там же.

[10] *Татищев В.* История Российская: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 293.

[11] *Карамзин Н.М.* История государства Российского: [в 12 т.]. 2-е изд. испр. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. С. 199, 200.

[12] *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 1. К.: Наук. думка, 1994. С. 459, 460.

[13] Там же. С. 460.

[14] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Начало (по 1176 г.).] СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. (Полное собрание русских летописей. Т. 9). С. 31.

[15] Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачёва; пер. Д.С. Лихачёва, Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 2: Приложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 311.

[16] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Начало (по 1176 г.).] СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. (Полное собрание русских летописей. Т. 9). С. 31, прим. и.

[17] Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 117.

[18] Там же. С. 117, прим. 39.

[19] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 73.

[20] См.: *Каргер М.К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 136, 137.

[21] *Иевлев М.М., Козловский А.А., Минаева Н.И.* Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «Жидовского города» на территории Древнего Киева) // Хазарский альманах. Т. 12. К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2014. С. 80.

[22] См.: *Мошин В.А.* Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondacovianum. VI. Prague, 1933. С. 204, 205; *Богословский О.В.* Из истории христианства на Таманском полуострове // Тамань археологическая. (II раздел). Сборник. 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань: Таманский музейный комплекс, 1998. С. 26—28.

[23] См.: *Ламбин Н.* О Тмутараканской Руси: отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171, № 1—2. С. 59, 60; *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси: очерки из истории Руси IX—X вв. Полтава: Электр. тип. Г.И. Маркевича, 1913. С. 115, 116; *Козловский И.П.* Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59). Симферополь, 1928. С. 63; *Лавровський Л.Я.* Олег і Хельгу хазарського документу, виданого В. Шехтером // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Зб. 1-й. К., 1930. С. 19.

[24] См.: *Насонов А.Н.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. № 6. М., 1940. С. 88—95; *Якобсон А.Л.*: 1) Средневековый

Херсонес XII—XIV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 17). С. 15; 2) Византия в истории раннесредневековой Таврики // Советская археология. Т. 21. М., 1954. С. 159; *Гапусенко И.М.* Борьба Киевской Руси за северное побережье Чёрного моря: автореф. дис. … канд. истор. наук. К.: АН УРСР, отделение обществ. наук, 1962. С. 17, 18; *Алексеева Е.П.* Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X—XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1992. С. 59, 75, 107.

[25] *Гадло А.В.*: 1) Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (история идеи) // Сборник Русского исторического общества. № 4 (152): От Тмутороканя до Тамани. М.: Русская панорама, 2002. С. 14—39; 2) Предыстория Приазовской Руси: очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 29—66.

[26] См.: *Артамонов М.И.* Белая Вежа // Советская археология. Т. 16. М., 1952. С. 44; *Вестберг Ф.* Записка Готского топарха // Византийский временник. Т. 15. Вып. 2—3. СПб., 1910. С. 248, 262; *Васильев А.А.* Готы в Крыму // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 5. Л.: Акад. истории материальной культуры, 1927. С. 249, 251; *Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 178; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 94; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси: очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 150, 151; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск: Русич; Гнозис, 1995. С. 103; *Войтович Л.* Проблема утворення Тмутараканського князівства у світлі русько-хозарських стосунків X ст. // Хазарский альманах. Т. 6. К.; Харьков, 2007. С. 65—77.

[27] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 46; Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 287.

[28] *Трахо Р.* Черкесы. Мюнхен: Richard Stadelmeier, 1956. С. 14.

[29] См.: *Котляр Н.Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 191, 192; *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XIII вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 26; *Головко О.Б.* Північне Причорномор'я та Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX — середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 31—33.

[30] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 85.

[31] Там же. Стлб. 60.

[32] См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1963. С. 57, 58.

[33] См.: *Плетнёва С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. С. 23.

[34] *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.: Абрис, 1999. С. 80.

[35] См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 227.

[36] См.: Повість врем'яних літ: літопис (за Іпатським списком). К.: Рад. письменник, 1990. С. 74, 75.

[37] См.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. С. 175.

[38] См.: *Ромашов С.А.* Где находилась Чёрная Болгария? // Восточная Европа в древности и средневековье: спорные проблемы истории: [V] чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 12—14 апреля 1993 г.: тезисы докладов. М.: Ин-т рос. истории, 1993. С. 63—68.

[39] См.: *Тортика А.А.* «Чёрная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. Т. 5. Харків; Софія: Академ. вид-во ім. проф. М. Дринова, 2012. С. 23—31.

[40] *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963. С. 71.

[41] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 58.

[42] Там же.

[43] Там же. Стлб. 58, 59.

[44] Там же. Стлб. 60.

[45] См.: *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963. С. 71.

[46] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 429.

[47] *Григорьев В.В.* Волжские болгары // Россия и Азия: сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии / В.В. Григорьев. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. С. 91.

[48] См.: *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 107.

[49] *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. С. 15.

[50] См.: *Бариев Р.Х.* Волжские булгары: история и культура. СПб.: Агат, 2005. С. 61.

[51] *Измайлов И.Л.* Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль — декабрь. С. 220.

[52] См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р.—Я. Дополнения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Стлб. 337, 338.

[53] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 429.

[54] См.: *Измайлов И.Л.* Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль — декабрь. С. 220.

[55] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 60.

[56] *Гагин И.А.* В.Н. Татищев и российская историография о походе князя Владимира на болгар в 985 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета: серия 2. 2009. Вып. 1. С. 50.

[57] История черноморской торговли в средних веках / [Э.-Ф. Эли де ла Примоде;] изд. В. Шостаком. Ч. 1. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. С. 96.

[58] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. С. 34, прим. 61.

[59] *Тунманн* [*И.*] Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. С. 70.

[60] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 81.

[61] Повість врем'яних літ: літопис (за Іпатським списком). К.: Рад. письменник, 1990. С. 140, 141.

[62] См.: *Голубовский П.* Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888. С. 26.

[63] Повість врем'яних літ: літопис (за Іпатським списком). К.: Рад. письменник, 1990. С. 140, 141.

[64] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 94; Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 64.

[65] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 91.

[66] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 265.

[67] Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 64.

[68] *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 135.

[69] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 94.

[70] Там же. Стлб. 95.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] Там же. Стлб. 96.

[75] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 97; Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 105.

[76] *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[77] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 92, 93.

[78] См.: *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[79] Список населённых мест по сведениям 1859 г. Вып. 48: Черниговская губерния. СПб.: Издан Центр. стат. к-том Мин-ва внутр. дел, 1866. С. 61, 105, 187.

[80] Там же. С. 105, 126.

[81] См.: *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[82] Новгородская Пятая летопись. 2-е изд., испр. Вып. 1. Пг.: Тип. «Я. Башмаков и Ко», 1917. (Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 2). С. 116.

[83] См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1963. С. 350.

[84] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 93, 94.

[85] *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2006. С. 108.

[86] Там же. С. 133, прим. 17.

[87] Там же. С. 132, 133, прим. 14, 15.

[88] Там же. С. 118.

[89] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[90] Там же.

[91] *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. К.: Наук. думка, 1992. С. 51.

[92] Там же. С. 58.

[93] *Сухобоков О.В.* «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X—XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное. К.: Аграр Медіа Груп, 2012. С. 303—305.

[94] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 97; Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 105.

[95] *Ляскоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. К.: Тип. И.И. Чоколова, 1897. С. 289.

[96] *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. К.: Наук. думка, 1992. С. 117.

[97] См.: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Стлб. 184.

[98] См.: *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. К.: Наук. думка, 1992. С. 51.

[99] *Корінний М.М.* Природні умови Переяславської землі в X—XIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://history.org.ua/JournALL/geo/0/18.pdf. Назва з екрану. С. 104.

[100] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 27.

[101] Описание рек Черниговского наместничества (1785 г.) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 2, вып. 1—2. Чернигов: Губернская тип., 1868. С. 26.

[102] Полтавская губерния: список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издан Центр. статистич. к-том Мин-ва внутр. дел, 1862. С. 53.

[103] Военно-топографическая карта Российской империи (1869—1890) [Электронный ресурс] // Історія 11 / History 11: персональний сайт Дудки Людмили Георгіївни. Режим доступа: http://history11.ucoz.ru (дата обращения: 10.08.2010). Название с экрана. Лист 23, 23-12.

[104] *Гильденштедт И.А.* Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / пер. с нем. и предисл. М. Салтыковой, прим. Д.И. Багалея // Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год. Вып. 5, отд. 2. Харьков: Тип. Губ. правления, 1891. С. 100.

[105] Там же. С. 101, прим. 16.

[106] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. С. 27.

[107] *Гильденштедт И.А.* Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / пер. с нем. и предисл. М. Салтыковой, прим. Д.И. Багалея // Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год. Вып. 5, отд. 2. Харьков: Тип. Губ. правления, 1891. С. 101, прим. 24.

[108] Полтавская губерния: список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издан Центр. статистич. к-том Мин-ва внутр. дел, 1862. С. 34, 38.

[109] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 432.

[110] Полтавская губерния: список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издан Центр. статистич. к-том Мин-ва внутр. дел, 1862. С. 31.

[111] Там же. С. 19.

[112] Там же. С. 197.

[113] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 24; Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 7, 8, 291; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.

[Начало (по 1176 г.).] СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. (Полное собрание русских летописей. Т. 9). С. 150.

[114] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 291.

[115] См.: *Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. С. 186; *Лясковронский В.* История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. К.: Тип. И.И. Чоколова, 1897. С. 322.

[116] *Корінний М.М.* Природні умови Переяславської землі в X—XIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://history.org.ua/JournALL/geo/0/18.pdf. Назва з екрану. С. 101.

[117] *Сухобоков О.В.* «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X—XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное. К.: Аграр Медіа Груп, 2012. С. 305, 306.

[118] *Ашихмин А.А.* Исторические связи Тмутаракани и Чернигова // Rossica Antiqua. 2015. № 1. С. 32, 41.

[119] Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3). Стлб. 172.

[120] Поучение детям Владимира Мономаха / ред. и прим. В.А. Воскресенского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1893. С. 46, прим. 46.

[121] Там же. С. 6, прим. ц.

[122] Там же. С. 13.

[123] См.: *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в до-татарскую эпоху // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171. Февраль. С. 290, прим.

[124] См.: *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «тёмных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1977. С. 39—42.

[125] *Карамзин Н.М.* История государства Российского [в 12 т]. 2-е изд. испр. Т. 2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. С. 133, прим. 232.

[126] Там же. С. 163.

[127] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 91, 92.

[128] См.: *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «тёмных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1977. С. 39—42.

[129] См.: *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в до-татарскую эпоху // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171. Февраль. С. 232, 236, 237; Поучение детям Владимира Мономаха / ред. и прим. В.А. Воскресенского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1893. С. V—VII.

[130] *Головко О.Б.* Торки в історії причорноморських степів (IX—XII ст.) // Etymon: до 80-річчя академіка О. Пріцака. К.: Істина, 2001. (Східний світ. 1999. № 1/2). С. 112—118.

[131] Поучение детям Владимира Мономаха / ред. и прим. В.А. Воскресенского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1893. С. VII.

[132] Там же. С. 6, 8.

[133] См.: *Орлов А.С.* Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.; *Брюсова В.Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28. М.: Наука, 1968. С. 127—135; *Ищенко А.С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 276 с.

[134] См.: *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 29.

[135] См.: *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[136] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 2; Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 22.

[137] См.: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 24; Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 7, 8, 291; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Начало (по 1176 г.).] СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. (Полное собрание русских летописей. Т. 9). С. 150.

[138] См.: *Котляр Н.Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 191, 192; *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 26; *Головко О.Б.* Північне Причорномор'я та Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX — середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 31—33.

[139] Новгородская Пятая летопись. 2-е изд., испр. Вып. 1. Пг.: Тип. «Я. Башмаков и Ко», 1917. (Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 2). С. 116.

[140] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 93, 94.

[141] *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 27.

[142] См.: *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 29, 30; *Котляр Н.Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника

судьбы: сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 196, 197.

[143] *Котляр Н.Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 197.

[144] См.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). К.: Наук. думка, 1976. С. 59.

[145] *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М.: Русские словари, 2004. С. 256.

[146] Там же.

[147] Там же.

[148] *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI — начале XII вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 155.

[149] Там же. С. 157.

[150] *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М.: Русские словари, 2004. С. 257.

[151] Там же.

[152] Там же.

[153] *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). К.: Наук. думка, 1976. С. 60.

[154] Там же. С. 59, 60.

[155] *Франчук В.Ю.* Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза: XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Москва, 15—17 апреля 2015 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2015. С. 292.

[156] Там же.

[157] См.: *Расовский Д.А.*: 1) Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. T. 6. Praga, 1933. С. 1—66; 2) Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 136, 137.

[158] См.: *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.: Абрис, 1999. С. 94.

[159] См.: *Росляков А.А.* Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во, 1956. С. 14.

[160] См.: *Попов А.И.* Названия народов СССР: введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973. С. 124.

[161] *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. С. 137.

[162] *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI — начале XII вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 157.

[163] *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М.: Русские словари, 2004. С. 257.

[164] Там же.

[165] Там же.

[166] *Чхаидзе В.Н.* Матарха-Тмутаракань — между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Москва, 17—20 апреля 2018 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2018. С. 340.

[167] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 91, 92.

К Главе пятой

[1] *Фасмер М.*: 1) Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. С. 206, 207; 2) Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. С. 344.

[2] См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 588, 589; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 20, 21.

[3] Українська радянська енциклопедія. Т. 16. К.: Голов. ред УРЕ, 1964. С. 118.

[4] *Стрижак О.С.* Назва веде до глибин // Молодь України. 1967. 27 серпня.

[5] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 56.

[6] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. С. 243.

[7] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 56.

[8] См.: *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1968. С. 81, 106; *Бушаков В.А.* Етнонім *черкас* (до семантичної типології етнонімів) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції «IX сходознавчі читання А. Кримського». Київ, 1—2 червня 2005 р. Київ: Ін-т сходознавства НАН України, 2005. С. 83.

[9] См.: *Кармышева Е.К.* Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1954. С. 99, 100.

[10] *Стрижак О.С.* Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. 1968. № 2. С. 82.

[11] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 103.

[12] См.: *Падалка Л.В.* Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Вып. 7. Полтава: Электр. тип. Г.И. Маркевича, 1910. С. 92.

[13] Густинская летопись // Ипатьевская летопись / [включает неполную публикацию Густинской летописи]. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 348.

[14] См.: *Стрижак О.С.* Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. 1968. № 2. С. 83.

[15] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 96—107.

[16] См.: *Стрижак О.С.* Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. 1968. № 2. С. 83.

[17] См.: *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. С. 156, 157; *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 32, 33.

[18] *Татищев В.Н.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1963. С. 320.

[19] Там же. С. 324, 325, прим. 11.

[20] *Болтин И.* Примечание на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1. [СПб.]: Тип. горного уч-ща, 1788. С. 344, 345.

[21] Там же. С. 347.

[22] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 4. СПб.: Иждивением книгопродавца И. Глазунова, 1799. С. 238, 347.

[23] Там же. С. 238.

[24] Там же.

[25] Словарь географический Российского государства. Ч. 4. М.: Университетская тип., 1805. Стлб. 106.

[26] *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России: в 4 ч. Ч. 1. М.: Тип. С. Селивановского, 1822. С. 109, прим.

[27] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. К.: в Университетской тип., 1851. 724 с.

[28] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 98, прим. 12.

[29] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. К.: в Унивеститетской тип., 1851. С. 53.

[30] *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще: в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1847. 220 с.

[31] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 99, прим. 13.

[32] *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще: в 4 ч.. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1847. С. 5—10.

[33] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 96—107.

[34] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 176, 177.

[35] Там же. С. 177.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 178.

[38] См.: *Маркевич Н.* О козаках // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4. С. 35.

[39] См.: *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. С. 156.

[40] *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. (Репринт. воспроизв. изд. 1913). С. 55.

[41] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 77, 78.

[42] См.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 23.

[43] См.: *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. 5-е изд. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. С. 23.

[44] См.: *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 183 с.; *Калмыков И.Х.* Черкесы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкес. отделение Ставропол. книжн. изд-ва, 1974. 343 с.

[45] *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этно-культурной истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1976. С. 189.

[46] См.: *Калмыков И.Х.* Черкесы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкес. отделение Ставропол. книжн. изд-ва, 1974. С. 37.

[47] *Авакян А.Г.* Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.). Ереван: Гитутюн, 2001. С. 15.

[48] Там же. С. 18.

[49] Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 257, 258.

[50] *Авакян А.Г.* Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.). Ереван: Гитутюн, 2001. С. 19.

[51] Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 334.

[52] См.: *Бушаков В.А.*: 1) Етнонім *черкас* (до семантичної типології етнонімів) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції «IX сходознавчі читання А. Кримського». Київ, 1—2 червня 2005 р. Київ: Ін-т сходознавства НАН України, 2005. С. 83, 84; 2) Етнонім *Черкес* (до семантичної типології етнонімів) // Сходознавство. Вип. 37. К., 2007. С. 46—52.

[53] См.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 23, 24.

[54] *Аталиков В.М.* Страницы истории. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 22.

[55] *Озова Ф.А.* К этимологии этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия*: постановка проблемы // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции, г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г. Ч. 1. Нальчик: Ин-т гуманит. исследований Кабардино-Балкар. научн. центра РАН, 2014. С. 125.

[56] *Фасмер М.*: 1) Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. С. 206, 207; 2) Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. С. 344.

[57] См.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань Чао Би Ши. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 188, 189, 191.

[58] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 57, 72.

[59] См.: *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. / вступ. ст., подгот. текста, перев. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 108; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 24.

[60] См.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 24.

[61] Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 48.

[62] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Продолжение (1177—1362 гг.).] СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. (Полное собрание русских летописей. Т. 10). С. 184.

[63] Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. (Полное собрание русских летописей. Т. 7). С. 34; Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. (Полное собрание русских летописей. Т. 25). С. 71, 252, 331.

[64] Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1977. (Полное собрание русских летописей. Т. 33). С. 136.

[65] См.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 33, 36, 37, 48, 64; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 129; *Рашид-ад-Дин.* Джами‘ ат-Таварих. Т. 2, ч. 1: Критический текст. М., 1980. С. 136.

[66] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 143.

[67] Там же. С. 122, 246.

[68] Там же. С. 145, 156, 180, 181, 185, 248.

[69] Там же. С. 204, 205.

[70] Там же. С. 92, 220.

[71] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. С. 210, 213, 225, 231, 234, 247.

[72] Там же. С. 306.

[73] Там же. С. 478, 503.

[74] Там же. С. 225, 247.

[75] Там же. С. 397, 406.

[76] См.: *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. Стлб. 1969.

[77] См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 57, 72.

[78] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 25.

[79] См.: *Вострое В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1968. С. 81, 106; *Бушаков В.А.* Етнонім *черкас* (до семантичної типології етнонімів) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції «IX сходознавчі читання А. Кримського». Київ, 1—2 червня 2005 р. Київ: Ін-т сходознавства НАН України, 2005. С. 83; *Кармышева Е.К.* Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1954. С. 99, 100.

[80] См.: *Бушаков В.А.*: 1) Етнонім *черкас* (до семантичної типології етнонімів) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції «IX сходознавчі читання А. Кримського». Київ, 1—2 червня 2005 р. Київ: Ін-т сходознавства НАН України, 2005. С. 83, 84; 2) Етнонім *Черкес* (до семантичної типології етнонімів) // Сходознавство. Вип. 37. К., 2007. С. 46—52.

[81] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 57.

[82] Там же.

[83] *Бгажноков Б.Х.* Касы и страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 11.

[84] См.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 33, 36, 37, 48, 64; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 129; *Рашид-ад-Дин.* Джами‘ ат-Таварих. Т. 2, ч. 1: Критический текст. М., 1980. С. 136.

[85] См.: *Aboulféda.* Géographie: Texte Arabe. Paris: Impr. Royale, 1840. P. 203, 204.

[86] См.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 92, 180, 181.

[87] *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 25, 38—40.

[88] *Фоменко В.А.* Адыги в верховьях реки Кубань в XIV—XVIII вв. (по данным археологии) // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2012. С. 124, 125.

[89] *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 35, 36.

[90] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. Стлб. 1967—1969.

[91] *Гочияева С.А., Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1989. С. 731.

[92] См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

[93] Супрасльская летопись // Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. (Полное собрание русских летописей. Т. 35). С. 65.

[94] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. С. 4.

[95] *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 229.

[96] Беларуская даўніна. Вып. 1. Мінск: Беларуская даўніна, 2014. С. 149, 150.

[97] *Стрижак О.С.* Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. 1968. № 2. С. 83.

[98] *Гудзенко П.А.* Черкаська область: географічний нарис. К., 1959. С. 89.

[99] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 206.

[100] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 101.

[101] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 264, 265.

[102] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 99.

[103] Там же. С. 105.

[104] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 264, 265.

[105] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 98.

[106] Там же. С. 84.

[107] См.: *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93.

[108] Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 335.

[109] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 263.

[110] Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 112.

[111] *Стрижак О.С.* Назва веде до глибин // Молодь України. 1967. 27 серпня.

[112] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 104.

[113] См.: Історія міст і сіл УРСР: в 26 т. Київська область. К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1971. С. 676.

[114] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 103.

[115] См.: *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 105.

[116] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 84—105.

[117] Там же. С. 103.

[118] *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 148, 149.

[119] *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. (Репринт. воспроизв. изд. 1913). С. 37, 38.

[120] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 180, 181.

[121] *Эвлия Челеби.* Описание Северного Кавказа (извлечения из «Сейяхатнаме»). М.: Таус, 2011. С. 9.

[122] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 122, 181, 182.

[123] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. С. 210, 231.

[124] См.: *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К.: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. С. 66.

[125] См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 33.

[126] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 37.

[127] См., например, Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 67, 68.

[128] *Куштан Д.* Нові дослідження посаду Черкаського замку // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 13. К., 2004. С. 19, 20.

[129] *Куштан Д.* Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.): матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006. С. 77.

[130] *Куштан Д.* Нові дослідження посаду Черкаського замку // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 13. К., 2004. С. 20.

[131] *Зразюк З.А., Строкова Л.В., Хромов К.К.* Монетно-вещевой клад третьей четверти XIV в. из с. Василица Черкасского района Черкасской области (монетная часть) // Восточная нумизматика в Украине. Часть 2: Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII—XV вв. К.: Купола, 2007. С. 118—129.

[132] *Рець С.К.* Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси. 1996 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1996. С. 24—44; *Куштан Д.П.* Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 2000. С. 9, 35—38.

[133] *Куштан Д.* Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.): матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006. С. 75—77.

[134] *Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Археологічний літопис Лівобережної України. 2000. Ч. 1/2 (7/8). С. 48, рис. 4, 7.

[135] Там же.

[136] См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 67, 68.

[137] *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII—XIV ст.). К.: Ін-т історії України, 2014. С. 255.

[138] См.: *Бокій Н., Козир І.* Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація) // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. / наук. ред. Ф.М. Шабульдо, упор. О.Д. Брайченко. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. С. 41—83.

[139] См.: *Горелик М.В.* Погребение черкесского воина второй половины XIII — первой половины XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї: дослідження 2014: збірник наукових праць / упор. Д. Тоїчкін. К.: Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 73—88.

[140] См.: *Стрижак О.С.* Назва веде до глибин // Молодь України. 1967. 27 серпня.

[141] См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. С. 84.

[142] См.: *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения: сб. статей / под ред. Г.Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 93—106.

[143] См.: *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. / вступ. ст., подгот. текста, перев. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 157; *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Учёные записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 13. Нальчик, 1957. С. 361, 362.

[144] *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. 1 / пер. под ред. проф. Карпова. СПб.: С.-Петерб. духовная акад., 1862. (Византийские историки, переведённые с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. [8]). С. 317.

[145] См.: *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 98, 99; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1973. С. 43—67; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997. С. 128.

[146] См.: *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997. С. 19, 128.

[147] См.: *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 103, 104; *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1973. С. 49—51.

[148] См.: *Калан Э.* Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока (вторая половина XIII — XIV вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань: Казан. (Приволж.) федеральн. ун-т, 2011. 208 с.

[149] *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII—XIV ст.). К.: Ін-т історії України, 2014. С. 331, 332.

[150] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 67, 68.

[151] См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 37.

[152] *Дашкевич Я.* Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 447, 448.

К Главе шестой

[1] См.: Адыгея: историко-культурный очерк. Ч. 1 / отв. ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского книжн. изд-ва, 1989. С. 26, 27.

[2] *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1992. С. 11.

[3] Там же. С. 12.

[4] *Журтова А.А.* Проблема вхождения Кабарды в состав России в современной отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. Вып. 6 (56), ч. 1. С. 86.

[5] История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / отв. ред. В.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 332, 333.

[6] *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1992. С. 13.

[7] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5.

[8] *Дашкевич Я.* Черкеси // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 449.

[9] См.: *Plewczyński M.*: 1) Armia Koronna 1506—1572: zagadnienia struktury narodowościowej. Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny, 1991. 218 s.; 2) Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiełonów. Warszawa: Bellona, 1995. S. 85—89; *Крушинский М.* Черкесские князья в Польше (пять князей) [Электронный ресурс] // Черкесия. 2008. № 3. С. 3—6. Режим доступа: http://www.kavkazweb.net/forum/lofiversion/index.php/t52544.html. Название с экрана.

[10] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 63, 64.

[11] *Студенецкая Е.М.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. С. 18—20, рис. 1.

[12] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 38—64; *Лемерсье-Келькеже Ш.* Дмитро Вишневецький // Гетьмани України: історичні портрети. К.: Журн. Україна, 1991. С. 7—24.

[13] *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018). Название с экрана.

[14] *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 2. К.: Наук. думка, 1990. С. 21.

[15] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5.

[16] *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018). Название с экрана.

[17] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 8.

[18] Там же.

[19] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 51—61.

[20] Там же. С. 56.

[21] *Туранли Ф.* Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI — перша чверть XVIII століття). К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 162.

[22] Там же. С. 162—166.

[23] См.: *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 51—61.

[24] *Туранли Ф.* Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI — перша чверть XVIII століття). К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 186.

[25] Там же. С. 186.

[26] См.: *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 51—61.

[27] *Туранли Ф.* Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI — перша чверть XVIII століття). К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. С. 186.

[28] Там же.

[29] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 8.

[30] Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая царственная летопись. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. (Полное собрание русских летописей, Т. 13, 2-я половина). С. 343.

[31] *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 2. К.: Наук. думка, 1990. С. 24.

[32] Там же. С. 22—24.

[33] *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018). Название с экрана.

[34] *Крушинский М.* Черкесские князья в Польше (пять князей) [Электронный ресурс] // Черкесия. 2008. № 3. Режим доступа: http://www.kavkazweb.net/forum/lofiversion/index.php/t52544.html (дата обращения: 13.01.2017). Название с экрана.

[35] *Дзагалов А.С.* Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018). Название с экрана.

[36] *Кошев М.А.* Кавказцы в истории Польши [Электронный ресурс] // История адыгов, черкесов и их фамилий. Происхождение фамилии Беров и история рода Беровых. Режим доступа: http://adyghe.ru/menu/2013-09-16-10-20-45/istoriya-adygov/384-kavkaztsy-v-istorii-polshi (дата обращения: 21.01.2017). Название с экрана.

[37] *Андреев А., Андреев М.* Настоящая история казацкой Украины. М.: Наш современник, 2010. С. 75.

[38] *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 2. К.: Наук. думка, 1990. С. 33.

[39] *Лопатинский Л.* Суффиксы русского языка: влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 31. Отд. 4-й. Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учебн. округа, 1902. С. 47.

[40] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 31, 44, 59, 139, 140, 182, 225, 229.

[41] Історія міст і сіл УРСР: в 26 т. Київська область. К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1971. С. 676.

[42] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 182, 225, 229.

[43] *Єфименко І.В.* Українські прізвищеві назви XVI ст. / відп. ред. О.П. Карпенко; Ін-т укр. мови НАН України. К.: Поліграф. дільниця Ін-ту історії України НАН України, 2003. С. 116.

[44] Там же. С. 116—118.

[45] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 28.

[46] См.: Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 557.

[47] См.: Історія міст і сіл УРСР: в 26 т. Київська область. К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1971. С. 676.

[48] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 31, 59, 139, 182.

[49] См.: *Єфименко І.В.* Українські прізвищеві назви XVI ст. / відп. ред. О.П. Карпенко; Ін-т укр. мови НАН України. К.: Поліграф. дільниця Ін-ту історії України НАН України, 2003. С. 22, 23.

[50] *Масенко Л.Т.* Українські імена і прізвища. К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. С. 31.

[51] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 557.

[52] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 125.

[53] *Редько Ю.К.* Довідник українських прізвищ. К.: Рад. школа, 1968. С. 37.

[54] Там же. С. 148.

[55] Там же. С. 186.

[56] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 140.

[57] *Єфименко І.В.* Українські прізвищеві назви XVI ст. / відп. ред. О.П. Карпенко; Ін-т укр. мови НАН України. К.: Поліграф. дільниця Ін-ту історії України НАН України, 2003. С. 56.

[58] *Масенко Л.Т.* Українські імена і прізвища. К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. С. 25.

[59] *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. С. 122.

[60] См.: *Редько Ю.К.* Довідник українських прізвищ. К.: Рад. школа, 1968. С. 37.

[61] Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. С. 62, 102, 120.

[62] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 65.

[63] *Дашкевич Я.* Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 448.

[64] См.: *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 65.

[65] *Дашкевич Я.* Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 445.

[66] *Дашкевич Я.* Черкеси // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 449.

[67] *Пасічник М.С.* Україна в період Руїни: 60—80-ті роки XVII століття. Львів: Укр. акад. друкарства, 2006. 606 с.; *Сорока Ю.В.* Чигиринські походи: 1677—1678. К.: Шанс, 2012. 128 с.

[68] *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994. 352 с.

[69] *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1958. С. 55.

[70] *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик: Кабардинское книжн. изд-во, 1948. С. 35.

[71] *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. (Репринт. воспроизв. изд. 1913). С. 49.

[72] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб.: В. Березовский, 1911. С. 59.

[73] *Костомаров Н.И.* «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы»: исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 335.

[74] *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Фёдора Алексеевича // Русский вестник. М.: Тип. «Катков и К°», 1857. № 7 (т. VIII). С. 297, 298.

[75] Там же. С. 310.

[76] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 362, 363.

[77] Там же.

[78] Там же. С. 423, прим. 403.

[79] *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. (Репринт. воспроизв. изд. 1913). С. 49, прим. 44, 45.

[80] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 12 / ред. Н. Костомаров. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. Стлб. 672.

[81] *Гордон П.* Дневник 1677—1678 / пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. М.: Наука, 2005. С. 92.

[82] Там же. С. 146, 147.

[83] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 363.

[84] См.: *Костомаров Н.И.* «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы»: исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 7—408.

[85] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 348, 349.

[86] Там же. С. 352.

[87] Там же.

[88] Там же. С. 353.

[89] Там же. С. 360.

[90] Там же. С. 354, 355.

[91] См.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 122, 123, 125, 126.

[92] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 360.

[93] См.: *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Фёдора Алексеевича // Русский вестник. М.: Тип. «Катков и К°», 1857. № 7 (т. VIII). С. 297, 298; *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб.: В. Березовский, 1911. 100 с.; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 122, 123, 125, 126.

[94] *Гордон П.* Дневник 1677—1678 / пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. М.: Наука, 2005. С. 82.

[95] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 364.

[96] См.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 136; *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 102—118.

[97] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 370.

[98] Там же. С. 370, 371.

[99] Там же. С. 366.

[100] Там же. С. 371.

[101] Там же.

[102] Там же. С. 371, 372.

[103] Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии / под ред. Д.И. Багалея. Т. 1. Харьков, 1886. С. 52, 79.

[104] Там же. С. 350.

[105] *Щелков К.П.* Историческая хронология Харьковской губернии. Харьков: Сага, 2010. 378 с.

[106] Список населённых мест по сведениям 1864 г. Вып. 46: Харьковская губерния. СПб.: Издан Центр. стат. к-том Мин-ва внутр. дел, 1869. 306 с.

[107] См.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 136.

[108] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 372.

[109] Там же. С. 373.

[110] См.: *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 110—118.

[111] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 273.

[112] Там же. С. 274.

[113] Там же. С. 274—276.

[114] См.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 136—139.

[115] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 325.

К Главе седьмой

[1] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 96.

[2] *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 589.

[3] *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. С. 181.

[4] Там же. Приложения. С. 36.

[5] *Халанский М.Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1855. 235 с.; *Веселовский А.Н.*: 1) Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии // Кавказский вестник. 1901. Кн. 15. № 3. С. 26—44; 2) Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.; *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. 180 с.

[6] *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. Приложения. С. 6—8, 11—13.

[7] Нарты: адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. С. 205, 206.

[8] *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. Приложения. С. 8, 9.

[9] Там же. Приложения. С. 16, 17.

[10] Там же. Приложения. С. 18, 19.

[11] Там же. Приложения. С. 19.

[12] Нарты: адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. С. 205, 206.

[13] *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. Приложения. С. 19.

[14] Там же. Приложения. С. 22, 23.

[15] *Алиева А.И.* Адыгский нартский эпос / под ред. А.Т. Шортанова. М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 54.

[16] *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. Приложения. С. 28, 29.

[17] Нарты: кабардинский эпос. М.: Гослитиздат, 1957. С. 306—310.

[18] См.: *Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. P. 335.

[19] *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. С. 206.

[20] См.: *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. Приложения. С. 36.

[21] См.: О происхождении балкарцев и карачаевцев: материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. 224 с.

[22] См.: *Спицын А.А.* Историко-археологические разыскания: I. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения: новая серия. 1909. Ч. 19. Январь. С. 67—79; *Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

[23] См., например: *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. С. 191—194.

[24] Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. (Полное собрание русских летописей. Т. 2). С. 265; Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. (Полное собрание русских летописей. Т. 38). С. 64.

[25] См.: *Шмит Ф.І.* Мистецтво старої Русі-України. Харків: Союз, 1919. С. 47.

[26] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 64.

[27] *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще: в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1847. С. 8—10.

[28] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. К.: в Университетской тип., 1851. С. 53.

[29] *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем: в 2 т. Т. 2. Пг.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1916. С. 536.

[30] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 64.

[31] Там же. С. 65.

[32] Там же. С. 64, 65.

[33] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 84.

[34] Там же. С. 86.

[35] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 105, 106.

[36] Там же. С. 106, 107.

[37] См.: *Кокиев Г.А.* Из истории сношений России с Кавказом в IX—XIX вв. // Учёные записки: Кабардинский научно-исследовательский институт при Совмине Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. С. 80; *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирыстон, 1970. С. 108.

[38] См.: *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31). С. 86, 87; *Косміна Т.В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.): історико-етнографічне дослідження. К.: Наук. думка, 1980. 191 с.; *Данилюк А.Г.* Українська хата. К.: Наук. думка, 1991. 110 с.; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 291, 292; *Кобычев В.П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982. С. 86, 87; Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена [и др.]: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 161, 162, 206, 317—319.

[39] Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена [и др.]: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР,1960. С. 161, 206, 317; *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 90—96.

[40] *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31). С. 263; *Косміна Т.В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.): історико-етнографічне дослідження. К.: Наук. думка, 1980. С. 62, 174, 175.

[41] *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 309, 310.

[42] *Руденский Н.Е.* Венгры // Расы и народы. Вып. 14. М.: Наука, 1984. С. 235.

[43] Молдаване: очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинёв: Штиинца, 1977. С. 158, 159.

[44] *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31). С. 86.

[45] Там же. С. 18.

[46] *Данилюк А.* Народна архітектура Волинського Полісся. Луцьк: Волин. обереги, 2002. С. 65.

[47] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 64.

[48] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 94.

[49] *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31). С. 421, 422; Народы Кавказа / под ред. М.О.Косвена [и др.]: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 162, 206, 319.

[50] *Кузнецов В.А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 142.

[51] *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 82—86.

[52] *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31). С. 421, 422.

[53] *Косміна Т.В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.): історико-етнографічне дослідження. К.: Наук. думка, 1980. С. 97, 102; *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 159—161.

[54] *Кузнецов В.А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 63.

[55] *Косміна Т.В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.): історико-етнографічне дослідження. К.: Наук. думка, 1980. С. 97.

[56] *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців. К.: Наук. думка, 1971. С. 45—48.

[57] *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 118—121.

[58] Там же. С. 118.

[59] Там же. С. 119.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] *Кузнецов В.А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 54, 56.

[63] *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців. К.: Наук. думка, 1971. С. 45—48.

[64] Там же. С. 42.

[65] Там же. С. 43.

[66] См.: *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. С. 82.

[67] *Ніколаєва Т.* Історія українського костюма. К.: Либідь, 1996. С. 86.

[68] См.: *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник / под

ред. С.А. Токарева. М., 1956. С. 541—757. (Труды Института этнографии: Новая серия. Т. 31); *Матейко К.І.* Український народний одяг. К.: Наук. думка, 1977. 222 с.; *Студенецкая Е.М.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.; *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 138 с.

[69] См.: *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. С. 65, 95.

[70] *Николаева Т.А.* Украинская народная одежда: Среднее Поднепровье. К.: Наук. думка, 1987. С. 74.

[71] *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. С. 113.

[72] *Ніколаєва Т.* Історія українського костюма. К.: Либідь, 1996. С. 42.

[73] См.: *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник / под ред. С.А. Токарева. М., 1956. (Труды Института этнографии: Новая серия. Т. 31). С. 689.

[74] *Шумко М.* Домашний быт крестьян Павлоградского уезда Екатеринославской губернии // Архив Русского географического общества. Разряд 13. Оп. I. № 2. Л. 4.

[75] *Студенецкая Е.М.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. С. 94, 95.

[76] См.: *Плетнёва С.А.* О связях алано-болгарских племён Подонья со славянами // Советская археология. 1961. № 1. С. 94.

[77] *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 84.

[78] *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 105, 106.

[79] Там же.

[80] Рассказ Римско-католического миссионера доми[ни]канца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершённом перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к Хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку, в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 999.

[81] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: история южнорусских степей IX—XIII вв. К.: Универ. тип. И.И. Завадского, 1884. С. 82, 83.

[82] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 49.

[83] *Лавров Л.І.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 64.

К Заключению

[1] *Дашкевич Я.*: 1) Черкеси // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 249, 250; 2) Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016. С. 447, 448.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 657 с.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. 360 с.

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 268—281. (Археология СССР).

Авакян А.Г. Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.). Ереван: Гитутюн, 2001. 421 с.

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / пер. с греч. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 221 с.

Адыгея: историко-культурный очерк. Ч. 1 / отв. ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского книжн. изд-ва, 1989. 136 с.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // Советская археология. 1985. № 3. С. 191—205.

Айбабин А.И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1: Раскопки 1977, 1982—1984 годов. Симферополь; Керчь: Крым. отделение Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского Нац. акад. наук Украины, 2008. 336 с. (Боспорские исследования: Supplementum 4).

Айбабин А.И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 67—88.

Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.». К.; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2006. 306 с. (Хазарский альманах. Т. 5).

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. 440 с.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 1: 1361—1598. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. [6], 301, 15 с.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 15 т.]. Т. 12 / ред. Н. Костомаров. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. [6], 20 с., 874 стлб., 15 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.

Алексеева Е.П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института: серия историческая. Вып. 6. Ставрополь, 1970. С. 299—335.

Алексеева Е.П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1980. С. 14—176.

Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X—XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск: Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, 1992. 132 с.

Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 614 с.

Апшева А.И. Адыгский нартский эпос / под ред. А.Т. Шортанова. М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. С. 10—23. (Археология СССР).

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 1982. С. 204—222.

Андреев А., Андреев М. Настоящая история казацкой Украины. М.: Наш современник, 2010. 205 с.

Анты // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. 2. СПб., 1890.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X—XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 207—268. (Серия «Археология». Т. 18 (20)).

Арсений, архим. Готская епархия в Крыму // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 165. Январь. С. 60—86.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. 117 с. (Известия Государственной академии истории материальной культуры АН СССР. Вып. 131).

Артамонов М.И. Белая Вежа // Советская археология. Т. 16. М., 1952. С. 42—76.

Артамонов М.И. История хазар / под ред. и с прим. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Артамонов М.И. Предисловие // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5—8. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 109).

Артамонова О.А. Могильник Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9—209. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 109).

Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Ч. 7. Т. 1. К.: Тип. Т.Г. Корчак-Новицкого, 1886. 85, 647, XII с.

Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик: Эльбрус, 1987. 205 с.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 200 с. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // Российская археология. 2001. № 2. С. 43—55.

Ашихмин А.А. Исторические связи Тмутаракани и Чернигова // Rossica Antiqua. 2015. № 1. С. 25—46.

Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 88—146.

Бантыш-Каменский Д. История Малой России: в 4 ч. Ч. 1. М.: Тип. С. Селивановского, 1822. LIV, 2, VIII, 154 с.

Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика: материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибиков. К.: Наук. думка, 1974. С. 151—162.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. / отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 46—62.

Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София: Аргес, 1991. С. 145—159.

Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. / вступ. ст., подгот. текста, перев. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.

Бариев Р.Х. Волжские булгары: история и культура. СПб.: Агат, 2005. 304 с.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. М.; Л., 1940. С. 15—50.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 810—858.

Бартольд В.В. Аланы // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 866, 867.

Бачинська Г. Найменш поширені словотвірні моделі прізвищ українців, переселених з Польщі на Тернопільщину // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. 2011. № 2 (21) — 2012. № 1 (22). С. 118—128.

Бгажноков Б.Х. Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы меж-

дународной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г.). Ч. 1. Нальчик: Ин-т гуманитарн. исследований Кабардино-Балкарского научн. центра РАН, 2014. С. 5—10.

Бгажноков Б.Х. Касы и страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 7—17.

Бгажноков Б.Х. Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племён // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 6. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2016. С. 40—48.

Беларуская даўніна. Вып. 1. Мінск: Беларуская даўніна, 2014. 186 с.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: материалы, извлечённые из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1: 1578—1613 гг. М.: Университетская тип., 1889. 715 с.

Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков: Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 210 с. (Труды Института востоковедения. Т. 45).

Бертье-Делагард А.Д. Исследования некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1920. № 57. С. 1—135.

[Биография князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого (Байды). Электронный ресурс] // Запорожская Сечь — первая украинская держава. Режим доступа. http://history-sich.ucoz.ua/index/0-8. Название с экрана.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3—458. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: новая серия. Т. 31).

Богословский О.В. Из истории христианства на Таманском полуострове // Тамань археологическая. (II раздел). Сборник. 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань: Таманский музейный комплекс, 1998. С. 10—28.

Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / пер. с англ. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 290 с.

Бокій Н., Козир І. Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація) // Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. / наук. ред. Ф.М. Шабульдо, упор. О.Д. Брайченко. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. С. 41—83.

Болтин И. Примечание на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1. [СПб.]: Тип. горного уч-ща, 1788. 615 с.

Браун Ф.А. Готы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. 9. СПб., 1893.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

Брун Ф.К. Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Записки Императорской Академии наук. Т. 24, кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. С. 1—60.

Брун Ф. Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России: [в 2 ч.] Ч. 2. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. 408 с.

Брюсова В.Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28. М.: Наука, 1968. С. 127—135.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.) / отв. ред. О.И. Прицак. К.: Логос, 1997. 224 с.

Бубенок О.Б. Аланы-ясы в Саркеле — Белой Веже // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 8. Симферополь, 2001. С. 334—361.

Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Сборник научных материалов международной конференции «V Боспорские чтения». Керчь, 20—24 мая 2004 г. Керчь, 2004. С. 30—35.

Бубенок О.Б., Аксёнов В.С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. К.; Харьков: Изд-во Междунар. Соломонового ун-та, 2009. С. 103—145.

Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. Работы на новостройках Харьковской области // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 303.

Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К.: [б. в.], 2003. 317 с.

Бушаков В.А. Етнонім *черкас* (до семантичної типології етнонімів) // Тези доповідей міжнародної наукової конференції «IX сходознавчі читання А. Кримського». Київ, 1—2 червня 2005 р. Київ: Ін-т сходознавства НАН України, 2005. С. 83, 84.

Бушаков В.А. Етнонім *Черкес* (до семантичної типології етнонімів) // Сходознавство. Вип. 37. К., 2007. С. 46—52.

Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959. 184 с.

Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 5. Л.: Акад. истории материальной культуры, 1927. С. 179—282.

Васильевский В.Г. Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян // Труды: [в 4 т.] Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 213—295.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды: [в 4 т.] Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. С. 351—427.

Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды: [в 4 т.] Т. 3. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. С. 77—98.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997. 480 с.

Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 140 (ноябрь). С. 281—359.

Веселовский А.Н. Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии // Кавказский вестник. 1901. Кн. 15. № 3. С. 26—44.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.

Вестберг Ф. Записка Готского топарха // Византийский временник. Т. 15. Вып. 2—3. СПб., 1910. С. 227—286.

Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. Laudatio Funebris из Пантикапея // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 42—44.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.

Военно-топографическая карта Российской империи (1869—1890) [Электронный ресурс] // Історія 11 / History 11: персональний сайт Дудки Людмили Георгіївни. Режим доступа: http://history11.ucoz.ru (дата обращения: 10.08.2010). Название с экрана.

Войтович Л. Проблема утворення Тмутараканського князівства у світлі русько-хозарських стосунків X ст. // Хазарский альманах. Т. 6. К.; Харьков, 2007. С. 65—77.

Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем: в 2 т. Т. 2. Пг.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1916. С. 455—647.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.

В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы / [Н.П. Василенко] // Киевская старина. Т. 81, кн. 4 (апрель). К., 1903. С. 2, 3.

Вострова В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1968. 255 с.

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). К.: Наук. думка, 1976. 455 с.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Северо-Восточное Причерноморье: могильники VI—VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 193—195. (Археология. Т. 18 (20)).

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Северо-Восточное Причерноморье: древности и памятники VIII—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 195—200. (Археология. Т. 18 (20)).

Гагин И.А. В.Н. Татищев и российская историография о походе князя Владимира на болгар в 985 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета: серия 2. 2009. Вып. 1. С. 45—52.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 217 с.

Гадло А.В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины — шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70—72.

Гадло А.В. Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений 1985 г. Л., 1986. С. 11, 12.

Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения: сб. статей / под ред. Г.Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 93—106.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа: X—XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 238 с.

Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (история идеи) // Сборник Русского исторического общества. № 4 (152): От Тмутороканя до Тамани. М.: Русская панорама, 2002. С. 14—39.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси: очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 364 с.

Гапусенко И.М. Борьба Киевской Руси за северное побережье Чёрного моря: автореф. дис. … канд. истор. наук. К.: АН УРСР, отделение обществ. наук, 1962. 27 с.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. 308 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 4. СПб.: Иждивением книгопродавца И. Глазунова, 1799. 385 с.

Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. 1 / пер. под ред. проф. Карпова. СПб.: С.-Петерб. духовная акад., 1862. 526 с. (Византийские историки, переведённые с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. [8]).

Гильденштедт И.А. Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / пер. с нем. и предисл. М. Салтыковой, прим. Д.И. Багалея // Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год. Вып. 5, отд. 2. Харьков: Тип. Губ. правления, 1891. С. 85—153.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.

Головин Н.Г. Примечания на «Слово о полку Игореве». М.: Тип. С. Селивановского, 1846. 105 с.

Головко О.Б. Торки в історії причорноморських степів (IX—XII ст.) // Etymon: до 80-річчя академіка О. Пріцака. К.: Істина, 2001. С. 112—122. (Східний світ. 1999. № 1/2).

Головко О.Б. Північне Причорномор'я та Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX — середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 21—39.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: история южнорусских степей IX—XIII вв. К.: Универ. тип. И.И. Завадского, 1884. 262 с.

Голубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888. 44 с.

Гордон П. Дневник 1677—1678 / пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. М.: Наука, 2005. 235 с.

Горелик М.В. Погребение черкесского воина второй половины XIII — первой половины XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї: дослідження 2014: збірник наукових праць / упор. Д. Тоїчкін. К.: Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 73—88.

Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С. Народна землеробська техніка українців. К.: Наук. думка, 1971. 164 с.

Горленко В.Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 3. С. 96—107.

Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии [Электронный ресурс] / А.В. Заморяхин // Кафедра истории Древнего мира Пермского государственного университета. Режим доступа: http://kidm-psu08.ucoz.ru/publ/15-1-0-28. Название с экрана.

Гочияева С.А., Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1989. 832 с.

Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии [Электронный ресурс] // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 207—213. Режим доступа: http://kronk.spb.ru/library/grach-ad-1968.htm (дата обращения: 20.06.2009). Название с экрана.

Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 97—185.

Григорьев В.В. Волжские болгары // Россия и Азия: сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии / В.В. Григорьев. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. С. 79—106.

Грінченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. К.: Вид-во АН УРСР, 1950. С. 37—63.

Грушевський М. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 1. К.: Наук. думка, 1994. 736 с.

Гудзенко П.А. Черкаська область: географічний нарис. К., 1959.

Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и Ко, 1993. 336 с.

Густинская летопись // Ипатьевская летопись / [включает неполную публикацию Густинской летописи]. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. С. 233—373. (Полное собрание русских летописей. Т. 2).

Данилюк А.Г. Українська хата. К.: Наук. думка, 1991. 110 с.

Данилюк А. Народна архітектура Волинського Полісся. Луцьк: Волин. обереги, 2002. 86 с.

Дашкевич Я. Черкеси // Етнічний довідник. Ч. 2: Етнічні меншини в Україні. К.: Центр етносоціол. та етнополіт. досліджень Ін-ту соціології НАН України, 1996. С. 165, 166.

Дашкевич Я. Черкеси // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016.

Дашкевич Я. Черкесы на Украине (XVI—XVII вв.) // Україна і Схід / Я. Дашкевич. Львів: Коло, 2016.

Дворник Ф. Миссии греческой и западной церквей на Востоке в средние века // XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970.

Дзагалов А.С. Взаимоотношения черкесских князей с гетманом Дмитрием Вишневецким [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aslan-be-k07.livejournal.com/6789.html; https://aslan-be-k07.livejournal.com/7057.html (дата обращения: 20.03.2018). Название с экрана.

Димитров Д.И. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие: към въпроса за тяхното присъствие и история в днешните руски земи и ролята им при образуването на българската държава. Варна: Георги Бакалов, 1987. 303 с.

Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX веков в районе Новороссийска — Геленджика // VIII «Крупновские чтения»: тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 48, 49.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 200—206. («Археология». Т. 18 (20)).

Дмитрий Байда-Вишневецкий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--80ajchjdrd9k.xn--p1ai/dmitrij-vishneveczkij.html-start=6.htm. Название с экрана.

Добродомов И.Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1981. С. 37—42.

Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая царственная летопись. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. (Полное собрание русских летописей, Т. 13, 2-я половина). 303—532 с.

Дьяконов И.М. История Древнего Востока: [в 2 ч.]. Ч. 2. М.: Наука, 1988. 623 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Археологічний літопис Лівобережної України. 2000. Ч. 1/2 (7/8). С. 42—53.

Єфименко І.В. Українські прізвищеві назви XVI ст. / відп. ред. О.П. Карпенко; Ін-т укр. мови НАН України. К.: Поліграф. дільниця Ін-ту історії України НАН України, 2003. 168 с.

Журтова А.А. Проблема вхождения Кабарды в состав России в современной отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. Вып. 6 (56), ч. 1.

Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 237 с.

Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М.: Русские словари, 2004. С. 233—287.

Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синпксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 595—628.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М.: Наука, 1962. 279 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963. С. 66—75.

Зразюк З.А., Строкова Л.В., Хромов К.К. Монетно-вещевой клад третьей четверти XIV в. из с. Василица Черкасского района Черкасской области (монетная часть) // Восточная нумизматика в Украине. Часть 2: Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII—XV вв. К.: Купола, 2007. С. 118—129.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

Ибн Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / [пер. и коммент. А.П. Ковалевского]; под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 212 с.

Иванчик А.И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 59—77.

Иевлев М.М., Козловский А.А., Минаева Н.И. Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «Жидовского города» на территории Древнего Киева) // Хазарский альманах. Т. 12. Киев; Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, 2014. С. 80—85.

Иерусалимская А.А. О северокавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // Советская археология. 1967. № 2. С. 55—78.

Иерусалимская А.А. «Великий шёлковый путь» и Северный Кавказ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972. 14 с.

Иерусалимская А.А. Кавказ на Великом Шёлковом пути: каталог временной выставки. СПб., 1992. 28 с.

Измайлов И.Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль — декабрь. С. 217—242.

Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1976. 463 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 436 с.

Иордан / пер. и коммент. А.Н. Анфертьева // Свод древнейших известий о славянах: в 2 т. Т. 1: I—VI вв. М.: Вост. лит., 1994. С. 98—169.

Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. 392 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 2).

Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 938 стлб., 108 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е).

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времён до наших дней: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 675 с.

Історія міст і сіл УРСР: в 26 т. Київська область. К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1971. 791 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / отв. ред. В.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 554 с.

История черноморской торговли в средних веках / [Э.-Ф. Эли де ла Примоде;] изд. В. Шостаком. Ч. 1. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. 157 с.

Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 276 с.

Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1: XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Кабардинско-русский словарь / под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 576 с.

Калан Э. Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока (вторая половина XIII —XIV вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань: Казан. (Приволж.) федеральн. ун-т, 2011. 208 с.

Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукала о походах руси времён Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 90—101.

Калинина Т.М. О маджусах арабских источников // XVIII сходознавчі читання А. Кримського (м. Київ 17—18 жовтня 2014 р.). К.: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2014. С. 8, 9.

Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукала о походах руси времён Святослава // Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) / Т.М. Калинина. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 235—247.

Калмыков И.Х. Черкесы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкес. отделение Ставропол. книжн. изд-ва, 1974. 343 с.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 249 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского: [в 12 т.]. 2-е изд. испр. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. XXXV, 254, 220 [8] с.

Карамзин Н.М. История государства Российского [в 12 т]. 2-е изд. испр. Т. 2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 316, 100, 85—260, [4] с.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 4. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. 192, 149, III с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. 254, II, 166 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5—8. М.: Наука, 1988. 616 с. Репринт. изд.

Караулов Н.А. Сведения арабских географов о Кавказе, Армении и Адербейджане // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Т. 38. Тифлис, 1908.

Каргер М.К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 579 с.

Кармышева Е.К. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1954. 169 с.

Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1963. 155 с.

Кафоев А.Ж. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 65 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: древность и средневековье. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 320 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 346 с.

Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. 350 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 21. Изд. 1-е. Половина 1-я).

Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. 168 с.

Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982. 200 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: статьи, перевод и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 348 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань Чао Би Ши. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

Козловский И.П. Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2 (59). Симферополь, 1928. С. 58—72.

Кокиев Г.А. Из истории сношений России с Кавказом в IX—XIX вв. // Учёные записки: Кабардинский научно-исследовательский институт при Совмине Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. С. 33—81.

Коков Дж. К истолкованию топонима «Черкассы» и слова «казак» // Учёные записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. 25: Серия филологическая. Нальчик, 1965. С. 3—6.

Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия: краткий словарь. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1966. 183 с.

Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 314 с.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.

Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) [Электронный ресурс] // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4). Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm (дата обращения: 21.06.2009). Название с экрана.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2006. 329 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. 498 с.

Коринный Н.Н. Переяславская земля: X — первая половина XIII века. К.: Наук. думка, 1992. 311 с.

Корінний М.М. Природні умови Переяславської землі в X—XIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://history.org.ua/JournALL/geo/0/18.pdf. Назва з екрану.

Косиненко Н.И. Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб.: В. Березовский, 1911. 100 с.

Косміна Т.В. Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.): історико-етнографічне дослідження. К.: Наук. думка, 1980. 191 с.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. 465 с.

Костомаров Н.И. «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы»: исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. 802 с.

Котляр Н.Ф. Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: сборник статей в честь Е.А. Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 191—197.

Кошев М.А. Кавказцы в истории Польши [Электронный ресурс] // История адыгов, черкесов и их фамилий. Происхождение фамилии Беров и история рода Беровых. Режим доступа: http://adyghe.ru/menu/2013-09-16-10-20-45/istoriya-adygov/384-kavkaztsy-v-istorii-polshi (дата обращения: 21.01.2017). Название с экрана.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк: Изд-во Донец. нац. ун-та, 2001. С. 303—322.

Крушинский М. Черкесские князья в Польше (пять князей) [Электронный ресурс] // Черкесия. 2008. № 3. Режим доступа: http://www.kavkazweb.net/forum/lofiversion/index.php/t52544.html (дата обращения: 13.01.2017). Название с экрана.

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. (Репринт. воспроизв. изд. 1913). 283 с.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 134 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 106).

Кузнецов В.А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 252 с.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 303 с.

Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 189—198.

Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5, вып. 1/2. СПб., 1898. С. 1—18.

Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К.: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. 73 с.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Изд. 2-е, пересмотр. К.: Типо-литография С.В. Кульженко, 1914. 154 с.

Куник А.А. О записке готского топарха // Записки Академии наук. Т. 24, кн. 1. СПб., 1874. С. 66—160.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 41. М., 1951. С. 99—108.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення // Археологія. Т. 6. К.: Вид-во АН УРСР, 1952. С. 33—50.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.

Куштан Д.П. Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України, 2000.

Куштан Д. Нові дослідження посаду Черкаського замку // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 13. К., 2004. С. 19—22.

Куштан Д. Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел // Північне Причорномор'я і Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.): матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 2006. С. 75—81.

Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата // Вестник Московского университета: историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 41—72.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. 212 с.

Лаврентьевская и Троицкая летописи. Изд. 1-е. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. 392 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 1).

Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. VIII с. 579 стлб. (Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3).

Лавров Л.І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62—66.

Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 183 с.

Лавровський Л.Я. Олег і Хельгу хазарського документу, виданого В. Шехтером // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Зб. 1-й. К., 1930.

Ламбин Н. О Тмутараканской Руси: отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171, № 1—2. С. 58—95.

Лемерсье-Келькеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. — князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 38—64.

Лемерсьє-Келькеже Ш. Дмитро Вишневецький // Гетьмани України: історичні портрети. К.: Журн. Україна, 1991. С. 7—24.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Начало (по 1176 г.).] СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. XXIII, 256 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 9).

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Продолжение (1177—1362 гг.).] СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. 244 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 10).

Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 358 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 7).

Лопатинский Л. Суффиксы русского языка: влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 31. Отд. 4-й. Тифлис: Изд. Управления Кавказ. учебн. округа, 1902. С. 37—51.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М., 1958. С. 85—150.

Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. К.: Тип. И.И. Чоколова, 1897. 510 с.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1940. 320 с.

Мавродин В.В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 177—182.

Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994. 352 с.

Маркевич Н. О козаках // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4.

Марр Н.Я. Кавказский культурный мир и Армения // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 62 (июнь). С. 280—330.

Марр Н.Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 18—60.

Марр Н.Я. Избранные работы: в 5 т. Т. 1. М.; Л.: ГАИМК, 1933. 437 с.

Марр Н.Я. Избранные работы: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: ГСЭИ, 1935. 688 с.

Масенко Л.Т. Українські імена і прізвища. К.: Т-во «Знання» УРСР, 1990. 48 с.

Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник / под ред. С.А. Токарева. М., 1956. С. 541—757. (Труды Института этнографии: новая серия. Т. 31).

Мас'уди. Мурудж ад-Дзахаб. Т. 1. Б. м. и., 1966.

Матейко К.І. Український народний одяг. К.: Наук. думка, 1977. 222 с.

Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии / под ред. Д.И. Багалея. Т. 1. Харьков, 1886.

Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия «Полтава» // Киевская старина. Т. 4. К., 1896.

Мейтарчиян М.Б. Культ огня в Бактрии // Иранский мир II—I тыс. до н. э.: материалы конференции. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 49—54.

Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой (отрывок 1—77) / Менандр // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 313—470.

Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / пер. А.А. Алексеева. Л.: Наука, 1979. 268 с.

Мещерский Н.А. К толкованию лексики одного из «тёмных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1977. С. 39—42.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды: в 3 ч. Ч. 3. М.: Имп. Моск. ун-т, 1887. 223 с.

Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса: I—VIII. М.: А.А. Левенсон, 1892. XII, 232, 2, 69 с.

Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропол. книжн. изд-во, 1971. 248 с.

Мингазов Ш.Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племён в истории Европы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2013. 27 с.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 270 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // Советская археология. 1986. № 3. С. 158—174.

Міхєєв В.К., Приходнюк О.М. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 54. К.: Наук. думка, 1986. С. 75—82.

Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья в VIII—X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1991.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: АнтиквА, 2009. 334 с.

Молдаване: очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинёв: Штиинца, 1977. 459 с.

Мосенкіс Ю.Л. Грузинські назви річок України. К., 2001. 13 с.

Мошин В.А. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondacovianum. VI. Prague, 1933. С. 187—208.

Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена [и др.]: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 612 с.

Нарты: кабардинский эпос. М.: Гослитиздат, 1957. 528 с.

Нарты: адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 415 с.

Насонов А.Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. № 6. М., 1940. С. 79—99.

Нечитайло А.Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. К.: Наук. думка, 1991. 115 с.

Нечитайло А.Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха энеолита — бронзы): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. 42 с.

Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 25).

Нікіфоров М.А. Візантійські володіння у Гірському Криму у першій половині IX — на початку XIII ст.: автореф. дис. ... канд. істор. наук. К.: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2013. 16 с.

Николаева Т.А. Украинская народная одежда: Среднее Поднепровье. К.: Наук. думка, 1987. 248 с.

Ніколаєва Т. Історія українського костюма. К.: Либідь, 1996. 176 с.

Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Новгородская Пятая летопись. 2-е изд., испр. Вып. 1. Пг.: Тип. «Я. Башмаков и Ко», 1917. 264 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 2).

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 266 с.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. 5-е изд. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 160 с.

Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабардино-Балкар. книжн. изд-во, 1958. 239 с.

О происхождении балкарцев и карачаевцев: материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. 224 с.

Огоновський О. Слово о пълку Ігоревѣ: поетичний памятник руської писемности XII віку: текст с перекладом и с поясненьями. Львів: накладом видавця, 1876. XLIV, 138 с.

Озова Ф.А. К этимологии этнонима *черкес* и этнотопонима *Черкесия*: постановка проблемы // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции, г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г. Ч. 1. Нальчик: Ин-т гуманит. исследований Кабардино-Балкар. научн. центра РАН, 2014. С. 122—136.

Описание рек Черниговского наместничества (1785 г.) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 2, вып. 1—2. Чернигов: Губернская тип., 1868. С. 1—34.

Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.

Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. 387 с.

Отрощенко В.В., Вовк Т.А. Золотоординський період в історії половців // Етноси України: Тюркський світ. К., 2000. С. 81—89.

Отрощенко В.В. Угорська тема в біографії шляхетного кипчака з Чингульської Могили // Східний світ. 2012. № 1. С. 103—107.

Падалка Л.В. Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Вып. 7. Полтава: Электр. тип. Г.И. Маркевича, 1910. С. 91—107.

Пархоменко В.А. Начало христианства Руси: очерки из истории Руси IX—X вв. Полтава: Электр. тип. Г.И. Маркевича, 1913. VIII, 191 с.

Пасічник М.С. Україна в період Руїни: 60—80-ті роки XVII століття. Львів: Укр. акад. друкарства, 2006. 606 с.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск: Русич; Гнозис, 1995. 320 с.

Плетнёва С.А. О связях алано-болгарских племён Подонья со славянами // Советская археология. 1961. № 1. С. 83—94.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142).

Плетнёва С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. С. 108—118.

Плетнёва С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав: прабългарската култура: материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Изд-во на Бълг. АН, 1981. С. 9—19.

Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Плетнёва С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище: раскопки 1958—1959 гг. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. 4. Симферополь: Таврия, 1994. С. 271—396.

Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачёва; пер. Д.С. Лихачёва, Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 2: Приложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 556 с.

Повість врем'яних літ: літопис (за Іпатським списком). К.: Рад. письменник, 1990. 558 с.

Подосинов А.В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В.Т. Пашуто. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 227—236.

Полтавская губерния: список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издан Центр. статистич. к-том Мин-ва внутр. дел, 1862. 300 с.

Попов А.И. Названия народов СССР: введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973. 176 с.

Попов А.Н. Турецкая война в царствование Фёдора Алексеевича // Русский вестник. М.: Тип. «Катков и К°», 1857. № 6 (т. VIII). С. 143—180; № 7 (т. VIII). С. 285—328.

Поркшеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Учёные записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 13. Нальчик, 1957. С. 335—367.

Потебня А.А. К истории звуков русского языка. [Т.] 4. Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Новаковского, 1883. 98 с.

Поучение детям Владимира Мономаха / ред. и прим. В.А. Воскресенского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1893. XIV, 49 с.

Присёлков М.Д. Троицкая летопись (реконструкция текста). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.

Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). К.; Чернівці: Прут, 2001. 285 с.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. К.; Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.

Пріцак О. Деремела=Бродники // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1965. Vol. 9. P. 82—96.

Пріцак О. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». К., Обереги, 2008. 360 с.

Происхождение адыгов (отрывок из книги Руслана Бетрозова «Адыги: возникновение и развитие этноса») [Электронный ресурс] / Р. Бетрозов // Адыгэ Хэку: актуальные материалы черкесского мира. Режим доступа: https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/914 (дата обращения: 12.05.2016). Название с экрана.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева, вступ. статья З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.

Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в до-татарскую эпоху // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 171. Февраль. С. 231—292.

Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта / пер. П.И. Прозорова // Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / сост. В.В. Латышева. (Вестник древней истории. 1948. № 4). С. 226—239 (637—650).

Поучение детям Владимира Мономаха / ред. и прим. В.А. Вознесенского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1893. 50 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора: к 170-летию Керченского музея

древностей: тезисы докладов юбилейной конференции: 25—27 июля 1996 г. Керчь: [б. и.], 1996.

Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 198—213.

Пьянков А.В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III—XIII веков из Кубано-Черноморского региона [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Библиотекарь.Ру. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm. Название с экрана.

Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 138 с.

Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. 178 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 38).

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. 1814 стлб., 64 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. 2204 стлб., 98 с.

Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. Т. 6. Praga, 1933. С. 1—66.

Расовский Д.А. Печенеги, торки и бередеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 82—142.

Рассказ Римско-католического миссионера доми[ни]канца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершённом перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к Хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку, в 1340 году // Записки Одеского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 998—1006.

Рашев Р. Прабългарите през V—VII век. Велико Търново: Хабер, 2000. 192 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. 248 с.

Рашид-ад-Дин. Джами‘ ат-Таварих. Т. 2, ч. 1: Критический текст. М., 1980.

Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. К.: Наук. думка, 1966. 217 с.

Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. К.: Рад. школа, 1968. 255 с.

Реєстр Війська Запорозького 1649 року: транслітерація тексту. К.: Наук. думка, 1995. 592 с.

Рець С.К. Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси. 1996 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1996.

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще: в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1847. 220 с.

Ромашов С.А. Где находилась Чёрная Болгария? // Восточная Европа в древности и средневековье: спорные проблемы истории: [V] чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 12—14 апреля 1993 г.: тезисы докладов. М.: Ин-т рос. истории, 1993. С. 63—68.

Росляков А.А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во, 1956. 194 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденский Н.Е. Венгры // Расы и народы. Вып. 14. М.: Наука, 1984. С. 230—238.

Рудницкий Р.Р. О зороастризме у алан в VII—IX вв. (Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001. С. 75—86) // Kroraina. Режим доступа: http://www.kroraina.com/alan/rudnickij.html. Название с экрана.

Русско-осетинские отношения в XVIII в.: сборник документов: в 2 т. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1976. 514 с.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М.: Наука, 1964. 48 с., 46 отд. ил. в папке (Свод археологических источников. [Вып.] Е1-44).

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // Вестник древней истории. 2005. № 2. С. 45—81.

Сапрыкин С.Ю. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (к вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 163—182.

Саханёв В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 56. М.: Тип. Главн. управления уделов, 1914. С. 75—219.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Междунар. отношения, 1982. 240 с.

Секеринский С. Очерки к истории Сурожа IX—XV веков. Симферополь: Крымиздат, 1955. 103 с.

Сімович В. Українські йменники чоловічого роду на *-о* в історичному розвитку й освітленні // Праці Українського високого педагогічного інституту ім. Михайла Драгоманова в Празі: науковий збірник. Т. 1. Прага: Друкарня «Legiografie», 1929. С. 305—369.

Скржинская Е.Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану) // Византийский временник. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 2—30.

Словарь географический Российского государства. Ч. 4. М.: Университетская тип., 1805. 1366 стлб.

Слово о полку Игореве / вступит. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачёва; коммент. и сост. Л. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1987. 222 с.

Словник гідронімів України. К.: Наук. думка, 1979. 782 с.

Сміленко А.Т. Глодоські скарби. К.: Наук. думка, 1965. 83, [5] с.

Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик: Кабардинское книжн. изд-во, 1948. 120 с.

Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1958. 244 с.

Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад / В.Н. Залесская, З.А. Львова, Б.И. Маршак и др. СПб.: Славия, 1997. 336 с.

Сорока Ю.В. Чигиринські походи: 1677—1678. К.: Шанс, 2012. 128 с.

Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. 360 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 6).

Список населённых мест по сведениям 1859 г. Вып. 48: Черниговская губерния. СПб.: Издан Центр. стат. к-том Мин-ва внутр. дел, 1866. LX, 229 с.

Список населённых мест по сведениям 1864 г. Вып. 46: Харьковская губерния. СПб.: Издан Центр. стат. к-том Мин-ва внутр. дел, 1869. 306 с.

Спицын А.А. Историко-археологические разыскания: I. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения: новая серия. 1909. Ч. 19. Январь. С. 67—79.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р.—Я. Дополнения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. 1684 стлб., 272 стлб., 13 с.

Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. 112 с.

Стрижак О.С. Назва веде до глибин // Молодь України. 1967. 27 серпня.

Стрижак О.С. Звідки назва міста Черкаси // Українська мова і література в школі. 1968. № 2.

Студенецкая Е.М. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.

Супрасльская летопись // Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. С. 36—67. (Полное собрание русских летописей. Т. 35).

Сухобоков О.В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X—XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное. К.: Аграр Медіа Груп, 2012. 376 с.

Тарабанов В.А. Кремационные погребения VIII—X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.

Татищев В.Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1962. 500 с.

Татищев В.Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1963. 352 с.

Татищев В. История Российская: в 3 т. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2003. 732 с.

Татищев В. История Российская: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. 568 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд. С.Г. Строганова, 1884. 563 с., XVI.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Тимашенков И. Отчёт об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т. 2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 569—575.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. Т. 40. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 214—259.

Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. К.: Аквілон-Плюс, 2006. 416 с.

Ткаченко О.Б. Українські прізвища з суфіксом *-енко* та споріднені утворення // Слов'янське мовознавство. Т. 2. К., 1948.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.: Абрис, 1999. 200 с.

Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 62—72.

Тортіка О.О. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: автореф. дис. ... д-ра істор. наук. Харків, 2007.

Тортика А.А. «Чёрная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «чёрные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации // Дриновський збірник. Т. 5. Харків; Софія: Академ. вид-во ім. проф. М. Дринова, 2012. С. 23—31.

Трахо Р. Черкесы. Мюнхен: Richard Stadelmeier, 1956. 144 с.

Трахо Р. Черкесы. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1992. 160 с.

Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. 342 с.

Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.

Тунманн [*И.*] Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.

Туранли Ф. Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI — перша чверть XVIII століття). К.: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. 606 с.

Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 72—87.

Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. 120 с., XXX.

Українська радянська енциклопедія. Т. 16. К.: Голов. ред. УРЕ, 1964. 632 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1966. 276 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1973. 181 с.

Флоря Б.Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники истор. мысли, 2001. С. 108—148.

Фоменко В.А. Адыги в верховьях реки Кубань в XIV—XVIII вв. (по данным археологии) // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2012. С. 123—133.

Фоменко В.А. Древняя история адыгов и археологические памятники // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16—20 октября 2013 г.). Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 173—181.

Франчук В.Ю. Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза: XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Москва, 15—17 апреля 2015 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2015. С. 288—293.

Халанский М.Г. Великорусские былины киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1855. 235 с.

Хвольсон Д.А. (пер.) Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 199 с.

Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1977. 251 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 33).

Хотко С.Х. Опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время (VIII—X вв.) // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик 16—20 октября 2013 г.). Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т гуманитарн. исследований, 2014. С. 181—189.

Худуд ал-'Алем: рукопись Туманского / с введением и указателем В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 78 с.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 312—323.

Чапленко В. Адигейські мови — ключ до таємниць нашого субстрату. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1966. 57 с.

Чапленко В. Адигейські мови — ключ до етногенези слов'ян та інших народів // Молода Україна. Лютий 1969. Ч. 165.

Чапленко В. Ще раз про походження назви «гуцул» // Молода Україна. Квітень 1977. Ч. 255.

Чапленко В. Походження назви «гуцул» [Електронний ресурс] // Путильщина — смарагд Карпат. Режим доступу: http://www.putyla.org.ua/2008/05/15/pokhodzhennja-nazvi-gucul.html (дата звернення: 20.06.2016). Назва з екрану.

Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII—XIV ст.). К.: Ін-т історії України, 2014. 387 с.

Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирыстон, 1970. 223 с.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI — начале XII вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 155—158.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета: серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 20—37.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытки христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16—18 апреля 2014 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2014.

Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань — между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Москва, 17—20 апреля 2018 г.: материалы конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2018. С. 337—342.

Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: П—I. М.: Наука, 1977. 224 с.

Шахназарян Н. Адыги Краснодарского края. Краснодар: Юж. регион. ресурс. центр, 2008. 39 с.

Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. 171 с.

Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. К.: в Университетской тип., 1851. 724 с.

Шмит Ф.І. Мистецтво старої Русі-України. Харків: Союз, 1919. 99 с.

Шнилерман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52—68.

Шрамко Б.А. Погребение VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983. С. 48—50.

Шумко М. Домашний быт крестьян Павлоградского уезда Екатеринославской губернии // Архив Русского географического общества. Разр. 13. Оп. I. № 2.

Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. Харьков: Сага, 2010. 378 с.

Эвлия Челеби. Описание Северного Кавказа (извлечения из «Сейяхат-наме»). М.: Таус, 2011. 112 с.

Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 2. К.: Наук. думка, 1990. 560 с.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 260 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 17).

Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // Советская археология. Т. 21. М., 1954. С. 148—163.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник: 1927. Т. 25. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 53—76.

Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Известия АН СССР: серия истории и философии. 1946. Т. 3, № 5. С. 461—472.

Яценко А.И. Топонимика Курской области. Курск: [б. и.], 1958. 76 с.

Aboulféda. Géographie: Texte Arabe. Paris: Impr. Royale, 1840. 529 p.

Boor C. de. Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 12. Leipzig, 1891. S. 303—322, 519—534.

Bowersock G.W., Jones C.P. A New Inscription from Panticapaeum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 156. Bonn, 2006. S. 117—128.

Dickens M. Nestorian Christianity in Central Asia. 2001. [Electronic resource]. URL: http://www.oxuscom.com/Nestorian_Christianity_in_CA.pdf.

Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton: Princeton Univesity Press, 1954. 293 p.

Golden P.B. Khazar studies: 2 vols. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. 291 p.

Minorsky V. Shafar al-Zaman Tahir Marvazi: on China, the Turks and India. London, 1942.

Moszyński K. Pierwotny zasiąg języka prasłowańskiego. Wrocław; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd. PAN, 1957. 267 s.

Olrik A.R. Ragnarök: Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin; Leipzig: Walter De Gruyter & Co, 1922. 484 S.

Plewczyński M. Armia Koronna 1506—1572: zagadnienia struktury narodowościowej. Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny, 1991. 218 s.

Plewczyński M. Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiełonów. Warszawa: Bellona, 1995. 165 s.

Pritsak O. The Polovcians and Rus' // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. P. 321—380.

Ravennatis Anonymi Cosmographia et Gvidonis Geographica / ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini: in aedibus Friderici Nicolai, 1860. 222 p.

Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. 1: Die Ostgermanen. München: C.H. Beck, 1934. 647 S.

Vernadsky G. A History of Russia. Vol. 1: Ancient Russia. New Haven: Yale University Press, 1943. XIV, 425 p.

Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 1 / przeł. Tadeusz Lewicki. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1956. 384 s.

SUMMARY

O.B. BUBENOK

THE ADYGHES IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION

INTRODUCTION

The issue of migrations of the Adygho-phone population from the Caucasus to the Northern Black Sea region has not been sufficiently studied yet. Both objective and subjective reasons prevented from this till recently, and among them — a skeptical attitude towards the problem. Thus, some scholars do not believe that the Circassians could have some influence on the development of the population of Ukraine in the past, considering that they were a small nation. However, it is known that the Circassians were a large nation before the Caucasian War in the 18th — 19th centuries. In addition, the Northern Black Sea region and the North-Western Caucasus are neighbouring territories. Besides, some amateur historians write about allegedly "significant contribution of the Circassians to the development of the Ukrainians". Such approaches prevent to assess objectively the situation that existed in the past.

Many scholars were interested in the research of migrations of the Adygho-phone population to Ukraine. Among them were V. Tatischev, I. Boltin, A. Shafonskiy, A. Rigelman, L. Lopatinskiy, N. Marr, V. Chaplenko, L. Lavrov, J. Kokov, N. Shafiev, V. Kobychev, V. Gorlenko, Ya. Dashkevich, K. Tischenko, and others. Nevertheless, no monograph on the Adyghian-Ukrainian relations in the Ancient and Medieval times has been published. Therefore, the main purpose of this study is to establish not only the fact of migrations of the Adygho-phone population to the territory of Ukraine, but also the period of these processes. The research has an interdisciplinary character. It is based on various sources: written texts in Oriental and Western languages, archaeological data, data of ethnographic, folklore and linguistic studies, geographical maps, etc.

CHAPTER I

"ANCIENT CAUCASIAN SUBSTRATE IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION"

Some researchers supposed a long time ago that a number of Ukrainian rivers could bear names of Caucasian origin. The Soviet academician N. Marr was one of the first scholars who put forward this view. It supported his "Japhetic theory" very convincingly. However, some time later his theory was refuted and, as a result, for a long time it was impossible for the Soviet researchers to mention the issue of the Ancient Caucasian substrate in the Northern Black Sea region. Only since the 1960s the Ukrainian and Russian scholars began to write about it again. They could trace an obvious Caucasian influence in some river names in the Ukrainian steppe and forest-steppe. Among them are ***Pslo***, ***Unava***, ***Vorskla***, ***Suba***, ***Tomakovka***, etc. The medieval written sources did not record a presence of large massive Caucasian population in the Northern Black Sea region. Therefore, these river names could probably originate in ancient times.

Besides, in this chapter special attention is focused on the origin of the suffixes ***-ko*** and ***-enko*** that form an inalienable part of many patronymic Ukrainian family names. The author of this book shares the opinion that the suffix ***-enko*** originates from the suffix ***-ko***, meaning "son". However, we do not support the idea that the patronymic suffix ***-ko*** originates from the Slavic diminutive suffixes ***-ko*** or ***-ka***. A hypothesis about the North Caucasian origin of ***-ko*** in the Ukrainian family names seems more reasonable, because in the Circassian language the suffix ***-ko*** acts not only as a derivational affix, but also it has preserved its independent value: the word ***-ko*** means "son". However, we can not accept the hypothesis that this borrowing reached the territory of Ukraine in the late Middle Ages, because the written sources of that period did not record any massive migration of the Circassians to the Ukrainian Dnieper basin. Therefore, the hypothesis about the suffix ***-ko*** as a trace of ancient Adygh-Caucasian substrate is more attractive; this is supported by the toponymic data of the Left-bank Ukraine.

According to the archaeological data, in the Copper and Bronze Ages the intensive cultural connections existed between the population of the Northern Black Sea region and the Caucasus. Still it is not known who were the original inhabitants of the Northern Black Sea region: on one hand, it could be the native Caucasian-languages speaking population assimilated by the Indo-European newcomers; on the other hand, the Caucasian people could migrate periodically into the Northern Black Sea region where they were integrated into the Indo-European population.

CHAPTER II

"THE ZIKHES AND THEIR NEIGHBOURS DURING THE MIGRATION PERIOD (3RD – 7TH CENTURIES AD)"

In the Ossetian and Circassian folklore there existed a widespread legend about the fight of ancestors of some Caucasian people against the Goths. Besides, in such stories the Circassians named themselves the "Antes". Thus, this plot of the Circassian epos and the legend about the struggle of Venitharius' Ostrogothes against Boz's Antes from the writing by Iordanis "Getica" are similar. We have large chances to explain it as a presence of the Goths-Tetraxits in the North-Western Caucasus in the 6th century AD. This story could get from them to the ancestors of Circassians. However, one ponderable refutation is for this supposition. In the folklore of the Adyghes there is a story about the Avar khan Baikan. It is similar to the story that was told by the Byzantine historian Menandris in the second half of the 6th century AD. Thus, a common source can be found for both variants — the Byzantine historical tradition. As it is known, the ancestors of the Circassians and the Ossetians were already under the influence of Byzantine culture since early Middle Ages.

Besides, the ethnonyms "Sogdians" / "Sugds" are found in some medieval hagiographic texts dedicated to the life and activity of Saint Apostle Andrew in the Eastern Black Sea region. Foremost, these are the works by Pseudo-Sophronius (after the 4th century AD) and Epiphanius the Monk (the late 8th — early 9th centuries AD). The translator and researcher of these hagiographic texts V. Vasilievskiy considered that the mentioned ethnic names were the fiction. A. Gadlo believed that the bearers of the ethnonyms "Sogdians" / "Sugds" were of Adyghian origin and presumably founded Sudak city in Crimea in the 8th century AD. These hypotheses were not argued. It is known from the written sources that Sudak settlement was founded by the Alans in the 3rd century AD. Therefore, we can consider that the "Sogdians" of Pseudo-Sophronius and the "Sugds" of Epiphanius the Monk mentioned as inhabitants of the Western Caucasus were the Iranophone Sogdian merchants from Central Asia. Based on the archaeological data, A. Ierusalimskaya proved that in the Early Medieval period the Northern branch of the Great Silk Road passed through the Northern and Western Caucasus. As a result, many Sogdian merchants moved with their silk from Sogd to the Eastern Black Sea coast, where the Byzantine borders started.

Thus, it is very problematic to talk about migrations of the Adyghophone population from the North-Western Caucasus to the Northern Black Sea region during the Migration Period in 3rd — 7th centuries AD.

CHAPTER III

"THE KASOGS AND ZIKHES ON THE BORDERS OF THE KHAZAR KHAGANATE (8TH — 10TH CENTURIES AD)"

The author of this book supports the opinion of those researchers who connect the ethnic name ***Kasogs*** with the mixed Turkic-Adyghian population of the North-Western Caucasus. It is quite possible that this term originally was an endonym of the nomadic population, probably of Turkic origin, which was settled by the Khazar administration into the Adyghian environment within the framework of stabilizing measures on the South-Western border of the Khazar Khaganate in the 8th — 10th centuries AD. In the North-Western Caucasus the cremation burial places like Durso, Borisovo may be connected with these newcomers, while the ingumations into stone boxes — with the local Adyghian population.

Comparative analysis of al-Mas'udi's report on the Kashaks (Kasogs) of the North-Western Caucasus as the ***Mağūsiyya*** with other evidences by the Muslim authors about the ***Mağūs*** of Europe led the author of this book to doubt that the Mages or Zoroastrians could be meant here. On the contrary, according to our observations, the Muslim authors in their description of the peoples of Europe, including the Northern Caucasus, used the terms ***Mağūs*** and ***Mağūsiyya*** to refer to those Pagans or Fire-Worshippers who used to burn their dead. This is confirmed by archaeological data, according to which during the period of the Khazar Khaganate existence in the lands of the North-Eastern Black Sea region there was spread a practice of cremations with the inhumation burials, *i. e.* in the territories where the written sources began to record the Kasogs' presence since the first half of the 9th century AD.

At the same time, the population related to the bearers of cremation ceremony lived on the North-Western border of the Khazar Khaganate, and one of the tribes of the aborigines of the North-Western Caucasus was moved to the mouth of Don. As a result, at the time of the Khazar Khaganate the Turks-newcomers could spread the ethnic name ***Kasogs*** (***Kas-***) on the Adyghian tribes dependent on them.

CHAPTER IV

"THE KASOGS IN THE LANDS OF THE SOUTHERN RUS' (THE END OF THE 10TH – 12TH CENTURIES AD)"

We can accept the information of some chronicles according to which after the military campaign of 965 AD Prince Svyatoslav could settle a part of the defeated Jases and Kasogs in Kiev. A new period of the Kasogs' migrations to the Southern Rus' was connected with the Rus'ian Tmutarakan' principality.

The author of this book does not share the idea that the Rus'ian people could take Tmutarakan' in the 9th — the first half of the 10th century AD. More trustworthy assumption is that Taman' peninsula was taken by Vladimir before the end of 988 AD. However, no written source is available to confirm that it happened during the Korsun' campaign. Therefore, the data of "The Tale of Bygone Years" about the military raid of Vladimir against the Bulgarians in 985 AD, as well as the information of Jacob Mnikh about the Vladimir's invasion of "the Silver Bulgarians" lands and the Khazars are very interesting. Comparative analysis of the data of these two texts allowed us to reach a conclusion that the same event is mentioned — the military raid of Vladimir to the Eastern coast of Azov Sea and Taman' peninsula, but not to the Volga Bulgaria. We have arguments to consider that the term "Silver Bulgarians" was an exonym used by the Eastern Slavs and it meant "the Rich Bulgarians". Therefore, one can believe that the term "Silver" used by Jacob Mnikh named exactly the Azov Sea Bulgarians.

In 1023 AD the Tmutarakan' prince Mstislav moved the Kasogs to the lands of the Chernigov principality. They helped him to fight against his brother, the Kievan prince Yaroslav. The Old Rus'ian chronicles report about it in details. After this war the Kasogs remained in the Chernigov principality territory, and that is confirmed by the local geographical names. There exists some linguistic evidence that the Kasogs were settled on the territory of the Pereyaslavl principality as well.

Besides, it is known that in the late 10th century AD and some periods of the 11th century AD the Kievan princes established their direct control over Tmutarakan'. Probably, it was one of the Kasog migrants from Tmutarakan' who left graffiti on the wall of St. Sophia Cathedral in Kiev. We can see also the word *unein* in "The Instruction for Children" by Vladimir Monomakh. He could have taken it from the Kasogs before his reign in Kiev. Thus, the migrations of the Kasogs to Kiev were individual and therefore they were assimilated by the Slavs rapidly.

CHAPTER V

"MIGRATIONS OF THE CIRCASSIANS TO THE DNIEPER BASIN DURING THE GOLDEN HORDE AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (THE 13TH — THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY AD)"

The origin of the name of Cherkassy city, located on the right bank of the Dnieper river, has always been of interest for the historians. It has been established that the form of this toponym corresponds to the ethnic name ***Circassians*** widespread in the Northern Caucasus. The legends that were popular in the historical literature of the 16th — 18th centuries AD provided the following information: 1) the ethnic name ***Cherkass*** appeared in the Middle Dnieper basin as early as the 12th century AD and was related to the Black Klobuks; 2) the Cherkassy fortress was founded at the beginning of the 14th century AD by the Lithuanian prince Gediminas who had moved from the Caucasus some Adyghes-Circassians, and the fortress was named after them; 3) the Cherkassy fortress was founded in the 13th — 14th centuries AD by the refugees-"Circassians" who had migrated to the Middle Dnieper basin from the Kursk principality and originated from the Five Mountains area in the Northern Caucasus.

In spite of the fact that all these legends had ideological basis, nevertheless one should not deny a possibility of such migrations of the Adyghes. The archeological data and the information provided by Grigorius Pakhimer (13th — 14th centuries AD) allow to consider that in the second half of the 13th century AD the Golden Horde ruler Nogay could transmigrate the Adyghes from the Northern Caucasus and settle them in the Middle Dnieper basin. As a result of this migration, initially Cherkassy settlement could be founded there; in the 14th century AD its name was passed to the Lithuanian town that emerged at the same place.

CHAPTER VI

"UKRAINIAN-CIRCASSIAN TIES DURING THE ERA OF THE MOSCOW TSARDOM AND THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH (MIDDLE OF THE 16TH — 17TH CENTURIES AD)"

The relations between the Ukrainians and Circassians were intensive in the 16th — 17th centuries AD. For example, the Ukrainian aristocrat Dmitriy Vishnevetskiy was in the service of the Moscow Tsar Ivan IV in the middle of the 16th century AD. According to the instructions of the Moscow Tsar, Dmitriy fought against the Turks and Crimean Tatars

together with the Kabardians and the Circassians from the Zhane tribe. Some time later Dmitriy came back to the Polish-Lithuanian king. Maybe, some Circassians left with him for Poland. Their way passed through the territory of Ukraine and they could stay there.

By the Moscow tsars' orders, in the end of the 17th century AD the Kabardian prince Kaspulat Mutsalovich Chircaskiy executed six military raids against the Ottoman Turks and Crimean Tatars to the Ukrainian lands: 1) on September, 1675 — through the Zaporozhian Sich to Crimea; 2) on March-September, 1676 — for the protection of Kiev; 3) on July — August, 1678 — through Chuguev fortress to the Dnieper river for the protection of Chigirin fortress; 4) on April-August, 1679 — for the protection of lands near Chuguev and Kharkov fortresses against the Crimean Tatars' attacks; 5) on November-December, 1679 — for the protection of fords on Dnieper near Kiev; 6) on March-August, 1680 — for the protection of Kiev. The 2nd — 6th raids took place during the Russo-Turkish war of 1676—1681. Not all these campaigns were successful, but one should not ignore that at those hard times the Circassians with their leader, the Kabardian prince Kaspulat Mutsalovich Chircaskiy, helped the Ukrainians substantially. This chapter not only presents unknown pages from the history of Ukraine, but it also suggests a new look at the character of relationships between Kabarda and the Moscow state in the 16th — 17th centuries AD.

CHAPTER VII

"HISTORICAL PARALLELS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE POPULATION OF UKRAINE AND THE NORTH-WESTERN CAUCASUS"

The neighbourhood between the North-Western Caucasus and the Dnieper basin has always been a reason for the researchers to discuss the issue of possible contacts between the population of these regions in the past. In the special literature the possibility of such connections at the Ancient and Medieval times was discussed. Usually, these hypotheses were based not only on the linguistic analysis of certain rivers' names, but also on the evidences from some medieval written sources. However, the data of folklore and ethnography has not been involved. Many folklore stories of the Southern Rus' emerged under the influence of the Kasogs during the Tmutarakan' Principality existence. Besides, the comparative analysis of material cultures of the Ukrainian population of the Dnieper

basin and the Adyghes of the North-Western Caucasus allows to raise the question of certain influence of the Adyghes on the traditions of the Ukrainians only at the late medieval times.

CONCLUSION

The research conducted gave answers to many questions on the topic discussed. But still there exist new issues that need to be clarified.

E.g., already in the earliest period the contacts between the population of the Northern Black Sea region and the Northern Caucasus existed. The data of some geographic names in Ukraine and some linguistic evidences from the Ukrainian language allow us to make such a conclusion. Unfortunately, it is not known in what directions these interactions took place.

It is very problematic to accept the idea about migrations of the Adygo-phone population from the North-Western Caucasus to the Northern Black Sea region during the Migration Period of the 3rd — 7th centuries AD. However, one should not exclude such a possibility, in spite of a limited number of sources.

Nevertheless, such relocations took place during the period of the Khazar Khaganate. The bearers of cremation ceremony lived on the Western borders of the Khazar Khaganate, and one of the tribes of the aborigines of the North-Western Caucasus was transmigrated to the mouth of Don. Thus, the Turko-phone newcomers could spread the ethnic name ***Kasogs*** (***Kas-***) on the Adyghian tribes dependent on them. But the character of the Adyghian-Turkic relations at those times remains unclear.

A new period began in the Old Rus'ian times. So, we suppose that in 965 AD the Kievan Prince Svyatoslav could settle a part of the defeated Jases and Kasogs in Kiev. The new period of the Kasogs' migrations to the Southern Rus' was connected with the Rus'ian Tmutarakan' principality. It is possible that Taman' peninsula was taken by Vladimir in 988 AD. It is known that at the end of the 10th century AD and some periods of the 11th century AD the Kievan and Chernigov princes established their direct control over Tmutarakan'. As a result, the Adygho-phone Kasogs migrated from the North-Western Caucasus to the territories of Kievan, Chernigov and Pereyaslavl principalities. However, the Old Rus'ian chronicles did not mention the Kasogs in the Kiev and Pereyaslavl lands. Therefore, it is the task of future researchers to find new evidences of the presence of the Kasogs there.

According to the data of some written sources and archeology, we can believe that during the Mongol expansion in the 13th — 14th centuries AD the Adyghes could move to the Middle and Lower Dnieper. The evidence of it is the name of Cherkassy city located there. However, the legends of Russian and Lithuanian historians about its origin are the fiction, because they carry an ideological context. In spite of it, the archaeological data and information provided by Grigorius Pakhimer allow to consider that in the second half of the 13th century AD this migration took place. Still there is a lack of evidence for it.

The relations between the Ukrainians and Circassians were more intensive in the 16th — 17th centuries AD. We can mention the names of the leaders who contributed to their development: the Ukrainian aristocrat Dmitriy Vishnnevetskiy, the Kabardian prince Kaspulat Mutsalovich Chircaskiy, etc. At the same time, the following issues remain unclear: resettlement of the Circassians to the Ukrainian lands after Dmitry Vishnevetsky time; staying of the Circassians in the service of the Polish-Lithuanian rulers; participation of the Circassians in the Liberation War of the Ukrainian people against Poland in 1648—1654, etc. These will be the topics for future researches.

Many folklore stories of the Southern Rus' emerged under the influence of the Kasogs during the Tmutarakan' Principality time. The material cultures of the Ukrainians of the Dnieper basin was influenced by the Circassians only at the late medieval times. Of course, the researchers will be able to identify more ethnographic parallels of this kind in the future.

Besides, the problem of migrations of the Circassians to the Crimean peninsula deserves special attention, and in the future it may become the basis for a separate monographic or dissertational research.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*Б.Х. Бгажноков*)
3

ВВЕДЕНИЕ
13

Глава первая
ДРЕВНИЙ КАВКАЗСКИЙ СУБСТРАТ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
33

Глава вторая
ЗИХИ И ИХ СОСЕДИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
(III—VII вв.)
62

Глава третья
КАСОГИ И ЗИХИ НА ГРАНИЦАХ
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА (VIII—X вв.)
97

Глава четвёртая
КАСОГИ НА ЗЕМЛЯХ ЮЖНОЙ РУСИ (конец X — XII вв.)
158

Глава пятая
МИГРАЦИИ АДЫГОВ В ПОДНЕПРОВЬЕ
ВО ВРЕМЕНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
(XIII — первая половина XVI вв.)
201

Глава шестая

УКРАИНСКО-ЧЕРКЕССКИЕ СВЯЗИ
В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
(середина XVI — XVII вв.)

246

Глава седьмая

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

288

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

312

ПРИМЕЧАНИЯ

319

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

379

SUMMARY

405

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СХОДОЗНАВСТВА імені А.Ю. КРИМСЬКОГО

БУБЕНОК Олег Борисович

АДИГИ
У ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'Ї

Російською мовою

Київ, Науково-виробниче підприємство
«Видавництво "Наукова думка" НАН України», 2019

Оформлення художника *О.Г. Григора*
Художній редактор *Р.І. Калиш*
Технічний редактор *Т.С. Березяк*
Коректор *О.Є. Челок*
Оператор *В.Г. Каменькович*
Комп'ютерна верстка *О.І. Фуженко*

Підп. до друку 16.05.2019. Формат 60×90/16. Папір офс. № 1.
Гарн. Таймс. Нью Роман. Друк офс. Ум. друк. арк. 26,0.
Ум. фарбо-відб. 26,5. Обл.-вид. арк. 25,0.
Тираж 200 экз. Зам. № ДФ-933

Оригінал-макет виготовлено
у НВП «Видавництво "Наукова думка" НАН України»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2440 від 15.03.2006 р.
01601 Київ 1, вул. Терещенківська, 3

ПП «Видавництво "Фенікс"»
03680 Київ 680, вул. Шутова, 13б
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 271 від 07.12.2000 р.